СЕРИЯ: МЕЖКУЛЬТУРНЫЙ ДИАЛОГ:
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ
Выпуск 2

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ И МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В КРЫМУ

Симферополь
2012

УДК 323.1+2-67](477.75)
ББК 86.2(2Укр-4Крм)

Э916

Крымское отделение Института востоковедения им. А. Е. Крымского Национальной академии наук Украины

Серия «Межкультурный диалог: история и современность»

УДК 930.85(111)+[316.48:342.7]::[37.035:172]

Издается при поддержке ВАОО «Альраид»

Редколлегия серии:

Айбабин А. И., д. и. н. (гл. ред.)
Араджиони М. А., к. и. н.
Бубенок О. Б., д. и. н.,
Ганкевич Ю. В., д. и. н.
Гуренко-Вайцман М. Н., д. юр. н.
Ивакин Г. Ю., д. и. н.,
член-корр. НАН Украины
Коноплев В. В., д. юр. н.
Крестовская Н. Н., д. юр. н.
Матвеева Л. В., д. и. н.
Смирнов О. К., к. ф. н.
Татенко В. А., д. п. н.,
член-корр. АПН Украины
Тур В. Г., к. и. н.

Состав редколлегии утвержден Ученым советом Крымского отделения Института востоковедения им. А. Е. Крымского НАН Украины (протокол № 2 от 22.03.2011)

Рекомендовано к изданию Ученым советом Крымского отделения Института востоковедения им. А. Е. Крымского НАН Украины (протокол № 5 от 18.09.2012)

За точность изложенных фактов, цитат и ссылок несут ответственность авторы. Редколлегия может не разделять точку зрения и позицию автора статьи. Некоторые статьи, представленные в сборнике, публикуются для обсуждения и развития научной дискуссии.

Э916 Этнокультурные и межконфессиональные отношения в Крыму: сб. науч. тр. / ред.-сост. В. Г. Тур / Крымское отделение Института востоковедения им. А. Е. Крымского Национальной академии наук Украины. – Симферополь : Антиква, 2012. – 240 с. – (Межкультурный диалог : история и современность; вып. 2).

ISBN 978–617–562–014–4

В сборнике представлены статьи, посвященные историческому и современному опыту формирования толерантных отношений в области межэтнических и межконфессиональных отношений в Крыму, анализу деятельности государственных учреждений и общественных организаций в данном направлении. Отдельные работы касаются международного опыта разрешения конфликтов в этноконфессиональной сфере.

УДК 323.1+2-67](477.75)
ББК 86.2(2Укр-4Крм)

Е916 Етнокультурні і міжконфесійні відносини в Криму: зб. наук. праць / ред.-укл. В. Г. Тур / Кримське відділення Інституту сходознавства ім. А. Ю. Кримського Національної академії наук України. – Сімферополь : Антіква, 2012. – 240 с. – (Міжкультурний діалог : історія і сучасність; вип. 2).

ISBN 978–617–562–014–4

Статті збірки присвячені історичному і сучасному досвіду формування толерантних відносин в галузі міжетнічних і міжконфесійних відносин в Криму, аналізу діяльності державних установ і суспільних організацій в даному напрямі. В окремих роботах автори торкаються міжнародного досвіду врегулювання конфліктів в етноконфесійній сфері.

УДК 323.1+2-67](477.75)
ББК 86.2(2Укр-4Крм)

© КОИВ НАН Украины, серия, 2012
© Авторы статей, 2011
© Издательство «Антиква», макет, 2012

ISBN 978–617–562–014–4

ДИАЛОГИЧЕСКИЕ УНИВЕРСАЛИИ ГАРМОНИЗАЦИИ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Галина Александровна Дружинина,
кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики
Таврического национального университета им. В. И. Вернадского

Игорь Григорьевич Выбрик,
доцент кафедры экономики и управления образования Крымского
республиканского института последипломного педагогического образования

Аннотация. В качестве диалогических универсалий, т. е. принципов эффективного диалогического взаимодействия субъектов межэтнических отношений рассматриваются: уважение к партнеру; его принятие таким, каков он есть, в сочетании с ориентацией на его наивысшие достижения, на открывающуюся перед ним перспективу; уважение к самому себе; толерантность; движение к общей с партнерами цели; возможно более полное использование потенциала культуры.
Ключевые слова: толерантность, межэтнические отношения, культура.

Анотація. У статті розглядаються діалогічні універсалії як принципи ефективної діалогічної взаємодії суб'єктів міжетнічних відносин: повага до партнера; прийняття його таким, яким він є, водночас з орієнтацією на його найвищі досягнення, на перспективу, що відкривається перед ним; повага до самого себе; толерантність; прямування до спільної з партнерами мети; можливо більш повне використання потенціалу культури.
Ключові слова: толерантність, міжетнічні відносини, культура.

Abstract. The author considers such dialogical universalia (principles of effective dialogical interaction of agents – both individual and collective – of social relations): respect to a partner; admitting a partner (such as he/she is) together with the orientation at his/her highest achievements and prospects; respect to him/herself; tolerance; movement to the goal which is common to all partners; the using, as full as possible, of the culture potential.
Keywords: tolerance, megetnicheskie relations, culture.

Современное мировое сообщество составляют более двухсот стран и около двух тысяч наций и народов, живущих своей нетривиальной жизнью, обладающих особым мировоззрением, верой, культурой.

Как сложное многоуровневое образование, характеризующее каждый народ и отличающее его от других сообществ, этничность включает: 1) осознание принадлежности к конкретному этносу, принятие его интересов; 2) представления и знания о культуре, языке, территории своего и других народов. Субъективированной формой проявления этничности является этническая идентичность – системная совокупность чувств, знаний и мировоззренческих

установок по отношению к той или иной этнической группе, т. е. отнесение человеком себя к данному сообществу. Тенденции развития этнической идентичности в современных условиях достаточно противоречивы: с одной стороны, идет процесс активного возрождения массового этнического самосознания народов, с другой – усиление этноцентризма в идеологии политических и культурных элит в регионах. При неблагоприятных обстоятельствах этническое возрождение легко становится своей противоположностью – утверждением националистических взглядов, сопровождающихся проявлениями нетерпимости и агрессии по отношению к другим народам. Поэтому воспитание и образование людей призваны ослабить или совсем исключить их этноцентристские тенденции, сформировать патриотические чувства к малой и большой родине, родному и государственному языкам, толерантную позицию в условиях полиэтнического и поликонфессионального социума.

Сегодня деструктурированная социальная среда, катастрофическое падение жизненного уровня в условиях экономического, социального и политического неравенства, расслоение общества на роскошествующее меньшинство и нищенствующее большинство затрудняют восстановление патриотических традиций и добрососедских межэтнических отношений народов, создают почву для внутри- и межнациональных конфликтов.

Понимание собственной культурной неповторимости невозможно без изучения исторического пути развития других народов, их культур. Обращение к иной культуре открывает новые грани своей. Важность закона «амбивалентности» культуры (М. М. Бахтин) подчеркивает и В. С. Библер: «Каждая культура есть некий «двуликий Янус». Ее лицо столь же напряженно обращено к иной культуре, к своему бытию в иных мирах, сколь и внутрь себя, вглубь себя, в стремлении измерить и дополнить свое бытие» [2, с. 226]. Через диалог осуществляется постоянные взаимообогащение двух или нескольких ведущих его субъектов, происходит ориентация разума на идею взаимопонимания. «Культура способна жить и развиваться (как культура) только на грани культур, в одновременности, в диалоге с другими целостными, замкнутыми «на себя» – на выход за свои пределы – культурами» [3, с. 286]. «Культура есть форма диалога и взаимопроникновения культур... форма одновременного бытия и общения людей различных – прошлых, настоящих и будущих – культур [там же, с. 289]. Смысл, содержание диалога культур как со-бытия разных возможностей бытия мира в человеке и человека в мире состоит в диалогическом росте, развертывании возможных разнокультурных смыслов.

Диалог культур должен строиться на их отношении друг к другу как к равноценным субъектам, что подчеркивается в международном документе ЮНЕСКО «Декларация Мехико по политике в области культуры»:

1. Любая культура представляет собой совокупность неповторимых и незаменимых ценностей, поскольку именно через свои традиции и формы выражения каждый народ заявляет о себе миру.

2. Утверждение культурной самобытности способствует освобождению народов, и, наоборот, любая форма господства является отрицанием этой самобытности или угрозой ее существованию.

3. Культурная самобытность представляет собой неоценимое богатство, которое расширяет возможности для всестороннего развития человека, мобилизуя каждый народ и каждую группу, заставляя их черпать силы в своем прошлом, усваивать элементы других культур, совместимых со своим характером, и тем самым продолжать процесс самосозидания.

4. Ни одна культура не может абстрактно претендовать на право быть универсальной, универсальность складывается из опыта всех народов мира, каждый из которых утверждает свою самобытность. Культурная самобытность и культурное разнообразие неразрывно связаны друг с другом.

<...>

9. Все культуры составляют единое целое в общем наследии человека. Культурная самобытность народов обновляется и обогащается в результате контактов с традициями и ценностями других народов. Культура – это диалог, обмен мнениями и опытом, постижение ценностей и традиций других, в изоляции она увядает и погибает [4].

Как видим, диалогичность – это особое качество культуры, стремящейся к цельности, которое обеспечивает механизм ее самосохранения и саморазвития. Она позволяет принять чужие аргументы, чужой опыт, всегда ищет баланса, компромисса. При этом, как отмечает В. С. Библер, «диалог, понимаемый в идее культуры, – это не диалог различных мнений или представлений, это – всегда диалог различных культур...» [3, с. 299].

С каждым годом усиливается тенденция сближения народов и культур, которую стимулируют активизация хозяйственно-экономической деятельности, научно-технический процесс, общая для всех проблема безопасности, социально-гуманитарные факторы, огромные возможности телекоммуникационных и транспортных связей. Вопросы ноосферы, развития цивилизаций, футурологии, экологии, социальной гармонии рассматриваются как общемировые задачи.

Но глобализация несет в себе и стремление стереть этническое и культурное своеобразие народов, привить им чуждые стандарты, усилить формы неоэксплуатации, нивелировать национальные ценности. Противостоять этим тенденциям может национальное образование, созидающее человеческий капитал, интеллектуальный и моральный потенциал каждой страны, синтезирующее универсальные и национальные ценности, общие планетарные и личностные интересы человека, глобализм и этнокультурное начало в цивилизационном развитии.

Основатель Римского клуба А. Печчеи еще в 1977 г. пришел к фундаментальному выводу о том, что разрешение происходящих в мире кризисов возможно лишь на путях современного гуманизма, нравственного самоусовершенствования людей, подъема и одухотворения качеств человека. Он полагал, что

необходима глубокая трансформация внутреннего мира личности, т. е. настоящая человеческая революция. Если раньше понятие развития человека было неотделимо от концепции человеческих потребностей, то теперь акцент следует сделать на самовыражении и полном раскрытии возможностей и способностей человеческой личности [5, с. 198–199]. «Вместо того, чтобы концентрировать все интересы вокруг наших желаний и поисков средств получить желаемое, мы фокусируем внимание на том, что есть мы сами и чем мы можем стать [5, с. 199]. «И только новый гуманизм способен обеспечить в человеке такую трансформацию, поднять его качества и возможности до уровня, соответствующего его новой возросшей ответственности в этом мире» [5, с. 181]. Понимание глобальной взаимозависимости людей, их действий и отношений на планете, ответственности, справедливости, нетерпимости к насилию, духовности как сущностной силы человека лежат в основе современного гуманизма. Утрату человеческого – духовного в человеке – американский профессор Т. Роззак в книге «Голос земли» (2001) рассматривает как настоящую антропологическую катастрофу [6, с. 115]. Выход из нее – в формировании целостного человека, определившего духовно-нравственные траектории общего развития и саморазвития. Именно на аксиологические характеристики личности, отражающие ее культурный идеал, который в любых условиях сохраняет подлинную человечность» (А. Швейцер), опирается гуманистическая педагогика в своих теоретических построениях и технологических разработках. На этих основах должна быть перестроена образовательная система.

Обеспечить сохранение и развитие целостности человека может только образование, ориентированное не на государственно-идеологическую тотальность, не на победу в рыночной конкуренции, а на культуру и духовность молодого поколения, на важнейшие личностные (общечеловеческие) характеристики индивида, связанные с его «способностью занимать определенную позицию» (С. Л. Рубинштейн), «выступать в качестве субъекта собственной жизни и со-бытийности с другими личностями» (В. И. Слободчиков), проявлять «надситуативную активность» (В. А. Петровский), находиться в диалоге с миром (Г. А. Ковалев), реализовывать себя в поступке (М. М. Бахтин).

В. В. Давыдов в книге «Теория развивающего обучения» задавал вопрос: что характеризует личностный уровень индивида? И отвечал: «На наш взгляд, такой чертой в первую очередь можно назвать потребность индивида в активном созидании». Он уточнял, что «личностный уровень обнаруживается прежде всего в творческом отношении к различным формам общественной жизни и уже через это – в творческом созидании и самого себя» [1, с. 54]. Такие личностные феномены, как *избирательность* (потребность и способность человека делать выбор ценностей, поступков, решений), *рефлексивность* (способность к интроспекции, созданию своего образа, к развитию многих «отношенческих» структур, поскольку позиция по отношению к «я» определяет позицию в отношении к другому, к миру в целом, ибо их человек оценивает в соответствии с «собственной ценой»),

ответственность за результат избираемых решений, действий, поступков, *направленность на другого* формируется при переживании человеком ситуаций – событий, влияющих на его ценностно-смысловую сферу.

Культура каждого народа может рассматриваться и быть понята как явление диалогическое. Характер этих диалогов многообразен: диалог читателя, зрителя, слушателя произведения и его творца, диалог во времени (связи культурных явлений различных исторических эпох) и диалог в пространстве разных национальных культур.

Впервые использовал диалог в обучении и воспитании древнегреческий мыслитель Сократ. Дошедшие до нас в изложении Платона диалоги Сократа легли в основу особого искусства и науки – майевтики, которую трактуют как «родовспомогательные действия в сфере разума». В «Меноне» Платона отражен основной принцип сократовской педагогики – самодеятельность ученика и вспомогательная роль учителя, который выступает как «повитуха», помогающая родиться мысли ученика. Через систему вопросов, выстроенную особым образом, Сократ незаметно приводил собеседника в противоречие с его же первоначальным высказыванием и таким образом позволял ему увидеть и понять диалектическую сущность истины. Сократ верил, что каждый его ученик, хотя и своим путем, но способен постичь истину, выявить диалектическую ее сущность и неоднозначность.

Проанализированные В. С. Библером диалоги Галилея коренным образом отличаются от диалогов Сократа, но и в них принцип открытого или скрытого противостояния позиций является формообразующим [8].

Исследуя полифонический роман Ф. М. Достоевского, М. М. Бахтин создал социокультурную концепцию диалога, вскрыв особый способ репрезентации внутреннего мира его героев, который позволяет в контексте сюжета взаимодействовать этим личностным программам, а это и есть диалог. М. М. Бахтин подчеркивает, что только в общении, во взаимодействии человека с человеком раскрывается «человек в человеке» как для других, так и для себя и призывает освободиться от эгоистической доминанты и воспитать в себе «доминанту на собеседника». По мнению М. М. Бахтина, диалог может быть реализован только при наличии диалогических отношений, т. е. несовпадающих смысловых позиций по поводу определенного объекта. Именно на основе этой идеи позже возникло определение диалога как формы субъект-субъектного взаимодействия, при которой различные смысловые позиции развиваются двумя или несколькими говорящими (внешний диалог) или одним говорящим (внутренний диалог). Монолог отличает наличие одной смысловой позиции. Внешний диалог возникает, когда люди обмениваются информацией по поводу значимого для них объекта и на основе этой информации вступают в отношения друг с другом. Тезис М. М. Бахтина «...чужие сознания нельзя созерцать, анализировать, определять как объекты – с ними можно только диалогически общаться» [9, с. 158] определяет самую суть педагогического процесса как диалога двух его сторон.

Исследованиями Л. С. Выготского, В. С. Библера, Г. Я. Буша и других ученых диалог определяется как основа творческого мышления, его системообразующий компонент. Диалогическая стратегия лежит в основании гуманистической парадигмы общественных отношений, в частности межэтнических отношений. Именно через диалог культур конструктивно решаются вопросы сближения и взаимопроникновения культур различных народов ценностями друг друга. Приоритетами, объединяющими различные культуры, выступают общечеловеческие ценности и именно на их основе и возможен диалог. Формированием этих ценностей занимается образование, которое выступает инициатором и активным проводником диалога культур. «Человек образовывается, распредмечивая воплощенные в культуре сущностные человеческие силы и одновременно опредмечивая себя в новых культурных объектах. Именно двуединый процесс опредмечивания – распредмечивания и лежит в основе образования, он раскрывает механизм того, как человек творит культуру, воспроизводя и изменяя ее, а культура творит самого человека», – пишет Г. Б. Корнетов [10, с. 50].

Сравнительный анализ понятий диалога в традициях культур Запада и Востока показывает, что на Западе диалог является способом выражения себя. В этом случае человеку важно уметь спорить, аргументированно и линейно вести собеседника к известной самому себе точке зрения. «Сознание западной культуры сводится в значительной степени к работе смысловых клише, заготовленных, как правило, заранее», – пишет профессор В. В. Горшкова [7, с. 12]. Восточная модель диалога точечна: здесь нет зависимости от причинно-следственных связей, но есть зависимость от постоянно меняющейся ситуации. В основе восточной этики лежит привычка вести себя сообразно меняющимся обстоятельствам, что не является вариантом на все случаи жизни: «Не действуй всегда одинаково, разойдешься с путем» (Х. Юкава).

В. В. Горшкова рассматривает диалог как принципиальное равенство позиций, где нет образования одного другим, нет одностороннего восхождения одного к логике другого. Это подлинный и приоритетно возможный способ самоосуществления человека, поскольку происходит признание ценности другого без уничтожения собственной. Если прежде диалог характеризовали лишь как форму общения, то сегодня речь идет о диалогической стратегии взаимодействия людей, в отличие от авторитарной и манипулятивной стратегий, которые рассматриваются как монологические.

Эффективность диалогической стратегии взаимодействия определяется рядом принципов, которые можно назвать диалогическими универсалиями. Главным из них является принцип уважения к партнеру, к его убеждениям и решениям, к его свободе и достоинству, к его тайнам. В этом плане интерес представляет мнение Б. Матюнина [11], который призывает не абсолютизировать известный принцип К. Д. Ушинского: «чтобы воспитать ребенка во всех отношениях, следует познать его во всех отношениях», а гармонично и тактично объединять знание и незнание о нем. Принимая человека таким, каков он есть,

следует все-таки ориентироваться на его наивысшие достижения (реальные и потенциальные), верить в его возможности и перспективы, открывающиеся перед ним. При этом также следует относиться и к самому себе, уважать себя. «Комплекс Ионы», о котором говорил А. Маслоу, выступает существенной преградой личностного роста у тех, кто боится своих наивысших возможностей и поэтому редко их реализует, как Иона боялся миссии, возложенной на него Богом.

Принцип толерантности как необходимый атрибут диалогического взаимодействия в «Декларации принципов терпимости», принятой ООН в 1995 г., определяется как уважение, принятие и правильное понимание всего многообразия культур, форм самовыражения и проявления человеческой индивидуальности. Это не означает безоглядного принятия человеком мыслей, действий другого человека; каждая идея, поступок принимаются к обсуждению, а не отбрасываются как недопустимые, пока не обоснована их неприемлемость с точки зрения норм, которые признают все участники диалога.

Участников диалога объединяют не только нормы, которых они придерживаются, но и цель, к которой они стремятся, вступая в диалог. Поэтому важно, чтобы каждый момент обсуждения, каждый этап диалога приближал его участников к намеченной цели.

Согласно концепции Ф. Е. Василюка [12] о внутренне сложном и внешне легком жизненном мире, в котором человек осуществляет ценностное самоопределение, руководствуясь описанными диалогическими универсалиями [13], а также о внутренне сложном и внешне тяжелом мире, когда эти универсалии он не всегда имеет возможность реализовать, но как только такая возможность появляется, возникая случайно, а чаще целенаправленно формируется человеком, он снова «принимается за свое».

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Давыдов В. В. Теория развивающего обучения. — М.,1996.

2. Библер В. С. На гранях логики культуры. — М., 2007.

3. Библер В. С. От наукоучения – к логике культуры (два философских введения в XXI век). – М., 1991.

4. Декларация Мехико по политике в области культуры. 1984 г..

5. Печчеи А. Человеческие качества / А. Печчеи. – М. : Прогресс,1985.

6. Roszak T. Voice of the Earth (An Exploration of Ecopsychology) / T. Roszak. – New York, 2001.

7. Горшкова В. В. Диалог в образовании человека. – СПб., 2009. –(Новое в гуманитарных науках).

8. Библер В. С. Мышление как творчество : Введение в логику мысленного диалога. – М., 1977.

9. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. – М., 1980.

10. Корнетов Г. Б. Педагогика. – М., 2003.

11. Матюнин Б. Г. Нетрадиционная педагогика. – М., 1994.

12. Василюк Ф. Е. Психология переживания: Анализ преодоления критических ситуаций. – М., 1984.

13. Балл Г. О. Діалогічні універсалії сучасного гуманізму // Гуманітарні науки. Науково-теоретичний журнал. – 2001. – № 1. – С. 4–11.

ПОЛІТИКА ЦІНОУТВОРЕННЯ В БАХЧИСАРАЇ МІСЬКОГО ГОЛОВИ ІСМАЇЛА ГАСПРИНСЬКОГО

Віктор Юрійович Ганкевич,
доктор історичних наук, професор історичного факультету
Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського

В'ячеслав Миколаєвич Морозов
аспірант історичного факультету Таврійського національного
університету ім. В. І. Вернадського

Аннотация. Работа посвящена вопросам организации работы органов самоуправления в Бахчисарае, возглавляемых Исмаилом Гаспринским, которая направлена на контроль за ценообразованием. Статья основана на исследовании архивных материалов конца XIX в.
Ключевые слова: Бахчисарай, Исмаил Гаспринский, архив, городское самоуправление, услуги, товары.

Анотація. Робота присвячена питанням організації роботи органів самоврядування в м. Бахчисараї, очолюваних Ісмаїлом Гаспрінським, яка була направлена на контроль за ціноутворенням. Стаття заснована на дослідженні архівних матеріалів кінця XIX ст.
Ключові слова: Бахчисарай, Ісмаїл Гаспринський, архів, міське самоврядування, послуги, товари.

Abstract. The article deals with the organization of local government in Bakhchisarai, headed by Ismail Gasprinsky, that was designed to control pricing formation.The article is based on a study of archive materials of late XIX century.
Keywords: Bakhchisaray, Ismail Gasprinsky, archives, city government, services and goods.

Реформування міського господарства було і є нагальною проблемою для розвитку міст в Україні. Складність питань викликає помітний громадський резонанс, який впливає на внутрішню стабільність у державі. Тому дослідження та використання позитивного досвіду минулого може прислужитися не тільки для істориків і краєзнавців, але й для сучасних керівників комунальних господарств. Цим зумовлюється актуальність запропонованої теми викладеного дослідження. Воно стосується внутрішньо міської політики міського голови Бахчисараю відомого кримськотатарського просвітителя Ісмаїла Гаспринського (1851–1914).

В даному разі метою цієї наукової розвідки є розгляд його позиції щодо розвитку міської торгівлі та вплив органів врядування на ціноутворення. До того ж в дослідженні необхідно показати методи контролю за учасниками торгових операцій, а, найголовніше, втілення оригінальних пропозицій І. Гаспринського щодо покращення торгівлі та послуг в Бахчисараї.

Виявлений комплекс документів дозволяє з великою ступінню вірогідності реконструювати принаймні щомісячні коливання цін на продукти харчування, товари першої необхідності та на сферу послуг. Головним джерелом стали документи

Державного архіву при Раді міністрів Автономної Республіки Крим (ф. 64: «Бахчисарайська міська Управа»). У цьому фонді зберігаються цікаві й важливі види поточної документації, які називаються «Відомість про довідкові ціни на провіант, фураж, опалення, освітлення та інші речі, які існують у №№ місяці 18 №№ року по місту Бахчисараю», «Про складення такс на життєві припаси у 18 №№ році», «Про складення такс на життєві припаси по місту Бахчисараю за 18 №№ рік» тощо. (Наприклад, див.: за 1878 р. [4, спр. 10, 16], 1879 р. [4, спр. 68, 73], 1880 р. [4, спр. 115, 130], 1881 р. [4, спр. 162, 165], 1882 р. [4, спр. 194, 199], 1883 р. [4, спр. 247, 255] та 1884 р. [4, спр. 292, 313]). В них відбивалися основні інформативні відомості щодо цінової ситуації в місті, та про вплив міських органів влади на їх виправлення.

Попередні дослідження з різних причин оминали цей важливий і, певною мірою, складний сюжет. Хоча чільні засади розвитку міського господарства Бахчисараю періоду каденції І. Гаспринського в них висвітлювалися в наукових публікаціях В. Гладуна, В. Камілової, О. Каркач [1–3, 5–9] тощо.

Відомо, що питанням місцевого значення, між іншим, є «створення умов для забезпечення населення послугами торгівлі» [11]. Розуміючи це, І. Гаспринський вважав важливою турботою керівництва міста безперебійне постачання продовольства до Бахчисараю. Стали частими випадками, коли «гуртовики» скуповували продукти та інші речі першої необхідності, до яких Управа віднесла усі види хлібобулочних виробів, фрукти, зелень, сіль, вугілля, дрова та встановлювали на них монопольні підвищені ціни. «У огородження інтересів публіки» 15 вересня 1879 року вступило у силу визначення міської Управи за підписом І. Гаспринського, М. Дремджи та Д. Сальникова про те, що, по-перше, в базарні дні – п'ятницю та неділю – з раннього ранку і до 11 години допускалася «тільки роздрібна торгівля сільськими виробами, що привозилися, продаж яких може проводитися як з возів, так і з зазначених місць на базарі» [4, спр. 72, арк. 10]. По-друге, в ті ж таки дні з раннього ранку й до одинадцятої години на базарній вулиці мав вивішуватися прапор після чого купці та гуртові торговці могли докуповувати залишки сільгосппродукції. По-третє, суворо заборонялося торговцям скуповувати товари на шляхах, що вели до Бахчисараю, або у передмістях. Обидві сторони визнавалися винними у такому порушенні. І, нарешті, по четверте, заборонялося будь кому скуповувати возами та мажарами сіль та вугілля до зняття базарного прапору [4, спр. 72, арк. 10 (зв.)]. Цей нормотворчий акт, автором та ініціатором, якого був І. Гаспринський та його однодумці, міське самоврядування, по суті, унебезпечив населення Бахчисараю від катастрофічних переплат і занепаду міської роздрібної торгівлі через шахраїв-гуртовиків та монополістів-перекупників.

І. Гаспринський розумів важливість реалізації контрольної функції місцевого самоврядування в торговельній царині. Для наведення ладу серед купецтва та торговців міста, реалізації відгуку Таврійської казенної палати про проведення генеральної перевірки торгівлі та промислів, очолювана І. Гаспринським бахчисарайська міська Управа 26 квітня 1879 р. визначилася просити бахчисарайське міське поліцейське Управління допомагати торговим депутатам міста (у відповідності із статтею 102 «Статуту про збори на право торгівлі та

промислів») вилучати у порушників відповідні документи [4, спр. 72, арк. 9]. Зі свого боку поліцейське керівництво вважало цілком слушним та необхідним участь співробітників у сприянні та допомозі торговим депутатам міста при виконанні їх обов'язків, а «для дотримання при цьому відповідного порядку може бути призначений поліцейський служитель» [4, спр. 72, арк. 8 (зв.)].

В Бахчисараї існували наступні категорії товарів та послуг, ціни на які контролювалися.

Категорії товарів першої необхідності:

Продовольчі товари:

• м'ясо (яловичина: I, II сорт, волова голова, волова нога, воловий язик; баранина: стара, молода, м'ясо «шпанських» овець, бараняча голова; гуси: «з кишками та без кишок»; сало: свиняче, яловичине, бараняче курдючне);

• хлібобулочні вироби (пшеничний 1-го сорту, пшеничний татарський 1-го та 2-го сортів, круглий 1-го сорту, крупчастий на кшталт французького, печений хліб 2-го сорту);

• бакалія (мука: крупчаста (вищого та середнього гатунку), пшенична, житня; зерно: пшеничне, житнє, ячмінне, вівсяне, просяне, горохове; крупа: гречана, пшенична; олія: соняшникова, конопляна, оливкова («дерев'яна»); чай: китайський «кантонський» та турецький «кяхтинський»; цукор рафінад; сіль кримська; оцет; хміль; жир риб'ячий);

• горілчані вироби (горілка: «трьохпробна» та «полугар»; винний спирт 80°; міцна гостра горілка);

• молоко.

Не продовольчі товари:

• тара: діжки (40-відерні (з залізними обручами та з дерев'яними обручами), діжечки з залізними обручами 1-, 5-, 10-відерні); мішки: (1-четвертні та 0,5-четвертні); вірьовки: пенькові (1,5 та 2 дюйми[1]);

• паливно-освітлювальні: (дрова, вугілля, керосин (американський петролеум та бакинський), свічки сальні, гноти); Фураж: сіно (краще, гірше), солома (житня, ярова); мило; тютюн;

• кам'яно-будівельні матеріали: камінь брукований крупний, камінь бутовий (звичайний та відбірковий), пісок, глина, 40-відерна[2] діжка води, вапно, черепиця місцева, цемент «портландський», кізяк;

• металеві вироби: залізо («полосное», листове російське, кругле чотирьохгранне (1–2 дюйми, 0,1–1 дюйм), сталь, дріт (пічний, покрівельний, скляний), цинк листовий, олово кускове);

• цвяхи: брускові (7-, 6-, 5-дюймові), «круглошляпные» (5 дюймів), «костильковые» (6-, 5-, 4-дюймові), цинкові 0,25 дюйми французькі (крупні, середні, мілкі), «заершенные» (6, 5-вершкові[3]), «троетес, двоетес, однотес»;

[1] Дюйм = 25,400438 мм.

[2] Відро (казенне) = 12,299 л.

[3] Вершок = 44,45 мм.

• замки: висячі (великі, середні, малі), мідні врізні № 1 та № 2;

• прибори: «вьюшка» чавунна з тарілками, мідяний душник № 1, та № 2, № 3 та № 4;

• лісопильні товари: брус сосновий (3 сажені[4] х 6 вершків; 3х5; 3х4,5; 3х4), дошка соснова (чиста (3 сажені х 2,5 дюймів х 6 вершків, 3х2х6; 3х1,5х6; 3х1х6; 3х2х5; 3х1,5х5; 3х1х5), напівчиста (3х2,5х5; 3х2х5; 3х1,5х5)), дранка 3 аршина[5] х 6 дюймів;

• фарби: сажа голландська, свинцевий сурик, вохра очищена світла, «бакан»;

• смола рідка; дьоготь; повсть; полотно селянське; бавовна; віск; нашатир; крохмаль; «Гарпіус»; клей (столярний, шубяний); лак (спиртовий та масляний); шпигинар; купервас, політура.

Категорії послуг:

• транспортні – піший та тяглий день (однокінний та парою волів), перевозка (сухим шляхом та забагнюченою дорогою), 1-кінна підвода з провідником, 2-кінна підвода з провідником, 2-волова підвода з провідником;

• робоча сила: каменотес, слюсар, покрівельні роботи, скляр, столяр, маляр, пічник, черепичник, коваль, цегляр, робота з дереном, чорна робота, плитолом, тинькар, пиляр, тесляр, бруківник, каменяр, молотобоєць

• мірошниківство (помел зерна) [4, спр. 10, 16, 68, 73, 115, 130, 162, 165, 194, 199, 247, 255, 292, 313].

За характером цінових коливань протягом одного року усі товари, які контролювалися Бахчисарайською міською Управою, необхідно поділити на три категорії. По-перше, це продукти та товари, ціни на які не змінювалися протягом всієї каденції І. Гаспринського на посаді міського голови (тобто, з березня 1879 р. по березень 1884 р.). До цієї досить нечисленної категорії треба віднести волові голову – 65 коп./фунт[6], ногу – 40 коп./фунт, язик – 25 коп./фунт; цемент «портландський» – 1 руб. 20 коп./пуд[7], цинк листовий – 8 руб./пуд, дріт покрівельний та скляний – по 25 коп./фунт, а також замки висячі (великий та середній – по 3 і 2 руб./шт. відповідно) та мідні врізні (№ 1 – 4 руб. 50 коп./шт. та № 2 – 4 руб./шт.).

По-друге, товари, ціни на які коливалися у незначному діапазоні, або не регулярно. Як правило, коливання тут проходили протягом двох перших років з моменту приходу І. Гаспринського в міську Управу, тобто в 1878 та 1879 рр. Починаючи з 1880 р. (а в деяких випадках – з 1881 р.) ціни на товари стабілізуються і до початку 1884 р. є вже незмінними. Ця категорія товарів є найбільш численною. До її складу увійшли бараняча голова, гуси, сало; хліб пшеничний круглий, пшеничний татарський І сорту, крупчастий на кшталт французького, печений ІІ ґатунку; крупчаста мука; всі зерногві (окрім проса); пшенична крупа; олія; чай;

[4] Сажень (казенна) = 2,1336 м.

[5] Аршин = 0,7112 м.

[6] Аршин = 0,7112 м.

[7] Аршин = 0,7112 м.

сіль; оцет; хміль; риб'ячий жир; винний спитр 80°, міцна гостра горілка; молоко; вся тара (окрім 40-відерних діжок); паливно-освітлювальні товари; мило; тютюн; кам'яно-будівельні матеріали (окрім черепиці та цементу); металеві вироби; цвяхи; малі висячі замки; прибори; лісопильні матеріали; фарби; смола; дьоготь; повсть; полотно, бавовняна тканина; віск; нашатир; крохмаль; «гарпіус»; клей; лак; шпигинар; купервас, політура.

І, нарешті, по-третє, товари, ціни на які протягом кожного року коливалися в широкому діапазоні. На відміну від товарів другої категорії, тут стабілізація цін так й не наступила. В кінці терміну повноважень І. Гаспринського треба зазначити лише поступове затухання частоти та амплітуди коливань. До такої продукції відносилися яловичина, баранина; пшеничний татарський хліб 2 сорту; пшенична та житня мука; гречка; цукор-рафінад; горілка; 4-відерні діжки; фураж; черепиця місцевого виробництва; кізяк.

Необхідно розглянути коливання цін на певні продукти і товари третьої категорії.

Яловичина 1-го сорту (коп./фунт)

Рік	Ціна			Примітки
	мінімум	максимум	середня	
1	2	3	4	5
1879	10	12	10,35	За цей рік ціни не збереглися за квітень
1880	9	14	11,42	Максимум – у травні; мінімум – з жовтня по грудень
1881	9	11	10,58	Мінімум – у січні; мінімум – з березня по жовтень
1882	11	12	11,45	За цей рік ціни не збереглися за квітень
1883	9	11	10,33	За цей рік ціни збереглися за січень, червень та жовтень

Пшенична мука (руб./пуд)

1	2	3	4	5
1879	1,16	1,65	1,31	За цей рік ціни збереглися за лютий, березень, червень, жовтень та грудень
1880	1,61	1,93	1,89	Мінімум – у січні; максимум – з серпня по грудень
1881	1,53	1,93	1,74	Максимум – з січня по березень; мінімум – у листопаді та грудні
1882	1,53	1,53	1,53	У цьому році не ціни не змінювались
1883	1,47	1,53	1,5	Максимум – з січня по червень; мінімум – з липня по грудень

Солома озима (коп./пуд)

1	2	3	4	5
1879	10	15	13	За цей рік ціни збереглися за лютий – березень, червень, жовтень та грудень
1880	15	20	17,25	Мінімум – з січня по березень; максимум – з жовтня по грудень
1881	10	20	15,25	Максимум – з січня по квітень; мінімум – у серпні
1882	12	15	13,5	Мінімум – з січня по червень; максимум – з липня по грудень
1883	12	15	13,75	Максимум – з січня по липень; мінімум – з серпня по грудень

Стосовно вартості послуг (зокрема робочої сили), то її коливання відрізнялись від змінення цін на продукти і товари та носили яскраво виражений сезонний характер. Встановлена в січні, вона протягом лютого або березня поступово зростала, виходячи на максимальну позначку у червні – липні, а з наступом холодної пори року починала знижуватися.

Розглянемо коливання вартості чорної роботи.

Чорна робота (руб./день)

Рік	Ціна			Примітки
	мінімум	максимум	середня	
1	2	3	4	5
1879	0,7	1,2	0,85	За цей рік ціни збереглися за січень – березень, червень, жовтень та грудень
1880	0,75	1	0,875	Максимум – з червня по вересень і у грудні; мінімум – з жовтня по листопад
1881	0,75	1	0,79	Максимум – з січня по лютий, мінімум – з березень по грудень
1882	0,5	1,25	1,04	Мінімум – у січня та лютому; максимум – з травня по листопад
1883	0,5	1,5	0,98	Мінімум – у лютому та грудні; максимум – з липня по вересень

Очолювані І. Гаспринським бахчисарайські органи самоврядування в середині грудня 1880 р. підтримали його пропозицію побудувати дві пекарні. Метою цієї справи було здешевлення хліба для бідних, який мав продаватися за собівартістю. Кошти мали бути зібрані благочинні та за рахунок позики міських сум [10].

Органи поліцейського нагляду суворо контролювали продовольчий стан у Бахчисараї й терміново попереджали міського голову про спроби організувати

«між собою страйк» різників м'яса [4, спр. 73, арк. 4]. (У той час відомими різниками м'яса були бахчисарайські міщани Халіль Смаїл оглу, Мустафа Муждаба оглу, Ібраїм Асан оглу).

Суворо контролювалося питання про надання права на різницький промисел. Так, наприклад, 30 серпня 1879 року Пінхуса Голдштейна було попереджено про неможливість займатися забоєм худоби та птиці без дозволу Управи, під наглядом господарського члена коробочного збору Євсея Галкіна та необхідність отримати спеціальні умови, які мають бути встановлені між громадою та ним [4, спр. 113, арк. 12].

Зі свого боку міська Управа, спираючись на 755 статтю XIII т. «Статуту про міське господарство» видання 1857 р. щомісяця скликали торговців, які займалися продажем печеного хліба та м'яса. Відповідні копії постанови Управи розповсюджувалися містом, серед торговців та направлялися в Бахчисарайське міське поліцейське Управляння, пану мировому судді 4 дільниці Сімферопольського повіту, пану Керч-Єнікальському градоначальнику, у комітет, запроваджений у Севастополі для встановлення цін та в Таврійське губернське правління [4, спр. 73, арк. 2, 3, 10, 14, 15, 17, 18, 19, 20, 21 тощо].

Інколи виникали кризові ситуації, на які І.Гаспринський та очолювана ним Управа реагували миттєво. Так, наприклад, 10 квітня 1880 р. органами міського самоврядування було усвідомлена існуюча криза в торгівлі м'ясом. Вони розуміли, що встановити примусові ціни не можливо. Мешканці Бахчисараю вже кілька діб залишалися без цього важливого продукту. Міська Управа прийняла наступне рішення: в якості спроби «надати усім бажаючим вільну торгівлю м'ясом в місті із правом продажу привізного м'яса із возів» до 1 травня [4, спр. 115, арк. 17].

Разом із тим І. Гаспринський не підтримував пропозиції про підвищення ціни на м'ясо задля відшкодування збитків торговців. Так, 30 червня 1880 року бахчисарайські міщани Мустафа Муждаба оглу, Джеміль Аджи Амєт оглу, Мустафа Галім оглу, Вєліша Аджи Амєт оглу, Мустафа Мємєт оглу, Темір Кая Сефедін оглу, Селямій Абдурєшит оглу, Кара Курсан, Осман Смаїл оглу, Халіль Топал Смаїл оглу, Сеїт Джеміль Аджи Асан оглу та Сєфєр Кази Умєр оглу звернулися до Бахчисарайської міської Управи із проханням підвищити таксу на баранину на 1 копійку «через великі збитки червня місяця». Власноручною резолюцією І.Гаспринського стало наступне: «оголосити прохачам, що такса дана відповідно існуючим цінам в інших містах і стягнути на прохання [гербову] марку» [4, спр. 115, арк. 26].

Бахчисарайські органи міського самоврядування, які очолювалися І. Гаспринським, залучалися й до контролю за торговими операціями, які знаходилися у віданні Таврійською казенною палатою міністерства фінансів. Вже на початку своєї діяльності на посаді міського голови І. Гаспринський був змушений розбиратися у справі про правомірність торгівлі свічками старости вірмено-григоріанської церкви Мартина Бояджи [4, спр. 23, арк. 13, 15].

Отже, І. Гаспринський та очолювані ним органи міського самоврядування ефективно боролися проти шахрайства в сфері торгівлі і намагалися дотриму-

ватися інтересів мешканців Бахчисараю. Міській спільноті були запропоновані зміни у правилах ведення торгових операцій та ефективні методи контролю за їх дотримуванням. Це суттєво покращило життя пересічних бахчисарайців і налаштувало впливових купців-ретроградів проти молодого та енергійного міського голови І. Гаспринського.

Перспективами подальшого розвитку теми може стати комплексне дослідження розвитку міського господарства у пореформених містах зокрема Таврійської губернії. Це дозволить реально уявити повсякденне життя пересічного міщанина того часу, а, головне, показати позитиви та негативи проведеної урядом імператора Олександра ІІ міської реформи у провінційних регіонах.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Гладун В. О. Адміністративні заходи міського голови І. Гаспринського з питань вирішення міжнаціональних проблем Бахчисарая // Вісник Запорізького юридичного інституту. – 2005. – № 4. – С. 19–26.

2. Гладун В. О. Питання міського управління Бахчисараю на сторінках газети «Терджиман» // Етнонаціональні чинники в історії державно-правового будівництва. Матеріали XII історико-правової конференції (м. Бахчисарай, 10–13 вересня 2004 р.). – Сімферополь : ДіАйПі, 2005. – С. 185–187.

3. Гладун В. О. Формування органів Бахчисарайського міського самоврядування в світлі «Городового положения 1870 р.» // Актуальні проблеми сучасної науки в дослідженням молодих учених. – 2006. – Вип. 9. – С. 222–228.

4. Державний Архів в Автономній Республіці Крим, ф. 64 «Бахчисарайська міська Управа», оп. 1.

5. Камилова В. Д. Невостребованная правовой наукой личность // Современные проблемы публично-правового и частно-правового регулирования: теория и практика: материалы международной научно-практической конференции, посвященной памяти доктора юридических наук, профессора Орданского Марка Семеновича. Пленарное заседание. – Уфа : РИО БашГУ, 2005. – С. 174.

6. Камилова В. Д. Основные этапы жизни и пути развития политико-правовых взглядов Исмаила Гаспринского // Актуальные проблемы теории и истории государства и права на современном этапе: материалы международной научно-практической конференции 17 апреля 2006 г. Ч. II. – Уфа : РИО БашГУ, 2006. – С. 27.

7. Камилова В. Д. Формирование городских органов местного самоуправления в России (на примере города Бахчисарая) в 70-е годы XIX века // Избирательный процесс на региональном уровне: проблемы теории и практики: Сб. научных статей республиканской научно-практической конференции. – Уфа : БАГСУ, 2006. – С. 141.

8. Камилова В. Д. Формирование правовых взглядов И. Гаспринского // Правовая система и вызовы современности: материалы Международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых 5–7 декабря 2005 г. Ч. II. – Уфа : РИО БашГУ, 2006. – С. 132.

9. Каркач Е. В. Исмаил Гаспринский – Бахчисарайский городской голова // Крымский архив. – 2002. – № 8. – С. 7.

10. Таврида. – 1880, 18 декабря. – № 19.

11. Ярмиш О. Н., Серьогін В. О. Державне будівництво та місцеве самоврядування в Україні. – Харків : Вид-во Нац. ун-ту внутр. справ, 2002. – С. 526.

ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ ИНИЦИАТИВА ЧИНОВНИКОВ КАК ФАКТОР В РЕШЕНИИ МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ПРОТИВОРЕЧИЙ: НА ПРИМЕРЕ ЗАКОНОТВОРЧЕСТВА М. С. ВОРОНЦОВА В ОТНОШЕНИИ ВАКУФОВ В КРЫМУ

Денис Валерьевич Конкин,
научный сотрудник Крымского отделения
Института востоковедения НАН Украины

Аннотация. Статья посвящена изучению вакуфного землевладения в Крыму, проблемам генерального межевания земель в начале XIX в. и роли Новороссийского генерал-губернатора М. С. Воронцова в правовом урегулирования вакуфного вопроса.
Ключевые слова: Крым, вакуф, межевание земли, М. С. Воронцов.

Анотація. Стаття присвячена вивченню вакуфного землеволодіння в Криму, проблемам генерального межування земель на початку XIX ст. та ролі Новоросійського генерал-губернатора М. С. Воронцова в правовому врегулюванні вакуфного питання.
Ключові слова: Крим, вакуф, межуваннння землі, М. С. Воронцов.

Abstract. The article studies the waqf land tenure in the Crimea, the problems of the general land survey in the beginning of XIX century. and the role of the Governor-General of Novorossiysk M. S. Vorontsov in a legal settlement of the waqf issue.
Keywords: The Crimea, waqf, land surveying, M. S. Vorontsov.

Новейшая история Украины уже не раз демонстрировала, насколько большое значение для государства в целом имеет способность региональной власти грамотно управлять вверенным ей краем. Для Крыма проблема рационального управления актуальна вдвойне. Несколько веков подряд, являясь фактически периферией тех государственных образований, в состав которых он входил (Российская империя, СССР), Крым тем не менее в силу своего геополитического положения всегда оставался объектом особого отношения к нему со стороны этих государств. Проявлялось это в различного рода проектах (экономических, политических, национальных), внедряемых на территории полуострова центральной властью. Успешность и законченность подобных проектов по преобразованию полуострова часто напрямую были связаны с теми людьми, которые на месте осуществляли руководство задуманными процессами. Все это отчетливо проявилось уже в период существования Крыма в составе Российской империи.

Крым после 1783 г. несколько раз становился объектом управления своеобразных российских «топ-менеджеров». В особенности это относится к пери-

оду с конца XVIII – первой половины XIX в., когда Новороссийским краем по очереди руководили такие яркие исторические персонажи, как Г. А. Потемкин, П. А. Зубов, А.-Э. Д. Ришелье, А. Ф. Ланжерон, М. С. Воронцов. Последний управлял краем дольше всех и, пожалуй, более других был близок к Крыму. Здесь находились его поместья, здесь он построил свой знаменитый дворец, из этих владений был сформирован майорат.

Благодаря своей привязанности к Алупке М. С. Воронцов наведывался в Крым регулярно на протяжении всей своей службы по управлению Новороссийским краем. Ежегодный отдых в Крыму стал одним из условий согласия М. С. Воронцова принять должность Кавказского наместника [1, с. 1]. Естественным образом все такие визиты генерал-губернатор совмещал с рабочими моментами. За время исполнения должности он, в силу своего характера, отлично изучил крымскую специфику, местные проблемы. К моменту назначения Новороссийским генерал-губернатором едва ли не главной из них являлась земельная. Все проекты по урегулированию земельного вопроса в Крыму, предпринимавшиеся государственной властью ранее, приводили лишь к консервации проблемы, но по существу ее не решали. Главный конфликт происходил между новыми собственниками, получившими свои участки путем покупки или же земельных раздач времен Г. А. Потемкина и П. А. Зубова и старыми хозяевами, оспаривающими правомочность новых владельцев. И первые и вторые, как правило, являлись пострадавшими сторонами, поскольку столкновения в сфере недвижимости чаще всего возникали из-за общей неурегулированности экономических отношений в крае, отсутствия четких правил и указов в отношении крымского землевладения, мировоззренческих противоречий конфликтующих сторон.

Важным элементом описанной проблемы стало вакуфное землевладение. Вакуф – в мусульманском праве – акт учреждения благотворительной собственности на правах доверительного управления, в результате которого учредитель вакуфа (вакиф) навечно передавал свою бесспорную собственность (это могло быть как движимое, так и недвижимое имущество) на благочестивые раз и навсегда определенные цели [см.: 2, p. 59; 3, с. 45; 4, с. 390, 391; 5, с. 485, 486]. По мере развития институт вакуфа претерпевал достаточно серьезные изменения. Традиционно можно выделить два главных его вида, которые распространились в мусульманском мире, включая Турцию и Крымское ханство. Это, собственно, вакуф в вышеприведенном смысле (*wakf khayrī*), в российское законодательство вошедший под названием «духовный» [4, с. 391; 5, с. 488]. И *wakf ahlī* – продукт влияния местного права на шариат, суть которого состояла в формальной передаче имущества на благотворительные цели. На самом деле доходы, извлекаемые из такого имущества, почти в полном объеме оставались в роде посвятителя. Но при этом само имущество иммобилизировалось, что обеспечивало сохранение его в целостности и защиту от внешних экспансий [7, p. xiv-xv; 2, p. 59–60]. Таким образом, этот второй вид вакуфа не был даже актом благо-

творительности, а являлся скорее процедурой для гарантированного соблюдения интересов собственника имущества и его наследников. В российских законах он стал называться «частным» вакуфом [4, с. 391; 5, с. 488].

О количестве вакуфных земель в Крымском ханстве говорить сложно. Специальных исследований по этому вопросу не предпринималось. Если рассматривать другие мусульманские государства, то известно, что, например, в Алжире в 1850 г. вакуфы всех видов составляли половину земель, в Тунисе в 1883 г. – треть [7, с. 92]. В наиболее близкой к Крыму Турции вакуфы в XIX в., по оценкам исследователей, насчитывали приблизительно 3/4 всех зданий и пахотных земель [8, p. 90]. Однако данная дробь весьма приблизительна, поскольку «в настоящее время невозможно оценить со сколько-нибудь реальной достоверностью степень вакуфных авуаров в турецких землях» [8, p. 90].

Опираясь на подобную информацию и пользуясь аналогией, некоторые исследователи в XIX в. переносили эти сведения на Крым, утверждая, например, что частные вакуфы составляли «большинство земель Крымского полуострова» [9, с. 15], а духовные вакуфы к моменту присоединения Крыма к России насчитывали «не менее 300 тысяч десятин» [10, с. 41]. Все такие предположения также достаточно условны, поскольку не подкреплены какими-либо документами или расчетами. Характерна в этом отношении оценка количества вакуфных земель в Крымском ханстве, данная известным крымскотатарским общественно-политическим деятелем А. Озенбашлы: «Говорят (выделено авт. – *К. Д.*), что такие земли составляли во времена ханов несколько сот тысяч десятин» [11, с. 151]. Принципиально ничем не отличаются и оценки более поздних исследователей. Например, А. Фишер, ссылаясь на подсчеты барона И. А. фон Игельстрома, говорит о «почти 30 процентах плодородных земель на полуострове», которые попадали в категорию вакуфов [12, p. 77, 78]. Б. Вильямс причислял к ним четверть крымских земель [13, p. 116]. Таким образом, при отсутствии каких-либо дополнительных источников с надлежащей степенью достоверности оценить количество вакуфных земель в Крымском ханстве сложно. Однако в любом случае с уверенностью можно говорить, что к 1783 г. значительный массив земель в Крыму находился в состоянии вакуфа.

В последующем происходит процесс стремительного сокращения их числа. Часть таких земель оказывается заброшенной в связи с массовой миграцией крымскотатарского населения. В больших количествах вакуфы становятся составляющей частных владений. Дело в том, что вакуфные земли обычно представляли собой небольшие участки, лоскутно разбросанные на местности и не имевшие точных границ. Именно поэтому при начале массовых пожалований и продаж крымских земель они в больших количествах оказывались внутри частных владений (так называемая чересполосица), хозяева которых зачастую считали их своей собственностью [14, с. 636–637]. Завещались вакуфы, как правило, в устной форме и специально не вымежевывались. Процедура завещания и определения участка, отданного в вакуф, была весьма формальна

[15, с. 69–72]. Четкие границы вакуфа часто не указывались, что создавало большие проблемы для российской бюрократической машины, особенно в процессе генерального межевания полуострова. В результате всех этих особенностей возникали многочисленные судебные разбирательства между борцами за сохранение или возврат вакуфной земли со стороны крымских татар, интересы которых, как правило, выражали представители мусульманского духовенства, и новыми владельцами земли, внутри участков которых оказывались вакуфы. В рамках действующего российского законодательства данную проблему решить было невозможно, требовались новые законы. Учреждавшиеся землеустроительные комиссии вплотную занимавшиеся в том числе и вакуфным вопросом, также не внесли ясность в судьбу данного вида владений [16].

Впервые термин «вакуф» в законах Российской империи появился в 1827 г. Исследователи XIX в. [17, с. 47; 9, с. 18; 4, с. 391; 5, с. 486] появление данного термина в российском законодательстве приурочивали к «Положению для татар-поселян и владельцев земель в Таврической губернии» [18, № 1417], датируемому 28 сентябрем 1827 г. Однако такое утверждение не является верным. Дело в том, что еще 14 февраля того же года (то есть более чем за полгода до вышеназванного законодательного акта) был высочайше утвержден доклад министра народного просвещения «Об учреждении в Симферополе Училищного Отделения для образования татарских учителей» [19, № 902], в котором упоминаются вакуфы. В указе шла речь о создании при Симферопольской гимназии особого института для подготовки учителей крымским татарам, куда должны были приниматься на казенное содержание дети «преимущественно из татарского Духовенства». Выпускники института в дальнейшем распределялись в татарские училища, «кои содержатся за счет имений, так называемых Вакуфских, принадлежащих мечетям» [19, № 902].

В вышеупомянутом «Положении для татар-поселян...», в п. 33 и 34 зафиксировано уже более развернутое определение вакуфным землям: во-первых, сказано, что это земли, которые «<...> отданы татарами <...> в пользу мечетей и училищ» для того, чтобы извлекаемые из подобного рода имуществ доходы шли на их «поддержание»; а во-вторых, что при наличии «законных документов» вакуфы признаются неприкосновенной собственностью «мечетей и училищ» и находятся под надзором Таврического магометанского духовного правления (далее – ТМДП) [18, № 1417].

Данные пункты «Положения» вскоре были значительно дополнены в высочайше утвержденном мнении Госсовета «О вакуфских в Крыму имениях» от 22 марта 1829 г. [20, № 2761]. Этот закон впервые вводил в российское законодательство понятие «частный вакуф», а также оговаривал условия легитимизации как духовных, так и частных вакуфов и регулировал их правоспособность. В указе закреплялись следующие положения:

- в отношении духовных вакуфов: такие вакуфы являются собственностью духовенства (п. 1), поэтому попечение о них накладывается на муфтия и ТМДП, с ответственностью перед Главным управлением духовных дел иностранного

исповедания (далее – ДДИИ) (п. 2); муфтию под наблюдением Таврического гражданского губернатора необходимо было составить опись вакуфам (п. 3); все завещательные акты в пользу мусульманского духовенства в Крыму необходимо было возобновить в течение трех лет (п. 4), в противном случае они признавались недействительными (п. 5); споры о духовных вакуфах должны рассматриваться «в присутственных местах» под наблюдением местных прокуроров и стряпчих в соответствии с процедурой, предусмотренной в российском законодательстве для казенных имуществ (п. 6); ТМДП обязано вести специальную ведомость для спорных вакуфов (п. 7); наконец, отчеты о состоянии вакуфных владений в Крыму муфтий и ТМДП должны были предоставлять гражданскому губернатору, от которого они поступали в Главное управление ДДИИ (п. 8).

• в отношении частных вакуфов: оставить их в том же состоянии и с теми же правами, какими до этого пользовались их владельцы (п. 1) (т. е. демонстрировалось невмешательство государства в сферу мусульманских традиций); предписывалось составить опись частным вакуфам на том же основании, что и духовным, но описи необходимо было предоставить в Губернское правление, Казенную экспедицию и министру финансов как обязанному иметь сведения о казенных имуществах (п. 2) (т. е. частные вакуфы представлялись правительству казенным имуществом); завещательные акты также необходимо было возобновить в течение трех лет (п. 3), иначе они могли быть признаны недействительными (п. 5); сведения о наследовании частных вакуфов должны были собираться мусульманским духовенством, которое обязывалось информировать «гражданское начальство» о пресечении рода наследователей.

В целом все лица, как духовенство, так и частные, нарушившие данные пункты, предавались суду (2.III) [20, № 2761].

В утвержденном 23 декабря 1831 г. «Положении о Таврическом магометанском духовном правлении и подлежащих ведению его делах» [21, № 5033] закреплялись права мусульманского духовенства в отношении духовных вакуфов. В частности, подтверждались следующие позиции:

а) в ведении ТМДП находятся «принадлежащие мечетям и училищам вакуфы» (п. 59);

б) вакуфы в виде недвижимого имущества и денег являются «главным средством» для содержания мечетей, училищ и духовенства (п. 68);

в) ТМДП имеет особую книгу, в которую записывает каждый вакуф, с указанием, к какой мечети или училищу он относится, какие приносит доходы и для каких целей эти доходы предусмотрены (п. 69).

г) ТМДП среди прочего назначает депутатов к межеванию вакуфных земель (п. 77).

В целом «Духовное Правление печется о сохранении вакуфов в целости по особым для сего установленным правилам» [21, № 5033]. То есть в соответствии со специальными законами о вакуфах, принятыми ранее. В этой связи нельзя согласиться с мнением современных исследователей, которые право

опеки мусульманского духовенства над вакуфным имуществом трактуют как предоставление российским государством крымским мусульманам религиозной и культурной независимости [40, с. 506]. Из рассмотренного выше указа «О вакуфских в Крыму имениях» [20, № 2761] отчетливо видно (п. 2, 3, 6, 8), что в конечном итоге попечение и контроль за состоянием духовных вакуфов в Крыму сосредотачивался в специальном органе, осуществляющем наблюдение за религиозной жизнью всей империи – Главном управлении ДДИИ [см. также: 41, с. 135]. Право же несогласованного распоряжения вакуфным имуществом со стороны ТМДП ограничивалось суммой, не превышающей 300 руб. Продажа нерентабельных, убыточных вакуфов сверх этой суммы находилось под прямым контролем государства (Главного управления ДДИИ, МВД, Сената и даже императора) [42, с. 46–47].

М. С. Воронцов в ходе своей деятельности, как в качестве государственного администратора, так и в роли частного хозяина, неоднократно сталкивался с вакуфными проблемами. Однако в начале своей работы по управлению Новороссией не уделял этому вопросу достаточного внимания. Такой вывод можно сделать, если проанализировать вышеупомянутые указы, где, напомним, впервые легитимировались и регламентировались крымские вакуфы.

Известно, что граф, в силу своей должности и личных качеств, досконально вникал в самые разнообразные проблемы края. Более того, с Новороссийским генерал-губернатором координировались все государственные проекты, касающиеся Юга России. Таким образом, например, поступили в отношении проекта «Положения для татар-поселян...». Данный проект был подготовлен в 1823 г. действовавшим в Санкт-Петербурге «Комитетом для рассмотрения дел, возникших по жалобам от татар, в Таврической губернии обитающих» [22, с. 180], а затем направлен на рецензию М. С. Воронцову. Граф в 1825 г. подробнейшим образом отредактировал документ, внес много принципиальных правок, но пункты о вакуфах оставил без малейших изменений [23, с. 51–54]. В таком виде проект был утвержден царем.

В следующем узловом для вакуфного землевладения указе «О вакуфских в Крыму имениях» [20, № 2761] мы видим, что генерал-губернатор ни разу не упомянут в качестве стороны, задействованной в надзоре и регулировании вакуфов. Данные обязанности в конечном итоге были сосредоточены на Главном управлении ДДИИ (духовные вакуфы) (8.I) и министерстве финансов (частные вакуфы) (2.III).

Не акцентировалось участие М. С. Воронцова и в подготовке «Положения о ТМДП и подлежащих ведению его делах» [21, № 5033]. Этот документ стал результатом интеллектуальных усилий группы чиновников, в разное время возглавлявших местную администрацию. Окончательный же вариант был подготовлен Главным управлением ДДИИ, во главе которого стоял граф Д. Н. Блудов. Собственно этот государственный орган и осуществлял контроль над деятельностью ТМДП. В ведении же местного начальства находились лишь отдельные незначительные вопросы [40, с. 504–505].

Таким образом, изначально проблема вакуфов не входила в сферу интересов и обязанностей М. С. Воронцова.

На данном этапе для Новороссийского генерал-губернатора приоритетным направлением по наведению порядка в землеустройстве Крыма являлось проведение здесь генерального межевания. Точное определение границ владельческих участков, законно подтвержденное государственными землемерами, гарантировало хозяевам земель право на свою собственность и давало возможность стабильно развивать экономическую деятельность. М. С. Воронцов, будучи крупнейшим помещиком, как никто другой, понимал необходимость в надежном утверждении владельческих прав на приобретенные земли. Уже в декабре 1823 г. он поставил вопрос перед правительством о начале генерального межевания в Крыму [24, с. 49]. Дважды получив отказ Правительствующего сената (в августе 1824 г. и августе 1826 г.) [24, с. 50], тем не менее не оставил своей идеи. Именно благодаря настойчивости и усилиям М. С. Воронцова Симферопольская межевая контора и Комиссия 1 мая 1830 г. приступили к своей работе [25, № 3761].

Надо сказать, предыдущая попытка генерального межевания земель в Крыму, предпринятая в 1798 г., еще при царствовании Павла I, закончилась неудачно. Связано это было прежде всего с отсутствием должной подготовки к межеванию. Тогда совершенно не были учтены специфика региона, традиции местного землеустройства и землепользования. Землемеры, до этого производившие межевание в Тамбовской губернии, не знали местных обычаев, путались в крымскотатарских мерах длины, не разбирались в тонкостях восточного права собственности, из-за недостатка переводчиков зачастую не понимали требований и свидетельств местного населения в отношении владельцев земельных участков [26, с. 497–498]. На этот раз авторы указа о межевании попытались учесть ошибки предыдущих лет. В первую очередь были разработаны специальные правила, исходя из которых следовало поступать Межевой конторе в Крыму [27, № 2617]. В этих правилах достаточно подробно регламентировались шаги всех задействованных при межевании сторон. Учитывались интересы как новоприбывших помещиков, так и старожильческого населения Крыма.

Отдельными пунктами правил (§ 34–37) оговаривались особенности межевания вакуфов. Исходя из них вакуфы объявлялись «неприкосновенной собственностью» мечетей и мусульманских училищ и межеваться они должны были «особо по отводам поверенных муфтия» [27, № 2617]. При появлении споров по этим землям рассматривать их предназначалось Межевой конторе. От муфтия в Контору должны были поступить описи вакуфных земель (§ 1, п. 2). При недостатке письменных документов, подтверждающих подлинность учреждения вакуфа, важным доказательством становились свидетельские показания местных жителей, данные под присягой. Образцы присяги, отдельно для христианского и для мусульманского населения, прилагались к указу. При межевании вакуфных участков на места со стороны духовенства должны были направляться особые «поверенные» (§ 34) [27, № 2617].

В обязанность Межевой конторы, помимо межевания, входило еще и рассмотрение возникающих споров по землям, а также разбирательства предыдущих споров по границам имений, производившихся в уездных судах. Все решения Межевой конторы можно было обжаловать в Комиссии для размежевания земель в Таврической губернии. Мнение последней являлось окончательным.

Таким образом, задача перед Межевой конторой и Комиссией стояла сложнейшая, объемная. Но и ресурсы (финансовые и человеческие) выделялись достаточно серьезные. Для съемки местности планировалось выделить лучших землемеров Межевого корпуса, а также привлечь отставных квартирмейстерских и инженерных офицеров. Техническая сторона межевания (обмер земли, посадка на план и т. д.) должна была осуществляться под руководством генерала и штаб-офицера Генерального штаба. Для достойной оплаты труда чиновников Конторы и Комиссии выделялись сверх жалованья дополнительные «столовые деньги». Всего же годовой бюджет Комиссии и Конторы составил внушительную сумму в 110 300 руб. [28, прил. I к № 3032]. Деятельность Межевой конторы и Комиссии планировалось осуществлять в плотном сотрудничестве с генерал-губернатором М. С. Воронцовым. Возглавил Комиссию весьма опытный и заслуженный человек – сенатор Матвей Петрович Штер, в начале века уже руководивший в Крыму «Комиссией для разрешения споров о праве на владение земель на Крымском полуострове» [16, с. 506].

Несмотря на то что в этом важнейшем для крымского землевладения документе с генерал-губернатором планировалось согласовывать много нюансов – от составления штата Конторы и Комиссии и до регулирования числа переводчиков, – тем не менее следует заметить, что все принципиальные решения Конторы и Комиссии, включающие и вопросы вакуфного межевания, были выведены из-под влияния и отчетности генерал-губернатора и в конечном итоге замыкались на министерстве юстиции и Госсовете. Таким образом, возникала ситуация, отчасти схожая с правовыми возможностями генерал-губернатора в отношении вакуфов, о чем говорилось выше, когда он фактически не участвовал в регулировании данного вида владений.

Положение изменилось после утверждения в 1833 г., в один и тот же день (21 февраля), двух императорских указов: «О поземельном праве в Таврическом полуострове и о облегчении в оном межевания» [29, № 5994] и «О преобразовании Симферопольской Межевой Комиссии с переименованием Таврическою и о переводе оной в Одессу» [30, № 5995]. Первый из них был направлен на оптимизацию процесса межевания в Крыму. Второй касался структурных изменений в работе Межевой комиссии и Конторы. Согласно последнему Межевая комиссия переводилась из Симферополя в Одессу, а руководство всей межевой частью в Таврической губернии передавалось Новороссийскому генерал-губернатору, который теперь непосредственно отвечал за «скорое и правильное размежевание земель по Таврической Губернии» [30, № 5995]. Поскольку, как вскоре выяснилось, пунктов «Положения...о межевании» было явно недостаточно,

чтобы безболезненно вымежевать вакуфные участки, а вакуфы, по-прежнему, необходимо было межевать «всюду и во всяком случае» (п. 14) [29, № 5994], то М. С. Воронцов стал уделять этому вопросу пристальное внимание.

Надо сказать, что начало работы Межевой конторы вызвало целый всплеск жалоб и претензий местных хозяев друг к другу. Многие полузабытые судебные споры вспыхивали с новой силой, что негативно сказывалось на темпах межевания в Крыму.

Не остались в стороне от этого процесса и споры по вакуфным землям. Изучая более поздние решения судебных мест в отношении вакуфов, становится видно, что, как правило, главным аргументом в доказательной базе ответчиков по таким претензиям оказывалось бесспорно проведенное межевание. Если претензии по результатам межевания не поступало сразу, то в дальнейшем вернуть оспариваемый вакуфный участок было непросто. В большинстве случаев такие участки закреплялись за частными владельцами окончательно. Таким образом, межевание в дальнейшем имело решающее значение для гарантированного сохранения данной категории земель.

Но, как оказалось, провести успешное межевание крымских вакуфов порой было сложнее, чем межевать земли частных владельцев. Здесь проявились свои тонкости и проблемы, которые не встречались в обычных условиях.

Более того, в процессе работы землемеров все очевиднее становилось, что вакуфы являются едва ли не главным препятствием в успешном осуществлении межевания в Крыму в целом. Вакуфные земли обнаружились в большом количестве. Основным препятствием в легализации подобных земель оказалось отсутствие документов, подтверждающих их существование. Если же такие документы и находились, то четких указаний на размеры и границы вакуфов в них не указывалось. Поэтому одними из главных доказательств стали служить показания местных жителей. Но освидетельствование на месте было крайне сложным мероприятием. Требовалось единовременное присутствие четырех сторон: 1) владельца (владельцев) земли, граничащей с вакуфным участком, или же его доверенного лица; 2) местных жителей, готовых подтвердить (или опровергнуть) наличие вакуфа; 3) представителей от ТМДП (как правило, местное духовенство); 4) собственно землемера, который проводил межевание. Учитывая уровень коммуникаций в Крыму в XIX в. – уже это очень сложное дело. Но возникали и сопутствующие затруднения. Во-первых, ТМДП часто саботировало участие в данном мероприятии: или вовсе не присылало своего представителя, или максимально затягивало данный процесс (схожая ситуация возникла в Виленской губернии с римско-католическим клиром – см. [31, № 3642 (30 апреля 1830 г.)]). Во-вторых, показания свидетелей-мусульман были ненадежны, что даже стало причиной составления новой присяги для мусульман и ужесточения законодательства за лжесвидетельство [32, № 4974 (28 ноября 1831 г.)]. В-третьих, свидетельства помещиков также не отличались надежностью, поскольку они были заинтересованными сторонами. Наконец, в-четвертых, у новых владель-

цев, как правило, на руках были законно оформленные российскими властями купчие. Дело в том, что продажи владельческих участков с находящимися внутри вакуфами проводились непосредственно между двумя владельцами и не афишировались среди проживавших в данной местности жителей. Соответственно последние не знали о том, что вакуфные участки перешли в частную собственность, и такая ситуация могла длиться более десятка лет. А десятилетняя бесспорная давность владения служила надежным доказательством частной собственности в российском законодательстве.

М. С. Воронцов, как никто другой, должен был почувствовать все эти проблемы, поскольку непосредственно сталкивался с ними в качестве крупнейшего крымского землевладельца. С началом генерального межевания в 1829 г. стали очевидны объем и значение вакуфного землевладения для Крыма. Соответственно и усилилось внимание государственной власти к этому институту. Именно из-за того, что межевание вакуфных земель требовало «особенного знания и искусства» от землемеров, в 1832 г. было принято решение приступать к выполнению данной работы только под руководством генерала или штаб-офицера Генерального штаба [33, № 5639].

Уже после того, как М. С. Воронцов стал непосредственно курировать работу Межевой комиссии в Крыму, к нему обратился полковник Генерального штаба Бетев с жалобами на трудности, с которыми сталкиваются уполномоченные по межевой части при работе с мелкими вакуфными участками. В связи с чем генерал-губернатор 2 июня 1835 г. сделал Конторе следующее предложение: межевать участки округами, не задерживаясь пока на межевания мелких вакуфов внутри участков. Хотя это и противоречило указу от 21 февраля 1833 г. [29, № 5994], но М. С. Воронцов рассчитывал, что правительство и император согласятся с его предложением постфактум. Обязательно и безотлагательно, по замыслу М. С. Воронцова, должны были межеваться лишь те вакуфы, по которым существовали судебные тяжбы [34, № 7729]. Но как решать споры по таким вакуфам без новых описей и доказательств, Комиссия не понимала и завершать такие дела не решалась. Ясности в данный вопрос на смог внести ни Сенат, куда обратилась Межевая комиссия за разъяснениями, ни министерство юстиции [34, № 7729].

Таким образом, становилось все более очевидным, что предыдущие указы не учитывали в должной мере все нюансы существования вакуфов в Крыму. Решать возникающие проблемы можно было только путем внедрения сопутствующих дополнительных законодательных актов, более подробно регламентирующих процесс межевания вакуфных участков. Именно на этом сосредоточил свою деятельность М. С. Воронцов в 30-е гг. XIX в.

В 1834 г. М. С. Воронцов обратился к министру юстиции Д. В. Дашкову с отношением, в котором предлагал изменить существующие правила межевания вакуфов в Крыму. В отношении М. С. Воронцов объяснял, что невымежеванных вакуфных участков остается на полуострове еще порядка 8000. Находятся они

главным образом в горной части и размером «так малы, что состоят часто из полудесятины» [35, № 8202]. Вследствие этого для их успешного межевания необходимо восемь землемерных партий, что нецелесообразно. Для устранения затруднений М. С. Воронцов предлагал следующее:

1) вакуфы, которые находятся не внутри дач, а составляют отдельные округи, межевать по установленным правилам;

2) вакуфы внутри дач, на которые при генеральном межевании не предъявлены споры, оставить без межевания;

3) вакуфы внутри дач, на которые предъявлены споры, межевать на основании существующих правил;

4) те вакуфы, которые останутся невымежеванными, поручить ТМДП обмежевать в последствии «на общих правилах своекоштного межевания», то есть за счет спорящих сторон [35, № 8202].

Как видно, изменения касались в первую очередь тех вакуфов, которые находились внутри владельческих дач, а значит, явно (если спор был начат) или потенциально (если спора не возникало) могли нарушить целостность частного владения. Вымежеванные вакуфы официально утверждались в фиксированных границах внутри владельческих дач. М. С. Воронцов стремился избежать возможных затруднений, поэтому в п. 2 и предлагал оставить неоспоренные в судебном порядке вакуфы внутри дач без межевания. Такая ситуация в дальнейшем могла упростить процесс приобретения вакуфа владельцем дачи, внутри которой он находился. Ведь иначе официально утвержденный в границах вакуф приобрести было весьма непросто. Статус вакуфа в этом случае был законно зафиксирован. Помимо попечительства мусульманского духовенства, официально утвержденный вакуф находился также под опекой государства. Сама процедура продажи вакуфов законодательно еще не была прописана. И тем более досадна владельцу была бы такая ситуация, если учесть, что размер вакуфов был весьма невелик.

В п. 3 предложений М. С. Воронцова, также был свой смысл, направленный на выгоду владельца дачи, поскольку окончательная фиксация границ спорного вакуфа прекращала все претензии, вносила определенность в размер владений, предупреждала будущие притязания.

Министр юстиции направил отношение графа в Правительствующий сенат. И в Сенате предложения М. С. Воронцова отчасти были подвергнуты сомнению. Если к п. 1 и 4 никаких изменений внесено не было, то в отношении наиболее тенденциозных п. 2 и 3 были сделаны следующие замечания:

- к п. 2 – нельзя оставить «бесспорные вакуфы» без межевания, поскольку тогда «не исполнится цель генерального межевания»;
- к п. 3 – при межевании спорных вакуфов они могут потерять «немало земли на одни формальные межи». И такая потеря «при ценности в нагорной стороне земель будет для владельцев довольно чувствительная» [35, № 8202]. То есть «потеряют» как раз владельцы вакуфов – мусульманское духовенство.

Вместо предложений М. С. Воронцова Сенат предписывает с вакуфами поступать по аналогии с межеванием «церковных участков, внутри империи производимым, на основании указа 2 июля 1767 г. (12925)» [35, № 8202]. То есть, как случалось и прежде (в 1794 г. [см.: 14, с. 635]), предлагалось поступать с мусульманским институтом в соответствии с законами, разработанными для православной церковной собственности (!). Подготовкой оригинального закона для мусульман российские законодатели на данном этапе не озадачивались.

В соответствии с этим указом в отношении п. 2 предписывалось: «бесспорные вакуфы», «не вымежевывая особо и не сочиняя на них особых планов и межевых книг, обходить одними межниками, с постановлением <...> межевых столбов, и означать их меру и качество земли на общем владельческом плане, особо от исчисления владельческих земель». Касательно п. 3 – «спорные вакуфы» также не вымежевывать особо, «а означать на общем владельческом плане как бесспорное вакуфов владение, так и заспоренное духовенством или владельцем место, обыкновенными межевыми знаками». После окончания спора далее следовало поступать так же, как и согласно п. 2 [35, № 8202].

Эти свои предложения Сенат 16 ноября 1834 года направил министру юстиции. В свою очередь представление министра юстиции было рассмотрено Госсоветом, который нашел предложенные меры «облегчительными для обывателей и в исполнении, как то и по местному соображению оказалось, удобными...» Царь все утвердил 31 мая 1835 г. [35, № 8202].

Параллельно с утверждением этого документа для удобства картографирования при активном участии М. С. Воронцова указом от 5 мая 1835 г. было решено разделить Крым на карте на Горную и Степную части [36, № 8114]. М. С. Воронцов лично советовался по этому вопросу с Таврическим гражданским губернатором и офицерами Генштаба, наблюдавшими межевание. Впредь землемеры при межевании должны были указывать, к какой части Крыма относится участок.

Затем, 30 сентября 1835 г., наконец было принято заключение в отношении того, как поступать с бесспорно и спорно обмежеванными 246 вакуфами, которые Симферопольская межевая контора не решалась утверждать из-за отсутствия необходимых документов со стороны муфтия. В высочайше утвержденном инении Госсовета «О порядке решения дел о вакуфах в Крымском полуострове, на кои своевременно не предоставлено документов» [37, № 8435] указывалось, что теперь вакуфы, которые были или будут обмежеваны бесспорно, должны утверждаться навсегда за мусульманским духовными лицами и учреждениями без промедления. Дела же в отношении спорных вакуфов, где четкие границы участков отсутствовали или подвергались сомнению со стороны частных хозяев, предписывалось отложить до выработки оптимального решения данного вопроса между генерал-губернатором и министром внутренних дел.

Между тем решить данный вопрос оказалось совсем непросто все по той же причине отсутствия у духовенства документальных свидетельств об учреж-

дении вакуфов с детально прописанным описанием размера и границ участка. С момента появления указа «О вакуфских в Крыму имениях» от 22 марта 1829 г., где предписывалось в течение трех лет «возобновить все завещательные акты на вакуфы» (п. 4) [20, № 2761] и до 1836 г. Таврическому муфтию удалось отыскать только один (!) документ, подтверждающий факт учреждения вакуфа. Поэтому М. С. Воронцов дальнейшие усилия в этом направлении справедливо посчитал «бесполезными». Вместо этого генерал-губернатор предложил воспользоваться п. 3 указа от 22 марта 1829 г., в котором муфтию предписывалось составить специальную опись вакуфным землям под наблюдением гражданского губернатора. Данная инициатива графа в конечном итоге была оформлена в виде высочайше утвержденного мнения Госсовета от 31 мая 1836 г. «О мерах к приведению в известность вакуфных в Крыму имений» [38, № 9245]. В этом законе предусматривалось составить опись, как духовным, так и частным вакуфам, с обязательной сверкой на месте, проводить которую должен был специальный правительственный чиновник. Та задача, осуществление которой без внимания М. С. Воронцова тянулось долгие годы, под пристальным наблюдением генерал-губернатора была выполнена практически за год. Уже в 1837 г. Таврическим муфтием были составлены, а губернским стряпчим при участии Межевой конторы сверены описи «вакуфным имениям» в Крыму. Далее описи направлялись в Главное управление ДДИИ.

Несколько позднее, в 1839 г., желая оптимизировать деятельность ТМДП в отношении вакуфов, М. С. Воронцов предложил министру юстиции допустить прокурора к надзору за торгами, с помощью которых осуществлялась процедура определения арендаторов вакуфных земель, «для большей определительности и правильности торгов... и для избежания обнаруженных в этом отношении беспорядков и даже злоупотреблений» [39, № 12829].

Министр это предложение направил в Сенат. Сенат решил узнать мнение управляющего министерством внутренних дел, который сообщил, что привлечение прокурора к таким делам не соответствует положению о ТМДП. Но, учитывая желание местного начальства, а также, что прокурор «не приобретет на дела духовного собрания полного влияния», управляющий в итоге посчитал возможным допустить прокурора к указанным делам [39, № 12829].

Данную идею одобрил Комитет министров, а затем, 31 октября 1839 г., утвердил царь в виде указа «О допущении Таврического губернского прокурора к присутствованию в ТМДП при производстве в оном торгов на отдачу в откуп вакуфных земель» [39, № 12829].

Это был последний указ в отношении вакуфов, подготовленный с участием М. С. Воронцова в период его активного занятия делами полуострова. В 1844 г. М. С. Воронцов был назначен Кавказским наместником и, хотя продолжал оставаться в должности Новороссийского генерал-губернатора, однако крымской теме уже не уделял столь пристального внимания.

Таким образом, в отношении правового регулирования вакуфного вопроса в Крыму Новороссийским генерал-губернатором можно сделать следующий вы-

вод. Изначально, в 20-е гг. XIX в. М. С. Воронцов не уделял достаточного внимания вакуфному вопросу, по-видимому считая его второстепенным. Однако с началом генерального межевания в Таврической губернии стало отчетливо понятно, что межевание вакуфов являлось одной из тех проблем, без решения которой невозможно было внести спокойствие и стабильность в землеустройство Крыма. Оказалось, что «Правила межевания» утвержденные в 1829 г. [27, № 2617] в отношении вакуфов были несовершенны, не учитывали многих практических нюансов. Они были логичны, конкретны, но на практике невыполнимы. Столкнувшись с тем, что законы «не работают», а главное, что они задерживают утверждение частной собственности новых помещиков, а значит, тормозят хозяйственное развитие края, М. С. Воронцов принялся активно их исправлять. Исправлять в том ключе, который соответствовал его представлению об этом развитии: максимально способствовать утверждению владельческих прав помещиков, параллельно стараясь сохранить вакуфную собственности в Крыму. Данная политика отчасти нашла понимание в Госсовете (см. закон № 8202) [35]. В результате М. С. Воронцов инициировал законы, которые ускорили межевание и устраняли мелкие проблемы, серьезно задерживающие документальное оформление собственнических прав, не причиняя ущерба ничьей собственности, в том числе и вакуфной. Что ему, в общем-то, и удалось. Справедливости ради следует заметить, что вакуфный вопрос в Крыму так и не был решен. В очередной раз проблема оказалась «законсервирована» для того, чтобы через определенный временной отрезок проявиться вновь. Созданные во второй половине XIX в. в Симферополе специализированные вакуфные комиссии открыли картину непрекращавшегося размывания вакуфной собственности. Тем не менее позитивная роль М. С. Воронцова в наведении порядка в землеустройстве Крыма очевидна. Значительное место среди «механизмов» для достижения положительных результатов, как видно, генерал-губернатор отводил законодательной инициативе и лоббированию своих идей для принятия необходимых указов в отношении крымских вакуфов.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Акты, собранные Кавказской Археографической Комиссией. Архив Главного управления наместника кавказского. Т. X / под ред. Ад. Берже. – Тифлис, 1885.
2. Peters R. [Wakf] In Classical Islamic law / Wakf // The Encyclopaedia of Islam. Vol.XI. – Leiden, 2002.
3. Большаков О. Г. Вакф // Ислам. Энциклопедический словарь. – М., 1991.
4. Яновский А. Е. Вакуф // Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона. – Т. V. – СПб., 1891.
5. Вормс А. Вакуфы // Энциклопедический словарь Гранат. – Т. VII. – М., 1912.
6. Hennigan P. C. The birth of a legal institution: the formation of the waqf in third century A. H. Hanafi legal discourse / Studies in Islamic law and society. – V. 18. – Leiden-Boston, 2004.
7. Шарль Р. Мусульманское право. – М., 1959.
8. Deguilhem R. [Wakf] In the Ottoman empire to 1914 / Wakf // The Encyclopaedia of Islam. – Vol. XI. – Leiden, 2002.

9. Частно-вакуфное владение в Крыму. – Симферополь, 1892.

10. Воскресенский А. Татары и землеустроительные комиссии в Крыму (окончание) // ВТЗ. – 1907. – № 7–8.

11. Озенбашлы А. С. Трагедия Крыма при царизме или татарские эмиграции // Озенбашлы А. С. Трагедия Крыма: Воспоминания и документы / пер. К. Усеинова. – Симферополь, 2007.

12. Fisher A. W. The Crimean Tatars. – Stanford, 1987.

13. Williams B. G. The Crimean Tatars: the diaspora experience and the forging of a nation. – Leiden, Boston, Köln, 2001.

14. Конкин Д. В. Законодательное оформление земельной собственности в Крыму (1783–1796 гг.) // МАИЭТ. – Симферополь, 2006. – Вып. XII.

15. Конкин Д. В. Некоторые особенности вакуфных владений в Крыму (по материалам ГААРК) // Актуальные вопросы истории, культуры, этнографии и экологии Юго-Восточного Крыма : материалы научной конференции. – Новый Свет, 2008.

16. Конкин Д. В. Вакуфное землевладение в контексте деятельности первых землеустроительных комиссий в Крыму (1796–1810 гг.) // МАИЭТ. – Симферополь, 2008. – Вып. XIV.

17. Блюменфельд Г. Крымско-татарское землевладение (историко-юридический очерк). – Одесса, 1888.

18. № 1417. Именной указ, данный Сенату «Положение для татар-поселян и владельцев земель в Таврической губернии». 28 сентября 1827 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. – Т. II. – СПб., 1830.

19. № 902. Высочайше утвержденный доклад министра народного просвещения «Об учреждении в Симферополе училищного отделения для образования татарских детей». 14 февраля 1827 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. – Т. II. – СПб., 1830.

20. № 2761. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета «О вакуфских в Крыму имениях». 22 марта 1929 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. – Т. IV. – СПб., 1830.

21. № 5033. Высочайше утвержденное «Положение о Таврическом магометанском духовенстве и подлежащих ведению его делах». 23 декабря 1831 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. – Т. VI. Отд. 2-е. – СПб., 1832.

22. Конкин Д. В. Вакуфный вопрос в деятельности «Комиссии для исследования и искоренения злоупотреблений в Таврической губернии» (1816–1819 гг.) // Межэтнические и межконфессиональные отношения в Крыму: проблемы и их решения : сб. науч. ст. – Симферополь, 2009.

23. Авалиани С. Л. Гр. М. С. Воронцов и крестьянский вопрос // ЗООИД. – Одесса, 1915. – Т. XXXII.

24. Филатова Е. Е. Управленческая деятельность М. С. Воронцова в период с 1797 по 1848 г. // Воронцовы и русское дворянство: IX Крымские Международные Воронцовские научные чтения : сб. докладов. – Ч. I. – Симферополь, 2007.

25. № 3761. Сенатский указ «Об открытии в Симферополе Симферопольских Межевых Комиссии и Конторы, для размежевания земель Таврической губернии». 28 июня 1830 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. – Т. V. Отд. 1-е. – СПб., 1831.

26. Конкин Д. В. Некоторые аспекты земельных отношений в Крыму в последнем десятилетии XVIII в // МАИЭТ. – Симферополь, 2007. – Вып. XIII.

27. № 2617. Именной указ, данный Сенату «Об учреждении в Симферополе Межевой Конторы и Комиссии для размежевания земель в Таврической губернии. С приложением: высочайше утвержденных Правил для того размежевания; форм и объяснения татарских мер». 24 января 1829 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. – Т. IV. – СПб., 1830.

28. Прил. I к № 3032. «Штат Симферопольской Межевой Конторы и Симферопольской Межевой Комиссии». 24 июля 1829 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. – Т. IV. – СПб., 1830.

29. № 5994. Именной указ, данный Сенату «О поземельном праве в Таврическом полуострове и о облегчении в оном межевания». 21 февраля 1833 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. – Т. VIII. Отд. 1-е. – СПб., 1834.

30. № 5995. Именной указ, данный Сенату «О преобразовании Симферопольской Межевой Комиссии с переименованием Таврическою и о переводе оной в Одессу». 21 февраля 1833 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. – Т. VIII. Отд. 1-е. – СПб., 1834.

31. № 3642. Сенатский указ «О депутатах с духовной стороны, командируемых в межевые суды». 30 апреля 1830 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. – Т. V. Отд. 1-е. – СПб., 1831.

32. № 4974. Сенатский указ «О присяге для магометан, при допущении их к свидетельству в делах с христианами, или одних христиан». 28 ноября 1831 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. – Т. VI. Отд. 2-е. – СПб., 1832.

33. № 5639. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета «Об отвращении затруднений, встреченных при межевании Крымского полуострова, по исполнению общих межевых правил». 4 октября 1832 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. – Т. VII. – СПб., 1833.

34. № 7729. Сенатский указ «О внесении докладов по делам сомнительным из Таврической Межевой Комиссии чрез министра юстиции в Государственный Совет». 5 января 1835 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. – Т. X. Отд. 1-е. – СПб., 1836.

35. № 8202. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета «О размежевании вакуфов в Таврическом полуострове». 31 мая 1835 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. – Т. X. Отд. 1-е. – СПб., 1836.

36. № 8114. Высочайше утвержденное положение Комитета министров «О разделении Крыма на Горную и Степную части». 5 мая 1835 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. – Т. X. Отд. 1-е. – СПб., 1836.

37. № 8435. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета «О порядке решения дел о вакуфах в Крымском полуострове, на кои своевременно не представлено документов». 30 сентября 1835 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. – Т. X. Отд. 2-е. – СПб., 1836.

38. № 9245. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета «О мерах к приведению в известность вакуфских в Крыму имений». 31 мая 1836 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. Т. XI. Отд. 1-е. – СПб., 1837.

39. № 12829. Высочайше утвержденное положение Комитета министров «О допущении Таврического губернского прокурора к присутствованию в Таврическом магометанском духовном правлении при производстве в оном торгов на отдачу в откуп вакуфных земель». 31 октября 1839 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. – Т. XIV. Отд. 1-е. – СПб., 1840.

40. Тур В. Г. Привилегии мусульман Таврической губернии (по архивным материалам XIX в.) // МАИЭТ. – Симферополь, 2007. – Вып. XIII.

41. Ислам в Крыму: Очерки истории функционирования мусульманских институтов / [Бойцова Е. Б., Ганкевич В. Ю., Муратова Э. С., Хайрединова З. З.]. – Симферополь, 2009.

42. Загидуллин И. К. Вакуфы в имперском правовом пространстве // Ислам и благотворительность. Материалы всероссийского семинара «Ислам и благотворительность». – Казань, 2006.

КРЫМ В 1792 ГОДУ В ОПИСАНИИ ИОГАННА-КРИСТИАНА ФОН СТРУВЕ

Никита Игоревич Храпунов,
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Крымского отделения Института востоковедения им. А. Е. Крымского НАН Украины

Аннотация. Публикация представляет собой аннотированный перевод воспоминаний дипломата И.-К. фон Струве о его пребывании в Крыму в 1792 г. Доброжелательно и беспристрастно рассказывает он о последствиях присоединения Крыма к России, о местных жителях, городах и селениях, природе и экономике полуострова. Сочинение фон Струве – пример того, как европейцы «открывали» для себя Крым, определяли его место в воображаемом пространстве между Востоком и Западом.
Ключевые слова: Крым, Струве, мемуары.

Анотація. Публікація є анотованим перекладом спогадів дипломата І.-К. фон Струве про його перебування в Криму в 1792 р. Доброзичливо та неупереджено розповідає він про наслідки приєднання Криму до Росії, про місцеві жителів, міста і селища, природу і економіку півострова. Твір фон Струве – приклад того, як європейці «відкривали» для себе Крим, визначали його місце в уявлюваному просторі між Сходом і Заходом.
Ключові слова: Крим, Струве, мемуари.

Abstract. This publication presents annotated Russian translation of diplomat von Struve's memoires of his stay in the Crimea in 1792. He tells in an amicable and impartial manner of the consequences of Russian annexation of the Crimea, of local population, of cities and towns, of the economy and nature of the peninsula. Von Struve's work can be an example of how the Europeans «opened» the Crimea and established its place in the imagined space between East and West.
Keywords: The Crimea, Struve, memoirs.

Среди многих сочинений европейцев, путешествовавших по Крыму в конце XVIII – начале XIX в., то есть после присоединения его к России, заслуживают внимания записки Иоганна-Кристиана фон Струве, находившегося на полуострове в течение нескольких месяцев в начале 1792 г.

Об авторе известно немногое. Фон Струве (1768–1812) оказался в Крыму еще молодым человеком. Был он выходцем из древнего рода, давшего многих ученых и дипломатов на немецкой и русской службе [1]. Фон Струве решил поступить на русскую службу, вероятно, по примеру отца, дослужившегося на ней до тайного советника. Служили в России и другие его родственники. В 1793 г. Иоганн-Кристиан фон Струве принял участие в посольстве во главе с М. И. Кутузовым, которое было отправлено в Константинополь по указанию Екатерины II, а в 1803–1806 гг. находился в составе миссии в Китае. Направляясь в Россию, он выехал из Вены, проследовал через нынешнюю Западную Украину и Молдавию и в конце концов оказался в Крыму, где провел почти полгода. Любопытство побудило фон Струве совершить несколько путешествий по полуострову, которые он впоследствии описал в своих мемуарах.

В предисловии автор говорит, что книга первоначально не предназначалась для печати; его рассказ должен был служить развлечению друзей автора. И лишь после того, как они посоветовали автору опубликовать это «интересное и поучительное» сочинение, он решился на издание [14, p. iii].

«Крымская» часть сочинения фон Струве является прекрасной иллюстрацией того, как европейцы «открывали» для себя Крым, определяли его место в воображаемом пространстве между Востоком и Западом, удивлялись непривычным им особенностям местной жизни. Содержит она и некоторые любопытные этнографические детали, а также оценку последствий российской аннексии глазами непредвзятого свидетеля (первое издание книги вышло в Германии анонимно, то есть автор мог не стесняться в выражениях).

Текст характеризует фон Струве как доброжелательного и непредвзятого наблюдателя. Правда, он не всегда мог разобраться в происходящем, ведь в то время он не знал ни русского, ни татарского языка. И если для общения с российской знатью ему вполне хватало немецкого и французского, то разговор с местными жителями требовал переводчика. Так, слова автора о том, что покрывала на бахчисарайских женщинах означают их принадлежность к «татарскому монастырю» [14, p. 31], вероятно, объясняются шуткой, которую сыграл с немцем прохожий.

Фон Струве – один из первых европейцев, побывавших в Крыму в конце XVIII в., путевые записки которых нам известны. Его мемуары были анонимными (указана лишь должность автора: секретарь российского посольства [12]) и через год переведены на французский [15] и английский языки [14]. Это свидетельствует о том, что книга была замечена и вызвала интерес у публики. Правда, скорое появление энциклопедических сочинений П.-С. Палласа [11] и Э.-Д. Кларка [9] сделало их основным источником сведений о Крыме для западного читателя, а мемуары фон Струве были забыты. Сейчас они являются библиографической редкостью. Среди прочего, записки фон Струве рассказывают о жизни представителей разных этносов и конфессий в Крыму после его присоединения к России, о том, как повлияла на этих людей смена подданства, и о взаимоотношениях между ними. Указанные обстоятельства побудили меня заняться переводом «крымской» части записок на русский язык.

Книга состоит из двух частей: описания поездки в Крым и истории российского посольства, направленного в Константинополь в 1793 г. Крымские страницы занимают немного места. Хотя формально Крыму посвящена вторая глава книги, фактически в начале этой главы описываются земли к северу и северо-западу от полуострова. Кроме того, о Крыме говорится и в начале третьей главы. Потому при переводе, который выполнен по английскому изданию, было решено не ограничиваться второй главой и прибавить к ней отрывок из третьей, который, как кажется, логически завершает эту часть повествования. Я старался следовать стилю оригинала, который нередко сложен, встречаются нагромождения подчиненных предложений и причастных оборотов. Перевод делался не столько литературным, сколько максимально точно следующим за текстом источника. В угловых скобках <>

указаны страницы оригинального текста – перед началом соответствующего отрывка. Имена и географические названия приводятся в современном виде; в тех немногих случаях, когда в источнике они существенно искажены, оригинальное написание дается также в угловых скобках. Выделение курсивом соответствует оригинальному изданию. Подстрочные примечания, не оговоренные особо, принадлежат автору – Иоганну-Кристиану фон Струве, все остальные – переводчику. Биографические сведения и административно-территориальные названия данные в примечаниях, основаны главным образом на справочных изданиях [2; 3; 5].

Иоганн-Кристиан фон Струве
Путешествие по Крыму

<p. 13>

ГЛ<АВА> II

Поездка вглубь Крыма

Я продолжал оставаться в Яссах до 9/20 января[8] <1792 г.>; в тот день, запасшись башмаками, меховыми шапками и одеждой, предусмотрительно положив в свою *кибитку*[9] <*kibitke*> хороший матрас, я, в компании офицера-немца, отправился в экспедицию по Крыму.

Поначалу я двигался очень медленно... Мы покинули Яссы примерно в восемь вечера, причем в наш экипаж запрягли быков, а не лошадей, достать которых где бы то ни было в городе оказалось невозможно. <p. 14> Наш проводник-молдаванин, который не был достаточно знаком с дорогой, проехал около полулиги[10] и сбился с пути, так что мы скитались наугад на протяжении трех или четырех часов, и, наконец, оказались в лиге от Ясс; к тому времени спустилась ночь, было очень темно, потому для продолжения поездки мы решили дождаться рассвета. К концу первого перегона мы прибыли к двенадцати пополудни и, к счастью, достали лошадей, но вынуждены были потратить целый день, описывая круги в поисках места, где можно было бы безопасно переправиться через Прут.

В окрестностях Бендер мы переправились через наполовину замерзший Днестр, но, чтобы предоставить путешественникам возможность двигаться без задержки, лед потрудились разбить. Все крепости и внешние укрепления в этом

[8] Русские еще придерживаются старого способа счисления, называющегося *старым стилем*, который отличается от *нового* на одиннадцать дней. Эту разницу отражает использованная автором двойная дата.

[9] *Кибитка* – это небольшая повозка из дерева, округлой формы; она стоит на двух колесах и напоминает легкие повозки, используемые татарами для перевозки товаров и шатров <здесь в оригинале ошибка – tilts вместо tents – *Прим. пер.*>, которые они называют «*арба*» <*arba*>. Кибитки обычно покрывают шкурами или тростником, в зависимости от достатка владельца. Собственно говоря, кибитка – это скорее хижина, а не экипаж.

[10] 1 лига равняется трем статутным милям или 4,8 км. – *Прим. пер.*

городе, ранее столь значительные, а также все остальные турецкие укрепления, захваченные русскими, по приказу князя Потемкина полностью разрушили и <p. 15> сравняли с землей. Эта крепость вместе с городом раньше находились на вершине горы, у подножья которой – берега Прута. Сам город построен чрезвычайно плохо; улицы очень грязные, а дома маленькие; это справедливо почти для всех укрепленных городов, принадлежащих туркам. На небольшом от него расстоянии иностранцам показывают место, где Карл XII, король Швеции, весьма смело и отважно оборонялся от приблизительно десяти тысяч турок и татар, имея лишь горстку храбрых товарищей, разделивших с ним превратности судьбы.

Покинув Бендеры, вы сразу же попадаете на равнину Очакова. Это обширное пространство, почти везде покрытое разнотравьем, где не встретишь ни жилья, ни дерева, ни куста, и где можно было бы считать себя находящимся в пустыне, если бы не стояли здесь и там почтовые станции, учрежденные для удобства путешественников, которые содержат запорожские казаки <Zuporoguan Cossacks>. После трехдневного путешествия по этой безлюдной местности и будучи теперь уже недалеко от Очакова, мы, наконец, достигли <p. 16> берегов Буга, который раньше был демаркационной линией между Россией и Турцией. Река была скована льдом даже в самом широком месте, где она очень широка, так что переправлялись мы не без опаски.

Теперь мы двигались в направлении Херсона, куда и прибыли вечером. Этот город, построенный около четырнадцати лет назад, расположен на берегах Днестра[11], образующего порт, способный принять большое количество кораблей. На выступающей в реку полоске земли находится постройка, или лазарет, воздвигнутая с целью осуществлять карантин для судов, которые прибывают из Турции. В мирное время, когда коммерческая активность не прерывается, этот город, без сомнения, очень оживлен и имеет достаточно жителей; но в то время война лишила его этого преимущества, и я нашел его довольно пустынным и запустевшим. Херсон (и, вероятно, то же самое можно сказать о большинстве недавно построенных городов) очень красив, в самом современном вкусе. Улицы – широкие и правильные. Здесь есть большое число общественных <p. 17> мест, которые образуют множество совершенно одинаковых и приятных глазу площадей. В окрестностях главной церкви, расположенной у въезда в город[12], находятся могилы юного принца Вюртембергского, умершего в Галиции <Gallicia>[13], а также генерала Меллера <Muller>[14] и некоторых других известных людей. Князь По-

[11] В данном случае автор путает Днестр (Dniester) с Днепром (Dnieper); ср. ниже с. 19 оригинального текста, где река названа правильно. – *Прим. пер.*

[12] Свято-Екатерининский собор. – *Прим. пер.*

[13] Александр-Карл Вюртемберг-Штутгартский (?–1791) – родственник российской императорской фамилии, друг Г. А. Потемкина, погиб не в Галиции, а в румынско-молдавском Галаце: разбился, упав с лошади. – *Прим. пер.*

[14] Генерал-аншеф русской службы Иван Иванович (Иоганн) Меллер-Закомельский (1725–1790) – немец по происхождению, получивший баронство за штурм Очакова. Погиб при взятии крепости Килия

темкин – единственное лицо, которому дарована была привилегия быть погребенным в самой церкви. Как и во всех остальных городах Молдавии, улицы этого города ограничены лавками. Слева от Херсона находится крепость, постройки которой служат казармами для гарнизона – они достаточно утоплены в землю, чтобы быть полностью защищенными от огня противника в случае нападения. Валы очень высокие, а многочисленные защищающие их укрепления оснащены батареями и окружены очень глубокими рвами, куртинами и редутами, которые делают доступ к ним очень сложным. За внешними укреплениями – несколько очень симпатичных современных построек, где живут комендант и другие офицеры гарнизона, а попадают туда через мосты <p. 18> по краям <крепости>. Невероятные расходы, потребовавшиеся для сооружения этой крепости, оказались почти бесполезными, ведь сейчас Херсон, при завоевании Очакова и всей страны, расположенной между Бугом и Днестром, не является больше пограничным городом и не предназначается для сдерживания турок. Над каждыми городскими воротами виднеется скульптура российского орла с распростертыми крыльями и различными надписями внизу, из которых я ограничусь следующим примером: «*Это дорога, что ведет в Византию*».

Окрестности Херсона – сплошной песок и абсолютная пустыня, простирающаяся на лигу во все стороны; вследствие этого, жители должны получать все продукты питания из Польши и Украины; но в районах страны вглубь страны бросаются в глаза величайшее плодородие и благостнейшее изобилие. Куда ни посмотри, увидишь лишь поля и сады, обработанные совершеннейшим образом, прекрасные виноградники и бесконечное число красивых сельских усадеб, где зажиточные жители Херсона проводят летние месяцы. Однако <p. 19> большое количество песку в окрестностях этого города и жестокость ветров, господствующих здесь во всякое время года, делают воздух исключительно нездоровым и часто порождают эпидемические и опасные заболевания.

По случаю сильного ветра переправа через Днепр и другие реки, лежавшие у нас на пути, была невозможно, так что мы были вынуждены остаться в Херсоне на две недели. Печального примера одного из возчиков, у которого хватило смелости рисковать со льдом, и который стал жертвой собственной опрометчивости, достаточно было, чтобы разочаровать нас в желании осуществить подобное предприятие. Однако когда только что прибывший из Крыма в Херсон путешественник рассказал нам, что в городке в семидесяти *верстах* <*werstes*>[15] выше к северу можно безопасно переправиться через Днепр, мы немедленно отправились в путь и, без происшествий перебравшись через Ингулец, достигли берегов Днепра. Но оказалось, что переправиться через было отнюдь так просто, как нам описывали: не считая тре//щин, <p. 20> которые обнаружились

в устье Дуная. Рядом с ним похоронен его сын, Карл Иванович Меллер, погибший при штурме Очакова в 1788 г. – *Прим. пер.*

[15] Название используемой в России меры длины. Верста равняется примерно двум третям английской мили или четверти французской лиги.

во льду, он был настолько тонок, что стать на него было почти невозможно. В дополнении к этому неудобству, нас настиг сильнейший ураган, каждую минуту угрожавший бросить нас на землю. В этой критической ситуации мы сочли за лучшее облегчить повозки, выгрузив из них весь наш багаж; затем, прицепив их к небольшим санкам, в которые погрузились и мы сами, продолжили свой путь (соблюдая, однако же, меры предосторожности – простукивая лед по мере продвижения вперед), пока не достигли противоположного берега, где, наконец, оказались в безопасности.

Через два дня, на рассвете, мы оказались в Перекопе, где остановились на несколько часов, чтобы доставить доверенные нам письма. Ров, что отделяет Таврический полуостров от материка, не очень широк; в центре его виднеется очень красивый мост, украшенный российскими гербами. Этот ров находится всего лишь в полулиге от Перекопа, который представляет собой маленькую, незначительную деревню, состоящую всего из нескольких улиц.

От этого места до Симферополя, в прошлом <p. 21> Акмечети <Achmet-Schet>, резиденции губернатора, расстояние очень незначительно; мы достигли его без каких-либо неудобств, за исключением чрезвычайного холода, от которого не могло защитить даже тепло наших мехов.

Губернатор, генерал Жегулин[16] <Tschigulin>, принял меня с величайшей учтивостью и обходительностью; он любезно порекомендовать мне апартаменты близ собственного дома, чтобы мне было удобнее часто с ним встречаться.

Теперь я пользовался преимуществом досуга и всякой представившейся возможностью, чтобы познакомиться с жителями этой страны, а также с этим любопытным полуостровом, который до настоящего времени имел так мало сношений с другими территориями. Моя любовь к сельской жизни и увлеченность красотами природы были полностью удовлетворены избранным мною планом действий. Здесь мы жили, как в деревне, ведь город этот больше напоминал село, а не место, где находится управление округом. Пастбища в окрестностях нашего обиталища были совершенно вос//хитительны; <p. 22> некоторые лица, совершеннейшим образом знакомые с полуостровом, уверили меня, что уголок, где мы жили, был лучшим и самым приятным во всех окрестностях. Фактически, в какую сторону ни посмотри, перед нами открывались самые очаровательные и разнообразные виды: к востоку и югу – гряда красивых гор, покрытых лесом, представляли собой живописнейшую и ярчайшую картину; даже самые обделенные в этом отношении все равно являли такое очарование, к которому невозможно было отнестись равнодушно. В северном направлении, в виду Перекопа, а также на западной стороне, глазу открывается всего лишь очаровательная мешанина долин, равнин и полей, не говоря уже о бесконечном количестве рощ, пересеченных великолепными дорогами или Салгиром, который течет здесь по извилистому руслу и в некоторых местах образует водопады, мягкое журчание

[16] Семен Семенович Жегулин (?–1823) – генерал-майор, губернатор Таврической области в 1788–1796 гг. – *Прим. пер.*

которых сообщает душе тихую и любопытнейшую меланхолию. Единственное обстоятельство, которое может прервать очарование этим видом – сожаление, которое неизбежно чувствуешь при мысли об исключительной редкости <p. 23> жителей и селений в стране, природа которой взрастила столь много даров, способных дать сильнейшее наслаждение. Пытаясь привыкнуть к европейскому образу жизни и к новой власти русских, татары сталкиваются с определенными трудностями, несмотря на постоянное и утешительное внимание и доброту губернатора, который таким образом пытается сделать свою власть для них приятной и заставить их полюбить ее. Несколько раз обедал я с ним за одним столом в обществе разных почтенных татар и был свидетелем особой любезности и уважения, с которыми он к ним обращался. Эти же самые люди занимали несколько важнейших губернских должностей. В этой стране каждое селение находится под управлением главы, или мурзы, причем имеет право на его избрание. Мурза выносит решение по всем конфликтам, которые возникают в делах его района. Большая часть жителей приняла турецкий образ жизни, и очень редко случается, чтобы они хоть сколько-нибудь аккуратно отдавались изучению русского языка. Что же касается их характера, у меня была возможность <p. 24> наблюдать распространенные среди них величайшую любезность и кротость, благородную и истинно патриархальную простоту, и желание проявить гостеприимство, что заслуживает высочайшей оценки.

Мне представился случай вынести еще более непосредственное суждение об удовольствии, с которым татары проявляют последнюю из упомянутых выше добродетелей. Это происшествие затронуло меня лично, и я не могу отказаться от удовольствия рассказать о нем здесь: я продал свою кибитку за сорок рублей офицеру-французу, находившемуся на русской службе, а он уехал вместе с кибиткой, чтобы присоединится к своему полку, расквартированному в трех милях от Симферополя, не заплатив мне сорока рублей; к тому же, он пренебрег письмами, отправленными мной по этому поводу. Тогда я решил отправиться к нему домой, каковой шаг привел его к необходимости погасить долг. При возвращении из этой короткой поездки, нанятый мною по дороге конь, полученный благодаря прямым указаниям губернатора, без вмешательства которого я не смог бы вообще ничего добиться, оказался исключительно норовистым, так что <p. 25> я с величайшим трудом смог заставить его выехать из деревни. Внезапно наступила ночь, я сбился с пути; дороги почти повсеместно, после выпавших проливных дождей, пришли в почти непроходимое состояние, так что мой конь постоянно проваливался в грязь по грудь, а выбраться оттуда его могли заставить только побои. К счастью, я заслышал вдали лай собак и, различив также свет, направил свой путь в том направлении и, наконец, достиг деревни, где встретил почтенного старика-татарина, который провел меня к дому мурзы; тот, очень любезно поприветствовав меня, предложил присесть у огня, приказал приготовить мне хорошую постель, а на следующее утро отправил со мною проводника до Симферополя.

Через некоторое время после этого небольшого путешествия, генерал Жегулин, чье достоинство и дружелюбие нрав заслужили мое глубочайшее уважение, обращавшийся со мною с любезностью, которую я никогда не забуду, предложил мне проект поездки вглубь этой любопытной страны, до сих пор так мало посещаемой иностранцами. Средства, которые он предложил мне для облегчения этого предприятия, <p. 26> побудили меня не медлить с принятием решения. Запасшись провизией и вином и наняв спутника для путешествия, я выехал в направлении Севастопольского порта. Погода стояла самая приятная; дорога моя шла по прекрасной равнине, по дну которой течет Альма, на протяжении всего пути до Бахчисарая, древней резиденции крымских ханов, отстоявшего от него всего лишь на тридцать верст. После нескольких часов в пути мы оказались у ворот этого города, местоположение которого чрезвычайно живописно: со всех сторон его окружают высокие горы и скалы, скрывающие его из виду, пока ты не окажешься у самого въезда. Что показалось мне любопытнее всего, и что вызвало одновременно мое удивление и восхищение, это очертания скал – кажется, природа наслаждалась тем, что придавала им самые разнообразные формы: некоторые из них – скругленные, будто шары, другие – треугольные или квадратные; многие из них имеют форму башни, другие представляют собою подобие старинных развалин или же стесаны перпендикулярно, изображая высокие стены, потрясающая высота которых внушает <p. 27> молчаливое удовольствие и уважение. Оставшуюся часть дня я был занят поездкой по части этой романтической страны, и отыскал проводника, чтобы отвести меня в место, расположенное посреди скал, именуемое «крепостью евреев» <fort of the Jews>[17], которое так назвали отчасти из-за группы населяющих его людей, отчасти из-за его местонахождения, которое таково, что делает невозможной всякую попытку покорения. Крепость эта предстает перед глазами как всего лишь маленькое, незначительное селение на выступе скалы, откуда она господствует над всей окрестной страной, располагая преимуществом возвышения в несколько сотен футов, а попасть в нее можно только по узкой, высеченной в скале тропе, достаточно широкой, чтобы пропустить одного всадника. В этом месте с незапамятных времен ведет мирную жизнь колония евреев, защищенная от преследований, которым всюду подвергается их раса: здесь они свободно исповедуют свою религию в синагоге, окруженной деревьями чрезвычайной высоты и красоты. Несмотря на возвышенное положение этого селения, оно не лишена источников, ручьев и колодцев, воды которых по каналам и трубам текут <p. 28> из//вилистыми путями по разным его участкам. В этом место также живет одно животное, которое называется *элан* <*elan*>, напоминает взрослого оленя-самца и во многих отношениях очень полезно и выгодно для обитателей[18].

[17] Чуфут-кале. – *Прим. пер.*

[18] Надо полагать, это название – искаженное русское слово «олень». Известно, что небольшое стадо оленей жило на мысе Бурунчак к северу от Чуфут-кале [Паллас 1999, с. 33]. Видимо, бахчисарайские олени были поменьше европейских, с которыми их сравнивает автор. – *Прим. пер.*

С наступлением ночи я спустился в город и обнаружил в одном из дворцовых покоев приготовленное для меня прекрасное ложе с пуховыми подушками, на котором я вскоре забыл о тяготах этого дня. Главный служитель приложил немалые усилия, дабы показать мне все содержащиеся все покои дворца, которые расположены и обставлены в восточном стиле. Его внешний вид весьма напоминает небольшую крепость; он окружен рвами, по берегам которых растут деревья необычайной красоты. Его внутренняя часть включает большое число великолепных покоев, в которых имеется множество диванов <divans>,[19] покрытых турецкой парчой. Я также осмотрел бани, которые в прежние времена предназначались для дам из ханского сераля: их <p. 29> стены были полностью покрыты стеклом. Покинув их, я прошел через два больших, широких двора.

Совсем рядом с дворцом стоит главная татарская мечеть, представляющая собой красивую обширную постройку, переполненную украшениями в турецком вкусе. Мне указали место, где похоронены все древние ханы: их могилы украшены известным количеством тюрбанов.

На следующий день, осмотрев все, что представляло интерес, я начал поездку в ту часть страны, где прошлым вечером видел множество объектов, привлекших к себе внимание. Таким образом, я углубился более чем на три лиги в очаровательные долины, образованные грядой окружающих город скал. Эти долины, некоторые части которых орошают бесчисленные ручьи и речушки, образующие на некотором расстоянии очаровательные каскады, заполнены домами и селениями, которые населяют татары. Многочисленные стада, пасущиеся посреди скал и крутых гор в сопровождении сладких звуков пастушьих дудок, многократно отраженных <p. 30> эхом, представляли собою настолько изысканно-очаровательное зрелище, что в тот момент я вообразил себя оказавшимся на благословенных равнинах Аркадии[20]. Среди многих животных в этих стадах имеются крымские овцы, шерсть которых необычно красива, а шкура ценится очень высоко даже в этой стране и пользуется большим спросом в России из-за своей прочности и того, что по мере носки она становится исключительно нежной. Разведение этой породы овец, превосходные качества которых приписывают пастбищам, где они кормятся, сильно пострадало от многочисленных переселений, вызванных русскими завоеваниями в этой стране; но сейчас правительство использует все возможные средства, чтобы устранить этот недостаток, и в настоящее время занято важными переговорами, предмет которых – переселение сюда орды ногайских татар <Nogais Tartars>, которые уже выказали свое желание обосноваться на полуострове. Если эти переговоры завершатся успехом, то они приведут к весьма существенному увеличению численности и людей, и животных. <p. 31>

[19] Диван – род удобного ложа, популярного у турок, которое они используют также в качестве стула.

[20] Аркадия – область в Древней Греции, изолированная от других районов; предполагалось, что ее жители ведут простую, счастливую, пасторальную жизнь. Впоследствии это название стало нарицательным. – *Прим. пер.*

Закончив странствия по этой интересной стране, я возвратился в город. Встретив на улицах нескольких дам, одетых в платье из грубой белой фланели, с вуалью того же цвета на голове, покрывавшей большую часть груди и имевшей лишь два маленьких отверстия для того, чтобы пропускать свет, я с интересом попросил у первого же встреченного мною лица истолковать этот подобный привидениям облик, и получил ответ, что то были монашки, принадлежавшие к существовавшему в городе татарскому монастырю.

Поскольку я решил до конца дня повернуть к порту и городу Севастополю, я был принужден отказаться от намерения осмотреть различные интересные объекты в Бахчисарае; поэтому я удовлетворился тем, что бросил беглый взгляд на некоторые изрядные развалины деревень в окрестностях, на несколько древних замках и других строений, которые свидетельствуют о величии этой страны, которая так процветала во времена генуэзцев; и выехал сразу после обеда.

Дорога оказалась отчасти горной, особенно вдоль берегов маленькой речки <p. 32> Бельбек <Belbekwe>. Проведя в пути несколько часов, мы достигли порта Севастополь, который со временем может стать одним из лучших в Европе. Он образован двумя большими бухтами, каждая из которых может принять более сотни судов; я снова получил большое удовольствие, наслаждаясь видом моря с бесчисленным множеством мелких судов, стоявших на якоре в порту. Там было также несколько военных кораблей; поднявшись на борт одного из них, я встретил морского офицера, который был достаточно учтив, чтобы пояснить мне все, что показалось интересным. Затем мы погрузились в маленькую лодку и переправились в город, который расположен в центре двойного контура, образованного портом. Место это, в настоящее время пребывающее в младенчестве, каждый день прирастает чем-то, что ощутимо способствует его росту и славе. Рассматриваются планы по возведению домов во всех направлениях, и нет сомнений, что он займет достойное место среди второстепенных городов. Часть его, как в Неаполе, расположена на окружающих порт горах, а другая часть – у подножья этих гор, <p. 33> которые в основном покрыты виноградниками, садами и дачами. Вдоль берега моря стоит ряд домов, значительным украшением которых служат ведущие к ним дороги. Движение и деятельность, которые властвовали повсюду во всех окрестностях этого порта, вид матросов, усердно трудившихся на кораблях, рыбаков, занятых тем, что забрасывали и вытягивали сети, звуки, производимые плотником и каменщиком, занятыми на строительстве больницы, предназначавшейся на роль приюта для моряков-инвалидов, – все это вместе составляло картину, которую мне невозможно описать. В этом благодатном уголке я остался не дольше, чем на остаток того дня, когда приехал, и на несколько часов дня следующего; к полудню мы выехали в Бахчисарай и нанесли визит английскому джентльмену, которого, как и многих других иностранцев, привлекли на этот полуостров льготы, энергично предлагаемые правительством тем лицам, которые желают на нем обустроиться. Здесь он является владельцем значительной земельной собственности. Доставив мне

удовольствие <p. 34> осмотром различных служб, которые он недавно закончил, он проводил меня на возвышенность, где я насладился очаровательным видом на всю страну, орошаемую Альмой и пересеченную разными горами, которые прибавляют пышности этому прекрасному ландшафту. Оказалось, что я не могу сопротивляться сильнейшему чувству удовольствия при звуках трелей тысяч соловьев, обитающих в рощах, здесь и там разбросанных по этой стране, которые являются немалым дополнением к ее красотам.

Эта первая экскурсия показалась мне настолько приятной, что, по возвращении в Симферополь, я снова обратился к губернатору за разрешением совершить вторую поездку в другой округ. Удовольствие, с которым он согласился на мою просьбу, увеличило мою признательность и не позволило мне терять и минуты времени. Я отправился в новую экспедицию, как только сделал все необходимые приготовления.

В этот раз я направил свой путь в Судак, что отстоит от Симферополя на сотню верст. В первую ночь мы останавливались в Зуе <Suis>, <p. 35> что отстоит от этого города всего на двадцать верст, и на утро следующего дня прибыли в Карасубазар <Karabasar>, который второй по величине в Крыму город после Бахчисарая. Дорога от Симферополя до Судака показалась нам очень приятной, хотя, в целом, проехать по ней довольно трудно; проходит она через горы и скалы, где много густых лесов и колючих кустарников, здесь и там перемежающихся виноградниками, которые имели хорошо обработанный вид. Было пять часов вечера, когда мы прибыли в Судак. Этот город состоит всего лишь из нескольких домов, среди которых – комендантов; благодаря своему положению, он является одним из прекраснейших городов в Тавриде. Он окружен грядой красивых гор, которые почти целиком засажены виноградом. Эта культура быстро развивается по причине превосходного качества вина, которое считается одним из лучших среди тех, что производятся на полуострове, и особенно ценится в России. Подобно большинству крымских вин, оно имеет сладкий вкус и, должно быть, чрезвычайно полезно. Природа его скорее освежающая, чем согревающая. Посреди этих виноградников и на буграх <p. 36>, образующих часть этих гор, виднеется бесконечное число садов и дач; к ним ведут очаровательные дороги, которые приводят также на вершину гор, где открывается бескрайний вид на море и сушу. День начал склоняться к закату, когда я достиг вершины одной из тех гор, расположенной у берега моря и покрытой скальными выступами, образующими большое количество маленьких бухточек. Я приметил также развалины или следы древней крепости довольно значительных размеров, связанной с временами, когда эту страну населяли генуэзцы. Крепость эта была разрушена несколько веков тому назад, но очень легко составить представление о том, что это было такое, по величине рвов и каналов, остатки которых видны до сих пор, а также по размеру камней, из которых были сложены ее стены и башни. На вершине одной из этих скал до сих пор существует высокая башня, которая, вероятно, служила маяком, указывавшим путь прибывающим судам. Ничто не

воскрешает в памяти более несомненной и очевидной уверенности в непостоянстве и бренности дел человеческих, чем вид этих <p. 37> башен и крепостей, ставших жертвой разрушений, что причиняет время, и представляющих взгляду не более, чем зрелище разрозненных развалин, ныне ставших обиталищем разных диких птиц.

Поскольку быстро опускалась ночь, я поспешил возвратиться в дом коменданта.

На следующее утро, на рассвете я возобновил свою экспедицию с целью посетить небольшой городок, называющийся Старым Крымом <Old Crimea>, от которого, весьма возможно, получило свое имя вся страна. Это – место жительства таврического епископа; здесь живет он в очень красивом большом дворце, который был построен для царицы[21] в то время, когда она совершала поездку на полуостров. В этой стране до сих пор существуют остатки колоний иноземцев из многих народов, но особенно из Германии. Меры, учрежденные императрицей Екатериной на благо этих колоний, никогда не исполнялись до конца; численность населявших их людей уменьшилась настолько, что осталось лишь несколько человек. Я задержался в этом месте для изучения шелковой мануфактуры, учрежденной несколько лет назад по указанию герцога <p. 38> Парма; но из-за нехватки не то рабочих, не то достаточного умения управлять и руководить ею, мануфактура все еще очень далека от той степени совершенства, к которой пришли подобные мануфактуры во Франции и Италии[22]. Из Старого Крыма я проследовал в Феодосию, которая в прежние времена была весьма почтенной и цветущей: расположена она на морском побережье; это маленький порт с остатками древних укреплений, которые все еще можно увидеть. Сейчас этот город представляет собой лишь печальное скопление камней и навевает воспоминания о его былом величии лишь по контрасту с нынешним упадком и разорением.

Покинув Феодосию, я возвратился в Симферополь. По дороге я наблюдал несколько незначительных местечек, не предлагавших ничего достойного внимания. Конструкция домов в разных селениях в целом напоминает простоту первых веков эпохи рождения искусств: балки из веток деревьев помещены в беспорядке одна на другой, промежутки заполнены мхом; крыши перекрыты соломой или деревом, на которые помещены камни, предназначенные к удержанию соломы <p. 39> на месте; таковы материалы, из которых сложены обиталища жителей; однако осевшие здесь иностранцы в основном строят для себя дома из камня. Это, разумеется, заставляет думать, что страна, обладающая такими преимуществами от природы, не нуждается ни в чем, кроме руки труженика, чтобы продемонстрировать высокий уровень земледелия, и что в течение полувека или, быть может, еще раньше она станет одной из наиболее процветающих стран Европы.

[21] Екатерины II. – *Прим. пер.*

[22] Граф (а не герцог) Гастан (Яков) де Парма (?–1810) был приглашен из Италии Г. А. Потемкиным для устроения шелководства в России, но это предприятие потерпело неудачу, причем более вероятно, что по вине самого де Пармы [см.: 7, с. 115; 4, с. 30–31; 6, с. 508]. – *Прим. пер.*

Поскольку эта вторая экскурсия отнюдь не удовлетворила мое любопытство, я не терял времени на планирование новых приключений. Я бы не хотел, чтобы говорили, будто бы я пренебрег возможностью ближе исследовать Чатырдаг <Tsherderdak> – одну из самых высоких в Крыму гор. Потому однажды я отправился в путь примерно в восемь часов вечера, чтобы к утру добраться до подножья этой крутой горы и избежать лучей становившегося чрезвычайно жарким солнца. Мой русский проводник, не будучи хорошо знаком с дорогами, довольствовался тем, что следовал берегам Салгира. Будучи совершенно не удовлетворен его неуверенностью в том, каким путем нам нужно было бы ехать, а равно и затруднившись самостоятельно показать ему дорогу <p. 40>, я решил направиться к первому же большому селению поблизости. Когда мы его достигли, я направился прямиком к мурзе и попросил его снабдить меня проводником, который лучше знаком с дорогами и страной. Он с готовностью выполнил мою просьбу, и к часу утра я достиг Тавеля[23] <Fabel>, расположенного у подножья горы, в пятнадцати верстах от Симферополя. Глава этого селения, которое является частью многочисленных поместий генерала Попова[24], принял меня с величайшей любезностью вследствие предъявленного мною рекомендательного письма от губернатора; и, отдохнув в его доме несколько часов, я продолжал свой путь в направлении горы, несмотря на все полученные мною увещевания относительно опасности путешествия по это дороге, а также на уверения том, что многие люди убедились в их справедливости на собственном опыте. Чтобы обезопасить себя от нападения грабителей, которыми, как мне сообщили, кишели все леса и горные проходы, я с благодарностью принял троих мужчин, которых мурза любезно предложил мне в качестве сопровождающих. Первый же взгляд на эту гран//диозную <p. 41> гору так же потрясает, как и удивляет: форма ее совершенно подобна палатке, почему ее и называют по-русски «*Палаткой*» <*Palatka*>, по-татарски же *Чатырдаг*; она вполовину ниже всех остальных крымских гор, которые очень высоки; у ее подножья находятся обширные густые леса, в которых живет множество диких кабанов. Когда вы поднимаетесь на гору, дорога становится более трудной и крутой, однако то здесь, то там встречаются участки, достаточно ровные, чтобы служить местом отдыха. Добирались до вершины мы три целых часа, но великолепная панорама, которая здесь открылась, с избытком вознаградила нас за трудности пути. Я с удовольствием наблюдал у своих ног прекрасный полуостров на всем его протяжении, с его горами, долинами, лесами, городами и деревнями. В тех местах провел я целых восемь дней, но не мог утомиться этою обширною картиной, которая со всех сторон вызывала у меня восхищение и изумление. На севере я ясно различал маленький городок Перекоп; на западе и юге – Черное море, омывающее <p. 42> берега полуострова; на востоке – Азовское море, которое, однако, из-за его отдаленности, определить было не так уж и легко.

[23] Ныне село Краснолесье Симферопольского района. – *Прим. пер.*

[24] Василий Степанович Попов (1743–1821), бывший руководитель канцелярии Г. А. Потемкина, при Павле I вышел в отставку и занялся своими имениями, одно из которых находилось в Тавели. – *Прим. пер.*

Не успел я насладиться этой грандиозной и прелестной панорамой, как, через полчаса, небо стало покрываться черными тучами, которые очень скоро опустились до половины горы, заменив наблюдаемый мною пейзаж другим, который, будучи менее приятным, тем не менее, доставил мне большое удовольствие за счет своей новизны. У ног моих разразилась жесточайшая буря, наполнившая мою душу незнакомым чувством восторга и ужаса, которое, в том состоянии изумления и оцепенения, куда меня погрузил это поразительное происшествие, невозможно было описать. Холод, охвативший меня на вершине горы, очень быстро заставил подумать об отъезде. Однако облака унеслись прочь, и я имел удовольствие наблюдать, как картина, которой я столь пылко наслаждался, постепенно ожила, и представила мне, посреди различных предметов, постепенно открывавшихся моим глазам, достопримечательности, которые полностью завладели моим вниманием. Средь скал я обнаружил множество гротов, <p. 43> котловин и пропастей. Никогда не тающие снега, которыми заполнены последние, дают начало Салгиру, и, кроме того, наполняют бесчисленное множество мелких потоков, которые беспорядочно текут со всех сторон. Это огромное количество воды, производимой таянием снега, течет из воронок и глубоких ям, которые, кажется, она сама помогает создать, встречая на пути к подножью горы различные скалы, которые превращают ее во множество каскадов, шум которых настолько силен, что его слышно на большом расстоянии. Вода эта исключительно холодная и такая прозрачная, что, несмотря на глубину в семьдесят фатомов,[25] если бросить туда монетку, то, когда она достигнет дна, звук будет ясно различим. Я обнаружил, что в разных местах горы возникает многократное, громкое и четкое эхо, которое возвращается несколькими раскатами.

Сейчас день склонялся к закату, и, чувствуя необходимость в небольшом отдыхе после десятичасовой поездки, я стал думать о возвращении к мурзе, оказавшему мне такой сердечный прием; я имел все <p. 44> основания быть довольным прекрасным ужином и постелью, которые он предложил мне. Следующим утром, на рассвете я распрощался с ним, чтобы возвратиться в Симферополь.

Как только я приехал, достойный губернатор, который было уже свидетелем того удовольствия, с которым я реагировал на все мною увиденное, предложил мне посетить Керчь <Kerst> и Еникале, города, расположены на Азовском море; о первом говорят, что там находилась резиденция знаменитого Митридата, который так часто противостоял римлянам и побеждал их. Среди прочих античных остатков там имеется могила этого понтийского царя[26]. По дороге между Керчью и

[25] 1 фатом равен 1,83 м. – Прим. пер.

[26] Митридат VI Евпатор (132?–63 до н. э.) – правитель Понтийского царства, подчинивший скифов, Боспор и другие государства в Причерноморье. Потерпев поражение в борьбе с Римом, бежал в Пантикапей (совр. Керчь), где покончил с собой. Хотя по свидетельству древних авторов, тело Митридата римляне перевезли в Синопу и погребли в семейной усыпальнице, тем не менее его могилу упорно пытались отыскать на берегах Боспорского пролива [8, с. 55; 7, с. 122; 10, p. 281–283; 13, p. 312]. – *Прим. пер.*

Еникале находятся также и многочисленные развалины языческих храмов, посвященных Нептуну и Диане. Вне зависимости от удовольствий, обещанных мною самому себе при посещении этой страны, я не воспользовался преимуществом тех условий, что предложил мне губернатор; и это случилось не только по причине расстояния в двести пятьдесят верст, которые нужно было проехать, но также из-за моего желания присоединиться к штабу российской армии, которая тогда находилась в Польше.[27] По этой причине единственным местом, где я побывал в то время, было поместье, <p. 45> пожалованное императрицей барону Бюлеру[28] <Buhler>, которое находилось на небольшом расстоянии от Симферополя.

Во второй раз поехал я в Карасубазар, город, о котором рассказывал ранее. Оттуда я проследовал в Кишлав[29] <Kushlaw>, очаровательное местечко, расположенное в приятной долине, где, как оказалось, квартировал российский полк. Полковник, которому меня рекомендовали, принял меня с большой любезностью и добротой. Я был очарован видом лагеря, который располагался на холме. Среди множества шатров я обратил особое внимание на тот, что принадлежал полковнику Годлевскому[30] <Godlewski>. Как только я пообедал, то погрузился в свой экипаж и через несколько часов достиг резиденции г-на Бюлера – имения существенной величины. Я насчитал в нем четыре небольших селения, в окрестностях которых растут леса и плодовые деревьями всех сортов. Осмотрев все то, что представляло интерес, я вернулся ночевать к полковнику Годлевскому в Кишлав. На следующий день, осмотрев учения его полка, дисциплина в котором, как мне показалась, хороша настолько же, насколько хорошо питание, я снова выехал на дорогу в <p. 46> Симферополь, куда и прибыл в ранний час.

12/23 июня 1792 года я покинул этот город, распрощавшись с губернатором, проникнутый самым искренним чувством благодарности, которое я ощущаю гораздо сильнее, чем могу выразить. Если бы все его подчиненный отнеслись ко мне с тем же дружелюбием и добротой, четыре месяца, которые я провел в этом городе, стали бы приятнейшими в моей жизни.

Запасшись небольшим количеством провизии и захватив с собою шесть бутылок лучшего крымского вина и две фляги *ликеров*,[31] я погрузился в свою кибитку в компании очень любезного молодого человека – уроженца моей собственной страны, и вместе с ним направил свой путь в направлении штаба армии, которая находилась в Польше.

---

[27] Очевидно, автор имеет в виду начавшуюся в Польше в мае 1792 г. борьбу между сторонниками и противниками конституции, воспользовавшись которой в страну вступили российские и прусские войска; эти события завершились вторым разделом Польши 1793 г. – Прим. пер.

[28] Карл Яковлевич Бюлер (1749–1811) – немец по происхождению, состоял на русской дипломатической службе, впоследствии дослужился до тайного советника и члена Коллегии иностранных дел, в описываемое время находился с миссией в Польше. – *Прим. пер.*

[29] Ныне село Курское Белогорского района АР Крым. – *Прим. пер.*

[30] Станислав Францевич Годлевский (1755–1806) – поляк по происхождению, поступивший на русскую военную службу, в описываемое время командовал Таврическим конно-егерским полком. – *Прим. пер.*

[31] Ныне село Краснолесье Симферопольского района. – *Прим. пер.*

<p. 47>

ГЛ<АВА> III

Поездка через Польшу в Петербург

Скорость, с которой я совершил это короткое путешествие, дала мне возможность сделать лишь следующие заметки.

Через три дня после отъезда из Симферополя я прибыл в Перекоп, где, вместе со своим товарищем по путешествию, оставался в течение двух дней, что дало мне время исследовать этот город тщательнее, чем во время своего прошлого визита, и отнестись к нему более благосклонно, хотя его местоположение показалось мне гораздо менее благоприятным, чем у большинства городов в глубинных районах полуострова, попавших в поле моего зрения. В его окрестностях добывают значительное количество соли, что делает воздух весьма нездоровым. Производство этого товара весьма выгодно жителям. Почти все южные провинции России и Польши получают соль только из Крыма и окрестных районов, <p. 48> которую добывают отчасти на берегах моря, отчасти из воды нескольких крупных озер.

Из Перекопа я поехал в Херсон, где провел полтора дня; это дало мне возможность посетить могилу князя Потемкина, которая находится в арочном склепе, расположенном точно посередине церкви. Саркофаг, в котором содержатся останки этого прославленного человека, покоится на мраморном пьедестале, расписанным эпитафиями известного качества. Завершив визит к могиле, я опять возобновил свое путешествие в девять вечера и на следующий день с рассветом прибыл на берега Буга. Переправившись через реку, я очень быстро достиг Леопольда (Ольвиополья)[32] <Leopold (Olviopold)>, небольшого, недавно построенного городка, который находится в Екатеринославской губернии <government of Catharinoslaw> на границе между Польшей и Молдавией; это место населяют и укрепляют евреи. Пробыв там два дня, я выехал по дороге на Дубоссары...

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Абалакин В. К., Капцюг В. Б., Копылов И. М., Кузнецова А. Б., Лавринович К. К., Московченко Н. Я., Невская Н. И., Положенцев Д. Д., Толбин С. В., Чубей М. С. Династия астрономов из рода Струве // Немцы в России: три века научного сотрудничества. – СПб., 2003.

2. Административно-территориальные преобразования в Крыму. 1783–1998 гг. Справочник. – Симферополь, 1999.

3. Волков С. В. Генералитет Российской империи. Энциклопедический словарь генералов и адмиралов от Петра I до Николая II. Т. I–II. – М., 2010.

4. Киреенко Г. К. Об ордерах князя Потемкина и графа Зубова, хранящихся в архиве Таврического губернского правления (1784–1796) // Известия Таврической Ученой архивной комиссии. – 1897. – № 3.

[32] Вероятно, автор имеет в виду Овидиополь в нынешней Одесской области.

5. Макидонов А. В. Светская и церковная власть Новороссии (Екатеринославская, Херсонская и Таврическая губернии) первой половины XVIII – XIX века (списки генерал-губернаторов, губернаторов и вице-губернаторов; иерархов православной Церкви) // Культура народов Причерноморья. – Симферополь, 2003. – № 39.

6. Мурзакевич Н. Н. Некоторые лица, служащие при князе Потемкине // Записки Императорского Одесского Общества истории и древностей. – 1879. Т. XI.

7. Паллас П. С. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793–1794 годах / пер. С. Л. Белявская, А. Л. Бертье-Делагард. – М., 1999.

8. Ромм Ж. Путешествие в Крым в 1786 г. / пер. К. И. Раткевич. – Л., 1941 г.

9. Clarke E. D. Travels in Various Countries of Europe, Asia and Africa. 6 vols. – London, 1810–1823.

10. Clarke E. D. Travels in Various Countries of Europe, Asia, and Africa. Part the first. Russia, Tartary, and Turkey. Section 1. Second American edition. – New York, 1813.

11. Pallas P.-S. Bemerkungen auf einer Reise in die südlichen Statthalterschaften des Rußischen Reichs in den Jahren 1793 und 1794. 2 Bd. – Leipzig, 1799–1801.

12. Reise eines jungen Russen von Wien über Jassy in die Crimm: und ausführliches Tagebuch der im Jahr 1793 von St. Petersburg nach Constantinopel geschickten russisch-kaiserlichen Gesandtschaft. – Gotha, 1801.

13. The Life of Reginald Heber, D. D., Lord Bishop of Calcutta. By his Widow. With Selections from his Correspondence, Unpublished Poems, and Private Papers; together with a Journal of his Tour in Norway, Sweden, Russia, Hungary, and Germany, and a History of Cossacks. Vol. I. – New York, 1830.

14. Travels in the Crimea. A History of the Embassy from Petersburg to Constantinople, in 1793. Including their journey through Krementschuck, Oczakov, Walachia, and Moldavia; with their Reception at the court of Selim the Third. By a secretary to the Russian Embassy. – London, 1802.

15. Voyage en Krimée suivi de la relation de l'ambassade envoyée de Petersbourg à Constantinople en 1793, publiée par un jeune russe attaché à cette ambassade / traduit de l'allemand par L. H. Delamarre. – Paris, 1802.

ВОПРОСЫ ПЕРЕСЕЛЕНИЯ И ОБУСТРОЙСТВА АРМЯН, БОЛГАР И ГРЕКОВ В СТАРОМ КРЫМУ И КАРАСУБАЗАРЕ В КОНЦЕ XVIII – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX ВЕКА

Маргарита Анатольевна Араджиони,
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, заведующая отделом Крымского отделения Института востоковедения НАН Украины

Аннотация. В статье затрагиваются вопросы переселения и обустройства армян, болгар и греков Старого Крыма и Карасубазара (Белогорска) в конце XVIII – первой трети XIX в. Подробно рассматривается события, связанные с репатриацией армян и греков, переселенных из Крыма в Приазовье в 1778 г., а также вопросы основания Старокрымской болгарской колонии. В научный оборот вводятся новые документы, свидетельствующие о развитии переселенческого движения и внутренней миграции в Новороссии, о социальном статусе, составе семьи и половозрастном составе бургасских греко-болгарских переселенцев в Старом Крыму.
Ключевые слова: Крым, Российская империя, репатрианты, греки, армяне, болгары.

Анотація. В статті розглядаються питання переселення й облаштування вірменів, болгар і греків Старого Криму й Карасубазару (Білогорська) в кінці XVIII – першій третині XIX ст. Детально розглядаються події, пов'язані з репатріацією вірмен і греків, переселених з Криму в Надазов'я в 1778 р., а також питання заснування Старокримської болгарської колонії. В науковий обіг вводяться нові документи, що свідчать про розвиток переселенського руху та внутрішньої міграції в Новоросії, про соціальний статус, склад родини і статєвовіковий склад греко-болгарських переселенців з Бургасу в Старому Криму.
Ключові слова: Крим, Російська імперія, репатріанти, греки, вірмени, болгари.

Abstract. The article addresses the issues of resettlement and rehabilitation of the Armenians, Bulgarians, Greeks of Stary Krym and Karasubazar (Belogorsk) at the end of XVIII – first half of XIX century. The repatriation of Armenians and Greeks deported from the Crimea into the Azov Sea region in 1778, as well as the foundation of Bulgarians colony in Stary Krym are dealt with in detail. New documents showing the development of the resettlement movement and internal migration in Novorossiya («the New Russia»), about social status, family structure and demographic composition of the Greek-Bulgarian Burgas settlers in Stary Krym are intorduced for the scientific use.
Keywords: The Crimea, Russian empire, repatriates, Greeks, Armenians, Bulgarians.

После присоединения Крыма к Российской империи, в конце XVIII – начале XIX века, в Крым начали прибывать иностранные колонисты. Также было довольно много репатриантов – армян и греков, которые возвращались из Приазовья после переселения 1778 г., затем к ним добавились армяне, болгары и греки из различных регионов Османской империи, русские и украинцы. Среди репатриантов из Приазовья в основном были горожане, которым пришлось очень нелегко на новом месте: необходимо было налаживать разорванные тор-

говые связи, коммуникации, сменился традиционный ассортимент торговли, значительно сузился рынок сбыта товаров, возросла конкуренция. Многие не могли справиться с трудностями, выдерживали лишь самые предприимчивые. Бóльшая часть купцов по уровню благосостояния была приписана к мещанам, многие самовольно переселялись в Крым, особенно армянские купцы и ремесленники, которым было очень «тесно» в Новом Нахичеване, менее активно – греки [1, с. 485–490]. Более активному возвращению на полуостров именно купцов, а не земледельцев способствовала также их относительная свобода передвижения: под предлогом проведения коммерческих операций в разных городах Российской и Османской империй они без особых сложностей получали специальные паспорта.

Из документов, хранящихся в Госархиве в Автономной Республике Крым (далее – ГААРК), можно заключить, что репатриация на полуостров наблюдалась уже в первые годы после переселения 1778 г. Так, например, из Нового Нахичевана еще в 1781 г. возвратились в Феодосию и открыли свои лавки армяне Рапаел Капрелов, в Старый Крым – Агоп Шамлы, Минас Чиграгчи, Хачерес Максимаджи, Киркор Бербер, Ованес Байрактар и др. Некоторые репатрианты покупали дома и лавки или строили новые, а некоторые требовали возвращения своего недвижимого имущества из казны [2, л. 5–20]. Уже в 1784 г. правительство, чтобы регулировать процесс передачи собственности, было вынуждено издать указ «О возвращении во владение некоторым выбывшим из Крыма грекам и армянам домов, лавок и ханов» [3, л. 2–7].

После упразднения города Екатеринослава в сложном положении оказались купцы и ремесленники армяно-католической общины: основные потребители товаров перешли в другие города, угасли совсем и без того не очень оживленные торговые пути. Поэтому этой группе крымских христиан официально было разрешено вернуться на полуостров. В 1787 г. армяне-католики поселились в Карасубазаре (ныне Белогорск) и Феодосии, а со временем и в других городах Крыма: Евпатории, Симферополе, Перекопе, Керчи. Соответственно были упразднены некоторые льготы, полученные при выходе из Крыма. Новые казенные повинности для армян-католиков определялись специальным указом 1804 г. [4, с. 15; 5, с. 375–378; 6, л. 1–19].

По ордеру Г. А. Потемкина с 1787 г. Феодосию заселяли преимущественно христиане – армяне, греки, болгары, русские. В то же время в Старом Крыму было разрешено обосновываться лишь одним армянам, что подтверждалось высочайшей грамотой от 28 октября 1799 г. Делопроизводство в Старокрымской ратуше велось на русском и армянском языках. В начале XIX в. в городе поселилось несколько греческих купцов, на что армянский архимандрит Хазар подал жалобу в Акмечетский земский суд. По итогам этой тяжбы был издан специальный приказ от 1 марта 1801 г., запрещавший грекам впредь «заводиться поселением» в Старом Крыму [7, с. 10; 8, л. 1]. Несмотря на этот документ, все же некоторые греки из Приазовья оседали в Старом Крыму, но, вероятно, потому, что были представителями мещанского, а не купеческого сословия и не

могли составить конкуренцию жившим в городе армянам и крымским татарам. В 1807 году армянская община составляла 50% от всего населения города (1500 чел.) и насчитывала 190 семей (399 мужчин и 355 женщин, в том числе семь монахов, живших в монастыре Сурб-Хач). Из них чуть меньше половины семей (79) – купцы и ремесленники, самовольно вернувшиеся из Нового Нахичевана (178 мужчин и 143 женщины). Тридцать семей этих мигрантов вселились в собственные дома, оставленные при выходе из Крыма, двадцать – начали строить новые, две семьи смогли купить жилье, а двадцать семь семей ютились в чужих домах. Почти в десять раз меньше переселилось в Старый Крым греков из Мариуполя – всего семь семей мещан: Спирини, Васильевы, Паниоти, Донгучинов, Асланов, Гугичи, Тистики (14 мужчин и 13 женщин). Они устроились в собственных домах, или построили их заново, открыли лавки и пекарню [9, л. 2–20].

В связи с активизацией внутренней миграции в Новороссии Херсонский военный губернатор Дюк де Ришелье предложил крымским властям принять на поселение полсотни болгарских семей из колонии Большой Буялык под Одессой, которые изъявили желание жить на полуострове. Делами этих переселенцев занималась Контора опекунства новороссийских иностранных поселенцев, в частности канцелярия Одесского водворения иностранных переселенцев. В начале 1810 г. губернатор А. В. Бороздин писал по этому поводу в Старокрымскую городскую ратушу и смотрителю крымских колоний: «Предположено поселить их в город Старый Крым. Старокрымская городская дума представила, что она со своей стороны для поселения этих болгар назначила следующие места: 1) по правую сторону города на подошве горы, 2) по левую сторону города между двух рек, хотя можно избрать и другие свободные места. Нужно выбрать из тех болгар двух почетных людей, чтобы те приехали в Старый Крым и сами обозначили место. Также нужно взять подписки с Армянского общества, что согласны жить с болгарами и места для поселения выделили сами, а с болгар, что места, которые они там изберут, их устраивают и добровольно там поселиться пожелают... Болгары сии должны быть поселены при г. Старом Крыме особым кварталом...» [10, л. 2–13].

Такие расписки были выданы и от болгарского и от армянского обществ. Всего переселенцам было выделено 86 десятин земли в трех километрах от Старого Крыма и уже в марте 1810 г. болгарские колонисты (61 семья – всего 287 чел.) были отправлены на полуостров (приложение 1). Они образовали болгарскую колонию с таким же названием, как и близлежащий город. Каждая семья получила в пользование 1,5 десятины пахотной земли, которой было явно недостаточно, чтобы прокормиться. Недостаток пахотной земли и полное отсутствие лугов и пастбищ вынудило болгар самовольно начать пользоваться близлежащими землями, принадлежавшими городу Старый Крым и Армянскому монастырю Св. Георгия [11, с. 26–28]. Это привело к недовольству настоятеля монастыря и старокрымских армян, и с 1812 г. началась тяжба. Вскоре оказалось, что выделенные непосредственно под поселение колонистов 86 десятин земли также являлись собственностью армянского монастыря. Лишь в 1824 г. земель-

ный конфликт между болгарами и армянами, спровоцированный недосмотром чиновников и путаницей в документах, был разрешен. В итоге 514 десятин монастырской земли у Старого Крыма были переданы во владение болгарской общине, а армянскому монастырю в 1835 г. в порядке компенсации было отмежевано 2000 десятин земли в Перекопском уезде [11; с. 27–28; 12, с. 53–114].

По V ревизии в 1795 г. в Мариуполе считались отсутствующими 1090 человек (559 мужчин и 531 женщина). Из них со временем возвратились всего 30% – 326 чел. (180 мужчин и 146 женщин) [13, с.132; 14, л. 1–2]. В Новом Нахичеване в 1795 г. отсутствовало более 400 семей (около 1600 чел.), предположительно уехавших по торговым делам в Крым и не вернувшихся. Городские магистраты, обеспокоенные таким оттоком населения, накануне VI ревизии объявили их розыск. Однако крымская администрация, заинтересованная в увеличении населения полуострова, отказалась высылать «нахичеванских армян», как и «мариупольских греков», к месту их приписки. Предлогом послужило то, что многие из них уже более двадцати лет живут на полуострове и обзавелись хозяйством. Было принято решение: всех возвратившихся из Приазовья, кто окажется в Таврической губернии на момент проведения переписи, вносить в ревизские сказки 1811 г., причисляя их к купцам и мещанам городов полуострова [2, л. 1–20]. Так, например, только в Старом Крыму более 230 семей армян – старожилов Крыма, вернувшихся из Нахичевана, опять стали полноправными жителями полуострова. В руках армянских купцов-старожилов находилось 93 лавки, три кофейни, шесть черепичных заводов, три мельницы, пекарня, цирюльня. Несколько семей владело садами и виноградниками в окрестностях Старого Крыма, Феодосии и у деревни Козы. Наиболее состоятельными являлись Мугар Карабетов, Бедрос Меганаджи, Карабет Шамлиев (имели по три лавки), Микеил Хаисерели (две лавки и кофейня), Могордыч Бузаджи (две лавки и черепичный завод), Кеворк Хасап (лавка и две мельницы).

Документы городской думы Карасубазара, где с 1787 г. компактно проживала община армян-католиков, позволяют проследить, как пополнялась местная армянская община после 1811 года. По ведомости, «учиненной в 1815 г. на иногородних и иностранных людей в Карасубазаре торгом и промыслом занимающихся», из 253 душ мужского пола 142 были армянами (из них 80 – вновь переселились из Нахичевани); 43 – греками, из них 2 ремесленника (Бозаджи Спиро и Минаеджи Аким) приехали из Мариуполя уже после VI ревизии. 62 армянина были либо турецкоподданными, переселившимися из Османской империи, либо жителями других городов и сел (16 чел. из Старого Крыма, 4 – из Феодосии, 1 из д. Кийли). Довольно часто среди фамилий-«прозвищ» иногородних армян встречается топоним «Галич», что может свидетельствовать о тесных торговых связях с армянскими общинами современной территории Западной Украины [15, л. 2–8].

На основании статистических сведений, представленных Карасубазарской думой в 1832 г., можно проследить, как прибывали в город турецкоподданные армяне, а также их основные занятия. Например, из турецкоподданных армян-ремесленников, приехавших в город в 1809–1819 гг., к 1832 г. остались и обза-

велись хозяйством только шесть человек: башмачник Арготин (с 1809 г.), бакалейщик Степан Богос (с 1810 г.), каменщик Вартан (с 1813 г.), купец Агоп Елас (с 1818 г.), серебряных дел мастер Арготин Хазаров (с 1819 г.). И это не удивительно, ведь большинство прибывавших в Крым были временными трудовыми мигрантами, которые приезжали на заработки – на сезонные работы или нанимались на другой определенный срок, иногда до десяти лет. Поэтому немногие из них оставались затем в Крыму на постоянное место жительства. Из приехавших в следующее десятилетие (1820–1830-е гг.) значилось 36 человек. Среди них десять пекарей, бакалейщики (Карабет Асвадуров, Ованес Бедрос и др.), золотых дел мастер (Ованес Арютинов), башмачник (Кучук Тодор), портные (Киркор Матос, Арготин Бедросов), ткачи (Карабет Вартанов и др.), художники по тканям (Минас Мамуков, Вартарес Ваведиков, Карабет Хахов), заводчики (Кипрел Рапаилов владел мыльным заводом) и др. К сожалению, у нас нет документальных данных, кто же из них остался в Крыму спустя десять лет, хотя можно предположить, что их число могло уменьшиться более чем наполовину [16, л. 16–23].

В связи с прибытием в Крым после Адрианопольского мира (1829 г.) новых переселенцев гражданский губернатор Казначеев 19 мая 1830 г. писал в адрес Старокрымского городского головы: «По воле Государя Императора из турецких владений переселились в Крым в большей части болгарские и греческие семейства. Некоторые из них уже прибыли и многие выдерживают карантинный термин в здешнем карантине, прибывшие через Севастопольский порт находятся временно в Старом Крыму. Сии, оставившие отечество свое и с доверенностью к доброму расположению российско-подданных переселившихся к нам имеют нужду в пособии, а потому я предлагаю вам согласить Старокрымское общество на оказание им должного гостеприимства и пособия помещением их в своих домах до отвода земли им к поселению...» [17, л. 1–2]. В Старом Крыму срочно начали решать вопрос с размещением переселенцев. Некоторые семьи болгар и греков местные жители-армяне приняли в собственных домах, другим предоставили возможность нанимать жилища. Размещение переселенцев из Бургаса выглядело следующим образом (подробно см. приложение 2): 31 семья (108 душ обоих полов) была поселена в 14 домах старокрымских армян, хозяева которых либо находились в других городах, либо переселились к своим родственникам. Лишь один из иммигрантов болгарин Дмитрий купил себе жилище. Иногда в доме размещалось две-три семьи. Вскоре в Старый Крым прибыло еще 16 семей болгар (95 человек) – переселенцев из Сливена, которые были расселены в постоялом дворе Богоса Кесе-оглу, домах Карабета, Каспара Мумджиева, Барона Боде. Интересно, что из числа поселившихся в Старом Крыму переселенцев земледельцами были в основном болгары, а вот греки – ремесленниками. Со временем ремесленники получили возможность открыть в городе лавки, земледельцы отчасти пополнили Старокрымскую болгарскую колонию.

Таким образом, после переселения в 1778 г. в Приазовье армян и греков, составлявших значительную часть жителей Карасубазара и Старого Крыма, вос-

полнение населения этих городов шло довольно медленно. Оно происходило в значительной степени за счет репатриантов – армян и греков, вернувшихся из Екатеринослава, Нор-Нахичевана и Мариуполя в 1781–1810-е гг. Причем официально разрешили вернуться только общине армян-католиков, которую поселили в Карасубазаре, остальные приезжали по торгово-ремесленным делам и самовольно оставались на жительство. Разрешение жить на полуострове они получили только в 1811 г. по результатам VI ревизии населения. Центральным городом армян-григориан был утвержден Старый Крым, а вот греков старались определять на жительство в Феодосию или дисперсно расселяли в других городах полуострова, где уже обосновались греки – бывшие военнослужащие, прибывшие в Крым в 1775 г. и новые переселенцы – греки – трудовые мигранты из Османской империи. Кроме того, офицеры – военнослужащие Балаклавского греческого пехотного батальона получили в окрестностях Карасубазара и Старого Крыма значительные земельные наделы. В начале XIX в. после нескольких русско-турецких войн произошло очередное переселение армян, греков и болгар из Османской империи, которое проводилось организованно при поддержке российского правительства. Переселенцы получали определенные льготы и земельные наделы, их обустройством занимались чиновники Конторы иностранных поселенцев. Наблюдались также внутренняя миграция и образование дочерних колоний – например, выходцы из одесской Больше-Буялыкской греко-болгарской колонии образовали болгарскую колонию Старый Крым возле одноименного города. В дальнейшем население этой колонии и города пополнилось иммигрантами из Бургаса и Сливена. Следует отметить, что переселенческий процесс спорадически продолжался и после 1830 г. Несмотря на то что греки, армяне и болгары прибывали в Старый Крым в разное время, имели разный социальный статус, различались также предоставленные им льготы и поддержка, оказываемая им государством, тем не менее межэтнических и межконфессиональных конфликтов среди них практически не возникало, хотя имели место имущественные споры и торговая конкуренция. В то же время приведенные документы свидетельствуют о взаимопомощи и поддержке, которую оказывали представителей различных этнических групп друг другу в первые трудные годы обустройства и адаптации новых переселенцев.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Араджиони М. А. Возвращение в Крым старожильческого христианского населения после эмиграции 1778 г. // МАИЭТ. – Симферополь, 2001. – Вып. 8. – С. 485–502.

2. ГААРК, ф. 67, оп. 1, д. 56. О добавлении в казенную экспедицию сведений о нахичеванских армянах, желающих переселиться в Старый Крым.

3. ГААРК, ф. 799, оп. 3, д. 8. О возврате во владение выбывшим из Таврической области грекам и армянам собственных домов и лавок.

4. Кеппен П. И. Хронологический указатель материалов для истории инородцев в России. – СПб., 1861.

5. Скальковский А. Армяне-католики Новороссийского края // Новороссийский календарь на 1850 г. – Одесса, 1849.

6. ГААРК, ф. 799, оп. 1, д. 1.

7. Киреенко Г. Ордера кн.Потемкина. 1787 г. // ИТУАК. 1889. – Вып. 8.

8. ГААРК, ф. 67, оп. 1, д. 2. О воспрещении грекам заводиться в Старом Крыму поселением.

9. ГААРК, ф. 67, оп. 1, д. 8. «Об освидетельствовании количества жителей и построек в Старом Крыму.

10. ГААРК, ф. 67, оп. 1, д. 42. О поселении болгар-колонистов в Старом Крыму.

11. Носкова И. А. Крымские болгары в XIX – начале XX вв. : история и культура. – Симферополь : Сонат, 2002.

12. Указатель материалов по истории крымских армян, хранящихся в Государственном архиве Автономной Республики Крым. – Симферополь, 2007.

13. Саенко Р. И. Ревизские сказки г.Мариуполя... // Україна – Греція : історія та сучасність. Тези міжнародної наукової конференції. – К., 1993.

14. Госархив Донецкой области, ф. 131, оп. 1, д. 72. Ревизская сказка г. Мариуполя 1816 г.

15. ГААРК, ф. 169, оп. 1, д. 34. Об учиненной на иногородних иностранных людей в г.Карасубазаре торгом и промыслом занимающихся ведомости.

16. ГААРК, ф. 169, оп. 1, д. 96. Об учиненной на иногородних иностранных людей в г. Карасубазаре торгом и промыслом занимающихся ведомости.

17. ГААРК, ф. 67, оп. 1, д. 537. О назначении в г. Старый Крым 90 семей заграничных греков и болгар и об отводе им земли.

Приложение 1

Список прибывших для поселения в Старом Крыму болгар [10, л. 15–16]

Когда прибыл в Россию	*Имя главы семьи*	*Мужчин*	*Женщин*	*Всего*
1802 г.	Грамено Пено	6	3	9
1803 г.	Дмитрий Стамо	2	2	4
1803 г.	Кирио Стоян	3	3	6
До октября 1803 г.	Енакай Мануил	1	3	4
До октября 1803 г.	Войно Тодор	2	1	3
До октября 1803 г.	Кирио Иван	4	1	5
До октября 1803 г.	Георгий Димитрий	1	2	3
До октября 1803 г.	Калуян Станко	1	1	2
До октября 1803 г.	Иван Диордий вдов	1	2	3
До октября 1803 г.	Стоян Атанас	2	2	4
До октября 1803 г.	Георгий Атанаси	2	1	3
До октября 1803 г.	Яни Стоян	3	2	5
До октября 1803 г.	Велко Яни	4	2	6
До октября 1803 г.	Георгий Востан	1	4	5
Октябрь 1803 г.	Димо Георгий	2	4	6
Октябрь 1803 г.	Мавродий Георгий	4	3	7
Октябрь 1803 г.	Димитрий Коста	3	1	4
Октябрь 1803 г.	Димитрий Иван	2	3	5
Октябрь 1803 г.	Георгий Петко	3	4	7
Октябрь 1803 г.	Мавродий Коста	2	1	3
Октябрь 1803 г.	Тодор Петко	1	1	2
Октябрь 1803 г.	Стамати Иоргий	2	1	3

Продолжение приложения 1

Когда прибыл в Россию	*Имя главы семьи*	*Мужчин*	*Женщин*	*Всего*
Октябрь 1803 г.	Лемберг Стамболий	4	1	5
Октябрь 1803 г.	Волчо Стоян	1	2	3
Октябрь 1803 г.	Коста Атанас	3	2	5
Октябрь 1803 г.	Драган Панайот	3	1	4
Октябрь 1803 г.	Димо Иоргий	3	1	4
Октябрь 1803 г.	Никола Неделько	1	3	4
Октябрь 1803 г.	Димо Кириец	2	3	5
Октябрь 1803 г.	Димо Кирио	4	5	9
Октябрь 1803 г.	Неделко Тодор	2	3	5
Октябрь 1803 г.	Стоян Янчо	3	2	5
Октябрь 1803 г.	Зеко Димо	1	4	5
Октябрь 1803 г.	Желяско Нено	3	1	4
Октябрь 1803 г.	Лулут Неделко	4	2	6
Октябрь 1803 г.	Видо Петко	1	2	3
Октябрь 1804 г.	Стоян Стояно	2	1	3
14 апреля 1804 г.	Василь Стоян	2	3	5
Июнь 1804 г.	Тодор Георги	1	3	4
18 июня 1804 г..	Стамо Димитрий	2	2	4
18 июня 1804 г.	Димитрий Кнуло	2	2	4
18 июня 1804 г.	Константин Михайли	2	3	5
18 июня 1804 г.	Константин Стоян	1	6	7
21 июня 1804 г.	Петко Янакий	3	2	5
28 июня 1804 г.	Волчо Войно	3	3	6
28 июня 1804 г.	Тодор Ниделко	2	4	6
28 июня 1804 г.	Богдан Николай	3	3	6
28 июня 1804 г.	Никола Михо	4	3	7
28 июня 1804 г.	Кирио Георгий	3	2	5
28 июня 1804 г.	Тодор Петко	3	1	4
28 июня 1804 г.	Волчо Секо	2	1	3
28 июня 1804 г.	Димо Пейчо	3	1	4
28 июня 1804 г.	Димитрий Иоргий	2	-	2
28 июня 1804 г.	Волчо Яний	3	2	5
13 июля 1804 г.	Яно Митро	2	1	3
13 июля 1804 г.	Димо Братин	1	2	3
13 июля 1804 г.	Славо Сепко	3	4	7
13 июля 1804 г.	Хрусан Тодор	1	2	3
21 июля 1804 г.	Стефано	4	4	8
27 августа 1806 г.	Яно Петко вдов	3	3	6
1806 г.	Кирко Русо	2	1	3
ВСЕГО	**61 семья**	**146**	**141**	**287**

Приложение 2

Список болгар и греков, прибывших в Старый Крым из Бургаса в 1830 г.

Хозяин и члены его семьи	Возраст, лет	В чьих жилищах размещены	Где находятся хозяева домов
Священник болгарин Яни Жена Анна Племянник	50 40 7	В доме умершего мещанина Маджана Саркизова	Семья находится в Карасубазаре
Голова Никола Богол Жена Перже Мать Асамен	40 35 60		
Грек Захара Жеко, портной Жена Ираница Сын Стер-Яни Дочь Елена	35 25 8 7		
Грек Михайлаки, кузнец Жена Смирагда	35 30		
Христо, портной, вдов	40		
Грек Иоргаки Куюмджи Жена Мария Сын Феодосий Сын Рал Сын Драко Дочь Хриси Дочь Акрива	45 40 17 12 8 19 16	В доме мещанина Мардероса Балджиева	Находится в городе
Грек Коста Яни, промышленник Жена Анастаса Сын Никола	45 40 16		
Грек Яни Семитчи, пекарь Жена Себо, больна Дочь	35 30 1 мес.	В д. Бедроса Лусгенова	Живет в Феодосии 15 лет
Грек Панайотаки Жена Марина	35 30		
Грек Мавроди, кузнец, вдов Дочь Эвьяни (Эвгени?)	35 15		
Грек Руси, виноградарь Жена Трандафел Сын Янаки Дочь Зоиньи	36 25 4 6	В доме умершего грека Ильи	

Продолжение приложения 2

Хозяин и члены его семьи	Возраст, лет	В чьих жилищах размещены	Где находятся хозяева домов
Грек Стойка, пекарь Жена Эленица Сын Панайот Сироты: Кирьяки Ангелина Пелагея	30 23 6 17 16 6	В доме купца Богоса Кесе-оглу	Живет в том же городе
Грек Никола Киро, плотник Жена Яно Дочь Стриона (7)	40 35 9		
Грек Йорги, пекарь Жена Капарсеня	36 28		
Вдова Баласея Сын Фоти Сын Панайотаки	45 15 14		
Грек Параскева, плотник Жена Перзе Сын Тодораки Жена сына Дафин	55 45 22 15		
Василь Яни Семитчи, холост	40	В доме Бабия Закиева	6 лет живет с семьей в Евпатории
Грек Пенчо Папучи Жена Гарфало Сын Куштий (?) Мать их Мийданини, умерла	30 27 1 -		
Грек Панайот Табак Кромит Жена Анастасия Сын Ставраки Дочь Зуица Дочь Аура	40 35 11 7 6	В пустом доме Касап Бабия Калустова	У зятя Карабета Езечи
Грек Теохар Плацентар, пекарник, умер Жена Парса Сын Георгий	50 46 6	В доме Карабета Езечи	В городе
Паруш Сестра Эраница	20 12	В особом доме	
Армянин Карабет, холост	Остался в Карасубаз.		
Грек Пейча, плотник Жена Александра Сын Пасхал Сын Константин Сын Савва Сын Пейо Дочь Мария	50 45 23 16 14 10 13	В кофейне Богоса Кесе-оглу	Живет в городе

Продолжение приложения 2

Хозяин и члены его семьи	Возраст, лет	В чьих жилищах размещены	Где находятся хозяева домов
Грек Михо, плотник Жена Елена Сын Ламбрин Сын Хараламби Дочь Джано	36 30 16 14 15		
Болгарин Вангели, хлебопашец Жена Кириц Сын Дмитрий Сын Георгий Сын Христо	46 40 16 11 7	В доме Аведика Маркарова	Находится в городе у Мардероса Карадуманова
Грек Иван, бондарь Жена Калуда	40 30	В пустом доме Исайя Бабиева Кечеджи	Уже 5 лет живет с семьей в Карасубазаре
Болгарин Стоян, хлебопашец Жена Ильяница Сын Ивьярино Дочь (?)	46 35 14 13		
Болгарин Воля Димо, хлебопашец Жена Кирака Сын Димо Дочь Стамати, больна Дочь Юрья Дочь Фотина, умерла	45 40 18 14 8 4 мес.		
Болгарин Пенко, хлебопашец Сын Опеко (?)	36 8		
Вдова Колица Сын Пасхал	35 7		
Дмитрий, хлебопашец Жена Анастасия Сын Стано	40 30 7	Купил у Григорьева	
Хаджи Тодор, портной Жена Еленица Сын Панайот Дочь Султана	45 40 8 13	В доме умершего Манука Мугдеси Давидова, его семья – у брата	
Всего по списку 31 семья, 108 душ обоего пола, из них 3 умерло.			

МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ АРМЯНО-КАТОЛИЧЕСКОЙ ОБЩИНЫ КАРАСУБАЗАРА В КОНЦЕ XVIII – СЕРЕДИНЕ XIX ВЕКА

Татьяна Владиславовна Хутько,
заведующая циклом Симферопольского юридического техникума
КЮИ НУ «Юридическая академия Украины им. Ярослава Мудрого»

Аннотация: В статье, опираясь на архивные документы, проводится историко-юридический анализ деятельности органов самоуправления армяно-католической общины в Карасубазаре после присоединения Крыма к России.
Ключевые слова: Крым, армяно-католики, община, суд, самоуправление.

Анотація: В статті, спираючись на архівні документи, проводиться історико-юридичний аналіз діяльності органів самоврядування вірмено-католицької громади Карасубазару після приєднання Криму до Росії.
Ключові слова: Крим, вірмени, католики, громада, суд, самоврядування.

Abstract. Based on the archive documents, historical legal analysis of the self-government of the Armenian-Catholic community in Karasubazar after annexation of the Crimea to Russia is conducted in the article.
Keywords: The Crimea, Armenian Catholics, the community, the courts, government.

Крым в конце XVIII – середине XIX в., как и в настоящее время, представлял собой многонациональный регион. Существовали различные религиозные организации, связанные с национальными меньшинствами. К ним в том числе относятся армянские общины, разделенные в конфессиональном отношении на две группы: приверженцы армянской апостольской церкви и униаты – армяне-католики. Как известно, историческим манифестом от 8 апреля 1783 г. Крым был присоединен к России [1, с. 897–898]. Следует отметить, что императрица Екатерина II, учитывая всю сложность конфессиональной структуры данного региона, проводила гибкую веротерпимую политику по отношению к католикам. В частности, армяно-католическая община, проживающая в городе Карасубазаре, согласно царской грамоте от 14 ноября 1779 г., получила обширные льготы и право на создание собственного суда римско-католического закона [2, с. 278; 3, с. 562]. Актуальность данной темы обусловливается необходимостью изучения исторического опыта формирования межэтнического и межконфессионального согласия в Крыму путем предоставления царским правительством некоторых привилегий национальным меньшинствам Крыма. Целью работы является изучение вопроса создания и деятельности Карасубазарского римско-католического суда как органа местного самоуправления армяно-католической общины Карасубазара на основе широкого привлечения архивных источников.

Проблеме возрождения армяно-католической общины Карасубазара в конце XVIII в. посвящено специальное исследование В. Г. Тура [3]. Возвращение христиан в Крым, в том числе и армян, после их переселения в 1778 г. в Азовскую губернию, формирование новых общин армян и греков в Крыму изложено в работе М. А. Араджиони [4]. Некоторые аспекты деятельности Карасубазарского римско-католического суда представлены также в работе К. И. Ревина [2].

В августе-сентябре 1778 г. состоялось переселение христиан из Крыма в Азовскую и Новороссийскую губернии. Вместе с греками (18 395 чел.), грузинами (219 чел.) и валахами (161 чел.) полуостров покинули 12 598 армян [4, с. 485–486]. Армяне-католики (более 1000 человек) выселялись под предводительством патера Иакова вместе с армянами-григорианами [4, с. 486]. Императрица Екатерина II грамотой за № 14943 от 14 ноября 1779 г. предоставила широкие льготы христианам римско-католического закона, вышедшим из Крыма [5, с. 879–881]. Армяно-католическая община обосновалась в городе Новомосковске Екатеринославской губернии [3, с. 561–562]. На основании дарованной им грамоты от 14 ноября 1779 г., где прописывалось: «По поселении вашем учредить Ратушу, которую назвать Католическим Судом» [5, с. 880], в 1780 г. был создан Новомосковский Римского закона суд [6, л. 2]. Таким образом, армяно-католическая община получила право «в нем производить суд и расправу по вашим правам и обыкновениям выбираемыми из вас по жребию начальниками, коим и пользоваться чинами и жалованием по штату Азовской Губернии, и быть под апелляциею Наместнического Правления» [5, с. 880; 2, с. 278]. Однако уже в 1787 г. армяне получили официальное разрешение от правителя Таврической области Г. А. Потемкина вернуться в Крым [7, л. 5]. Из рапорта Новомосковского Римского закона суда от 15 сентября 1789 г. следует, что указом Екатеринославского наместнического правления «велено оному суду жительствующих в г. Новомосковске армян переселить в Таврическую область» [7, л. 1]. В соответствии с именным списком, составленным судом в сентябре 1789 г. о желающих переселиться в Таврическую область, греки составили 119 человек мужского пола и 102 человека женского пола, католики – соответственно 187 и 161 человек, армяне – 115 и 112 человек. Всего желающих переселиться числилось 796 человек [7, л. 59–64]. В журнале заседания Таврического областного правления от 7 апреля 1790 г. в связи с описанными событиями было записано о прошении переселиться не только армянам, но и «суду их римского закона со всеми находящимися в нем чинами» [7, л. 32]. Центром возвращения армяно-католической общины стал город Карасубазар, где, согласно указу Таврического областного правления от 14 августа 1790 г. за № 8536, был открыт прибывший из Новомосковска суд римско-католического закона [7, л. 81]. По требованию Таврического областного правления поручиком Георгием Попондополовым, что в Карасубазаре за коменданта, был отписан рапорт, в котором указывался численный состав лиц, переселившихся из Новомосковска на жительство в Карасубазар. Так, католики составляли 170 чело-

век мужского пола и 141 человек женского пола, армяне – соответственно 96 и 91 человек, греки – 33 и 26 человек. Всего в списке числилось 557 человек [7, л. 296].

Карасубазарский римско-католический суд с момента его открытия находился в прямом подчинении Таврического областного правления и Таврической Казенной Палаты, что наделяло его особым статусом. Помимо царской грамоты от 14 ноября 1779 г. [5, с. 879–881], законодательное закрепление организации и деятельности Карасубазарского римско-католического суда подтверждалось царской грамотой от 18 апреля 1800 г. за № 19389 [8, с. 133] . Так, указом № 319 Новороссийского губернского правления суд извещался о том, что по указу Его Императорского Величества Павла 1 от 18 апреля 1800 г. была жалована «Высочайшая грамота на права и привилегии города Карасубазара Армянам Римско-католического закона» [9, л. 14]. В предложении от господина Новороссийского гражданского губернатора и кавалера И. Я. Селецкого от 12 июня 1800 г. за № 2974 прописывалось, что « города Карасубазара жителей римско-католического закона купцов и мещан на основании высочайшей грамоты от покойной государыни императрицы Екатерины II в 14 день ноября 1779 г. на разные права и преимущества им пожалованной и Его Императорским Величеством в 18 день апреля 1800 г. утвержденной... под ведением и правлением сего суда находиться, который один имеет над ними во всем свои распоряжения, не входил никто из прочих тамошних жителей греческого, татарского, еврейского и другого звания в их дела...и к повинностям не привлекались» [9, л. 11–12]. Армяно-католическая община, подведомственная Карасубазарскому римско-католическому суду, таким образом, получала обширные привилегии. Однако, льготы на выплату податей и отправление повинностей распространялись на «людей, причислившихся к Карасубазарскому армяно-католическому закона обществу до 30 января 1804 г.», что следует из доклада на Государственном Совете Министра Юстиции Тайного Советника секретаря Его Императорского Величества и кавалера графа В. Н. Панина от 9 сентября 1852 г. [10, л. 1–2].

В ходе работы с архивными документами выяснилось, что к ведомству данного суда относились не только армяне-католики, но и армяне-григориане и греки. Так, периодически римско-католический суд отправлял в Карасубазарскую городскую полицию ведомости о «числе душ и народа каждой нации, подведомственных данному суду» [11, л. 4–5; 12, л. 1–4; 13, л. 1–4; 14, л. 1–6; 15, л. 3–8; 16, л. 5]. Из материалов архивных дел следует, что в 1811 г. подведомственными суду являлись купцы: католики – 68 человек, армяне – 19, греки – 22, а также мещане: католики – 202 человек, армяне – 235, греки – 268, а в общем количестве – 814 человек [11, л. 4–5]. В 1823 г. – всего 1048 человек, из них купцы-католики – 12 человек, мещане: католики – 407 человек, греки – 397, армяне – 244 [12, л. 1–4]. В 1825 г. – всего 1074 человек, из них купцов: католиков – 57, греков – 9, армян – 26, мещан: католиков – 382 человек, греков – 385., армян – 215 [13, л. 1–4]. В 1829 г. – всего 1029 человек, из них купцов: католиков – 46, греков – 8., армян – 19, мещан: католиков – 349 человек, греков – 382,

армян – 216 [14, л. 1–6]. В примечаниях к ведомости за 1829 г. уточнялось, что под католиками имеются в виду армяне-католики [14, л. 6]. Начиная с 1841 г. в отчетных ведомостях о числе «подведомственного народа каждой нации и ревизских душ» указываются только армяне – католики и армяне – григориане. Так, в 1841 г. общее количество купцов – католиков и армян-григориан составляло 70 человек, мещан – соответственно 763 [15, л. 3]. В 1844 г. общее количество купцов – католиков и армян-григориан составляло 62 человека, мещан – 868 [15, л. 7]. В 1855 г. католиков и армян составляло всего 1127 человек, из них купцов – 123, мещан – 1004 [16, л. 5]. В примечаниях к данным ведомостям указывалось, что «греков по ведомству суда не было» [15, л. 7; 16, л. 5].

В ходе работы с архивными документами были выявлены основные направления деятельности Карасубазарского римско-католического суда. Необходимо отметить, что суд осуществлял как судебную, так и внесудебную деятельность.

Для исследования судебной деятельности особое значение представляют отчетные ведомости о работе суда, которые ежегодно направлялись в Таврическое губернское правление. Так, из ведомости за 1812–1815 гг. следует, что в производстве суда на 1 января 1812 г. оставалось нерешенным одно уголовное дело. В 1812 и 1814 гг. поступило по одному уголовному делу. Из них два были решены в 1812 г. и одно – в 1814 г. [17, л. 3]. Из гражданских дел на 1 января 1812 г. оставалось нерешенным одно дело. В 1812 г. поступило три дела, 1813 г. и 1814 г. – по одному делу. Из них в 1812 г. были решены четыре дела, а два так и остались нерешенными [17, л. 3]. В отчетной ведомости за 1835 г. находим, что на 1 января 1835 г. в суде оставались нерешенными семь гражданских дел, в 1835 г. поступило два гражданских дела, из них шесть было решено, нерешенными остались три дела [18, л. 10–11]. Отмечаем, что в течение года уголовные дела в суд не поступали, но и три гражданских дела оставались нерешенными. Наиболее показательным для характеристики судебной деятельности является отчет о работе суда за десятилетие – с 1841 по 1851 г. Так, 1 января 1841 г. нерешенными значатся четыре уголовных дела в отношении шестерых подсудимых лиц, пять долговых и десять спорных дел [19, л. 6]. В 1841 г. поступило одно долговое и одно спорное дело. Из них в этом же году было решено только два спорных дела. На 1 января 1842 г. в производстве суда оставались нерешенными все уголовные дела, а также шесть долговых и девять спорных дел [19, л. 7]. В 1842 г. поступило одно уголовное и три долговых дела. В течение 1842 г. все уголовные дела были решены, а также приняты решения по двум долговым и трем спорным делам [19, л. 7]. В течение 1843–1845 гг. поступило в суд семь уголовных дел в отношении трех подсудимых лиц, одно следственное, девять долговых и три спорных дела [19, л. 7–8]. Решения по всем делам были приняты судом в том же году, когда дела поступили на рассмотрение [19, л. 7–8]. К январю 1846 г. оставались нерешенными только два долговых дела [19, л. 8].

В ходе анализа отчетных материалов о работе суда отмечаем, что наиболее многочисленной категорией дел являлись опекунские дела. Так, из от-

четных ведомостей следует, что в опеке суда в 1822 и 1829 гг. находилось по 16 опекунских дел [20, л. 3–9; 21, л. 52–59], в 1835 г. – 24 опекунских дела [22, л. 12], в 1846 г. – 16 опекунских дел [23, л. 3], в 1849 г. – 14 опекунских дел [24, л. 7–8], в 1863 г. – 13 опекунских дел [25, л. 104]. Опекунские дела в производстве суда находились на протяжении многих лет. В именной отчетной ведомости о состоянии опеки за 1849 г. указывались опекунские дела, состоящие в производстве суда начиная с 1832 г. [24, л. 9–10]. Причина продолжительного нахождения опекунских дел в суде по малолетству очевидна – требовалось достижение совершеннолетия наследников.

Внесудебная деятельность суда заключалась в обеспечении подведомственных ему лиц документами. В частности, суд выдавал свидетельства на право торговли и промыслов и билеты на торговые и промышленные заведения купцам и мещанам. Для получения таких документов купцы должны были ежегодно объявлять о своих капиталах и по зачислении их в купеческое звание на текущий год уплатить установленные пошлины и повинности [26; л. 6–7]. Так, в 1857 г. купцы 3-й гильдии уплачивали за год в казну за свидетельства на право торговли 43 руб., повинности земские (государственные и губернские) составляли 9 руб. 46 коп., городские – 6 руб., а всего – 58 руб. 46 коп. [26, л. 10]. Суд составлял именные ведомости купцов, объявивших о своих капиталах, а Таврическая казенная палата утверждала их в указанном звании [26, л. 80]. Далее из Симферопольского уездного казначейства высылались соответствующие свидетельства и билеты на право торговли, которые выдавал суд, делая запись в специальную книгу [27]. Суд выдавал свидетельства и билеты на право торговли и мещанам [28, л. 32]. Ведомости о количестве выданных судом свидетельств и билетов на право торговли, с указанием суммы уплаченных пошлин, отправлялись в Таврическую казенную палату [28, л. 36, 82–85, 87]. Так, за выданные судом в 1868 г. купцам 2-й гильдии и мещанам свидетельства и билеты на право торговли была получена сумма в размере 1237 руб. 10 коп. Из нее 1057 руб. 10 коп. подлежали отправке в Таврическую казенную палату, а остальная сумма – 180 руб. – отправлялась в доход Карасубазарской городовой думы [28, л. 144]. Торговля без документов строго преследовались Таврической казенной палатой и судом. Согласно ст. 30 Положения о пошлинах на право торговли и промыслов, с купцов и мещан взыскивались высокие штрафы [28, л. 123]. В целях осуществления контроля над торговлей в городе Карасубазаре Таврическая казенная палата направляла своего чиновника особых поручений, который совместно с торговой депутацией ведомства суда проводил проверку торговли, наблюдая законность ее действий согласно Торговому уставу (ст. 252 и 124) [26, л. 65, 86; 28, л. 51–65]. Для отчета в Таврическую казенную палату составлялся журнал генеральной проверки, в котором указывались лица, владеющие торговыми заведениями, с обязательным обозначением наличия у них свидетельств и билетов на право торговли и открытия лавок, магазинов и других промыслов [28, л. 51–65].

Необходимо также указать, что при суде для заключения договоров, контрактов, заемных писем, векселей в марте 1809 г. был избран маклером данного суда заседатель 2-й гильдии купец Усен Бабиев [29, л. 4–5]. Необходимость в наличие маклера при суде указывалась в прошении купеческого и мещанского общества: «...по правам высочайше дарованных обществу римско-католическому для без опасного и без остановочного отправления каждого своей коммерции, торгу, ремесла и художества утверждающихся до ныне по доброй воле, но часто по непредвиденным случаям изменениям подвергающихся, позволить нам избрать своего маклера коему находиться в отношениях своих по ведомству сего суда» [29, л. 3].

Кроме того, суд обеспечивал своих подданных купцов и мещан паспортами для выезда из области в разные места с целью коммерции и торговли сроком на год или полгода. Согласно указу Таврического областного правления, суд имел право самостоятельно выдавать паспорта своим подведомственным людям, а в правление присылать их только для резолюции [30, л. 9]. Такое предписание суду объясняется значительным количеством паспортов, которые в течение года выдавали судебные служащие. Выдача паспортов осуществлялась председателем суда или заседателем и подлежала обязательной регистрации секретарем в специальной книге прихода и расхода купеческих паспортов [31, л. 1–15]. В 1799 г. купцам было выдано 128 паспортов на общую сумму 128 руб. [32, л. 1–7]. В 1827 г. купцы и мещане получили 143 паспорта, из них 100 годовых и 43 полугодовых на общую сумму 629 руб. [33, л. 1–5]. В 1825 г. за выданные купцам и мещанам паспорта была получена сумма в размере 1162 руб. [34, л. 8]. Полученные деньги отсылались в Симферопольское уездное казначейство [35, л. 1–5]. При выдаче паспорта в журнале исходящих дел производилась следующая запись: «...дан паспорт католику купцу Арютину Геворкову о пущенному в разные великороссийские и малороссийские места для торгового промыслу сроком впредь на один год» [36, л. 3]. Паспорт выдавался на основании прошения, написанного в суд, с указанием места и срока отсутствия [37]. Текст прошения заслуживает особого внимания. Так, подведомственный суду 3-й гильдии купец армянин Ованес Лусиганов в своем прошении от 6 августа 1800 г. на имя суда римско-католического закона писал: «Имею я намерение отлучиться для собственных моих нужд и промыслов морем через Козловскую пристань блистательной Оттоманской Порты в Константинополь, чего для оного суда покорнейше прошу о выдаче мне туда с братом Карабетом с возвратом на четыре месяца паспорта, а о уплачивании за меня до обратного приезда казенных и партикулярных долгов поставляю порукою 3-й гильдии купцов...» [38, л. 40]. Из прошения следует, что обязательным условием для выезда являлось представление двух поручителей, которые гарантировали и брали на себя выплату казенных и партикулярных (частных) долгов до возвращения купца на родину. При выдаче паспортов прилагались расписки поручителей, в которых указывалось: «Мы ниже подписавшиеся дали сию расписку в суд римского за-

кона в том, что за купца армянина Ованеса Лусиганова и брата его Карабета до обратного их из Константинополя приезда все казенные и партикулярные долги сами мы обязываемся за них платить, в чем и подписываемся» [38, л. 41]. На основании прошения и наличия расписки поручителей суд отправлял рапорт в областное правление, в котором просил лишь о резолюции правления на выезд купца, указывая его имя, место его пребывания и сроки отсутствия. Затем в суд из правления приходило предложение на представленный рапорт о выдаче требуемого документа. [39].

Следующее направление работы суда относится к фискальной деятельности. В обязанности суда входило взыскание с подведомственного ему населения различных государственных податей и повинностей, которые направлялись в Симферопольское уездное казначейство [25, л. 106; 40, л. 44]. Подтверждение сказанному находим в присланном в суд циркуляре Таврического гражданского губернатора и кавалера Д. В. Нарышкина от 23 апреля 1828 г., в котором указывалось, что «взыскание податей лежит на обязанности не одной полиции, но и на Карасубазарском римско-католическом суде... и без послабления поступать с неплательщиками» [41, л. 19]. Суд взыскивал недоимки и вел регулярную переписку с вышестоящими учреждениями о количестве должников и предпринимаемых мерах по ликвидации долгов. Так, из Симферопольского уездного казначейства в суд ежегодно высылались ведомости с указанием денежной суммы, числящейся в недоимках на мещанах армянах и греках за прошлые годы, а также указывалась сумма оклада на настоящий год [41, л. 27]. На основании присланных сведений суд обязан был взыскивать означенные подати с подведомственных ему лиц. Для осуществления данной задачи в ведомстве суда состоял специальный сборщик податей. В частности, на 1828 г. им являлся Осип Ананьев [41, л. 32]. Осип Ананьев регулярно отправлял в суд рапорты с указанием суммы взысканных им государственных податей с подведомственных суду мещан [41, л. 32, 41, 49, 58]. Взысканные денежные суммы заносились в книгу прихода и расхода суда и подлежали немедленному отправлению в Симферопольское уездное казначейство. Таврическая казенная палата осуществляла тщательный контроль данной деятельности суда. С этой целью суд обязан был регулярно отправлять ведомости в Таврическую казенную палату с указанием суммы недоимок, количества взысканной из них суммы и остатка [41, л. 59, 62, 74]. В финансовом отчете за 1825 г. в книге прихода и расхода указывалась взысканная с мещан подушная подать в размере 1190 руб. [34, л. 3–7]. Однако из материалов архивных дел следует, что суд не только строго взыскивал подати и повинности с подведомственных ему лиц, но и защищал их от незаконно установленных недоимок с купцов и мещан. Так, на основании указа Новороссийского губернского правления от 26 июня 1800 г. суд обязывался взыскать с подведомственных ему мещан-католиков, армян и греков недоимки, числящиеся за ними с 1798 и 1799 гг. Общая сумма недоимок составляла 322 руб. 20 коп. и включала подушные по 50 коп. и окладные – 3 руб. 8 коп. [40, л. 2]. В ответ

на полученный указ суд отправил рапорт в Новороссийскую казенную палату, в котором указывал, что армяно-католическая община, подведомственная данному суду, на основании царской грамоты за № 14943 от 14 ноября 1779 г. [3] освобождена от подушного налога и платит только по 2 руб. со двора [40, л. 2–6]. В докладном регистре суда, отправленном в Новороссийскую казенную палату, отмечалось, что «во исполнении указа Новороссийского губернского правления от 26 июня 1800 г. о взыскании казенных недоимок, по справке на подведомственных суду купцах и мещанах никакой недоимки не имеется, а за сей год в казну подати уже уплачены» [40, л. 12].

Следует отметить, что взыскание податей и повинностей влекло за собой необходимость суду вести строгий учет числа подведомственных ему лиц, причисляя их к определенной податной категории – купцам или мещанам [11, 12, 14, 15]. На основании имеющихся у суда данных о точном количестве лиц, состоящих в его ведомстве, например, за 1804 г., суд имел возможность выразить свое несогласие с выпиской, присланной из Таврического губернского правления, о числе душ по ведомству суда и положенного с них оклада на 1804 г. в размере 1860 руб. 10 коп. [42, л. 1]. Суд направил рапорт в Таврическую казенную экспедицию, в котором отмечал, что по ведомству суда числятся только 417 мещан армян и греков, платящих со двора по 2 руб., а не 447, как это указывалось в присланной выписке [42, л. 4]. В своем рапорте суд пояснял, что в Карасубазар в 1803 г. переселились из Нахичевани 30 человек, но их записали в ведомство Карасубазарской городовой ратуши, а не в данный суд и поэтому он просит Таврическую казенную экспедицию детально уточнить, к кому же они относятся [42, л. 4–5]. В окладной книге о сборе с мещан подушных податей за 1804 г. суд в пояснительной записке указывал, что «осталось не во взыскании и в недоимках к 1805 г. – 10 руб. за 5 дворов, т. е. 11 муж. и 12 жен. пола душ, причисленных Таврической Казенной экспедицией переселяющихся армян с Нахичевани. Но они и по ныне остаются в Нахичевани и не переселились в Карасубазар, а потому и взыскивать за 5 дворов не иского. Суд убедительно просит об исключении их из здешнего общества за непереселение» [43, л. 2].

Необходимо отметить, что внедрение основных положений судебной реформы 1864 г. привело к ликвидации деятельности Карасубазарского римско-католического суда. Так, 30 июня 1868 г. вышел указ № 46062 о введении судебных уставов в округе Одесской судебной палаты, в состав которой входила Таврическая губерния [44, с. 938–939]. 10 марта 1869 г. были опубликованы правила, а 13 марта 1869 г. – инструкция о закрытии прежних судебных учреждений [45, с. 6], согласно которым был упразднен Карасубазарский римско-католический суд.

Подводя итоги настоящего исследования, приходим к выводу, что организация и деятельность Карасубазарского римско-католического суда были свидетельством веротерпимой политики царского правительства по отношению к национальным меньшинствам на присоединенной территории Таврической об-

ласти. Так, армяно-католическая община по жалованной грамоте от 14 ноября 1779 г. получила право на создание собственного суда римско-католического закона. Изначально такой суд был создан в 1780 г. в Новомосковске и находился под ведомством Екатеринославского наместнического правления. В ходе переселения армяно-католической общины в Таврическую область в 1790 г. римско-католический суд был открыт в Карасубазаре. К ведомству Карасубазарского римско-католического суда относились как армяне-католики, так и армяне-григориане и греки. Согласно царским грамотам от 14 ноября 1779 г. и 18 апреля 1800 г. они наделялись обширными привилегиями. Число подведомственных суду лиц составляло в разные годы от 800 до 1100 человек. Карасубазарский римско-католический суд находился в прямом подчинении Таврического областного правления.

Карасубазарский римско-католический суд имел широкую компетенцию. В ведение суда входило рассмотрение как уголовных, так и гражданских дел. Наиболее многочисленную категорию дел составляли опекунские дела.

Достаточно обширной являлась внесудебная деятельность суда. Карасубазарский римско-католический суд обеспечивал своих подданных различными документами. В частности, суд выдавал купцам и мещанам годовые или полугодовые паспорта для выезда за пределы области в целях проведения торговли. Судом выдавались свидетельства на право торговли и промыслов, а также билеты на торговые и промышленные заведения подведомственным ему купцам и мещанам. Торговая депутация ведомства суда совместно с чиновником особых поручений Таврической казенной палаты ежегодно проводили в Карасубазаре проверку торговли, наблюдая законность ее действий. Необходимо отметить, что при суде была введена должность маклера для заключения договоров, контрактов, заемных писем, векселей. Суд также осуществлял фискальную деятельность, взыскивая с подведомственных ему лиц государственные подати и повинности. Данная деятельность суда влекла за собой необходимость вести строгий учет числа подведомственных ему лиц.

Таким образом, данное учреждение являлось не только судебным органом, но и частью системы местного национального самоуправления армян Карасубазара.

Карасубазарский римско-католический суд просуществовал с 1790 по 1870 г.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. Собрание 1. – СПб. : Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. – Т. 21 : 1781–1783.

2. Ревин К. И. Возникновение и деятельность Карасубазарского римско-католического суда // Кримський юридичний вісник. – 2010. – № 1(8). – Ч. 2. – С. 277–286.

3. Тур В. Г. Особенности возрождения армяно-католической общины Карасубазара в конце XVIII века // МАИЭТ. Симферополь, 2009. – № 15. – С. 561–572.

4. Араджиони М. А. Возвращение в Крым старожильческого христианского населения после эмиграции 1778 г. // МАИЭТ. – Симферополь, 2001. – № 8. – С. 485–502.

5. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. – СПб. : Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. – Т. 20 : 1775–1780.

6. Государственный Архив Автономной Республики Крым (далее – ГААРК), Ф. 179, оп. 1, д. 3. Материалы о выборах в заседатели на 1784–1787 гг.

7. ГААРК, ф. 799, оп. 1, д. 191. Дело о переселении армян.

8. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. – СПб. : Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. – 1830. – Т. 26 : 1800–1801.

9. ГААРК, ф. 179, оп. 1, д. 51. О пожалованных Карасубазарскому обществу привилегий на право преимущества города Карасубазара.

10. ГААРК, ф. 179, оп. 1, д. 340. Дело о представлении в Таврическую Казенную палату именного списка всех мещан-армян, причисленных в ведомство Карасубазарского римско-католического суда до 1804 г.

11. ГААРК, ф. 179, оп. 1, д. 113. Сообщение Карасубазарской полиции о присылке ей ведомостей с указанием подведомственных суду людей.

12. ГААРК, ф. 179, оп. 1, д. 154. Ведомость о числе подведомственных Карасубазарскому римско-католическому суду лиц, представленная в городскую полицию.

13. ГААРК, ф. 179, оп. 1, д. 167. Ведомость о количестве купцов, подведомственных римско-католическому суду.

14. ГААРК, ф. 179, оп. 1, д. 333. О доставлении карасубазарскому полицмейстеру ведомостей о подведомственных суду мещан по национальностям и числу ревизских душ.

15. ГААРК, ф. 179, оп. 1, д. 334. О доставлении карасубазарскому полицмейстеру ведомостей о лицах платящих и не платящих податей, подведомственных римско-католическому суду.

16. ГААРК, ф. 179, оп. 1, д. 271. О предоставлении Карасубазарской городской полиции статистических сведений о купцах и мещанах, подведомственных римско-католическому суду.

17. ГААРК Ф. 179, оп. 1, д. 125. О доставлении Гражданскому губернатору отчетных сведений о решенных и нерешенных делах, о сборе повинностей и пр. 1815 г.

18. ГААРК Ф. 179, оп. 1, д. 209. Материалы о работе римско-католического суда и финансовый отчет за 1835 г.

19. ГААРК Ф. 179, оп. 1, д. 263. О представлении ведомостей о течении судебных дел за последние 10 лет Таврическому прокурору. 1851 г.

20. ГААРК Ф. 179, оп. 1, д. 133. Отчеты о сиротских имениях, представленные в Таврическую Палату гражданского суда. 1823 г.

21. ГААРК Ф. 179, оп. 1, д. 186. Указы Таврического Губернского правительства и генеральный отчет по сиротским имениям. 1829–1830 гг.

22. ГААРК Ф. 179, оп. 1, д. 209. Материалы о работе римско-католического суда и финансовый отчет за 1835 г.

23. ГААРК Ф. 179, оп. 1, д. 237. Материалы по опеке имений и опекунской отчетности. 1846–1847 гг.

24. ГААРК Ф. 179, оп. 1, д. 255. Отчетные ведомости о опекунских имениях и о положении опек, подведомственных римско-католическому суду. 1849–1850 гг.

25. ГААРК Ф. 179, оп. 1, д. 293. Материалы о работе римско-католического суда за 1864 г.

26. ГААРК Ф. 179, оп. 1, д. 277. Списки купцов, объявивших капиталы. 1857–1858 гг.

27. ГААРК Ф. 179, оп. 1, д. 172. Книга для записи свидетельств и билетов на право торговли купцам и торговым мещанам. 1826 г.

28 ГААРК Ф. 179, оп. 1, д. 326. Именные списки купцов, объявивших и необъявивших капиталы на 1867 г. и журнал генеральной поверки торговли и промышленных заведений. 1867 г.

29. ГААРК Ф. 179, оп. 1, д. 84. Решение римско-католического суда об учреждении при суде нотариуса или маклера. 1809 г.

30. ГААРК Ф. 179, оп. 1, д. 27. По требованию Екатеринославской Казенной палаты. 1790 г.

31. ГААРК Ф. 179, оп. 1, д. 34. Книга прихода и расхода купеческих паспортов за 1795 г.

32. ГААРК Ф. 179, оп. 1, д. 45. Регистрация выдаваемых купцам паспортов. 1799 г.

33. ГААРК Ф. 179, оп. 1, д. 171. Книга на запись выдаваемых купцам паспортов. 1826–1827 гг.

34. ГААРК Ф. 179, оп. 1, д. 160. Финансовый отчет Карасубазарского римско-католического суда. 1826 г.

35. ГААРК Ф. 179, оп. 1, д. 34. Книга прихода и расхода купеческих паспортов за 1795 г.

36. ГААРК Ф. 179, оп. 1, д. 2. Журнал исходящих бумаг. 1782 г.

37. ГААРК Ф. 179, оп. 1, д. 50. Переписка, прошения и рапорты о выдаче заграничных паспортов лицам, подведомственным римско-католическому суду. 1799 г.

38. ГААРК Ф. 179, оп. 1, д. 56. Прошения купцов о выдаче им заграничных паспортов и расписки в получении выданных им паспортов. 1800 г.

39. ГААРК Ф. 179, оп. 1, д. 33. Прошения купцов о выдаче им заграничных паспортов. 1795 г.

40. ГААРК Ф. 179, оп. 1, д. 54. Ведомости и рапорта о недоимках, числящихся по суду за неисправными плательщиками. 1800 г.

41. ГААРК Ф. 179, оп. 1, д. 151. Указы Таврического Губернского правительства по исполнительной экспедиции и переписка о взыскании окладных сборов и недоимок. 1824–1829 г.г.

42. ГААРК Ф. 179, оп. 1, д. 58. По указу Таврической Казенной экспедиции о взыскании податей. 1804 г.

43. ГААРК Ф. 179, оп. 1, д. 61. Окладная книга о сборе с мещан подушных и неокладных денег за 1804 г.

44. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. – СПб. : Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. – 1873. – Т. 43 : 1881.

45. Поляков І. І. Організація та діяльність судових органів Таврійської губернії за судовою реформою 1864 року (60–90-ті роки XIX ст.): автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. юрид. наук : спец.12.00.01 «Теорія та історія держави і права; Історія політичних та правових вчень» / І. І. Поляков. – Харків, 2002.

ПРАВОСЛАВНЫЕ СВЯЩЕННИКИ ЕПАРХИАЛЬНОГО ВЕДОМСТВА В ПЕРИОД ПЕРВОЙ ОБОРОНЫ СЕВАСТОПОЛЯ (1854–1855 гг.)

Наталья Михайловна Терещук,
заместитель директора Государственного архива г. Севастополя

Аннотация. Статья посвящена исследованиям архивных материалов, которые касаются деятельности архиепископа Херсонского и Таврического Иннокентия, православных священно- и церковнослужителей церквей г. Севастополя в героической обороне города (1853–1855 гг.).

Ключевые слова: Крымская война, Севастополь, Иннокентий, православие, священники.

Анотація. Стаття присвячена дослідженням архівних матеріалів, що стосуються діяльності архієпископа Херсонського і Таврійського Інокентія, православних священо- і церковнослужителів церков м. Севастополя в героїчній обороні міста (1853–1855 рр.).

Ключові слова: Кримська війна, Севастополь, Інокентій, православ'я, священики.

Abstract. The article is devoted to the study of archive materials, which are associated with the activity of Innocentius, the Archbishop of Kherson and Tauride, as well as the participation of Orthodoxclergymen and church ministersin the heroic defense of the city of Sebastopol (1853–1855).

Keywords: The Crimean War, Sebastopol, Innocentius, Eastern Orthodoxy, clergymen, priests, church ministers.

Отказ от устаревших, отвергнутых жизнью и обществом стереотипов мышления, связанных с прошлой идеологией государства, открыли новые направления изучения истории богатой событиями Крымской войны. Это в полной мере относится к оценке роли церкви. В прошлом веке В. О. Ключевский писал: «Политическая крепость прочна только тогда, когда держится на силе нравственной» [1, с. 632]. Во время военных событий в Крыму эта «сила нравственная» проявилась в генералах и адмиралах, матросах и солдатах, мирных жителях и конечно в священстве.

В обороне Севастополя участвовало почти два десятка священнослужителей-монахов. Свой пастырский долг исполняли иеромонахи Балаклавского монастыря, даже в подземно-минных галереях совершались богослужения. В период плена в Балаклавском монастыре также совершались богослужения и монахи молились о победе российского воинства.

В последнее время написано достаточно много научных работ, связанных с участием военных священников в Крымской войне. Можно поименно называть многих флотских священников. Журнал «Вестник военного духовенства»

в одном из своих номеров описывал, как в ходе напряженного момента боя из ночной темноты раздалась громкая молитва и сражавшиеся увидели иеромонаха с поднятым крестом. Солдаты, ободренные священником, опрокинули французов и, несмотря на сигнал отступления, не хотели покидать поле боя. Имя этого священника было Иоаникий Савинов [2, с. 19].

Данный материал является первой попыткой осветить участие в обороне Севастополя священно и церковнослужителей Севастопольского благочиния епархиального ведомства. Исключая церкви военного ведомства в период Крымской войны в Севастопольское благочиние входило девять церквей:

1) Петропавловская церковь (на центральном городском холме, бывшая греческая);

2) Евпаторийская соборная Николаевская церковь;

3) Бахчисарайская соборная Николаевская церковь;

4) Петропавловская церковь казенного селения Мангуш и приписная к ней церковь Иоанна Предтечи в деревне Биассалы;

5) Марининская церковь в военном селении Камары и Алсу;

6) Константино-Еленинская церковь в селении Карань;

7) Троицкая церковь в казенном селении Кадыковка;

8) Лукинская церковь в военном селении Лаки и Крименчике;

9) Покровская церковь урочища Кача.

Севастопольское благочиние в период Крымской войны возглавлял благочинный протоиерей, магистр богословия Арсений Лебединцев. На эту должность он был назначен в 1848 г. высокопреосвященнейшим Иннокентием, архиепископом Херсонским и Таврическим. 5 мая 1855 г. великая княгиня Елена Павловна поручила ему духовное попечение о сестрах Крестовоздвиженской общины, а 17 ноября 1855 г. А. Лебединцев был назначен «духовником к Крестовоздвиженской общине сестер попечения о раненых и больных в военных госпиталях» [3, л. 4, 5]. На этой должности его сменил протоиерей Александр Демьянович, настоятель Петропавловской церкви. Именно А. Лебединцев оставил замечательные воспоминания об этом времени, которые были опубликованы в ежемесячном историческом журнале «Киевская старина» и назывались «Письма протоиерея Арсения Лебединцева, бывшего благочинного церквей Южного берега Крыма, к преосвященному Иннокентию, архиепископу Херсонскому и Таврическому, с донесениями о ходе военных действий и состоянии церквей и духовенства во время 11-месячной осады Севастополя». В его письмах мы не найдем описаний военных подвигов православных священников епархиального ведомства, но по описанию событий мы видим, как проявлялась преданность служения Богу и Отечеству в тяжелое военное время. Например, описывая шестой день бомбардировки Севастополя 10 октября 1854 г., А. Лебединцев писал: «Церковь оставалась, как и теперь, ежедневно открытой до вечера». И далее: «Люди, не отходившие от церкви (большей частью женщины) таяли от страха и плакали. Я нашел лучшим вторично пригласить их на молитву в церковь...»

[4, с. 151]. Так продолжалось день за днем. В это тяжелое время люди, как никогда, нуждались в пастырской поддержке и мудром слове священников.

Через несколько дней А. Лебединцев напишет следующее: «12 числа в 4 часа, когда уже звонили к вечерне, пала бомба близ самой церкви нашей, взрывом вышибла на южной стороне стекла, два окна даже с рамами и повредила немного крышу. Обошлось без несчастий, хотя в церкви были люди, и я сам там находился. Убравши из церкви сор и стекла и затворив в побитых окнах ставни, я отслужил вечерню». Но уже на следующий день, по окончании обедни осколком, разорвавшейся над церковью в воздухе бомбы «вырвало кусок железа из каменного карниза». Несмотря на значительные повреждения церкви, благочинный тем не менее говорил: «Службу будем продолжать, пока будет где служить» [4, с. 160].

Можно с уверенностью сказать, что среди православных священников южного региона страны, исполнявших свой долг, особым авторитетом пользовался преосвященный Иннокентий, архиепископ Херсонский и Таврический. В течение многих месяцев архиепископ постоянно напутствовал войска, направлявшиеся на военные действия, посылал им и жителям Севастополя свое благословение и приезжал сюда. Не случайно современники называли архиепископа «русским Златоустом» и «Великим гражданином земли Русской». Арсений Маркевич в своей речи, произнесенной на заседании Таврической ученой архивной комиссии 15 декабря 1900 г., посвященной деятельности в Тавриде архиепископа Иннокентия произнес: «На следующий день (имеется в виду Альминское сражение. – *Авт.*) 15 сентября Иннокентий сказал опять проповедь в нашем соборе, полную утешения, одобрения, упокоения. Он внушал слушателям великий дух твердости и мужества, воодушевляющий теперь всю Россию» [5, с. 46–47].

В тот же день преосвященный Иннокентий прибыл в Бахчисарай и, «движимый святой любовью к России», послал письмо главнокомандующему военно-сухопутными и морскими силами в Крыму князю А. С. Меншикову с просьбой разрешить прибыть в Севастополь, помолиться вместе с войсками и передать им Касперовскую икону Божией Матери, которую он привез с собою из Одессы и с которой хотел обойти войска.

К сожалению, он получил отказ А. С. Меншикова, который ответил, что не ручается за безопасность преосвященного на месте военных действий. Огорченный Иннокентий вернулся в Симферополь и 16 сентября произнес в соборе речь: «Сколько градов великой России желали бы теперь быть на месте вашем! Покажите же, что вы были на своем месте, и что Россия не будет иметь причины стыдится за вас и сожалеть о том, что ея на это время здесь не было!» Тогда же преосвященный Иннокентий благословил Симферополь и весь Крым иконой Касперовской Божией Матери и оставил икону в Симферополе в кафедральном соборе.

Преосвященный Иннокентий посетил Севастополь в конце июня 1855 г. Остановился на Северной стороне в простой солдатской палатке, бесстрашно

переехал на южную часть города, несмотря на то что во время переправы одна неприятельская бомба упала перед носом катера, а другая – за кормой [5, с. 50].

25 июня служил литургию в Лагерной церкви на Северной стороне. После литургии обратился к защитникам города, высказал радость от вида «священных для всех сынов отечества», напомнил мысль свою, высказанную при закладке храма Св. Владимира, что «скорее не останется камня на камне в горах здешних, нежели уступится врагам эта колыбель русского православия» Призывая защитников к продолжению своих подвигов, преосвященный Иннокентий сказал: «Помните, что за вами Россия, перед вами потомство, над вами Бог и его пресвятой промысл» [5, с. 50].

А 26 июня при беспрерывной бомбардировке Иннокентий совершил богослужение в Николаевском соборе, а после обедни окропил собранные на площади войска «большею частию Георгиевских кавалеров» и передал иконы генералам и адмиралам.

До конца обороны Севастополя преосвященный Иннокентий следил за военными действиями, вел переписку с князем М. Д. Горчаковым и графом Д. Е. Остен-Сакеном, заботился о госпиталях и госпитальном духовенстве.

Слова его разносились по всей России и везде вызывали чувства патриотического воодушевления. Даже иностранцы и неприятели прониклись к нему уважением. После Крымской войны, 26 августа 1856 г., преосвященный Иннокентий был возведен в звание члена Святейшего Синода.

По архивным документам установлено, что в период 1853–1856 гг. в благочинии было почти 30 священно и церковнослужителей (четверть из них была греками). Один из них, протоиерей Антоний Аргириди, начинал свою деятельность в 1843 г. в Петропавловской церкви, а затем в Николаевской церкви Балаклавского греческого пехотного батальона. Когда в сентябре 1854 г. в Балаклаву входили английские войска, он не прервал службу в церкви и не покинул Балаклаву в период всей обороны Севастополя [6, с. 14–17].

Все священно- и церковнослужители после Крымской войны были награждены бронзовыми крестами на Владимирской ленте и светло-бронзовой медалью на Андреевской ленте. Награждали «За благоразумие и примерную неустрашимость», «За особое присутствие духа и труды». Протоиерея Бахчисарайской соборной Николаевской церкви Николая Ивановича Паксимаде наградили золотым наперстным крестом «За труды по Бахчисарайскому военному госпиталю и за усердную службу» [7, л. 21]. «За безмездное служение раненым и больным воинам во всех госпиталях во время военных действий в Крыму» был награжден священник Дмитрий Михайлович Родионов [7, л. 30]. Следует отметить, что наград были удостоены и церковные старосты. Так, церковный староста Бахчисарайской соборной Николаевской церкви бахчисарайский мещанин Михаил Анастасьевич Дримджи за погребение за свой счет раненых и умерших от болезней более двух тысяч воинских чинов был награжден серебряной медалью на Анненской ленте для ношения на шее, за оборону Севастополя получил

медаль с надписью «За усердие» на Анненской ленте для ношения в петлице, за защиту Севастополя на Георгиевской ленте и темно-бронзовую медаль на Анненской ленте в петлице [8, л. 38].

Более высоких наград – золотыми крестами на Георгиевской ленте – по представлению морского начальства были удостоены наряду с флотскими священнослужителями протоиерей Арсений Лебединцев и священник Александр Демьянович. А. Г. Лебединцев за оборону Севастополя был также награжден золотым наперстным крестом с драгоценными камнями на Георгиевской ленте и бриллиантовым перстнем. А. П. Демьяновичу 24 октября 1854 г. была объявлена архипастырская признательность, 7 мая 1855 г. пожалован золотой наперстный крест на Георгиевской ленте. Также за оборону Севастополя имел бронзовый крест на Владимирской ленте, бронзовую медаль на Андреевской ленте и серебряную на Георгиевской ленте [3, л. 4–5; 9, л. 2–3].

Интересен тот факт, что в конце Крымской войны в севастопольских церквах служили священниками В. Ф. Соколов и К. В. Красовский, которые в конце 1840-х гг. принимали участие в кампании против «мятежных венгров» и были награждены серебряными медалями «За усмирение Венгрии и Трансильвании», а впоследствии и медалями за Крымскую войну [3, л. 7,12].

Уже в конце 1854 г. все церкви епархиального ведомства имели повреждения: в Херсонесе здание церкви было цело, но в ней все расхищено, были выломаны двери и даже полы; кладбищенская пострадала меньше всех – у нее была повреждена железная кровля и выбиты два окна ядром. Больше всего пострадала Петропавловская церковь на городском холме: у входа в церковь выбита колонна, осталась только ее нижняя половина, почти во всех окнах выбиты стекла. На вопрос А. Лебединцева одному из офицеров, не целятся ли специально в церковь, тот ответил, будто слышал от другого офицера, что кто-то передал неприятелям, что в церквах наших находится порох и снаряды, «а потому будто бы выстрелы неприятельские имеют такое направление» [10, с. 161].

Из-за того что церковь постоянно находилась под обстрелом, в нее ни разу не приглашались великие князья. Они посещали Михайловскую церковь как наиболее безопасную, хотя нередко после обедни поднимались к зданию морской библиотеки для осмотра окрестностей и неприятельского лагеря, посещали могилы прославленных адмиралов. На день св. Георгия в Михайловской церкви на литургии и молебне присутствовали все кавалеры этого ордена от генералов до нижних чинов. Здесь же находились великие князья, Д. Е. Остен-Сакен и П. П. Липранди. За два дня до праздника защитникам Севастополя было вручено 22 ордена Св. Георгия [10, с. 273].

В мае 1856 г. преосвященный Иннокентий доносил Святейшему Синоду о всех разрушениях церквей Севастопольского благочиния. Рапорт в Святейший Синод был составлен на материале, представленном А. Г. Лебединцевым после осмотра им севастопольских и окрестных церквей. Петропавловскую церковь на городском холме как наиболее разрушенную он предлагал разобрать,

а камень использовать для постройки собора Св. Владимира на городском холме. Несмотря на то что Херсонская консистория согласилась с его мнением, этому предложению не суждено было осуществиться, и Петропавловский собор в настоящее время является достопримечательностью и украшением Севастополя [11, с. 55–56].

Оценивая вклад православного духовенства в героическую оборону Севастополя, очевидным становится, что православные священники епархиального ведомства вместе со всем народом показали перед целым миром, как православный человек понимает честь и долг перед Родиной.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Ключевский В. О. Избранные произведения. – М., 1990.
2. Крестьянников В. В. Участие иеромонахов Балаклавского Георгиевского монастыря в Крымской (Восточной) войне 1853–1856 гг. // Севастополь : взгляд в прошлое. Научные статьи сотрудников Государственного архива г. Севастополя. – Севастополь, 2006.
3. ГААРК, ф. 118, оп. 1, д. 5850.
4. Письма протоиерея Арсения Лебединцева, бывшего благочинного церквей Южного берега Крыма, к преосвященному Иннокентию, архиепископу Херсонскому и Таврическому, с донесениями о ходе военных действий и состоянии церквей и духовенства во время 11-месячной осады Севастополя // Киевская старина. – 1896. – Т. 52.
5. Известия Таврической ученой архивной комиссии (ИТУАК). – 1901. – № 31.
6. Терещук Н. М. Греческие священнослужители севастопольских церквей // Память о прошлом. Документы, исследования, научные статьи, подготовленные сотрудниками Государственного архива г. Севастополя. – Севастополь, 2007.
7. ГААРК, ф.118, оп. 1, д. 5906.
8. ГААРК, ф.118, оп. 1, д. 6129.
9. ГААРК, ф.118, оп. 1, д. 5860.
10. Письма протоиерея Арсения Лебединцева, бывшего благочинного церквей Южного берега Крыма, к преосвященному Иннокентию, архиепископу Херсонскому и Таврическому, с донесениями о ходе военных действий и состоянии церквей и духовенства во время 11-месячной осады Севастополя // Киевская старина. – 1896. – Т. 52.
11. Крестьянников В. В. Возрождение Севастопольского благочиния и монастырей после Крымской войны // Севастополь: взгляд в прошлое. Научные статьи сотрудников Государственного архива г. Севастополя. – Севастополь, 2006.

ЭТНОРЕЛИГИОЗНЫЙ ФАКТОР В МОСУЛЬСКОМ ДИПЛОМАТИЧЕСКОМ КОНФЛИКТЕ (1918–1926 гг.)

Руслан Владимирович Макаров,
аспирант исторического факультета
Таврического национального университета им. В. И. Вернадського

Аннотация. Статья посвящена исследованиям влияния этноконфессионального фактора на события, связанные с курдским национально-освободительным движением в провинции Мосул (Ирак) в период конфликта 1918–1926 гг.
Ключевые слова: курды, этнос, религия, конфликт.

Анотація. Стаття присвячена дослідженням впливу етноконфессійного чинника на події, пов'язані з курдським національно-визвольним рухом в провінції Мосул (Ірак) в період конфлікту 1918–1926 рр.
Ключові слова: курди, етнос, релігія, конфлікт.

Abstract. The article deals with the influence of ethno-religious factor on the events associated with the Kurdish national liberation movement in the province of Mosul (Iraq) during the 1918–1926 conflict.
Keywords: Kurds, ethnic group, religion, conflict.

Этнорелигиозный фактор был и остается одним из наиболее значимых как в вопросах внутренней политики большинства существующих государств, так и в вопросах межгосударственных отношений. Это связано с тем, что от мирного сосуществования на одной территории различных этнических и религиозных групп зависят политическая стабильность, экономическое процветание, территориальная целостность и престиж на международной арене каждого отдельно взятого государства, в частности имеющего неоднородный состав населения.

К началу XXI в. проблема конфликтов на этнической и религиозной почве стала как никогда актуальной. Достаточно вспомнить, что одними из главных причин кровопролитных конфликтов в Боснии и Герцеговине, Руанде, Шри-Ланке, Судане и Афганистане, не говоря уже о продолжающемся Арабо-Израильском конфликте, были именно этнорелигиозные противоречия, уходящие своими корнями в глубину истории.

Различие в представлениях об окружающем мире, месте и роли в нем человека, образе жизни и понимании того, что является истинными ценностями, всегда порождает определенную взаимоотчужденность между представителями разных религиозных и этнических групп, соседствующих друг с другом. Однако религиозное и культурное различие само по себе не способно перерасти в глубокое взаимное неприятие, дающее начало жестокому и кровавому кон-

фликту, если чьи-либо политические амбиции, стремление к приумножению материальных благ и денежного капитала не станут катализатором для подобной негативной реакции.

Среди множества причин современного кризиса в Ираке одной из главных также являются уходящие своими корнями в глубину столетий противоречия среди представителей, проживающих в стране религиозных общин и этносов. Обострение данных противоречий периодически происходило на протяжении нескольких веков и практически всегда своего рода детонатором для взрыва взаимной нетерпимости и насилия служили интриги и провокационные действия тех, кто стремился к влиянию и власти в стране.

Одной из наиболее острых проблем современного Ирака остается вопрос о статусе провинций Найнава (Мосул) и Ат-Тамим (Киркук) и связанном с ним антагонизмом между курдским и арабо-туркменским населением данных регионов. В свою очередь данный конфликт является частью единой проблемы самоопределения курдского народа, существующей уже на протяжении нескольких веков и негативно отражающейся не только на политической и экономической ситуации в регионе, но и на судьбе народов, проживающих на одной с курдами территории, таких как ассирийцы и туркмены (туркоманы).

Курдистан был разделен между Персией (Ираном) и Османской империей с 1514 по 1918 г., большая его часть находилась в составе последней. Однако с окончанием Первой мировой войны и крахом Османской империи Курдистан вновь стал лишь разменной монетой при формировании нового мирового порядка, в котором не нашлось места для независимого и суверенного курдского государства.

Стремление заполучить контроль над крупными месторождениями нефти и стратегически важными территориями сделало Курдистан объектом политико-экономической и военной экспансии Великобритании, войска которой в 1918 г. оккупировали населенные курдами районы, но на эти территории заявила свои претензии и Кемалистская Турция. Следствием возникшей между ними борьбы за нефтеносный Южный Курдистан стал дипломатический конфликт вокруг бывшего вилайета Османской империи Мосул.

Конфликт длился с 1918 по 1926 г., помимо главных его участников – Великобритании и Турции, в него было втянуто и новое государство Ирак, созданное при непосредственном участии Великобритании на территории Месопотамии. Именно в состав руководимого британским ставленником эмиром Фейсалом аль-Хашеми Иракского королевства, до 1932 г. находившегося под британским мандатным управлением, по мнению официального Лондона, должна была быть включена территория Мосульского вилайета. Однако Турецкая Республика, пришедшая на смену рухнувшей Османской империи, не признала условий Северского мирного договора, закреплявшего Мосульский вилайет за британским мандатом Месопотамия (Ираком) и потребовала передачи его территории под свою юрисдикцию. Это привело к тому, что Мосульский вопрос стал пред-

метом ожесточенных дебатов между Великобританией и Турцией на Лозаннской конференции (1922–1923 гг.), затем на протяжении нескольких лет Мосульский вопрос рассматривался на сессиях Совета Лиги Наций, а позже был вынесен и на рассмотрение Постоянной палаты международного правосудия в Гааге [1, с. 750; 2, с. 149].

Одним из главных факторов, к которому постоянно апеллировали стороны конфликта, был этнический и религиозный состав населения региона и его право на самоопределение и свободное, прогрессивное развитие. Турецкая сторона настаивала на том, что абсолютное большинство населения провинции имеет тюркское происхождение и исповедует ислам, в связи с чем тяготеет к Турции и стремится к самоопределению в рамках Турецкой Республики. В свою очередь британская сторона не только опровергала утверждения оппонентов, но и активно пыталась заручиться поддержкой ассиро-христианского, арабского и еврейского населения региона [2, с. 156; 3, с. 181–182]. Учитывая же тот факт, что большинство населения Мосульского вилайета составляли курды, этнолингвистически не связанные с остальным населением края и тяготевшие к национальному суверенитету и созданию курдского независимого государства [3. с. 182], спор о принадлежности Мосульского вилайета стал причиной обострения в межэтнических и межконфессиональных отношениях в регионе.

В конечном итоге дипломатический конфликт был исчерпан в результате заключения британо-ирако-турецкого трехстороннего договора в Анкаре 5 июня 1926 г., согласно которому Турция отказалась от притязаний на Мосульский вилайет, признав турецко-иракскую границу установленную Лигой Наций (так называемую Брюссельскую линию). В обмен на свой отказ от территориальных претензий Турция должна была получать 10% доходов Ирака от мосульской нефти в течение двадцати лет [4, с. 750; 2, с. 149]. Однако межэтнические и межрелигиозные противоречия, обострившиеся в результате Мосульского конфликта, не только не были сглажены его прекращением, но и получили свое продолжение в трагических событиях следующих лет, в том числе откликнулись историческим эхом в современном кризисе вокруг провинций Найнава и Ат-Тамим, о котором упоминалось выше.

История учит правильно оценивать настоящее, опираясь на примеры прошлого для того, чтобы предвидеть будущее. Это значит, что вопрос о роли этнорелигиозного фактора в крупном дипломатическом конфликте прошлого актуален и в наши дни, когда проблема конфликтов на этнорелигиозной почве стоит весьма остро, что может использоваться различными политическими силами, действующими на мировой арене, в своих целях. Именно поэтому целью данной статьи будет рассмотрение использования этнорелигиозного фактора Великобританией и Турцией в политико-дипломатической борьбе за богатую месторождениями нефти провинцию и, в частности, в курдском и ассирийском национально-освободительном движении.

В статье поставлены следующие задачи:

1. Обзор событий, связанных с возникновением, развитием и завершением дипломатического конфликта вокруг провинции Мосул.

2. Рассмотрение деятельности курдского национально-освободительного движения в провинции Мосул и того, какими были последствия влияния на него турецкой и британской политики в регионе.

3. Рассмотрение деятельности ассирийского национально-освободительного движения в регионе и того, как оно использовалось Великобританией в борьбе за Мосул.

4. Подведение итогов и формулировка вывода о роли этнорелигиозного фактора в политико-дипломатическом противостоянии Великобритании и Турции в борьбе за Мосул.

Украинскими исследователями, как в период существования СССР, так и во времена независимости Украины, проблема Мосульского кризиса и роли в нем этнорелигиозного фактора не изучалась. Однако данной проблеме уделяли внимание другие советские исследователи, а после 1991 г. – и некоторые российские. Но отдельных работ, посвященных этой теме, не существует, так как данный вопрос всегда рассматривался как часть общей проблемы британской мандатной политики в Ираке или проблемы международных отношений в 20–30-х гг. прошлого века. При этом следует отметить, что советскими и российскими историками активно изучалась проблема деятельности курдского и ассирийского национально-освободительного движения в регионе в период Мосульского конфликта, в том числе затрагивался и вопрос о взаимосвязи данных явлений.

Среди трудов советских историков, посвященных британской мандатной политике в Ираке, где поднимался вопрос о Мосульском дипломатическом конфликте и роли в нем этнорелигиозного фактора, в первую очередь следует отметить работу А. Ментешашвили «Ирак в годы английского мандата», изданную в 1969 г.

Что же касается курдского вопроса и его связи с Мосульским дипломатическим конфликтом, то наиболее заметными работами, посвященными данной теме, являются труды М. Лазарева и Ш. Мгои.

Ассирийскому же вопросу и его связи с Мосульским дипломатическим конфликтом посвящено исследование К. Матвеева «Ассирийцы и ассирийская проблема в новое и новейшее время», увидевшее свет в 1979 г.

Среди современных российских историков, которые рассматривали данный вопрос, можно отметить Е. Тихонову, изучавшую этнорелигиозные взаимоотношения в Ираке в период британского мандата, и Н. Степанову, рассматривавшую курдский вопрос.

Работы этих и других авторов использовались и при написании данной статьи.

Начиная со второй половины XIX в. район междуречья Тигра и Евфрата, который в Европе традиционно именовали Месопотамией, приобретает для ведущих европейских держав особое значение. Повышенный интерес к нему

проявляла Великобритания, это было связано с целым рядом причин, среди которых главными были следующие:

1. В конце XIX – начале XX в. Великобритания являлась главным импортером товаров промышленного производства для данного региона. Причем британские торговые компании поставляли на рынки Месопотамии не только товары, производимые в пределах империи, но и пользовавшиеся спросом в регионе товары, производимые на территории других государств [4, с. 80].

2. Великобритания удерживала и лидерство в экспорте Месопотамии, большим спросом в пределах империи пользовались финики, экспортом которых из Междуречья занимались исключительно британские торговые фирмы, а также другие продукты месопотамского растениеводства и животноводства [4, с. 80; 2, с. 54].

3. Месопотамия имела выход к Персидскому заливу, который вел к Индийскому океану, в силу чего Междуречье являлось главным звеном кратчайшего пути из Европы в Юго-Восточную Азию. Сближение главного соперника Великобритании на международной арене – Германии – с Османской империей позволило ей заполучить первенство в соперничестве за влияние в регионе Междуречья, что особенно проявлялось в реализации плана по строительству Багдадской железной дороги. Это вызывало серьезное беспокойство в Лондоне, ибо угрожало жизненным интересам Великобритании в Юго-Восточной Азии [4, с. 79–80; 5, с. 500– 502].

4. В конце XIX в. в Северной Месопотамии (Южном Курдистане), вблизи города Мосул, были обнаружены крупные месторождения нефти. В начале XX в. за разработку данных месторождений стала разгораться борьба, в которой одним из главных участников выступила и созданная в 1909 г. Англо-Персидская нефтяная компания, поддерживаемая британским Адмиралтейством и правительством. В конце концов в 1912 г. была создана Турецкая нефтяная компания, 47,5% акций которой удалось заполучить Англо-Персидской нефтяной компании, а фактическим обладателем 22,5% стала британо-нидерландская Royal Dutch Shell. В свою очередь Турецкая нефтяная компания получила от османского правительства концессию на разработку мосульских нефтяных месторождений, однако Первая мировая война помешала ей приступить к работам [4, с. 81–82; 6, с. 117, 119,123–124; 7, с. 11–13].

Вышеуказанные причины объясняют также и то, почему с самого начала Первой мировой войны Месопотамия стала театром ожесточенных боевых действий между британскими и османскими войсками. Британское командование начало готовиться к битве за Месопотамию еще за полмесяца до официального вступления Великобритании в войну, перекинув на острова Бахрейна Индийский экспедиционный корпус «D» под командованием Артура Баррета. В течение ноября 1914 г. ему удалось захватить портовые города Басру и Фао, однако дальнейшее продвижение британских войск на север, вглубь страны, было долгим и проблематичным, сопровождавшимся немалыми потерями, что было обусловлено консолидацией исламской уммы Месопотамии ради джихада против «неверных».

Лишь когда войскам союзников удалось добиться общего превосходства на других театрах боевых действий, а в Месопотамии была сосредоточена 160-тысячная армия, был взят Багдад и достигнута победа в Месопотамской кампании. Однако к моменту заключения Мудросского перемирия 30 октября 1918 г., которое прекратило боевые действия между войсками союзников и Османской империи, британские войска смогли продвинуться только до линии Тикрит-Рамади-Ханакин [4, с. 83; 8, с. 66–67]. Самый северный из трех вилайетов, составлявших территорию Месопотамии – Мосул, в целом оккупирован не был.

Одним из условий Мудросского перемирия было право союзных войск оккупировать любые стратегически важные пункты за пределами демаркационной линии, установленной перемирием, в случае если бы «создалось положение, которое угрожало бы безопасности союзников» [9, с. 4]. Именно ссылаясь на данное положение, британские войска оккупировали территорию Мосульского вилайета в ноябре 1918 г. [10, с. 117]. При этом османские войска были заранее выведены из провинции, так как стамбульское правительство весьма опасалось возобновления боевых действий [4, с. 84; 11, с. 9]. Что в свою очередь указывает на отсутствие какой-либо угрозы британским войскам в регионе, а следовательно, на нарушение Великобританией условий перемирия.

Как уже было сказано, Мосульский вилайет был самой северной из трех административно-территориальных единиц, на которые была разделена территория Месопотамии, и имел существенные отличия от Басрского и Багдадского вилайетов в этноконфессиональном составе населения. Мосульский вилайет был населен преимущественно курдами, а не арабами, как Басрский и Багдадский вилайеты, и фактически представлял собой территорию южной части области расселения курдов.

Курды – самобытный этнос со своей культурой и языком, относящимся к иранской группе [12, с. 28]. Происхождение курдов по сей день остается спорным вопросом, однако большинство исследователей сходятся во мнении, что этот народ имеет древнее происхождение, на что указывает и ряд древних письменных источников. Само слово «курд» вошло в употребление с началом арабо-мусульманской экспансии в Сасанидскую державу в VII в. Так арабы называли племена, населявшие горные районы Загруса [3, с. 42–43].

Некогда все курды делились на аширеты (племена) и вели кочевой образ жизни. Но со времен нашествия монголов и турок-сельджуков часть родов была рассеяна, появились курды, перешедшие к оседлому образу жизни и потерявшие связь с племенами [12, с. 28]. Тем не менее большинство курдов сохраняли родоплеменную структуру и военно-племенную организацию. Это же наряду с тяжелыми условиями жизни каждого племени предопределило и наличие внутри курдских племен жесткой авторитарной власти главы племени – шейха [3, с. 45].

Большинство курдов Месопотамии проживали компактными общинами в сельской местности, они тяготели к кросскузенным бракам, общались на курдском языке и носили национальную одежду [3, с. 44, 45].

При этом неоднородным был религиозный состав курдского населения. Большинство курдов являлись мусульманами-суннитами [3, с. 68–69; 12, с. 31; 15, с. 9]. Однако следует учитывать, что среди курдов было очень много приверженцев суфизма, который некоторые исследователи считают ответвлением суннизма [3, с. 68–69], а некоторые – отдельным направлением ислама. Так, например, один из наиболее видных специалистов в области академического исламоведения на постсоветском пространстве С. Прозоров выделяет суфизм в отдельное направление ислама, указывая на то, что отличие суфизма от остальных направлений заключается в разном представлении о сущности (аз-зат) и атрибутах (ас-сифат) Аллаха [14, с. 8, 13]. При этом отношения этого мистического учения с ортодоксальным суннизмом (в первую очередь ханафитского и шафиитского толка) носили антагонистический характер, так как популярные суфийские мистики выступали с резкой критикой власть имущих за увлечение мирскими благами и считали, что в Коране возможно обнаружить скрытые смыслы путем его абстрагированного толкования, а не буквального понимания.

Суфии Курдистана были объединены в тарикаты (суфийские ордена), члены которых назывались дервишами. Общины, принадлежавшие к тому или иному тарикату, были разбросаны по всему региону и объединялись вокруг своих шейхов, которые в свою очередь подчинялись главе тариката [3, с. 68–69]. Сочетание внутриплеменной (светской) и духовной власти наделяло шейхов особым авторитетом.

Значительно меньше среди курдов было мусульман-шиитов. При этом среди них имелись как последователи основного в шиизме направления имамитов, так и последователи исмаилизма, карматства и секты Ахл-и-хакк [3, с. 70, 71, 73].

Часть курдов исповедовали специфическую религию – езидизм. Это религиозное учение вобрало в себя элементы христианства, ислама, зороастризма и различных верований курдов. Сами же езиды считали свою веру очень древней, доказывая, что ее чистота сохраняется, передаваясь из поколения в поколение при помощи переселения душ. Религиозный центр езидизма был расположен в местечке Лалеш в Северной Месопотамии. Здесь находились их главный храм и могила езидского пророка Ади, проживал Пир – духовный глава езидов [3, с. 83; 15, с. 9].

Что же касается численности курдов, то, учитывая тот факт, что в Османской империи демографические исследования проводились необъективно, установить более-менее точное количество проживавших в данный период на территории вилайета курдов не представляется возможным. Однако анализ данных из различных источников позволяет предположить, что из приблизительно 2,7 млн человек, проживавших в Месопотамии, курдов насчитывалось около 18% [4, с. 75]. Практически все они проживали в Мосульском вилайете.

Как уже было отмечено, раздел территории Курдистана между Османской империей и Персией начался в 1514 г., с момента Чалдыранской битвы между османскими и персидскими войсками, решающая победа турок-османов в которой закрепила Западный Курдистан за турецким султаном.

К началу раздела Курдистан представлял собой ряд мелких квазигосударств, попавших в вассальную зависимость от Османской империи и Персии. Но бесконечные турецко-персидские войны, проходившие в дальнейшем, как правило, на территории Курдистана и с неотъемлемым участием воинственных курдских племен, приводили к массовой гибели людей, разрухе и опустошению. Что создавало в курдском регионе постоянную атмосферу кровавых междоусобиц, смут и нестабильности, которые серьезно мешали консолидации курдов, препятствовали их социально-экономическому, политическому и культурному развитию [13, с. 169–170]. По этой причине курдские районы Османской империи, в том числе и Мосульского вилайета, были наиболее отсталыми. Это в свою очередь послужило тому, что курды ненавидели всякую власть, устанавливаемую над ними внешними силами и с определенной долей неприязни относились к представителям народов, проживавших на одной с ними территории, которые воспринимались ими как чужое и враждебное окружение. Прежде всего это касалось турок, арабов, армян и ассирийцев [4, с. 76.].

Второй по численности этнической общностью Мосульского вилайета являлись арабы. Однако точную их численность в регионе определить довольно трудно не только в силу указанной выше причины, но и в силу того, что британские и иракские статистические данные существенно завышали их количество. В различной же литературе, посвященной данному периоду иракской истории, содержатся скудные и зачастую противоречивые данные о численности арабов в Мосульской провинции.

А. Ментешашвили приводит в своей книге данные иракского правительства, согласно которым в начале 20-х гг. прошлого века арабское население в Мосульской провинции составляло 166 941 человек. Из них в Мосульской ливе проживало 119 500 человек, а в самом городе Мосул – 74 000 [2, с. 160].

То же самое относится и к такой значительной этнической общности региона, как туркмены (туркоманы) – народ тюркско-огузского происхождения, сформировавшийся на территории Северной Месопотамии в результате нескольких волн эмиграции тюркских племен огузов из Центральной Азии в Междуречье, в частности в период сельджукского завоевания в XI в. [3, с. 49–50; 16].

Определить численность туркмен Междуречья на рубеже XIX–XX вв. довольно трудно, но наиболее правдоподобной, по мнению исследователей, выглядит цифра 2,25% от населения страны [3, с. 51–52].

Туркмены были расселены компактными общинами по так называемому туркменскому поясу, который на севере начинался в округе (кади) Телафр с селениями Шабык и Рашидия, затем тянется к центру лив Эрбиль, Хурматы, Туз, Дахук, включая селения Байят, Кифри, Шахрибан, Аль-Мансурия, Дели Аббас, Казанийя, и заканчивается в Мендели на юге страны; этот коридор представлял собой своеобразную этническую границу между арабскими и курдскими районами страны. Культурным и экономическим центром туркмен являлся город Киркук [3, с. 52].

Существенное изменение в этнорелигиозный состав населения региона внесла Первая мировая война, следствием которой стал наплыв в Мосульский вилайет ассирийцев.

Ассирийцы (айсоры), самоназвание которых «атуран» (народ, говоривший на новосирийском языке, относившийся к семитской группе), являлись далекими потомками народа-творца древней Ассирийской империи и арамеев [17, с. 11–12]. Ассирийцы исповедовали христианство и принадлежали преимущественно к восточным и восточно-католическим церквам. Начиная еще с VII в. до н. э., когда Ассирийская империя была уничтожена коалицией Вавилонского и Мидийского царств, ассирийцы были вынуждены жить в условиях господства других народов. Они пережили Персидскую державу Ахеменидов, державу Александра Македонского и Селевкидов, Парфию, державу Сасанидов, Византийскую империю и Арабский халифат. Однако ассирийцы так и не смогли воссоздать свое государство и продолжали приносить пользу своей жизнедеятельностью всем завоевателям Ближнего Востока, которые приходили на смену друг другу. Во времена, когда Сирия и Малая Азия находились под властью Константинополя, ассирийцы подвергались гонениям, что послужило принятию ими несторианства и монофизитства, а когда монгольские завоеватели Месопотамии приняли ислам, ассирийцы превратились в наиболее гонимую часть населения [4, с. 76]. Под властью османских султанов жизнь ассирийцев стала еще более тяжелой, особенно после утверждения в качестве государственной идеологии пантюркизма, согласно которому борьба с инородцами мыслилась единственным средством спасения Османской империи от распада [3, с. 59].

Точная численность ассирийцев в данный период неизвестна, различные авторы приводят цифры от 80 тыс. до 900 тыс. человек [2, с. 219; 17, с. 40–41].

Известно, что до Первой мировой войны ассирийцы жили преимущественно в вилайетах Ван, Диярбакыр, Битлис и Карс, а также в персидской провинции Азербайджан (преимущественно в районе Урмии), в Месопотамии количество ассирийцев было значительно меньше, тем не менее они проживали здесь компактной общиной [2, с. 218; 17, с. 32].

Несмотря на то что подавляющее большинство ассирийцев исповедовали христианство, в силу неблагоприятных исторических обстоятельств они оказались разделены по конфессиональному признаку. Большинство из них являлись приверженцами Ассирийской церкви Востока, вероучение которой основывалось на несторианстве, а во главе стоял патриарх Мар-Шимун (Святой Симон) [17, с. 20–21], который в то же время пытался брать на себя и роль светского предводителя всего ассирийского народа [2, с. 219–220]. Среди ассирийцев также были приверженцы Сиро-Яковитской церкви, стоявшей на позициях монофизитства [17, с. 21–22], а также Халдейской католической и Сирийской католической церквей, которые образовались в результате отделения части духовенства и паствы от двух первых и заключения унии с Римско-католической церковью [17, с. 29–30; 18, с. 158–159].

10 мая 1915 г. Мар-Шимун поднял ассирийское восстание против Османской империи, но османским войскам и курдским племенным ополченцам удалось нанести ассирийским повстанцам ряд поражений и вытеснить их на территорию Персии в район Урмии, где они соединились с русскими войсками. Из них были сформированы три батальона (два под командованием русских офицеров и один под командованием самого Мар-Шимуна), и они находились в этом районе до весны 1917 г. В связи с событиями Февральской революции в России фронт стал распадаться, а русские войска – покидать Персию. После ухода русских войск персидское правительство потребовало от ассирийцев сдать оружие. Ассирийцы отказались подчиниться, и тогда губернатор Тебриза решил использовать против них урмийских курдов. Он стал подстрекать авторитетного курдского предводителя Исмаила-ага Симко убить патриарха Мар-Шимуна, что и было сделано в марте 1918 г. Однако ассирийцы не утратили боевой дух и решимость бороться до конца против османского владычества. Некоторое время им удавалось самостоятельно удерживать фронт, однако, не получив обещанной помощи от британских союзников, они все же оставили район Урмии и стали отходить на юг к Хамадану, где наконец-то соединились с британскими войсками. После окончания военных действий ассирийские лидеры поставили вопрос о возвращении в родные места, однако британское командование, ссылаясь на неблагоприятные политические условия момента, предложило им временно поселиться на территории, подконтрольной британским войскам Месопотамии. В конце концов они были размещены в лагере для беженцев под городом Баакуба. Когда же встал вопрос о статусе Мосульского вилайета, а ассирийским беженцам так и не удалось вернуться на родину, британские мандатные власти предложили им поселиться на территории спорной провинции и сформировать специальные батальоны для охраны пределов их будущей автономии в регионе, обещанной британцами [2, с. 224–229; 17, с. 84–106].

Желая заручиться поддержкой местного населения и принимая во внимание его широкое недовольство жестоким османским игом, британские оккупационные власти не скупились на заявления о благих намерениях. Командующий британскими войсками в регионе генерал Мод заявил: «Наши армии занимают ваши города и земли не как завоеватели и враги, а как освободители и ваши друзья... Такова воля не только моего короля и народа, но и великих наций» [15, с. 12]. Особенно важной задачей для себя британцы считали завоевание симпатий со стороны курдского населения края и, в частности, племенной знати. Так, английский комиссар в Ираке Арнольд Вильсон вспоминал: «Союзники после перемирия немедленно начали заниматься курдами, принимая во внимание следующие три важных обстоятельства: вопрос о будущем Мосульского вилайета, населенного в основном курдами; вопрос о других курдских территориях, находящихся севернее Мосульского вилайета, и вопрос о действующих на иранской территории курдских движениях, которые могли повлиять на развитие событий» [15, с. 12].

Пользуясь благоприятной ситуацией и расположением британской оккупационной администрации, курдские племенные лидеры Хамавенда и Сулеймании обратились к британцам с предложением создать курдское временное правительство во главе с шейхом Махмудом Барзанджи. В ноябре 1918 г. стоявший во главе британской оккупационной администрации в Сулеймании политический офицер, майор Ноэль, провозгласил шейха Махмуда Барзанджи хукумдаром (правителем) Сулейманского района [15, с. 12, 13–14].

Это был первый шаг на пути создания «Конфедерации племен Южного Курдистана», которая должна была стать частью реализации плана по укреплению британского влияния в регионе, основанного на принципе «разделяй и властвуй». Он заключался в том, что создание нескольких курдских автономных районов должно было усилить борьбу за власть между представителями знати различных племен и тем самым способствовать подрыву национально-освободительного движения в Курдистане [15, с. 15].

Тем не менее такая политика быстро возымела противоположный эффект для британских оккупационных властей и привела к ряду курдских антибританских восстаний в 1919 г., самым крупным из которых и стало восстание под руководством шейха Махмуда Барзанджи в Сулеймании [2, с. 192–193]. Восстание было подавленно, лишь когда британцы обрушили на мятежников всю свою военную мощь, включая тяжелую артиллерию и авиацию [2, с. 194].

В это же время курдский вопрос вместе с вопросом о судьбе других нетурецких территорий Османской империи встал на повестке дня Парижской мирной конференции. Там было однозначно решено, что Курдистан должен быть отделен от Османской империи и взят под опеку великих держав в рамках мандатной системы, создание которой обсуждалось на конференции. Тем не менее принятие какого-либо окончательного решения по этому вопросу было решено вынести за рамки работы конференции, так же как не было определено на ней четкое понятие того, что такое Курдистан, каковы его пределы и какая держава возьмет его под свою опеку [19, с. 132–133].

Во многом данная неопределенность была вызвана и противоречиями, возникшими между Великобританией и Францией в связи с нежеланием первой выполнять условия тайного договора, заключенного еще во время войны.

Дело в том, что 9–16 мая 1916 г. французский посол в Великобритании П. Камбон и министр иностранных дел Великобритании Э. Грей произвели обмен нотами, результатом которого стало достижение согласия о разделе нетурецких территорий Османской империи, согласно проекту подготовленному дипломатами М. Сайксом и Ф. Жоржем-Пико, от фомилий которых оно и получило свое название – «Соглашение Сайкса-Пико» [20, с. 463].

Согласно условиям данного соглашения большая часть Мосульского вилайета, включая сам город Мосул, должна была войти во французскую зону политико-экономического влияния (так называемая Зона А) [4, с. 84; 11, с. 298].

В апреле 1916 г. к соглашению присоединилась Россия, а в ноябре – Италия.

Однако после Октябрьской революции Россия выбыла из рядов участников договора, а Франция и Италия к концу войны оказались в состоянии военного перенапряжения, что позволило Великобритании потребовать от Франции пересмотра условий соглашения. Этому, разумеется, способствовало и то, что сам Мосульский вилайет оказался под британской оккупацией.

После длительной дискуссии на межправительственном уровне вопрос о Мосульском вилайете был в конце концов решен в рамках работы конференции держав-победительниц проходившей в итальянском городе Сан-Ремо с 19 по 26 апреля 1920 г. [11, с. 299].

24 апреля было заключено франко-британское соглашение, по которому Франция уступала Мосульский вилайет в обмен на секвестрованную долю «Немецкого Банка» в Турецкой нефтяной компании, составлявшую 25%, которая передавалась французскому правительству или представлявшему его интересы юридическому лицу.

В то же время стороны договорились о строительстве нефтепровода из Междуречья к Средиземному морю через территорию Сирии, которая передавалась под французское мандатное управление [7, с. 14].

На основе данного соглашения участниками конференции было принято решение о передаче Мосульского вилайета под британское мандатное управление в рамках мандата на Месопотамию [11, с. 289, 299; 21, с. 203].

Само же решение было включено в проект мирного договора держав-победительниц с Османской империей, утверждение которого стало главным итогом конференции, а в конечном итоге данный проект лег в основу мирного договора, подписанного в Севре, предместье Парижа, 10 августа 1920 г. [11, с. 299].

Статьи 62–64 этого договора касались непосредственно Курдистана. Статья 62 предусматривала создание в пределах Турции курдской автономии со столицей в городе Диярбакыр. В то же время статья 64 и вовсе допускала образование на этих территориях независимого курдского государства в случае, если его правительство обратится за этим в Совет Лиги Наций [21, с. 203]. Однако Мосульский вилайет, как уже было сказано, в состав этого образования не включался и при этом сама территория курдской автономии/государства делилась на британскую и французскую сферы влияния.

Таким образом, Великобритания на протяжении 1918–1920 гг. сделала все возможное для того, чтобы сохранить экономически важный, богатый нефтью регион Южного Курдистана под своим непосредственным контролем и не допустить появления единого курдского государства, в создании которого у Лондона не было столь высокой степени заинтересованности.

Однако вскоре завоевания британского оружия и дипломатии оказались под угрозой. Это было связанно с тем, что подписавшее Севрский мирный договор султанское (Стамбульское) правительство стало стремительно терять доверие

народа и власть в Турции, чем все больше овладевало начавшее свою работу 23 апреля 1920 г. Великое национальное собрание Турции (ВНСТ), созданное в Ангоре (Анкаре) усилиями генерала Мустафы Кемаля.

Сам Мустафа Кемаль встал во главе учрежденного ВНСТ правительства, которое 7 июня 1920 г. объявило недействительными все прежние договоры Османской империи, в том числе отвергло и Северский мир.

В это же время под руководством правительства ВНСТ была создана новая турецкая армия, задачей которой было освобождение турецких территорий от всех захватчиков.

В течение 1920–1921 гг. воодушевленная лозунгами Мустафы Кемаля и его соратников армия ВНСТ одержала ряд блистательных побед сначала над войсками дашнакской Республики Армении, а затем и над греческой армией, при этом кемалистам удалось овладеть всеми территориями Восточной Анатолии, в том числе и Северного Курдистана.

Поражения британских протеже – Армении и Греции в войне с кемалистами и последующее сближение Кемалистской Турции с РСФСР привели к разочарованию в Севрском мирном договоре Франции и Италии, которые осознали необходимость переориентации со Стамбула на Анкару.

Нежизнеспособность Севрского мирного договора стала очевидной и для Великобритании.

Естественно, что ни Париж, ни Рим, ни Лондон не желали поступаться своими главными интересами, нашедшими отражение в Севрском мирном договоре, но для сближения с Анкарой они готовы были пойти на определенные уступки, и в первую очередь это касалось вопроса о «независимом Курдистане», в котором у европейских держав особой заинтересованности не было [19, с. 243].

25 января 1921 г. в Париже, на переговорах представителей Антанты и присоединившихся государств, было принято решение о проведении конференции с участием представителей от ВНСТ, на которой планировалось обсудить вопрос о пересмотре положений мирного договора с Турцией.

В конце концов эта конференция прошла в Лондоне с 21 февраля по 14 марта, и хотя вопреки ожиданиям она оказалась безрезультатной, тем не менее ее ход продемонстрировал, что Франция и Италия перестали выступать единым дипломатическим фронтом с Великобританией, особенно в вопросе о курдских территориях. При этом на данной конференции представителями Анкары впервые был озвучен тезис о том, что «курды не желают ничего больше, как жить с турками как с братьями» в составе единого государства [19, с. 244, 246, 248–249].

В конечном итоге Франция нанесла неожиданный и сокрушительный удар по дипломатической коалиции держав-победительниц, подписав 20 октября 1921 г. сепаратный мирный договор с Турцией, согласно которому Франция и Турция выходили из состояния войны, первая признавала правительство Анкары, а также устанавливалась турецко-сирийская граница, разделявшая территории рас-

селения курдов на западе. Этот договор давал Турции весомое преимущество в предстоящем отныне дипломатическом споре с Великобританией.

Решающие же победы турецкой армии над греками в августе-сентябре 1922 г. и вовсе не оставили шансов Севрской системе на существование [19, с. 251, 255].

Выработка положений нового мирного договора стала целью начавшей свою работу 20 ноября 1922 г. конференции в швейцарском городе Лозанна.

На этой конференции вопрос непосредственно о самоопределении курдов уже не ставился, однако он стал неотъемлемой частью вопроса о принадлежности территории Мосульского вилайета, который Великобритания решительно была настроена сохранить за образованным в 1921 г. государством Ирак, временно находящимся под ее мандатным управлением. В этом ее была готова активно поддержать Франция, желавшая сохранить в силе договоренности в Сан-Ремо.

При этом Лондон стал делать активную ставку не столько на «опасения» за соблюдения прав курдов в Турции, сколько на идею единства и свободы арабского народа Месопотамии в составе государства Ирак, а также на национальное самоопределение ассирийцев.

Так, например, после того как глава турецкой делегации Исмет-паша открыто высказал претензии на Мосульский вилайет, подчеркнув, что турки и курды желают единства, а возглавлявший британскую делегацию лорд Керзон отверг их, второй турецкий делегат Нур-бей предложил Керзону обменять Мосул на разрыв Турции с Советами. Керзон счел это заманчивым предложением и вынес данный вопрос на рассмотрение совместной экспертной комиссии Форин офис, Министерства колоний, командования сухопутными силами и ВВС с оговоркой, что Турции будут переданы «курдские территории» вилайета, за исключением Эрбиля, Киркука, равнины населенной арабами, Амадии (для ассирийцев) и, конечно же, Мосула [19, с. 256, 259]. Однако в Лондоне было решено занять принципиальную позицию в этом вопросе, идя лишь на незначительные уступки касательно линии границы.

Впоследствии между британской и турецкой сторонами развернулась ожесточенная полемика.

Глава турецкой делегации постоянно настаивал на том, что курды вилайета желают воссоединения с Турцией и что необходим плебисцит, который бы окончательно внес ясность в этот вопрос. Лорд Керзон же в свою очередь отвергал идею о плебисците, заявляя, что «арабы и курды плебисцита не просили, так почему Исмет-паша должен просить о нем за них»? При этом еще раз подчеркивая, что Великобритания как государство-мандатарий обещала арабам никогда не возвращать их под власть турок. Исмет-паша же на это возражал, что Ирак все еще формально является частью Османской империи, так как мирный договор еще не подписан и Турция не признает систему мандатов, к тому же в самом Ираке мандатное управление было установлено без согласия населения страны.

Не было единого мнения и относительно того, каков состав населения вилайета. Главы делегаций называли следующие цифры:

• Исмет-паша: курды – 263 830, турки – 146 960, арабы – 43 210, езиды – 18 000, немусульмане – 31 000;

• Лорд Керзон: курды – 455 000, арабы – 186 000, турки – 66 000, христиане – 62 000, евреи – 17 000.

В конечном итоге вопрос о принадлежности Мосульского вилайета так и не был решен в рамках Лозаннской конференции, которая закончила свою работу 24 июля 1923 г. [2, с. 155–156]. Для решения данной проблемы в британо-турецком двустороннем формате был отведен девятимесячный срок.

С 19 мая по 9 июня 1924 г. в Стамбуле прошла конференция, посвященная Мосульскому вопросу, но она также не принесла результатов, стороны остались на своих позициях, и в конце концов вопрос был передан в Лигу Наций [2, с. 158].

В то время пока разворачивались баталии на дипломатическом фронте, турки решили открыть и второй, недипломатический фронт в борьбе за нефтеносную провинцию.

Зная о сложностях во взаимоотношениях между курдским населением края и британской администрацией, турки развернули среди курдов активную антибританскую пропаганду, пытаясь убедить их в том, что воссоединение с Турцией максимально соответствует их интересам.

Тогда же каймакам Ревандуза, находившегося с июня 1921 г. под контролем турецких войск, стал активно распространять среди курдских племен слухи о скором прибытии крупных турецких военных сил, которые освободят от британцев Сулеймманию, Киркук и Эрбиль.

Летом 1922 г. в Ревандузе появился турецкий офицер Али Шафик-бек, больше известный как Ез Демир (Железное Плечо), который объявил себя руководителем «национального восстания», и заявил, что его целью является освобождение Мосульского вилайета от британцев. Затем он с небольшими силами занял Ранию и Хой и начал активно призывать курдов края примкнуть к нему [3, с. 174–175; 15, с. 29].

На призывы Ез Демира откликнулись шейх джаббарских курдов Сеид Махмуд и соратник шейха Махмуда Барзанджи Керим Фатих-бек, возглавлявший племя Хамавенд. Поднятое ими восстание начало быстро распространяться по региону и в конечном итоге привело к эвакуации британских гарнизонов из Сулеймании и Амадии [3, с. 174–175].

Пытаясь найти выход из сложившейся ситуации, британский верховный комиссар в Ираке Перси Кокс решил реализовать план по созданию курдской «автономии» с центром в Сулеймании и вернуть из индийской ссылки шейха Махмуда Барзанджи, чтобы заключить с ним мировое соглашение и предложить ему возглавить «автономию». Шейх Махмуд был возвращен из индийской ссылки и после переговоров в Багдаде, в октябре 1922 г., сопровождаемый британским политическим офицером Ноэлем, прибыл в Сулеймманию.

Приезд шейха Махмуда был воспринят жителями Сулеймании с большим воодушевлением, многие курдские племенные лидеры через своих представителей сразу же изъявили желание «войти в состав курдского государства». Шейх Махмуд вновь был провозглашен хукумдаром Сулеймании, собственно территорией казы (округа) Сулеймания временно и была ограничена курдская автономия.

Из представителей племенной знати было образовано правительство Южного Курдистана во главе с братом шейха Махмуда Кадыром.

Правительство шейха Кадыра объявило курдский язык официальным, были выпущены свои денежные знаки, почтовые марки, проведены другие мероприятия, в том числе начался выпуск официальных правительственных газет «Банги Курдистан» («Зов Курдистана»), «Умеди истикляль» («Надежда независимости») и «Рожи Курдистан» («Солнце Курдистана»).

Провозглашение курдской автономии совпало с подписанием британо-иракского договора в октябре 1922 г., условия которого ставили Ирак в экономически и политически зависимое положение от Великобритании, что вызвало широкое недовольство в стране. Этот договор вызвал недовольство и в Сулеймании, ибо он, по мнению сторонников шейха Махмуда, не давал никаких гарантий сохранения автономного статуса Южного Курдистана. Статья о «свободе совести и равноправии национальностей» не удовлетворяла сулейманских автономистов.

В конце 1922 г. сулейманское правительство направило своих представителей в Багдад для переговоров относительно расширения полномочий властей автономии, но британо-иракская сторона сочла выдвинутые требования чрезмерными и переговоры зашли в тупик. Таков же был итог и следующего раунда переговоров.

Однако шейх Махмуд не питал иллюзий относительно британских обещаний с самого начала и потому параллельно вступил в переговоры с Ез Демиром [15, с. 34–36].

В конце январе 1923 г. Сулеймманию посетили посланники Ез Демира и была достигнута договоренность о взаимодействии в борьбе против британских оккупантов [3, с. 176].

Узнав о сговоре шейха Махмуда с турками, британо-иракские власти поспешили избавиться от мятежного хукумдара.

24 февраля по багдадскому радио было передано правительственное заявление, в котором Махмуд Барзанджи был обвинен в нарушении договоренностей с британо-иракскими властями, и в ультимативной форме прозвучало требование немедленной явки шейха и его соратников в Багдад для сложения с себя полномочий. Но хукумдар Сулеймании отверг этот ультиматум, чем фактически распалил огонь нового восстания, и британо-иракским властям ничего не оставалось, как силовыми мерами восстановить контроль над Сулеймманией и другими неподконтрольными территориями Мосульского вилайета [3, с. 178].

3 марта британские ВВС начали бомбардировку Сулеймании и ее окрестностей.

Махмуд Барзанджи объявил священную войну против британских империалистов и покинул Сулейманию для перехода к партизанской войне. Однако попытки шейха Махмуда поднять и возглавить общекурдское восстание провалились, так как другие авторитетные племенные лидеры видели в нем серьезного конкурента в борьбе за власть и выступили на стороне британцев против повстанцев и их турецких союзников. В конце марта – начале апреля 1923 г. британо-иракские войска и лояльные им курдские племенные формирования начали широкое наступление на очаги восстания и овладели практически всеми неподконтрольными территориями. В целом противостояние длилось до конца 1925 г. и окончилось поражением повстанцев [15, с. 37, 38, 43]. Сам шейх Махмуд, распустив свой отряд, бежал в Иран [3, с. 181].

В подавлении восстаний, спровоцированных действиями Ез Демира и шейха Махмуда Барзанджи, значительная роль принадлежала ассирийским подразделениям, сформированным в 1918 г. в лагере ассирийских беженцев под Баакубой.

Еще с 1919 г. ассирийские вооруженные формирования были расположены вдоль северо-восточной границы Мосульского вилайета – от Файш-Хабура до Ханакина. Их штаб-квартира находилась в Мосуле. В зимний период ассирийские формирования переходили на зимние квартиры в крупные городские центры, где селились их семьи. Ассирийский первый полк, четыре батальона и пулеметный взвод постоянно использовались в военных операциях против восставших курдов. [17, с. 116].

Как уже отмечалось выше, ассирийцы вступали в создаваемые британским командованием вооруженные формирования, питая надежду на помощь Лондона в обретении ими родины, будь то возвращение в места прежнего проживания или поселение на территории Ирака, в том числе с возможностью создания тут ассирийской автономии. Однако ни на одну из конференций, где обсуждалась судьба бывших территорий Османской империи и проживавших на них народов, ассирийские делегаты допущены не были, так как Лондон не видел в этом необходимости и заявлял о том, что берет на себя защиту ассирийских интересов. Это приводило к тому, что ассирийцам не оставалось ничего, кроме как полагаться на веру в честное слово Великобритании и активно сотрудничать с британской мандатной администрацией и командованием.

Однако расквартировка ассирийских частей в Мосуле, Киркуке, Эрбиле и других населенных пунктах Мосульского вилайета вместе с расселением семей бойцов вызывало подозрение мусульманского населения края, среди которого расползались слухи о том, что британские мандатные власти намерены заселить регион ассирийцами-христианами. А участие ассирийских частей в подавлении курдских восстаний и вовсе обострило отношения между ассирийскими христианами и мусульманами.

Так, 5 августа 1923 г. между ассирийцами Тияри и жителями Мосула (арабами и курдами) произошла драка на базаре. Суд, назначенный британским командованием, пришел к выводу, что драка была непредумышленной, и по-

тому наказан никто не был, но напряженность во взаимоотношениях ассирийцев и мусульман сохранялась.

А 4 мая 1924 г. произошел кровавый инцидент в Киркуке. Конфликт возник на базаре между местными торговцами-арабами и бойцами ассирийского батальона, а затем перекинулся на улицы города. Британское командование было вынуждено послать в город бронированные части, и только тогда побоище было прекращено [17, с. 121–122].

Возникшая неприязнь между этими этноконфессиональными общинами будет сохраняться долгое время и еще сыграет свою роль в Мосульском конфликте, а также станет одной из причин ассирийских погромов в 1933 г., устроенных иракскими властями и их курдскими пособниками.

6 августа 1924 г. Мосульский вопрос был в одностороннем порядке передан Великобританией на рассмотрение Лиги Наций.

Он был включен в программу тринадцатой сессии Совета Лиги Наций, открывшей свою работу 20 сентября 1924 г.

Представленные позиции британской и турецкой сторон практически не отличались от тех, которые были озвучены ранее. По итогам обсуждения Совет Лиги Наций принял решение о создании специальной комиссии, которая должна была изучить ситуацию в районе ирако-турецкого размежевания [3, с. 180].

29 октября 1924 г. Совет Лиги Наций на внеочередной сессии в Брюсселе с согласия сторон определил временную демаркационную линию, которая должна была соблюдаться до вынесения окончательного решения [2, с. 158–159; 3, с. 180–181].

Спорная территория к югу от «Брюссельской линии» составляла около 87,9 тыс. квадратных километров с населением свыше 800 тыс. человек.

В состав специальной комиссии, о которой было сказано выше, вошли известный географ и бывший премьер-министр Венгрии граф Телеки, советник посольства Швеции в Румынии де Вирсен (председатель комиссии) и отставной офицер бельгийской армии полковник Паулис.

Комиссия посетила Лондон и Анкару, а затем в середине января 1925 г. приехала в Багдад. Ее сопровождали британо-иракские и турецкие эксперты. 11 февраля она прибыла в Мосул [2, с. 159].

Комиссия работала над поставленной ей задачей почти год. Был изучен этноконфессиональный состав населения, его лингвистические особенности, изучена социально-экономическая ситуация в регионе и проведен опрос относительно включения провинции в состав Турции или Ирака.

Все это время условия работы были весьма непростыми, так как британо-иракские власти различными способами препятствовали негативно настроенным по отношению к ним элементам высказывать свое мнение. При этом во время опросов населения происходили стычки между арабами и курдами, курдами и ассирийцами и представителями других общин. Очень часто между теми, кто выступал за включение Мосульского вилайета в состав Турции, и теми,

кто поддерживал включение в состав Ирака, происходили рукопашные схватки [2, с. 159, 161].

В начале сентября 1925 г. комиссия представила свой отчет Совету Лиги Наций. В отчете было отмечено, что обе спорящие стороны ранее представляли необъективные статистические данные об этноконфессиональном составе населения вилайета, его лингвистических особенностях и численности, а также были предоставлены неверные карты его расселения.

Неверными были и данные об этногенезе и истории, проживавших в регионе народов, что связано с произволом спорящих сторон в толковании этнических, расовых и лингвистических особенностей турок и туркмен, курдов и арабов и т. д.

Для разрешения имеющихся противоречий комиссия была вынуждена поновому изучить ситуацию в каждой ливе Мосульского вилайета [3, с. 181].

В конечном итоге комиссия пришла к выводу о том, что наиболее приемлемым решением проблемы было бы создание на территории Мосульского вилайета независимого курдского государства, ввиду того что курды составляли 5/8, а с учетом езидов – 7/10 от общей численности жителей провинции. Но этот вариант, по мнению авторов отчета, был неосуществим вследствие политической незрелости и архаичности социальной организации курдского этноса. Учитывая же тот факт, что большинство населения провинции высказалось за включение в состав Ирака, а также принимая во внимание особенности социально-экономического характера, комиссия рекомендовала включить спорную территорию к югу от «Брюссельской линии» в состав Ирака. При этом была подчеркнута необходимость сохранения британского мандатного управления на срок до 25 лет и развития самоуправления в Мосульской провинции [3, с. 182–183].

Вынесение окончательного решения по Мосульскому вопросу с учетом рекомендаций комиссии должно было состояться на 34-й сессии Совета Лиги Наций, которая открыла работу в сентябре 1925 г.

Однако турецкий представитель Рушди-бей заявил, что Совет не правомочен отдать Мосул Ираку на том условии, что мандат будет продлен на 25 лет, поскольку Турция не признала условий Севрского мирного договора относительно мандатной системы.

Совет Лиги Наций, поставленный в затруднительное положение выступлением турецкого представителя, был вынужден обратиться за разъяснением к Постоянной палате международного правосудия в Гааге относительно правомочности принимаемого Советом Лиги Наций решения по Мосульскому вопросу [22].

В то время пока Гаагский суд рассматривал обращение Совета Лиги Наций, на «Брюссельской линии» произошел ряд инцидентов, которые в конечном итоге окажут весомое влияние на мнение мирового сообщества относительно турецко-британского спора.

Дело в том, что, после того как турки обвинили британские ВВС в нарушении «Брюссельской линии», британская сторона выдвинула им встречное обвинение в геноциде ассирийцев, производимом на другой ее стороне. Для разби-

рательства была создана специальная комиссия во главе с эстонским генералом Лайдонером. Из-за препятствия со стороны турок она не смогла попасть на север от «Брюссельской линии», но смогла опросить ассирийских беженцев с турецкой стороны, которые подтвердили факт геноцида. Доклад комиссии был представлен Совету Лиги Наций 10 декабря 1925 г. и оказал решающее значение на вынесение им окончательного решения [2, с. 162].

При этом 21 ноября 1925 г. Постоянная палата международного правосудия вынесла заключение, что решение Совета Лиги Наций по Мосульскому вопросу является обязательным для обеих сторон и оно должно предусматривать окончательное установление границы между Турцией и Ираком. Кроме того, решение должно быть принято единогласно, а голос одной из заинтересованных сторон идущий в разрез с мнением остальных учитываться не должен [22].

Турция заявила, что Гаагский суд не правомочен выносить решения относительно политического (а не юридического) вопроса и потребовала не принимать во внимание заключение этого суда при принятии решения.

Тем не менее 16 декабря 1925 г. Совет Лиги Наций постановил, что турецко-иракской границей должна стать «Брюссельская линия». При этом Совет настоял на непосредственном соглашении между Великобританией и Турцией по экономическим вопросам [2, с. 163].

В конечном итоге, как уже было сказано ранее, конфликт был исчерпан в результате заключения британо-ирако-турецкого трехстороннего договора в Анкаре 5 июня 1926 г., согласно которому Турция окончательно отказалась от притязаний на Мосульский вилайет, признав «Брюссельскую линию» границей с Ираком. В обмен на свой отказ от территориальных претензий Турция должна была получать 10% доходов Ирака от мосульской нефти в течение 20 лет.

Из всего вышеизложенного можно сделать вывод о том, что этноконфессиональный фактор в Мосульском дипломатическом и даже отчасти вооруженном конфликте играл решающую роль и был эффективным, но чудовищным образом использован спорящими сторонами в борьбе за территории, имевшие стратегически важное в экономическом плане значение.

Безусловно и то, что напряженность в отношениях между различными этноконфессиональными общинами, возникшая в годы Мосульского конфликта, сыграла свою роль и в дальнейших событиях трагической истории Ирака.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Данциг Б. М. Мосульский вопрос / Борис Моисеевич Данциг // Советская историческая энциклопедия. – Т. 9. – М. : Советская энциклопедия, 1966.

2. Ментешашвили А. М. Ирак в годы английского мандата / Альберт Михайлович Ментешашвили. – М. : Наука, 1969.

3. Тихонова Е. В. Этноконфессиональные общины Ирака в годы британского мандата / Елена Викторовна Тихонова. – М. : ЛКИ, 2007.

4. Макаров Р. В. Створення королівства Ірак – наслідок часткової невдачі експансіоністських планів Великобританії (з досвіду практичного сходознавства

зовнішньополітичного відомства України) / Руслан Владимирович Макаров // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Исторические науки». – Т. 24(63), № 1: спецвыпуск «История Украины», 2011. – С. 72–89.

5. Ерусалимский А. С. Внешняя политика и дипломатия германского империализма в конце XIX века / А. С. Ерусалимский. – М. : Изд-во Академии наук СССР, 1951.

6. Фурсенко А. А. Нефтяные войны (конец XIX – начало XX в.) / Александр Александрович Фурсенко. – Л. : Наука, 1985.

7. Герасимов О. Иракская нефть / Олег Герасимов. – М. : Наука, 1969.

8. Котлов Л. Н. Национально-освободительное восстание 1920 года в Ираке / Лев Николаевич Котлов. – М. : Изд-во Академии наук СССР, 1958.

9. Корсун Н. Г. Греко-турецкая война 1919–1922 гг. / Николай Георгиевич Корсун. – М. : Воениздат НКО СССР, 1940.

10. Поцхверия Б. М. Турция между двумя Мировыми войнами : очерки внешней политики / Поцхверия Борис Михайлович. – М. : Наука, 1992.

11. Турция : рождение национального государства. 1918 – 1923 : по документам РГАСПИ / Федер. архив. Служба России, Рос. гос. архив соц.-полит. истории, Ин-т стран Азии и Африки при МГУ им. М. В. Ломоносова, Ин-т науч. информации по обществ. наукам РАН : [сост. Н. Б. Шувалова]. – М. : Гуманитарий, 2007.

12. Данциг Б. М. Ирак: Краткий географический очерк / Борис Моисеевич Данциг. – М. : Гос. изд-во географ. лит., 1955.

13. Степанова Н. В. Проблема курдов в Ираке / Надежда Васильевна Степанова // Этносы и конфессии на Востоке : конфликты и взаимодействие / под. ред. А. В. Торкунова. – М. : Моск. госу. ин-т междунар. отношений МИД РФ, 2005. – С. 168–219.

14. Прозоров С. М. Ислам как идеологическая система / Станислав Михайлович Прозоров. – М. : Вост. лит. РАН, 2004.

15. Мгои Ш. Х. Курдский национальный вопрос в Ираке в новейшее время / Шакро Худоевич Мгои. – М. : Наука, 1991.

16. Turkmens of Persia [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.iranicaonline.org/articles/turkmens-language – 09.09.2011.

17. Матвеев К. П. Ассирийцы и ассирийская проблема в новое и новейшее время / Константин Петрович Матвеев. – М. : Наука, 1979.

18. Роберсон Р. Восточные христианские церкви: церковно-исторический справочник / Рональд Роберсон. – СПб.: Высш. религ.-филос. шк., 1999.

19. Лазарев М. С. Империализм и курдский вопрос (1917–1923) / Михаил Семенович Лазарев. – М. : Наука, 1989.

20. Лазарев М. С. Сайкс-Пико договор 1916 / Михаил Семенович Лазарев // Советская историческая энциклопедия. – Т. 12. – М. : Сов. энциклопедия, 1969.

21. Степанова Н. В. Межконфессиональный и межэтнический конфликт в Ираке / Надежда Васильевна Степанова // Конфликты на Востоке: Этнические и конфессиональные / под ред. А. Д. Воскресенского. – М. : Аспект Пресс, 2008. – С. 126 – 256.

22. Article 3, Paragraph 2, of the Treaty of Lausanne (Frontier between Turkey and Iraq) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.worldcourts.com/pcij/eng/decisions/1925.11.21_lausanne.htm – 25. 09. 2011.

СОХРАНЕНИЕ, ИЗУЧЕНИЕ И ПОПУЛЯРИЗАЦИЯ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ КРЫМСКИХ КАРАИМОВ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Дмитрий Анатольевич Прохоров,
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Крымского отделения Института востоковедения НАН Украины

Аннотация: В статье рассматриваются проблемы сохранения, изучения и популяризации историко-культурного наследия крымских караимов в контексте реконструкции прошлого народов Крыма на современном этапе.
Ключевые слова: Крым, караимы, этнос, историко-культурное наследие.

Анотація: В статті розглядаються проблеми збереження, досліджування і популяризації історико-культурної спадщини кримських караїмів в контексті реконструкції минулого народів Криму на сучасному етапі.
Ключові слова: Крим, караїми, етнос, історико-культурна спадщина.

Abstract. In this article the modern stage of the maintenance, study and popularizations of historical and cultural heritage of the Crimean Karaites are analyse in the context of reconstruction of the past peopls of the Crimea peninsula.
Keywords: Crimea, karaites, etnos, historic and cultural heritage.

Сегодня на полуострове постепенно возрождается культура старожильческих народов, населяющих Крымский полуостров, о чем наглядно свидетельствует восстановление памятников истории и культуры, проведение тематических конференций, семинаров, выставок. Однако ряд вопросов, касающихся сохранения культурного наследия, до настоящего времени не решены в полной мере. Прежде всего это может быть объяснено отсутствием единой концепции, необходимой для создания плана по сохранению памятников национальной культуры народов Крыма, как населявших полуостров до его присоединения к России, так и в составе Российской империи и СССР. Необходимость выработки подобной концепции особенно актуальна для Крыма, в котором проживают представители более 130 национальностей и носители разных религий и культур [1, с. 3–7].

Особую актуальность данная тема приобретает в связи с провозглашением Генеральной Ассамблеей ООН «Второго Международного десятилетия коренных народов мира» на период с 2005 до 2014 г., темой которого стало «Партнерство во имя действий и достоинства». Цель «Второго десятилетия», как записано в резолюции Генеральной Ассамблеи от 18 августа в 2005 г. № 59/174, заключается в обеспечении плодотворного сотрудничества ЮНЕСКО с коренными народами: «...настоятельно рекомендуется создать механизмы, предоставляющие коренным народам возможность принимать деятельное уча-

стие в ее работе, связанной с ними, а именно в осуществлении программ, посвященных находящимся на гране вымирания языкам, образованию, грамотности, выдвижению объектов культуры коренных народов для включения в Список всемирного наследия, и других программ, затрагивающих интересы коренных народов [2, с. 6, 7].

Конкретные шаги по оказанию поддержки в этом вопросе предпринимаются и украинским государством. Так, одним из важных векторов в работе по сохранению и популяризации истории и культуры крымских караимов является деятельность правительства АР Крым по обеспечению проведения различных мероприятий, направленных на сохранение их этнической и культурной самобытности. Еще 21 января 1992 г., в рамках общей тенденции к новому правовому обеспечению национальных прав и реабилитации ряда этносов, Совет министров Крымской АССР принял постановление «О мероприятиях по сохранению и возрождению культурного наследства караимов и крымчаков» (№ 5). Это постановление было обусловлено следующими выводами:

- немногочисленность караимов и крымчаков (в соответствии с данными переписи населения Украины 2001 г., караимов в Крыму проживало 671 человек[33], а крымчаков – 204 человека), критическая социально-демографическая и этнокультурная ситуация в среде этих этносов;
- самобытность культуры (культур) указанных этносов, которую они создали в средние века и новое время;
- общечеловеческая ценность памятников культуры крымчаков и караимов;
- угроза потери культурных традиций караимов и крымчаков;
- срочный характер необходимой государственной помощи.

Постановлением признавалось наличие у караимов и крымчаков «мест компактного проживания в прошлом» и существование «уникальных национальных караимских и крымчакских исторических территорий» в этих местах. Данным постановлением де-факто признавалось наличие у караимов и крымчаков тех элементов национальной жизни, которые являются квалифицирующими признаками коренных народов Украины [6].

Следует отметить, что подобные нормативные документы разрабатывались и принимались правительством автономии регулярно. Так, например, в 2003 г. на мероприятия по сохранению этнокультурного наследия крымских караимов и крымчаков было выделено 60 тыс. грн. Среди задач, которым придавалось приоритетное значение в этом вопросе, следует назвать такие, как создание экспозиции музея крымских караимов в Феодосии, организация в Евпатории

[33] По данным Всеукраинской переписи населения, в 2001 г. в Украине проживало 1196 караимов. По состоянию на 2003 г., согласно данным, приводившимся культурно-национальным обществом крымских караимов, численность семей в Украине и странах СНГ, в которых был представлен хотя бы один этнический караим, была следующей: Симферополь – 320 чел., Евпатория – 260 чел., Феодосия – 100 чел., Бахчисарай – 57 чел., Мелитополь – 30 чел., Ялта – 21 чел., Санкт-Петербург – 100 чел., Севастополь – 60 чел., Харьков – 30 чел., Одесса – 100 чел., Николаев – 40 чел., Днепропетровск – 20 чел., Галич – 10 чел., Москва – 200 чел., Тракай – 350 чел. [3; 4, с. 231; 5].

этнокультурного комплекса крымских караимов, издание учебника караимского языка другой научно-краеведческой литературы и пр. В соответствии с постановлением Совета министров АРК «О мероприятиях по сохранению историко-культурного наследия крымских караимов и крымчаков на 2005–2007 годы» (№ 328 от 26 июля 2005 г.) Верховной Радой Автономной Республики Крым было выделено на реализацию этих мероприятий 200 тыс. грн [7].

21 ноября 2007 г., в соответствии со статьей 14 Конституции Автономной Республики Крым, в целях сохранения этноса, культуры и языка крымских караимов и крымчаков было принято постановление Верховной Рады АРК «О мероприятиях по сохранению историко-культурного наследия крымских караимов и крымчаков на 2008 год», а 20 мая 2008 г. – постановление Совета министров АРК «О распределении средств, предусмотренных на реализацию мероприятий по сохранению историко-культурного наследия крымских караимов и крымчаков на 2008 год» (№ 260). На указанные цели правительство Крыма выделило 500 тыс. грн [8]. В 2009 г. ВР АРК запланировала на эти цели 560 тыс. грн, однако из указанной суммы фактически было профинансировано лишь 277 тыс. грн. В связи с этим на заседании постоянной комиссии крымского парламента по межнациональным отношениям и проблемам депортированных граждан, состоявшемся в феврале 2010 г., его участники приняли решение обратиться в Республиканский комитет АРК по охране культурного наследия с просьбой подготовить проектные документы по консервации памятника национального значения – пещерного города-крепости Чуфут-Кале близ Бахчисарая (на эти цели, как указывали члены комиссии, необходимо 35 млн грн), а затем направить их в Кабинет министров Украины [9].

На очередном заседании Постоянной комиссии крымского парламента по межнациональным отношениям и проблемам депортированных граждан, состоявшемся 21 октября 2009 г., Верховная Рада АРК приняла постановление «О мероприятиях по сохранению историко-культурного наследия крымских караимов и крымчаков на 2010 год», в котором, в частности, говорилось: «При подготовке проекта бюджета Автономной Республики Крым на 2010 год предусмотреть средства на проведение утвержденных мероприятий в сумме 670 тыс. грн; координировать работу по выполнению мероприятий по сохранению историко-культурного наследия крымских караимов и крымчаков; рекомендовать органам местного самоуправления в Автономной Республике Крым разработать и утвердить местные мероприятия по сохранению культурного наследия крымских караимов и крымчаков на 2010 год». В частности, на второй квартал 2010 года за Министерством культуры и искусства Крыма, Бахчисарайским историко-культурным заповедником совместно с Ассоциацией крымских караимов «Крымкарайлар» было закреплено обеспечение осуществления мероприятий, необходимых для создания музея истории и культуры крымских караимов и этнографической усадьбы на Чуфут-Кале в Бахчисарайском районе (в том числе и мероприятия по благоустройству кладбища «Балта Тиймез»

в Иософатовой долине близ Чуфут-Кале); были проведены Дни культуры караимов и крымчаков, фестиваль «Караи собирают друзей», издана разнообразная научно-краеведческая литература [10].

В постановлении ВР АРК от 22 декабря 2010 г. «О мероприятиях по сохранению историко-культурного наследия крымских караимов и крымчаков на 2011 год», в числе прочих, было указано на необходимость организовать работу по изданию народных календарей крымских караимов и крымчаков на 2011 г. и буклетов, связанных с памятными историческими датами в истории этих народов; провести II Всеукраинский съезд крымских караимов, Дни культуры крымских караимов и Дни культуры крымчаков; организовать и обеспечить проведение XV международного молодежного трудового лагеря на Чуфут-Кале в Бахчисарайском районе; организовать создание публицистического фильма о деятельности Ассоциации крымских караимов «Крымкарайлар» по сохранению и возрождению историко-культурного наследия крымских караимов; организовать проведение ремонта сохранившихся частей усадьбы и гостевого дома в Чуфут-Кале, а также провести Дни памяти духовного и светского главы крымских караимов гахама С. М. Шапшала, приуроченные к 130-летию со дня его рождения (на эти цели запланировано выделить 30 тыс. грн) [11]. В задачах по сохранению историко-культурного наследия крымских караимов и крымчаков на 2012 г. ВР АРК было зафиксировано следующее: «Организовать работу по изданию народных календарей крымских караимов на 2013 год и буклетов, связанных с памятными историческими датами крымских караимов», а также подготовить издание сборника «Антропонимы крымских караимов» и каталога «Крымские караимы. Материалы по истории и культуре в фондах КРУ «Бахчисарайский историко-культурный заповедник» [12].

В мае 2012 г. на заседании Постоянной комиссии Верховной Рады АРК по культуре депутаты приняли решение рекомендовать Министерству культуры Крыма оказывать содействие деятельности национально-культурным объединениям крымских караимов в сохранении историко-культурного наследия, а также совместно с Республиканским комитетом АРК по охране культурного наследия рассмотреть вопрос о музеефикации объектов караимской культуры, находящихся на территории КРУ «Бахчисарайский историко-культурный заповедник». В частности, на заседании, где присутствовали и представители национально-культурных обществ крымских караимов, обсуждались вопросы о создании на территории пещерного города Чуфут-Кале мемориального музея, посвященного караимскому ученому и коллекционеру А. С. Фирковичу [13].

Очевидно, что главной задачей в вопросе сохранения историко-культурного наследия народов Крыма сегодня является привлечение методов исторического краеведения и, в частности, собирание и фиксация исторических и этнографических материалов на местах, их первичная обработка и изучение. Для серьезной исследовательской работы необходима научная база, в качестве которой по отношению к краеведам и краеведческим объединениям на местах могут вы-

ступать музеи, научно-исследовательские учреждения, вузы, а также различные общества и их отделения.

В числе первоочередных задач по возрождению и сохранению национальной культуры на современном этапе можно назвать следующие:

- собирание и фиксация местной топонимии полуострова (в том числе микротопонимии);
- собирание предметов быта и народного искусства;
- запись местных диалектов и фольклора;
- фиксация местных преданий, воспоминаний старожилов;
- собирание и фиксация сведений о памятниках истории и культуры, мемориалах и людях, с ними связанных;
- фиксация объектов, исчезающих по тем или иным причинам: архитектурных сооружений, некрополей и т. п.

Важную роль в историко-краеведческой работе играют музеи и национально-культурные центры. Сегодня музейные учреждения имеются в каждом городе и почти в каждом крупном населенном пункте Крыма. Они располагают обширными коллекциями, которые начали комплектоваться еще в конце XIX в. подвижниками первых крымских научных обществ. Помимо своей основной работы по возрождению и сохранению историко-культурного наследия, крымские музеи являются активными участниками и соорганизаторами различных научных конференций регионального и международного уровня, выставок и дней национальной культуры, в том числе и крымских караимов.

Одним из самых полных в Крыму является собрание Крымского республиканского учреждения «Центральный музей Тавриды»; в нем хранится и экспонируется более 130 тыс. предметов истории, культуры и быта, декоративно-прикладного искусства, а также этнографические материалы. В частности, широко представлена история иудейских общин полуострова; в основном это фотографии начала XIX – второй половины XX в. Среди них – жанровые, бытовые и семейные фотографические снимки, а также их фотокопии. Имеется серия фотографий, представляющих архитектурные памятники средневекового центра проживания караимов в Крыму пещерного города Чуфут-Кале (из личных коллекций членов ТУАК–ТОИАЭ Н. Н. Клепинина, А. Л. Бертье-Делагарда, Б. Н. Засыпкина), а также комплекса Евпаторийских караимских кенас. В фондах музея также хранится портретная фотография караима С. С. Крыма – главы Второго крымского краевого правительства. Музейная коллекция содержит культовые артефакты, связанные с иудейскими общинами Крыма – например, фрагменты нескольких экземпляров рукописной Торы XVIII–XIX вв., молитвы на древнееврейском языке, выполненные на пергаменте и пр. Сегодня Центральный музей Тавриды является организатором проведения ежегодных научных конференций «Таврические научные чтения», на которых с докладами по истории и культуре крымских караимов неоднократно выступали ученые и краеведы из Украины и стран ближнего зарубежья.

Евпаторийский краеведческий музей был создан 1 февраля 1921 г. и размещался в бывшем особняке караимского купца Ю. М. Гелеловича, построенном в 1912 г. Сегодня здание музея является памятником архитектуры и градостроительства. История создания караимской коллекции в музее связана с именем П. Я. Чепуриной, которая в 1920-х гг. занимала должность директора Евпаторийского археолого-этнографического музея и являлась членом Евпаторийского отделения Российского общества по изучению Крыма (РОПИК). Краевед активно выступала за сохранение и приумножение караимской этнографической коллекции, указывая на то, что это собрание является достоянием караимской истории, и ходатайствовала перед Академией наук СССР о сохранении в «полной неприкосновенности караимских материалов». Она стала автором целой серии докладов, публикаций и выставок по караимской тематике. Среди них особо стоит отметить ее доклады «Старинные караимские дома в Евпатории», «Из истории культуры крымских караимов»; лекции «Караимское искусство как одно из слагаемых искусства Востока»; выставки «Искусство советского Крыма» и «Татарское и караимское бытовое искусство Крыма» и др. [14, с. 222–224; 15, с. 303, 304]. Отметим также, что П. Я. Чепурина выступала за создание фонда «Ассоциации любителей караимской старины и искусства» [16, с. 75]. Значителен вклад в формирование коллекции музея старшего газзана ТОКДП, и. о. караимского гахама в 1920–1925 гг. Б. С. Ельяшевича, также работавшего в должности сотрудника Евпаторийского музея. Совместно с П. Я Чепуриной Б. С. Ельяшевич занимался каталогизацией, систематизацией и сохранением коллекции рукописей и книг, составлявших национальную караимскую библиотеку «Карай-Битиклиги» [17, с. 51–53; 18, с. 15–17; 19, с. 349, 350].

В годы Великой Отечественной войны и немецкой оккупации музей был почти полностью разграблен. В 1968 г. в его ведение вновь были переданы здания караимских кенас. Сегодня в Евпаторийском краеведческом музее насчитывается до 90 тыс. единиц хранения. В его фондах хранятся многочисленные материалы по истории крымских караимов. Среди документов, относящихся к истории иудейских общин Крыма, имеются письменные и визуальные источники: свиток Торы (1 ед. хр.); караимские брачные договоры «шетары», относящиеся ко второй половине XIX – началу XX в. (22 ед. хр., датируемых 1843–1912 гг.); литография «Кладбище караимов на Чуфут-Кале» (XIX в.); опись книг из личной библиотеки М. С. Сарача, пожертвованной в караимскую национальную библиотеку «Карай-Битиклиги» в 1916 г. его наследниками (составлен первым смотрителем библиотеки М. Я. Фирковичем); дореволюционные книги на религиозную тематику на древнееврейском, караимском и русском языках (несколько изданий ТаНаХа – в том числе и лондонское 1867 г., а также катехизисы, молитвенники и пр.) и т. п. 16 ноября 2010 г. в Евпаторийском краеведческом музее прошел вечер «Крым многонациональный», организованный совместно с городским управлением межнациональных отношений и Крымчакским республиканским культурно-просветительским обществом и приуроченный к Международному

дню толерантности. На фотовыставке, устроенной в залах музея, были представлены материалы, иллюстрирующие культурные традиции русских и крымских татар, крымчаков и караимов, украинцев и греков [20].

Музей истории и этнографии крымских караимов им. С. И. Кушуль в Евпатории, расположенный в одном из помещений бывшей караимской начальной школы (мидраша) при Евпаторийской кенасе, был открыт 10 августа 1996 г. Основу его фондов составила коллекция предметов материальной и духовной культуры крымских караимов, собиравшаяся в течение многих десятилетий караимскими общественными деятелями Б. Я. Кокенаем и С. И. Кушуль. В экспозициях этого музея сегодня представлены предметы истории и быта караимов: одежда, посуда, мебель, элементы облачения караимских священнослужителей, утварь и детали убранства кенас, а также уникальные документы и фотографии. Среди экспонатов имеются караимские молитвенники, изданные в Венеции в 1528 г., первопечатная книга Крыма (датируемая 1734 г.), пергаментный свиток Торы, свадебные костюмы караимских жениха и невесты, шетар 1767 г.; в фондах Музея истории и этнографии им. С. И. Кушуль при караимских кенасах в Евпатории в настоящее время также хранится 27 шетаров, датируемых 1767–1947 гг. [21, с. 133]. В 2005 г. музей был удостоен диплома и почетного знака Министерства культуры Украины в номинации «Музеи на общественных началах».

26 марта 2011 г. в Евпаторийском комплексе караимских кенас состоялась конференция, посвященная 130-летию со дня рождения Б. С. Ельяшевича (1881–1971), караимского общественного и религиозного деятеля, в 1920-х гг. – заведующего караимской национальной библиотекой «Карай-Битиклиги». Организаторами конференции выступили Духовное управление религиозных организаций караимов Украины, караимская религиозная община Евпатории и Евпаторийское национально-культурное караимское общество «Кардашлар». Во время конференции родственниками Б. С. Ельяшевича в дар Музею истории и этнографии крымских караимов им. С. И. Кушуль и возрожденной национальной караимской библиотеке «Карай-Битиклиги» были переданы семейные реликвии – фотографии, книги и рукописные материалы Б. С. Ельяшевича [22; 23].

Впервые этнографический отдел в Крыму был создан при Центральном музее Тавриды 18 мая 1923 г. В 1920-е гг. были организованы экспедиции по изучению быта и культуры национальных районов: крымскотатарских, болгарских, греческих колхозов, крымчакских и еврейских промыслов, фольклора. После 1940-х гг. этнографическая коллекция музея была практически уничтожена. В 1990-х началось возрождение музея – в наши дни он плодотворно сотрудничает с Ассоциацией национальных обществ и общин Крыма; активно ведется популяризация национальных культур. На базе Крымского этнографического музея создана Крымская ассоциация этнологов, зарегистрированная при Международной ассоциации этнологов. В музее действует экспозиция «Мозаика культур Крыма», открытая в апреле 1999 г. Вниманию посетителей предлагаются экспозиционные комплексы, рассказывающие о материальной культуре,

обычаях и обрядах, традициях и праздниках 13 этносов и этнических групп полуострова. На выставке представлены более 700 экспонатов основного фонда – в частности, в экспозиции, посвященной караимам, выставлены алтарная занавесь и фрагмент Торы (пергаментный свиток XVIII в. из караимской кенасы Чуфут-Кале), два редких караимских молитвенника (один из них – издание купца Якова Шишмана; книга выпущена в Вильно в 1892 г., а затем была передана в дар караимской кенасе от издателя) и две бархатные сумочки для них. В экспозиционный комплекс также входит уникальный набор медной посуды. Фонды музея составляют 3500 экспонатов (в их числе уникальные фотографии членов караимской общины Симферополя и Евпатории, организаторов Крымского объединения караимских общин и др.).

Бахчисарайский историко-архитектурный музей первоначально был размещен в бывшем дворце крымских ханов – главной парадно-административной и жилой резиденции правителей из рода Гиреев. В 1783 г. дворец стал собственностью российской казны. К приезду Екатерины II (в 1787 г.) и в течение XIX в. он неоднократно реконструировался. В октябре 1917 г. здесь был открыт музей. В годы фашистской оккупации многие ценные экспонаты были похищены. Сегодня в Бахчисарайском государственном историко-культурном заповеднике, созданном в 1990 г., действует этнографическая выставка, посвященная караимам. В рамках популяризации историко-культурного наследия старожильческих народов Крыма Художественный музей Бахчисарайского государственного историко-культурного заповедника наладил сотрудничество со Львовским музеем истории религий, в котором осенью 2010 г. состоялась выставка предметов культуры и быта крымских татар и караимов. В свою очередь в Художественном музее в течение двух месяцев экспонировалась выставка «Обрядовое шитье», привезенная львовскими коллегами [24]. В феврале 2012 г. музеем совместно с Крымской республиканской федерацией караимов был проведен семинар, посвященный 100-летию со дня смерти выдающегося караимского ученого и просветителя Ильи Ильича Казаса (1832–1912). В рамках семинара и Дней памяти И. И. Казаса, помимо научных докладов, представленных учеными и членами федерации, сотрудниками музея была организована выставка племянника И. И. Казаса, известного крымского художника М. М. Казаса (1889–1918) из фондов Крымского художественного музея (Симферополь), а также экспозиция «Крымско-караимский фонд в коллекциях КРУ БИКЗ».

В экспозиции Феодосийского краеведческого музея представлены предметы, связанные с историей и культурой караимов – в зале «Караимская слобода», постоянном этнографическом разделе музея, выставлена коллекция из предметов быта жителей многонациональной Феодосии XIX – начала XX в. Она включает в себя старинные гравюры и фотографии, утварь и мебель, национальную одежду караимов. Помимо этого, в городе действует также общественный музей феодосийской караимской общины, в котором представлены экспонаты, связанные с историей, культурой и бытом караимов.

Кроме того, необходимо упомянуть и коллекции предметов старины, собранные и хранящиеся при национально-культурных объединениях караимов. Так, например, члены симферопольской караимской общины собирают экспонаты для будущего музея при караимском национальном центре, который планируют открыть в здании караимской кенасы после передачи его в собственность общины[34] [26].

Использование современных мультимедийных и интерактивных средств позволило не только существенно модернизировать деятельность уже существующих музейных экспозиций, посвященных караимам, но также организовать новые, современные формы работы. В 2003 г. в городе Слиппери Рок (США) был основан Международный институт крымских караимов, основными задачами которого, по словам его организаторов, стало сохранение культурных ценностей крымских караимов и ведение научно-исследовательской работы. Помимо печатной продукции, издаваемой институтом (журнала «Caraimica», монографий и статей на русском и английском языках), был создан виртуальный караимский музей. В его экспозиции – ряд редких книг, фотографий, археографическая коллекция документов. Целью данного проекта, как заявляют его организаторы, является «объединение культурного и интеллектуального наследия караимского народа в рамках единого проекта и, таким образом, защита караимских ценностей в информационном пространстве Интернета» [27].

Существенный вклад в изучение прошлого крымских караимов вносят и библиотеки автономии. Так, фонд научной библиотеки «Таврика» им. А. Х. Стевена ежегодно пополняется изданиями, посвященными истории, этнографии, языку крымских караимов. В апреле 2009 г. в читальном зале библиотеки прошла выставка «Крымские караимы», на которой были представлены не только раритетные дореволюционные книги из собрания библиотеки (среди них более 30 редких книг: труды М. Я. Фирковича, С. М. Шапшала, Т. С. Леви-Бабовича, Ю. Д. Кокизова, полная подборка номеров журнала «Караимская жизнь» (1911–1912 гг.) и др.), но и новые издания, посвященные различным аспектам истории крымских караимов. Одним из приоритетных направлений в работе Республиканской крымскотатарской библиотеки им. И. Гаспринского является «изучение и приумножение национального культурного наследия крымскотатарского народа, караимов, крымчаков» – в ее каталоге собрано почти 35 тыс. книг, журналов и газет, а электронная база данных насчитывает свыше 67 тыс. записей. В библиотеке также проводятся конференции, выставки, презентации, вечера памяти [28].

Традиционными стали дни национальных культур и в Бахчисарайской районной библиотеке. В июне 2009 г., при содействии Бахчисарайского общества караимов «Карайлар» во главе с М. Я. Дубинским и сотрудников этнографического отдела Бахчисарайского историко-культурного заповедника (И. Баккал) там состоялся праздник «Караи вновь собирают друзей», в рамках которого про-

[34] К сожалению, отсутствие согласованности в действиях ряда национально-культурных обществ зачастую приводит к недоразумениям, негативно влияющим на их деятельность по возвращению в собственность караимской общине историко-архитектурных объектов и зданий религиозного культа [47].

шла книжно-иллюстративная выставка «В гостях у древнего народа» (на ней было представлено более 50 книг) и экспозиция предметов быта, декоративных изделий, национальной одежды, кухонной утвари, картин художников, посвященных караимской тематике [29].

Как уже было сказано выше, возрождена караимская национальная библиотека «Карай-Битиклиги», основанная еще в 1916 г., уникальное книжное собрание которой было расформировано в конце 1920-х гг. и перевезено в Ленинград, в Институт востоковедения АН СССР. При Евпаторийских караимских кенасах учреждена библиотека «Карай Битиклиги – 2», названная так в память о первой национальной караимской библиотеке-музее. Фонды библиотеки в настоящее время представляют наиболее полное в Украине собрание материалов по религии, истории, языку и фольклору крымских караимов. Уникальными также является собрание караимских брачных договоров (шетаров) и фольклорных рукописных сборников (меджума).

Свой вклад в дело изучения исторического наследия караимов, их религии, культуры, традиций, обычаев и караимского языка вносят создававшиеся в период с конца 1980-х гг. национальные общества. Например, Всеукраинская ассоциация крымских караимов «Крымкарайлар» (с 21 мая 1989 г. – крымское караимское общество «Бирлык» («Единство»); было переименовано в ассоциацию 5 июля 1994 г.) проводит обширную издательскую и просветительскую деятельность. Ассоциация выпускает одноименную газету. В «Крымкарайлар» входят 10 караимских обществ Украины и Крыма – караимские общины существуют в Симферополе (национально-культурное караимское общество «Чокрак», председатель – Г. Гладилова-Ормели), Евпатории («Кардашлар» («Братья», председатель – С. Б. Синани), Севастополе («Фидан» («Росток»), председатель – Е. Г. Баккал), Феодосии, Бахчисарае, Ялте и Мелитополе. Имеются также общины в Харькове, Киеве, Одессе, Днепропетровске. В Симферополе действует Крымская республиканская федерация караимов (председатель – Т. И. Шайтанова).

Одной из основных задач созданного в составе ассоциации «Крымкарайлар» этнокультурного центра «Кале» является сохранение историко-культурного наследия караимов, «пропаганда культуры крымских караимов, знакомство и общение караев из разных регионов Украины и других стран». По словам председателя «Крымкарайлар» В. Ю. Ормели, в последнее время были зафиксированы факты осквернения караимского кладбища в Иософатовой долине, кражи с него надгробий [13].

25 марта 2011 г. в Севастополе в Украинском культурно-информационном центре состоялось торжественное открытие выставки, посвященной истории крымских караимов, которая продлилась до середины апреля того же года. Организаторами мероприятия выступили Севастопольская ассоциация крымских караимов «Фидан», Городской национально-культурный центр (директор – В. А. Милодан) и Украинский культурно-информационный центр (директор – А. А. Коротун). На выставке были представлены предметы обихода, образчики

декоративно-прикладного искусства крымских караимов (изделия рукоделия – вышивка, шитье по бархату с традиционным караимским орнаментом, медная посуда), а также книги, фотографии и другие материалы из фонда Ассоциации «Фидан» [30].

Одним из знаковых мероприятий по сохранению историко-культурного наследия караимов стала организация Всемирного фестиваля культуры крымских караимов в Евпатории в сентябре 2005 г. (который собрал более 400 караимов из 12 стран мира), международных фестивалей крымскотатарской и общетюркской культур «Гезлев къапуси» («Восточный базар») и т. п. [31, с. 1–14]. Существенный вклад в этот процесс может привнести средняя школа, так как ознакомление школьников с прошлым Украины является частью государственной образовательной программы. В этом направлении делаются и вполне конкретные шаги. Например, на состоявшемся в мае 2004 г. в Русском культурном центре научно-методическом семинаре «Караимская воскресная школа: пути возрождения караимской культуры» (организованном Симферопольским национально-культурным обществом «Карайлар», Международным фондом «Возрождение» и Крымской федерацией караимов) было проведено заключительное занятие воскресной школы (в ней дети изучают караимскую культуру, язык и историю), состоялось знакомство с музыкальным фольклором караимов, с их религиозными праздниками [32]. Воскресные караимские школы действуют в Евпатории, Мелитополе, Феодосии и Симферополе.

Сегодня в Украине происходит активный процесс передачи ранее отобранных культовых зданий владевшим ими религиозным общинам. Например, в Евпатории Большая и Малая кенасы уже переданы караимской общине; была проведена их тщательная реставрация. К 200-летию создания комплекса (в который также входят здание религиозной школы, этнографический музей, библиотека, клубная комната и кафе национальной караимской кухни «Караман») в сентябре 2005 г. были полностью отреставрированы Большая соборная кенаса, внутренние дворики и другие сооружения. Ныне продолжаются работы в Малой кенасе, в Музее истории и культуры караимов. Был возвращен караимской общине молельный дом в Харькове. Обсуждается возможность передачи караимской общине и молельного дома в Киеве – ныне это здание Дома актера, построенное архитектором В. В. Городецким в 1902 г.

На 40-й сессии городского совета Бахчисарая, состоявшейся 23 сентября 2010 г., было рассмотрено ходатайство бывшего генерального директора КРУ «Бахчисарайский историко-культурный заповедник» Е. В. Петрова и почетного председателя Ассоциации крымских караимов «Крымкарайлар» Ю. Б. Когена о передаче заповеднику памятника архитектуры – здания караимской кенасы. По решению городского совета «О передаче с баланса Бахчисарайского городского совета на баланс Крымского республиканского учреждения Бахчисарайский историко-культурный заповедник здания кенасы (бывший актовый зал Дома пионеров) по ул. Ленина, 67, г. Бахчисарай» (№ 759) и изменений в решение

от 28 января 2011 г. здание с хозяйственными постройками и котельной было передано на баланс заповедника, который предполагает восстановить этот памятник для создания этнографического музея истории и культуры крымских караимов [33].

В дальнейших планах у караимов – восстановление кенас в Севастополе (в здании севастопольской караимской кенасы на улице Большой Морской в советское время было размещено спортивное общество «Спартак»), в Симферополе и Киеве, а также открытие духовного училища в Евпатории, где смогли бы обучаться будущие караимские священники – газзаны [32; 34–37]. На IV конференции Духовного управления религиозных организаций караимов Украины, состоявшейся 13 февраля 2011 г. в Евпатории, в которой участвовали представители религиозных организаций городов Евпатории, Симферополя, Феодосии, Киева, Мелитополя, Бахчисарая, было принято постановление, в котором, в частности, говорилось о необходимости «совместно с религиозными организациями вести работу по возврату кенас в городах Симферополе, Севастополе, Киеве, Бердянске и Александровского Духовного училища в г. Евпатории». На конференции председателем Духовного управления был избран газзан Евпаторийской караимской кенасы Д. (В.) З. Тирияки [38].

Регулярно проводятся на полуострове Дни караимской культуры. Например, подобные мероприятия прошли в апреле 2010 г. в Евпатории. Их организаторами выступили исполком Евпаторийского горсовета, Республиканский комитет АРК по делам межнациональных отношений и депортированных граждан, Ассоциация крымских караимов «Крымкарайлар» и евпаторийское национально-культурное караимское общество «Кардашлар». На улице Белинского, неподалеку от театра им. А. С. Пушкина, состоялось торжественное открытие памятного знака известному караимскому общественному деятелю, благотворителю, гласному Евпаторийской городской думы и создателю первого городского сада в Евпатории С. И. Шакаю (1822–1895); проведены мероприятия, посвященные 140-летию со дня рождения известного общественного деятеля, городского головы Евпатории С. Э. Дувана. В сквере рядом с улицей Дувановской, названной в честь этого видного общественного деятеля Евпатории, установлены памятный знак и мемориальная доска; были также возложены цветы к памятнику С. Э. Дувану, возведенному в 2005 г. в сквере рядом с театром им. А. С Пушкина [39].

Существенный вклад и изучение прошлого старожильческих народов Крыма вносит Крымское отделение Института востоковедения НАН Украины, которое было создано в 1992 г. как структурное подразделение Института востоковедения НАН Украины (г. Киев). КОИВ НАНУ является научно-методическим центром и координатором исследований по востоковедению на территории Крыма, а также головным в НАН Украины научно-исследовательским центром по византологии. Основными задачами Отделения является «осуществление фундаментальных исследований в области византологии и изучения влияния цивилизаций Востока на формирование этнокультурного комплекса древнего и средневекового

Крыма, истории, этнологии и материальной культуры тюркских и ираноязычных народов Крыма и Причерноморья, в том числе этногенеза крымскотатарского народа, горнокрымского христианского населения и малых этноконфессиональных общностей, истории христианства, ислама и иудаизма на полуострове». В частности, сотрудниками отдела «Этноконфессиональных исследований» в рамках общей темы «Этноконфессиональная ситуация в Крыму в конце XVIII – начале XXI в. и проблемы формирования толерантного общества» и программы «Культурно-цивилизационный диалог и пути гармонизации межэтнических и межконфессиональных отношений в Крыму» проведены комплексные исследования по истории караимов, крымчаков и крымских татар, результатом которых стало издание ряда статей и монографий. Так, книга И. В. Ачкинази «Крымчаки. Историко-этнографический очерк» (Симферополь : Дар, 2000) представляет собой исследование по истории и культуре крымчаков. В монографиях автора настоящей статьи «Учивший заветам правды, добра и гуманности». Биографический очерк Ильи Ильича Казаса. (1832–1912)» (Симферополь : АнтиквА, 2008), «И. И. Казас – просветитель караимов и крымских татар» (Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. – Supplementum. – Вып. 7. – Симферополь, 2009) реконструирована биография известного караимского просветителя Ильи Ильича Казаса, проанализирована его научно-просветительская деятельность. Статьи научного сотрудника КОИВ НАНУ О. Б. Белого посвящены некоторым малоизученным аспектам существования караимских общин на территории Крымского полуострова в XVIII – начале XX в. При участии завотделом этноконфессиональных исследований М. А. Араджиони группой специалистов разработан интегрированный курс «Культура добрососедства» для всех ступеней обучения – от детских дошкольных учреждений до вузов, в котором, в частности, уделено внимание истории и культуре караимов.

Отделением издается ежегодник «Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии» (всего на сегодняшний день увидело свет 16 выпусков; в печати находится 17-й) и сборников научных статей «Боспорские исследования», в которых напечатаны статьи украинских и российских историков, а также труды зарубежных авторов, в том числе посвященных караимской проблематике. За время своего существования КОИВ НАНУ стало организатором и соорганизатором нескольких международных научных конференций и круглых столов, в которых приняли участие ученые из Украины, России, Франции, Болгарии, Австрии, Италии, Англии, Греции, Германии. Сотрудники Отделения ежегодно принимают участие в региональных и международных научных и научно-практических конференциях, проводящихся в Украине, а также в странах ближнего и дальнего зарубежья.

Активно сотрудничает Отделение с Всеукраинской ассоциацией общественных организаций «Альраид». Итогом этого сотрудничества стало проведение научных конференций и круглых столов под общим названием «Культурно-цивилизационный диалог народов Крыма: история и перспективы»; осуществлено

издание нескольких сборников научных материалов, в которых в том числе опубликованы и статьи о крымских караимах [40–46].

Таким образом, можно констатировать, что на современном этапе проблема сохранения историко-культурного наследия крымских караимов имеет несколько основных векторов. Прежде всего это деятельность учреждений академического уровня по изучению прошлого старожильческих народов Крымского полуострова. В публикациях специалистов различного профиля, основанных на материалах архивов Украины, ближнего и дальнего зарубежья, должна быть взвешенно, с применением глубокого анализа и строго научных методов реконструирована история крымских караимов. Краеведческие, национально-культурные, просветительские общества и организации также могут способствовать заполнению имеющихся на сегодняшний день лакун в истории караимского народа. Дальнейшая работа по сохранению историко-культурного наследия караимов является одной из приоритетных задач и в деятельности краеведческих, этнографических и профильных музеев Украины в целом и Автономной Республики Крым в частности. Несомненно и то, что без поддержки государства и профильных министерств и ведомств эта многоуровневая, комплексная работа не будет иметь той степени эффективности, на которую можно было бы рассчитывать в решении данной проблемы.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Национальный состав и языковые признаки населения АРК: Сборник, подготовленный по материалам Всеукраинской переписи населения по состоянию на 05.12.2001. – Симферополь : ГУ статистики в АРК, 2003.

2. Проект программы действий на Второе Международное десятилетие коренных народов мира. 60 сессия; пункт 70 предварительной повестки дня: Вопросы коренных народов. (доклад Генерального секретаря) // Официальный сайт Генеральной ассамблеи ООН. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N05/464/98/PDF/N0546498.pdf?OpenElement

3. Велешко Е. Современная этническая карта Украины // Бюллетень Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов / под ред. В. А. Тишкова и Е. И. Филипповой. – М., 2003. – № 51, сентябрь-октябрь.

4. Глаголев В. С. Философско-религиозные аспекты в изучении караимов // Религия и культура: Россия. Восток. Запад : сб. ст. / под ред. Е. А. Торчинова. – СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2003. – С. 231–250.

5. Информация о состоянии межнациональных отношений в Автономной Республике Крым // Республиканский комитет по делам межнациональных отношений и депортированных граждан. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.comnational.crimea-portal.gov.ua/rus/index.php?v=5&tek=0&par=0&art=85.

6. Постановление Совета Министров Автономной Республики Крым, № 108, 06.04.1995. О внесении изменений в Постановление Совета Министров Крымской АССР от 21 января 1992 г. № 5 «О мерах по сохранению и возрождению культурного наследия караимов и крымчаков» // Правові системи НАУ. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://zakon.nau.ua/doc/?uid=1015.22109.0

7. О проекте решения Верховной Рады Автономной Республики Крым «Об отчете Совета министров Автономной Республики Крым за 2007 год»: Протокол № 3 заседания Совета министров Автономной Республики Крым от 31.01.2008; О внесении изменений в Постановление Верховной Рады Автономной Республики Крым от 28 декабря 2006 года

№ 315–5/06 «О бюджете Автономной Республики Крым на 2007 год» № 718–5/07 от 19.12.2007. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://wwwold.rada.crimea.ua/

8. Постановление ВР АРК № 649–5/07 от 21 ноября 2007 года «О мероприятиях по сохранению историко-культурного наследия крымских караимов и крымчаков на 2008 год.; Приложение № 3 к Постановлению Верховной Рады Автономной Республики Крым от 16 января 2008 года № 728–5/08: Объем расходов бюджета Автономной Республики Крым на 2008 год по главным распорядителям бюджетных средств. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://wwwold.rada.crimea.ua/

9. О развитии традиций и культур национальных меньшинств // Крымские известия. – 2010. – № 38(4482). – 24 февраля.

10. Постановление ВР АРК № 1406–5/09 о мероприятиях по сохранению историко-культурного наследия крымских караимов и крымчаков на 2010 год. г. Симферополь, 21 октября 2009 года. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.rada.crimea.ua/app/546.

11. Постановление ВР АРК № 139–6/10 «О мероприятиях по сохранению историко-культурного наследия крымских караимов и крымчаков на 2011 год». [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.rada.crimea.ua/app/1149.

12. Постановление Верховной Рады Автономной Республики Крым 16 ноября 2011 года № 582–6/11 по сохранению историко-культурного наследия крымских караимов и крымчаков на 2012 год. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.rada.crimea.ua/app/1724

13. Пресс-центр Верховной Рады АРК. В крымском парламенте обсудили вопрос сохранения историко-культурного наследия крымских караимов. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.rada.crimea.ua/news/14_05_12_4.

14. Протокол 40-го заседания Общества 1 ноября 1926 г. // в кн.: Филимонов С. Б. Хранители исторической памяти Крыма: О наследии Таврической ученой архивной комиссии и Таврического общества истории, археологии и этнографии (1887–1931). – 2-е изд. – Симферополь, 2004.

15. Протокол 104-го заседания Общества 17 июня 1930 г. // в кн.: Филимонов С. Б. Хранители исторической памяти Крыма: О наследии Таврической ученой архивной комиссии и Таврического общества истории, археологии и этнографии (1887–1931). – 2-е изд. – Симферополь, 2004.

16. Мусаева У. К. Из истории изучения этнографии народов Крыма в 20–30-х годах XX века в Евпатории // Культура народов Причерноморья. – Симферополь, 2002. – № 39. – С. 74–81.

17. Ельяшевич Борис (Берахья-Эзриэль) Саадьевич // Караимский Биографический словарь (от конца XVIII века до 1960 г.) / Б. С. Ельяшевич // Караимы: Материалы к серии «Народы и культуры» / под ред. М. Н. Губогло, А. И. Кузнецова, Л. И. Миссоновой. – М., 1993. – Вып. 14, кн. 2. – С. 50–56.

18. Терияки Д. О Б. С. Ельяшевиче // Caraimica. Quarterly Review / International Institute Of The Crimean Karaites. – Слиппери-Рок, США – Симферополь, Украина, 2010. – Vol. III. – С. 15–17.

19. Парафило Д. М. К биографии заведующего библиотекой «Карай-Битиклиги» С. С. Ельяшевича // Актуальні питання історії науки і техніки. Матеріали 9-ї Всеукраїнської наукової конференції, м. Житомір, 7–9 жовтня 2010 р. – К., 2010. – С. 348–350.

20. Жуков В., Кирьянова С., Седова Н. Вместе дружная семья // Крымские известия. – 2010. – № 217 (4661). – 13 ноября.

21. Тирияки Д. З., Тирияки В. Д. Караимские брачные договоры в фондах музея истории и этнографии крымских караимов им. С. И. Кушуль // Материалы науч.-практ. конф. «X Таврические научные чтения», г. Симферополь, 29 мая 2009 г. : сб. научн. тр. / под ред. Е. Б. Вишневской : в 2 ч. Ч. 2. – Симферополь, 2009.

22. К 130-летию со дня рождения Бориса Ельяшевича. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://lenta.crimea.ua/other/2619.html.

23. «Я готов служить нации и религии» [К 130-летию со дня рождения Бориса Ельяшевича] // Евпаторийская здравница. – 2011. – № 62. – 2 апреля.

24. Роштен В. Совместный проект оказался удачным // Крымские известия. – 2010. – № 173–174 (4617–4618). – 17 сентября.

25. В Бахчисарае прошел семинар памяти Ильи Казаса. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://lenta.crimea.ua/other/2619.html.

26. Богославская Т. Новые экспонаты будущего музея // Qirim. – 2011. – № 4. – 19 января.

27. Проект «Виртуальный караимский музей» Международного института крымских караимов. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.caraimica.org.

28. Кирьянова С., Вербицкая Г., Шастун Е. Первая крымскотатарская библиотека // Крымские известия. – 2011. – № 9(4698). – 20 января.

29. Роштен В. «В гостях у древнего народа» // Крымские известия. – 2009. – № 115 (4318). – 27 июня.

30. Захарченко Н. В Севастополе открылась выставка «Крымские караимы». [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://mstar.biz.ua/post/view/id/579.

31. Всемирная встреча крымских караимов. Евпатория – Джуфт-Кале. 2005. – Симферополь, 2005.

32. Зорина Е. Связующая нить // Крымские известия. – 2005. – № 103(3333). – 7 июня.

33. Бакал И. Передача кенаса в г. Бахчисарае // Этнокультурный центр Кале. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://kale.at.ua/news/peredacha_kenasa_v_g_bakhchisarae/2011–03–10–71.

34. Зорина Е. Глава парламента Автономии гарантировал поддержку Ассоциации крымских караимов // Крымские известия. – 2006. – № 213(3687). – 16 ноября.

35. Зорина Е. Звездочки «Фидана» // Крымские известия. – 2006. – № 153 (3627). – 22 августа.

36. Дворченко Е. Новая встреча на Чуфут-кале // Крымские известия. – 2006. – № 150(3624). – 17 августа.

37. Баккал Е. Г. «Нас, караимов, пора занести в Красную книгу» // Агентство религиозной информации «Благовест». – 10 июля 2007. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.blagovest-info.ru/index.php?ss=2&s=5&id=14583.

38. IV конференция Духовного Управления [караимов] // Этнокультурный центр Кале. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://kale.at.ua/news/iv_konferencija_dukhovnogo_upravlenija/2011–03–18–72

39. Лавренко Н. Верой и правдой служил Евпатории // Крымские известия. – 2010. – № 81 (4525). – 28 апреля.

40. Прохоров Д. А. Культурно-цивилизационный диалог народов Крыма на примере деятельности русско-караимских учебных заведений: исторический опыт и современные перспективы // Культурно-цивилизационный диалог и пути гармонизации межэтничных и межконфессиональных отношений в Крыму : сб. науч. ст. / под ред. А. И. Айбабина, В. А. Сидоренко, В. Ю. Ганкевича и др. – Симферополь, 2008. – С. 192–221.

41. Прохоров Д. А. Караимские молитвенные дома – кенасы – на территории Российской империи в конце XVIII – начале XX вв.: историография вопроса // Проблемы гармонизации межэтничных и межконфессиональных отношений в Крыму : сб. науч. тр. / под ред. А. И. Айбабина, В. А. Сидоренко, В. Ю. Ганкевича и др. – Симферополь, 2009. – С. 118–159.

42. Прохоров Д. А. Сохранение крымскими караимами национально-культурных традиций в эпоху постреволюционных преобразований 1917–1920 гг // Межэтнические и межконфессиональные отношения в Крыму: проблемы и их решение : сб.

науч. ст. / под ред. А. И. Айбабина, В. А. Сидоренко, В. Ю. Ганкевича и др. – Симферополь : ИД «Тезис», 2009. – С. 147–169.

43. Прохоров Д. А. Деятельность органов караимского конфессионального самоуправления и вопросы регулирования правового положения караимов Российской империи в первой половине XIX – начале XX в. // Межэтнические и межконфессиональные отношения в Крыму: история, современность, прогноз : сб. науч. ст. / под ред. А. И. Айбабина, В. А. Сидоренко, В. Ю. Ганкевича и др. – Симферополь, 2010. – С. 204–223.

44. Белый О. Б. К вопросу об этнических и конфессиональных контактах крымских караимов и субботников («русских караимов») в XIX – начале XX вв // Культурно-цивилизационный диалог и пути гармонизации межэтничных и межконфессиональных отношений в Крыму : сб. науч. ст. / под ред. А. И. Айбабина, В. А. Сидоренко, В. Ю. Ганкевича и др. – Симферополь, 2008. – С. 222–268.

45. Терещук Н. М. Караимская община Севастополя в условиях поликультурного общества (вторая половина XIX – 1920-е гг.): по данным Государственного архива города Севастополя // Культурно-цивилизационный диалог и пути гармонизации межэтничных и межконфессиональных отношений в Крыму : сб. науч. ст. / под ред. А. И. Айбабина, В. А. Сидоренко, В. Ю. Ганкевича и др. – Симферополь, 2008. – С. 210–221.

46. Прохорова А. В. Благотворительность как элемент формирования толерантных отношений в Крыму в середине XIX – начале XX века: К истории деятельности караимских благотворительных организаций // Межэтнические и межконфессиональные отношения в Крыму: история, современность, прогноз : сб. науч. ст. / под ред. А. И. Айбабина, В. А. Сидоренко, В. Ю. Ганкевича и др. – Симферополь, 2010. – С. 233–238.

47. Крымские караимы поссорились из-за наследия предков // Крым 24. Портал крымских новостей. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://crimea24.info/2012/05/01/krymskie-karaimy-possorilis-iz-za-naslediya-predkov/

ФОНД «ЕВПАТОРИЙСКАЯ КАРАИМСКАЯ СИНАГОГА (КЕНАСА) В ГОСУДАРСТВЕННОМ АРХИВЕ В АВТОНОМНОЙ РЕСПУБЛИКЕ КРЫМ – МАЛОИЗВЕСТНЫЙ ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ КРЫМСКИХ КАРАИМОВ

Алла Викторовна Прохорова,
преподаватель Учебно-воспитательного комплекса
«Симферопольский экономический лицей»

Аннотация: В статье рассмотрены некоторые аспекты развития благотворительности в караимских общинах Таврической губернии. Важным источником по данной теме являются документы и материалы, хранящиеся в Государственном архиве в АР Крым. Одним из малоизученных фондов является фонд 851 «Евпаторийская караимская синагога (кенаса)», до сих пор практически не попадавший в поле зрения исследователей.
Ключевые слова: караимы, кенаса, благотворительность.

Анотація: У статті розглянуті деякі аспекти розвитку добродійності в караїмських громадах Таврійської губернії. Важливим джерелом з цієї теми є документи і матеріали, що зберігаються в Державному архіві в АР Крим. Одним з маловивчених фондів є фонд 851 «Євпаторійська караїмська синагога (кенаса)», який досі практично не потрапляв у поле зору дослідників.
Ключові слова: караїми, кенаса, добродійність.

Abstract: In the article some aspects of development of charity are considered in Karate's communities of the Taurida gubernia (province). An important source on this topic are the documents and materials, kept in the State Archive in AR of Crimea. One of insufficiently known funds is a fund a number 851 «Karaite's synagogue (*kenasa*) of Eupatoria», until now practically not getting in sign of researchers.
Keywords: Karaites, synagogue (kenasa), charity.

Благотворительная деятельность, получившая широкое распространение в России в XIX в., особенно поощрялась в среде национальных общин империи, где она издавна была частью религиозных обычаев и традиций, неотъемлемой составляющей культуры. Сегодня особое внимание привлекает к себе история развития благотворительности в караимских общинах Крыма, которая имела не только социальный, но и, в немалой степени, религиозный подтекст. Благотворительность принимает в караимском обществе XIX в. различные формы и становится одной из составляющих повседневной жизни караимов юго-западных губерний Российской империи в рассматриваемый период.

Важным источником по данной теме являются документы и материалы, хранящиеся в Государственном архиве в АР Крым. Одним из малоизученных фон-

дов является фонд 851 «Евпаторийская караимская синагога (кенаса)», до сих пор практически не попадавший в поле зрения исследователей.

Комплекс Евпаторийских кенас в составе Большой кенасы и Малой кенасы был построен в начале XIX в. по проекту братьев Бабовичей: архитектора Самуила Бабакаевича и гевира[35] евпаторийской караимской общины Соломона (Сулеймана) Бабакаевича. По одним данным, дата постройки Большой кенасы относится к 1807 г. [1, с. 57], однако, по замечанию В. А. Кутайсова, более точной датой является 1804 г., когда состоялась собственно закладка кенасы; первое богослужение в ней прошло в 1805 г. [2, с. 132]. В 1815 г. на месте обветшавшего караимского молитвенного дома было сооружено здание Малой кенасы. В возведении кенас также принимал участие городской голова Евпатория Ильягу Бабакаевич Бабович.

Во время обороны Севастополя в 1855 г. в Крымскую (Восточную) войну Евпаторийская караимская соборная кенаса была захвачена высадившими в Евпатории десант турками и переоборудована ими в военный арсенал. После освобождения города кенаса продолжила функционировать в прежнем режиме. В 1927 г. оба молитвенных дома были закрыты. В 1942 г., во время немецкой оккупации, Малая кенаса вновь открыла свои двери; тогда же в Большой кенасе был воссоздан музей караимов. Последнее закрытие храма произошло в 1959 г. В разные годы в зданиях комплекса располагались различные советские учреждения: антирелигиозный музей, курсы медсестер, спортивные секции, детский сад, бюро технической инвентаризации, краеведческий музей.

Решением Евпаторийского городского совета народных депутатов от 27 июля 1990 г. № 369 «О передаче малой кенасы культурно-просветительской ассоциации караимов» Малая кенаса была передана в бессрочную безвозмездную аренду этой национально-культурной организации. В 1990-х гг. был создан фонд восстановления Малой кенасы в Евпатории, а в 1998–1999 гг. велись строительные работы по воссозданию памятника. Здание Малой кенасы было отреставрировано в 1999 г., а ее освящение состоялось 4 сентября 1999 г. 3 сентября 2005 г. была закончена реставрация комплекса кенас в Евпатории, в который входят Большая и Малая караимские кенасы. Торжество открытия комплекса состоялось в августе 2007 г. Сегодня Большая караимская кенаса предназначена для праздничных богослужений; Малая кенаса используется для богослужения в будние дни и непраздничные субботы.

Непосредственно фонд 851 ГААРК «Евпаторийская караимская синагога (кенаса)» включает одну опись, составленную по хронологическому принципу. Всего опись фонда насчитывает 87 дел. Пагинация листов в большинстве дел отсутствует. Сама опись была составлена в 1930 г. научным сотрудником Центрального архивного управления Крыма Я. Б. Шамашем (членом Караимского клуба Симферополя, сотрудником караимского русскоязычного журнала «Бизым Йол (Наш путь)», издававшегося Крымским объединением караимских общин

[35] Гевир – уважаемый, богатый человек, зд. – предводитель караимской общины.

(КрымОКО) в 1927 г.). По всей видимости, все документы, связанные с историей деятельности Евпаторийских караимских кенас, были переданы в Исторический архив и Архив Октябрьской революции Крымской АССР после их закрытия.

Важно подчеркнуть, что общинная благотворительность существовала среди караимов на протяжении многих веков и выражалась в традиционном виде пожертвований членов караимской общины, передававшихся, как правило, прихожанами в молитвенном доме – кенасе: «чедака» (традиционное ежедневное пожертвование в пользу кенас, малоимущих и пр.), «кружечный», «тарелочный» сборы и т. п. Основной массив фонда составляют книги пожертвований и приходно-расходные книги кенасы за 1821–1920 гг., составленные газзанами и шамашами кенасы. Среди них – 80 дел, озаглавленных как «Книги добровольных пожертвований в Евпаторийскую караимскую синагогу», одно дело – «Книга долгов по пожертвованиям в пользу Евпаторийской караимской синагоги» (д. № 13) и семь дел (№ 6, 10, 32, 48, 56, 68) как «Приходно-расходные книги Евпаторийской караимской синагоги». В большинстве дел фонда собраны списки жертвователей, прихожан и членов евпаторийской караимской общины, предавших средства в пользу Евпаторийских караимских кенас; в них указаны конкретные суммы, собранные на их нужды. Язык документов – иврит, караимский (так называемая караимская скоропись) и русский, причем подавляющее большинство документов составлено на караимском языке. Значительная их часть написана с использованием татарско-турецких языковых элементов. В ряде случаев это осложняет прочтение отдельных документов; кроме того, трудности при прочтении некоторых материалов вызваны не совсем удовлетворительным состоянием чернил и бумаги.

Среди документов фонда встречаются письма представителей караимских общин других городов Таврической губернии, а также населенных пунктов Российской империи, в которых проживали караимы. Часть из них выполнена на русском языке и адресована караимским гахамам и членам Таврического и Одесского караимского духовного правления (ТОКДП). Среди них имеются документы финансовой отчетности – например, квитанции о переводе денежных средств в адрес кенасы, различные уведомления и расписки. Имеются также уведомления (на части из них – гриф ТОКДП, выполненный типографским или штемпельным способом) о получении денежных средств. Помимо сведений о суммах пожертвований в пользу кенасы и их адресатах, указанные документы могут существенно дополнить информацию о существовании караимских общин на территории Российской империи в различное время.

Помимо целевых пожертвований в адрес Евпаторийской кенасы, благотворительные взносы поступали и на другие нужды. Так, например, в деле № 86 фонда 851 хранятся документы, из которых явствует, что в марте 1919 г. от наследников умершего члена евпаторийской караимской общины И. И. Ходжаша в адрес караимской национальной библиотеки «Карай-Битиклиги» и караимского музея поступило 200 руб. Указанная сумма была передана и. о. шамаша Евпаторийской соборной кенасы М. Шайтану [3, л. 188]. Пожертвования поступали также в пользу

караимской богадельни «Ярдым», организованной Таврическим и Одесским караимским гахамом С. М. Шапшалом на собственные средства в 1917 г. в Евпатории, и предназначенной для призрения пожилых караимок [3, л. 189, 191, 193, 194].

В делах фонда 851 сохранились также документы финансовой отчетности, свидетельствующие о том, что пожертвования передавались и в адрес Севастопольской и Симферопольской караимских кенас. Так, например в 1920 г. член Караимского национального совета (КНС) евпаторийский мещанин А. М. Шакай пожертвовал в адрес Севастопольской караимской кенасы «чедака» в размере 500 руб.; аналогичное пожертвование поступило и в адрес Симферопольской кенасы. Кроме того, по 10 тыс. руб. было им передано в пользу «Общества попечения о бедных караимах» и богадельни «Ярдым», а также по 5 тыс. руб. на покупку одежды и обуви и организацию бесплатных обедов для неимущих караимов. Все эти пожертвования А. М. Шакай сделал в память своей покойной матери М. Б. Шакай [3, л. 190, 192, 193, 194, 195].

Данные, содержащиеся в материалах фонда, позволяют также уточнить хронологические рамки служения при кенасе того или иного представителя караимского духовенства, а также сопоставить их со сведениями, содержащимися в делах фонда 241 ГААРК «Таврическое и Одесское караимское духовное правления». Известно, что в разные годы газзанами и шамашами при Евпаторийских караимских кенасах состояли: Соломон бен Моисей Иерушалми (Йосэф-Шеломо бен Моше Луцкий) по прозвищу «Яшар» (1771–1844), вновь избранный в апреле 1844 г. старшим газзаном в Большую кенасу Евпатории[36]; бахчисарайский мещанин А. А. Алты-окка (1797–1865) и И. Ю. Арсланов, назначенные соответственно младшим газзаном и шамашем той же кенасы. В Малую кенасу старшим газзаном в 1845 г. был определен известный караимский просветитель, выходец из Галиции Давид бен Мордехай Мордкович (Кокизов) (1777–1855), которого впоследствии сменил Я. Шамаш, младшим газзаном – евпаториец А. А. Кефели, а шамашем – М. Т. Ефет [4, с. 526]. В последующие годы должность старшего газзана в Большой евпаторийской караимской кенасе занимали: известный караимский просветитель Авраам бен-Иосиф («Абен-Яшар») Луцкий (с 1844 по 1855 г.), И. М. Султанский (1860 г.), А. М. Ефет (с 1863 по 1896 г.), Я. Б. Шамаш (1867 г.), С. Х. Дубинский (с 1898 по 1902 г.), Б. С. Ельяшевич (с 1915 по 1929, с 1919 по 1925 г. – и. о. гахама); должность младшего газзана – Д. Асаба (1863 г., И. М. Султанский (до 1867 г.; впоследствии был устранен с занимаемой должности); С. М. Мичри (в 1860-х по 1879 г.), М. С. Нейман (с 1882 по 1894 г.), С. М. Нейман (с 1895 по 1916 г.; с 1911 г. исполнял также обязанности караимского гахама) [5, л. 1–8; 6, л. 95 об.; 7, л. 1, 2; 8, л. 1–15; 9, л. 1–11; 10, л. 1–9; 11, с. 43, 66, 93, 125, 149, 150, 181]. Шамашами при кенасе в разное время состояли М. Тохтамыш, А. Рофе, М. Т. Ефет, И. А. Оксюз, Г. Г. Гелелович, С. Б. Шишман, М. Шай-

[36] М. С. Луцкий состоял газзаном этой кенасы и ранее, однако, в связи с созданием Таврического и Одесского караимского духовного правления в 1837 г. и утверждением в должности караимского гахама С. С. Бобовича необходимо было провести формальные выборы газзанов и шамашей.

тан; габбаями – И. Э. Бабаджан, С. Пойраз, Б. М. Шишман, М. С. Сарач, М. И. Ходжаш, И. Ю. Чуюн, М. Шайтан. Гевир евпаторийской общины А. И. Бабаджан занимал должность младшего газзана Малой кенасы с 1844 по 1855 г. (кстати, после своей смерти он завещал значительные денежные суммы для распределения между нуждавшимися членами караимских общин); на пост старшего газзана с 1916 по 1922 г. находился А. И. Катык [4, с. 570; 11, с. 4].

Таким образом, проанализировав документы, хранящиеся в фонде 851 «Евпаторийская караимская синагога (кенаса)» в ГААРК, можно сделать несколько выводов. Прежде всего, следует указать на то, что благотворительность в караимских общинах Российской империи в XIX – начале XX в. имела весьма разнообразные векторы. Многочисленные виды пожертвований, поступавших как в адрес Евпаторийских караимских кенас, так и других религиозных и общественных учреждений караимов, позволяют утверждать, что меценатство и филантропия как виды деятельности занимают в караимском обществе важное место и становятся одной из составляющих повседневной жизни караимов юго-западных губерний России. Кроме того, на фоне бурного развития торгово-промышленных отношений и изменившейся в связи с этим социальной обстановкой внутри караимской общины увеличивается число жертвователей, стремившихся не только оказать помощь бедным и нуждавшимся единоверцам, но и оставить о себе память каким-либо добрым делом. Целевая передача средств на нужды кенас, «домов призрения» и богаделен; сборы в пользу малоимущих членов общины; пожертвования на национально-культурные нужды (помощь караимским учебным заведениям, библиотеке «Карай-Битиклиги», караимскому музею и т. п.) – вот далеко не полный перечень видов караимской благотворительности. Очевидно, что этот малоисследованный вопрос в истории караимов требует своего дальнейшего изучения.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Ельяшевич Б. С. Евпаторийские караимские кенасы: Краткое описание // Крымские караимы: происхождение, этнокультура, история. – Симферополь: Доля, 2005.
2. Кутайсов В. А., Кутайсова М. В. Евпатория: Древний мир. Средние века. Новое время. – К. : изд. дом «Стилос», 2007.
3. ГААРК, ф. 851, оп. 1, д. 86.
4. Прохоров Д. А., Белый О. Б. Обзор документов фонда Таврического и Одесского караимского духовного правления из государственного архива в АР Крым // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии : сб. / ред.-сост. В. Н. Зинько. – Симферополь, 2008. – Вып. XIV. – С. 513–573.
5. ГААРК, ф. 241, оп. 1, д. 69.
6. ГААРК, ф. 241, оп. 1, д. 108.
7. ГААРК, ф. 241, оп. 1, д. 160.
8. ГААРК, ф. 241, оп. 1, д. 273.
9. ГААРК, ф. 241, оп. 1, д. 604.
10. ГААРК, ф. 241, оп. 1, д. 723.
11. Ельяшевич Б. С. Караимский биографический словарь (от конца XVIII века до 1960 г.) // Караимы. Материалы к серии «Народы и культуры» / под ред. М. Н. Губогло, А. И. Кузнецова, Л. И. Миссоновой. – М., 1993. – Вып. XIV, кн. 2.

ФОРМИРОВАНИЕ ЭТНИИЧЕСКОЙ И РЕЛИГИОЗНОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ В УСЛОВИЯХ ПОЛИКУЛЬТУРНОГО КРЫМА

Али Мохамад Таха,
председатель Всеукраинской ассоциации общественных организаций «Альраид» в Автономной Республике Крым

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы межконфессиональных отношений в современной Украине и Крыму, в котором ключевое значение приобретает понятие межконфессионального диалога, рассматриваемого в качестве наиболее адекватной формы отношений между приверженцами различных вероисповеданий, служащих достижению согласия между ними. Особое значение уделено анализу современных концепций «Ислам и современное украинское общество».

Ключевые слова: толерантность, этноконфессиональное многообразие, религиозная политика, «традиционный крымский ислам», межконфессиональные конфликты, диалог культур.

Анотація. В статті розглядаються проблеми міжконфесійних відносин в сучасній Україні і Криму, де ключове значення придбаває поняття міжконфесійного діалогу, що розглядається як найбільш адекватна форма відносин між прихильниками різних віросповідань, що служить досягненню згоди між ними. Особливе значення належить аналізу сучасних концепцій «Іслам та сучасне українське суспільство».

Ключові слова: толерантність, етноконфесійне різноманіття, релігійна політика, «традиційний кримський іслам», міжконфесійні конфлікти, діалог культур.

Abstract. The article deals with the problems of interfaith relations in contemporary Ukraine and Crimea? Which becomes crucial concept of interfaith dialogue, considered as the most adequate form of relationship between followers of different faiths, employees reach agreement between them. Of particular importance to the analysis of modern concepts of «Islam and the modern Ukrainian society».

Keywords: scientific pluralism, tolerance, ethnic and religious diversity, religious politics, «Crimean traditional Islam» religious conflicts, the dialogue of cultures.

В последние десятилетия произошло очень много социально-политических перемен, сопровождавшихся значительными нравственно-этическими реформациями, изменением национального самосознания граждан, обострением этносоциальных противоречий в обществе. В связи с этим вновь весьма актуальными стали вопросы, касающиеся преодоления религиозных конфликтов, обобщения положительного опыта различных религиозных практик и разработки некоего единого начала, которое объединяло бы всех, вне зависимости от пола, возраста, национальности, социальной принадлежности или вероисповедания. Во всем мире активно изучается и переосмысливается опыт взаимодействия внутри многонациональных регионов, для которых характерно разнообразие религиозных конфессий. В число таких регионов входит и Крым, на территории

которой мирно сосуществуют представители более 100 национальностей и народностей и множество конфессий.

На эту сферу большое влияние оказывают процессы общемирового характера: глобализация, информатизация, ухудшение экологической ситуации, «этнический ренессанс», обостряющееся противостояние между богатыми и бедными странами, исламским миром и странами европейско-американской (христианской) цивилизации, угрозы мирового терроризма, мощные миграционные потоки, за исторически короткий срок существенно меняющие сложившийся веками этноконфессиональный баланс во многих странах и регионах.

В Украине эти факторы были дополнены сложными внутренними процессами, связанными с огромными трудностями переходного периода, заметными различиями в экономическом потенциале и уровне жизни населения отдельных регионов, возникновением этнически окрашенных центробежных и сепаратистских тенденций. Под их влиянием произошла актуализация этнического и религиозного факторов, усиление их воздействия на общественное сознание. Это повлекло за собой, в числе прочего, и нарастание в обществе интолерантных настроений, ведущих к обострению напряженности в межнациональных и межконфессиональных отношениях, создающих риск конфликтов на этнической и религиозной почве и тем самым несущих угрозу политической стабильности общества и целостности российского государства.

Альтернативой подобным тенденциям является формирование в обществе установок толерантного сознания и поведения, заблаговременное выявление конфликтогенных рисков и ресурсов толерантности в сфере этноконфессиональных отношений. В современных условиях толерантность является одной из базовых *ценностей*, необходимых для построения гражданского общества в Украине.

Анализ исследований и публикаций. Избранная для исследования тема носит комплексный характер и находится на стыке ряда научных дисциплин и проблемных блоков современного религиоведения, философии, социологии, психологии, культурологии, этнопсихологии, этносоциологии, политологии, правоведения и социального менеджмента. В каждом из этих научных направлений имеются теоретические исследования, методологические подходы и эмпирические материалы по проблемам толерантности.

Собственно тема толерантности становится предметом общественного внимания с середины 1990-х гг., на пике трансформационных явлений, усиления роли этнической и религиозной идентификаций и увеличения географической мобильности населения стран СНГ. В основном это были публицистические статьи, посвященные проявлениям нетерпимости в различных сегментах российского и украинского общества, публикующиеся в качестве реакции на те или иные события в данной сфере отношений. Толерантность различных слоев и групп населения в них оценивалась, как правило, лишь по факту ее существования, а чаще – отсутствия. Становилась очевидной необходимость научного

изучения толерантности как социального и социально-психологического явления, определения ее границ и условий формирования, теоретического осмысления самого понятия «толерантность».

Методологическим проблемам этнологического исследования толерантности посвящены труды Ю. В. Арутюняна, Ю. В. Бромлея, Л. Н. Гумилева, В. А. Тишкова. В работах Г. У Солдатовой, Т. Г. Стефаненко, Н. М. Лебедевой, В. П. Левкович рассмотрены факторы, способствующие формированию этнической толерантности и интолерантности – валентность этнической идентичности и культурная дистанция между группами [1, 2].

Проблемам этнической и религиозной толерантности в философском и социологическом планах посвящены работы М. П. Мчедлова, М. Б. Хомякова, А. Ю. Шадже и др. В работах этих ученых содержится анализ реализации принципов толерантности в различных типах общественных систем, а также определение границ толерантности [3].

Философский и социологический анализ понятия «толерантность» представлен в трудах В. И. Гараджи, А. Г. Здравомыслова, В. А. Лекторского, А. А. Нуруллаева, В. М. Соколова, В. М. Сторчака [3].

Проблемам формирования установок толерантности у подрастающего поколения посвящены труды психологов и представителей педагогической науки А. Г. Асмолова, М. С. Мацковского и др. Они акцентировали внимание на воспитании толерантности у детей и подростков через мотивацию поведения [5].

Проблемы этнической толерантности в поликультурном обществе получили развитие в трудах зарубежных специалистов: Дж. Берри, проанализировав взаимные установки представителей различных этносов, факторы аккультурации и адаптации, предложили сравнительный подход, выявив также, что возникновению толерантности способствуют этническая идентичность и географическая мобильность индивидов; в 2000 г. была опубликована работа М. Уолцера, обратившего внимание на формы и границы толерантности, считая ее пределом состояние потери социального контроля [6].

Проблемам межэтнического взаимодействия и их гармонизации уделяется внимание в трудах и публикациях В. В. Мархинина, Я. С. Черняка, Г. А. Выдриной, С. А. Гильманова, С. П. Малахова, М. Ю. Мартынова, В. А. Тена и др. [7].

Нерешенные части общей проблемы. Несмотря на значительное число публикаций, посвященных проблемам гармонизации общественных отношений, практически никто из авторов не рассматривал эти проблемы через призму толерантности *как ценности*, необходимости формирования толерантного массового сознания и необходимости регулирования процесса со стороны общественных институтов. Между тем такой подход позволяет расширить арсенал методов государственного, муниципального и общественного регулирования ситуации в социуме. Это определило интерес автора к рассмотрению проблемы толерантности именно в таком аспекте.

Цель статьи. В данной статье предпринята попытка обобщить опыт формирования этнической и религиозной толерантности в условиях поликультурного Крыма и необходимости регулирования процесса со стороны общественных институтов.

Основной материал. Следует отметить, что деятельность всеукраинской ассоциации «Альраид» направлена в первую очередь на формирование этнической и религиозной толерантности в обществе. За годы деятельности ассоциация стала не только влиятельным объединением, но и завоевала доверие частных и государственных лиц. Об успешной работе ассоциации свидетельствует и то, что ее деятельность находит поддержку со стороны властей. Причины успеха организации объясняются принципами ее работы.

Всеукраинская ассоциация общественных организаций «Альраид» (в переводе с арабского «передовой») была основана в 1997 г. В состав союза входят 15 региональных общественных организаций Украины. История «Альраид» берет свое начало с середины 90-х гг., когда на Украине стали возникать региональные общественные организации. Как тогда, так и сейчас, эти организации были и остаются независимыми. Местные организации объединяли общие цели и задачи. Основным направлением их работы было открытие воскресных школ, в которых велось обучение мусульман и всех, кто желал познакомиться с исламом.

В 1997 г. было решено на общем собрании представителей местных организаций создать ассоциацию «Альраид» и объединить организации из различных регионов Украины в единую структуру. Сегодня ассоциация «Альраид» – это объединение уже не четырех, а пятнадцати общественных организаций. И не так давно ассоциация успешно прошла перерегистрацию, получив статус всеукраинской, а это значит, что отныне ее деятельность распространяется на всю территорию нашей страны.

Основными направлениями в структуре «Альраида» являются информационное, издательское, благотворительное и просветительское. Информационный отдел выпускает газету «Арраид». Ее первый номер увидел свет в 1998 г., на следующий год после создания «Альраид». Газета, выходящая раз в месяц и знакомящая читателей с культурой ислама, как этому учит Коран, рассказывает о новостях, которые они не смогут найти в других источниках информации, о регуляции исламом межэтнических и межконфессиональных отношений. Тираж издания постоянно растет. Если вначале он составлял 16 тысяч, то в этом году уже достиг 34 тысяч.

Информационный отдел также готовит радиопрограмму «Ассаляму-алейкум!» («Мир вам!»), которая выходит в эфир по субботам на радио «Майдан» в Крыму. Кроме того, отдел поддерживает четыре интернет-сайта: это общий сайт об исламе «Ислам для всех», сайт arraid.org, посвященный самой организации, сайт «Ислам в Украине» и сайт радиопередачи «Ассаляму-алейкум!» (radioislam.com.ua), где в звуковом формате представлены все выпуски этой передачи начиная с самого первого эфира.

Сайт arraid.org имеет, кроме русской, еще две версии: английскую и арабскую, которые не дублируют друг друга. На этом сайте специально для арабоязычной аудитории готовятся новости о событиях в Украине. Например, освещение хода президентских выборов вызвало интерес в арабском мире, и этой информацией пользовались такие крупные информагентства, как «Аль-Джазира».

Издательский отдел ассоциации «Альраид» («Ансар Фаундейшн») выпустил на сегодняшний день уже более 20 наименований культурно-просветительских книг, аудио- и видеопродукции авторов из исламских стран, ЕС, США и СНГ. Книги издаются на русском языке, так как русский язык понимают как на востоке, так и на западе Украины.

Стоит отметить проводимую «Альраид» благотворительную деятельность, которая является одним из основных направлений. Эта деятельность многогранна. Например, в Крыму благотворительность направлена на поддержку репатриантов из числа крымских татар, вернувшихся из Узбекистана, где они находились в изгнании. Кроме того что населяют они преимущественно безводные земли, вернувшиеся на родину не имеют зачастую качественного медицинского обслуживания. Благодаря финансовой помощи «Альраида» в местах компактного проживания крымских татар в Автономной Республике Крым были пробурены и обустроены десятки артезианских скважин и резервуаров для питьевой воды.

Очень интересен проект под девизом «Корова для каждой малоимущей семьи». На сегодня более 300 малоимущих семей получили от ассоциации коров. Корова дается бесплатно. Для малоимущих сельских семей корова становится своеобразной кормилицей, обеспечивая семью молоком и маслом.

Каждый год ассоциация организует программу помощи детским приютам, больницам, интернатам и детским домам. Детскому дому предоставляются медикаменты, игрушки, одежда для детей и другие необходимые вещи, которые определяет сам детский дом. Ежегодная акция помощи детям-сиротам проходит не только в Киеве, где расположена ассоциация, но и во всех регионах. Ассоциация помогает всем детским домам, определяя совместно с местной администрацией тех, кому помощь нужна в первую очередь.

При каждой местной организации, входящей в «Альраид», действуют воскресные школы. Программа обучения включает изучение арабского языка, культуры Востока и основ ислама. Учениками школы могут стать все желающие без религиозных, конфессиональных, расовых, национальных, возрастных и социальных ограничений. Многих учащихся привлекает возможность изучить арабский язык.

Ежегодно в Крыму ассоциацией проводятся учебно-оздоровительные лагеря для детей-сирот. В летние месяцы обычно проходят четыре отдельных, сменяющих друг друга смен.

А на протяжении года регулярно проводятся двух-, трехдневные семинары для мусульман Украины, основной темой которых является духовное воспитание, а также формирование поликультурного менталитета у слушателей.

По разным данным, сейчас в Украине проживает от полутора до двух миллионов мусульман и для них при содействии ассоциации построено более сорока мечетей и молельных домов, открыто восемь исламских культурных центров – в Киеве, Одессе, Симферополе, Донецке, Виннице, Запорожье, Луганске и Харькове.

Долгосрочный успех невозможен без планирования. План деятельности, который разрабатывает исполнительный комитет, распространяется на все организации в регионах. Можно сказать, что «Альраид» – это организация, где все люди на своем месте. Для успеха в любом деле важно, чтобы люди занимались любимым делом. Это показатель умения работать с людьми.

Ассоциация делает шаги, чтобы объединить интеллектуальных думающих людей, и открыта для всех граждан доброй воли, конструктивно настроенных сил, оставаясь приверженной *принципам диалога*. Члены ассоциации регулярно проводят семинары и круглые столы для разъяснения вопросов гармонизации межконфессиональных и межэтнических отношений в Крыму, в том числе используя практику исламского плюрализма.

Анализируя историю мусульман, можно отметить, что в исламе привилегии жителей страны могут быть защищены на основе акта о зимми (немусульманах, живших на территории мусульманской страны), который был дан последователям Пророка. Эти люди стали называться ahl-al-kitab (люди писания), и их права были точно определены в Коране. В Коране имеется много сур, объясняющих природу и практику взаимоотношений мусульман к ahl-al-kitab и, конечно, для мусульман сказанное в этих сурах превыше всего. При этом уважение, с которым ислам относился к иудаизму и христианству, к их пророкам и священным писаниям не было просто проявлением внимания, а, напротив, являлось основой религии веры. В исламском учении сказано, что Бог не различает своих посланников и что пророки всех времен и народов учили одному и тому же – служите только Богу, избегайте зла и следуйте за добром. Кроме людей писания ahl-al-kitab, пользовались привилегиями и последователи других религий – зороастрийцы, индусы, буддисты, берберы Северной Африки считались защищенными меньшинствами после исламских завоеваний.

Например, к Мухаммеду-ал-Гасиму, первому исламскому завоевателю в Индии, после завоевания Синда подошла группа брахманов с просьбой защитить их жизни и храмы. Он дал им статус зимми и объявил, что «индийские храмы так же под нашей зашитой, как христианские церкви, иудейские синагоги и зороастрийские храмы огнепоклонников».

Данный эпизод показывает, что в исламских государствах общины с разными вероисповеданиями могли жить в соответствии с их собственными законами и традициями, они, так же как мусульмане, могли следовать любым учениям и даже записываться в суфийские общины.

Можно привести пример исторического документа, описывающего права немусульман на территории исламского государства – Конституцию горо-

да Медина, которая также называется «Договор Медины». Этот договор был обнародован пророком Мухаммедом после его эмиграции из Мекки в Медину в 662 г. Договор регулировал отношения между мусульманами, жителями Медины, и евреями. Евреи Медины с радостью согласились на этот договор с Пророком и его последователями. Новая конституция дала им статус полноправных граждан государства. Во всех исламских государствах за всю историю, где был установлен закон ислама, евреи никогда не теряли этот статус. Когда исламское государство включило территории Палестины, Иордании, Сирии, Персии и Египта, где жило большое количество евреев, они автоматически становились гражданами этой страны.

Можно также привести пример из жизни самого Пророка Мухаммада. Когда члены еврейской общины пришли к Мухаммаду как к главе города Медина для рассмотрения одного вопроса, он спросил, что на этот счет написано в Торе. Узнав ответ, он сказал, что надо использовать указания Торы.

В рамках «Договора Медины» каждая община определяла свои собственные правовые и культурные стандарты, устанавливала нормы в соответствии с образом жизни членов общины, и это юридически создавало автономию, на которой основывалась новая политическая система. В этой новой системе роль государства во внутренних делах общины уменьшалась. Такие сферы деятельности, как законодательство, культура, экономика и образование, отдавались на рассмотрение общины, но было обязательство сотрудничать во время войны и при необходимости в защите.

Отношения исламского государства к зимми можно охарактеризовать следующим образом: защита зимми была религиозным обязательством, что видно из следующего хадиса – «Кто обидит зимми, тот обидит меня, а кто обидит меня, тот обидит Аллаха».

Кроме нескольких должностей, таких как должность халифа, командующего армией и религиозных должностей, зимми могли назначаться на любые должности в зависимости от их способностей, честности и преданности исламскому государству. В некоторых случаях немусульманам также доставались военные трофеи. Пророк раздавал их людям, живущим в Мекке, мусульманам и немусульманам.

В обязанности имама входила защита Таймми и устранение факторов, создающих им проблемы. Можно убедиться в этом из следующего примера. Когда монголы оккупировали Сирию, ибн Таймия встретился с их главнокомандующим Гутлу-шахом и попросил освободить военнопленных. Тот согласился отпустить только мусульман. На это ибн Таймия ответил: «Мы не можем оставить никаких пленных, мусульман или немусульман». В итоге были отпущены все.

В исламском государстве мусульмане и немусульмане должны были платить налоги. Если мусульмане должны были защищать страну во время войны, платить закях (земельный налог) и другие налоги, то зимми платили такие налоги, как джизья, харадж и торговый налог.

Джизья был ежегодным налогом, который должны были платить здоровые, пригодные для военной службы люди. Бедные, инвалиды, женщины и дети освобождались от этого налога. Не была определена точная сумма для джизьи. Однако имам или халиф имели право определения точной суммы, учитывая финансовое положение человека. Этот налог для немусульман был очень легким и примерно равнялся стоимости еды за десять дней. Его платили для гарантии полной защиты гражданина и освобождения от военной службы.

Ислам полностью запрещал мусульманам уклоняться от военной службы, так как защита родины была священным долгом каждого мусульманина. Однако немусульмане могли не жертвовать свою жизнь ради веры, которой они не принадлежали. Если же зимми участвовал в войне вместе с мусульманами, он освобождался от джизьи.

Харадж – это налог, собираемый после завоевания страны с зимми, которые владели пахотными землями. Земли отдавались их владельцам и сумма налога была фиксирована в соответствии с количеством и ценой выращиваемого продукта. Зимми также платили торговый налог. Он собирался один раз в год.

Еще один яркий пример исламского плюрализма можно увидеть в Османской империи (Халифат). Плюрализм в Османской империи берет свое начало от предыдущих традиций исламского плюрализма, но в более усовершенствованной форме под названием «система общин» (миллет). В этой системе население делилось на общины по принадлежности религиям и сектам. Государство также устанавливало отношения не только между общинами и собой, но и внутри общины. Все мусульмане – турки, арабы, курды, албанцы, боснийцы и др. – объединялись в Миллет-и-Ислам. Немусульмане также объединялись в общины вокруг разных ветвей христианства – ортодоксальной, католической, грегорианской. Евреи объединялись в иудейской общине. Эта система была основана султаном Мехметом II Завоевателем после взятия Стамбула.

Общинам давалась своего рода автономия в сферах религии, образования, бракосочетания и наследства. Каждая община имела независимые суды. Государство ограничивалось административными, финансовыми, военными и правовыми функциями. Любой немусульманин мог подать в суд на лидера общины или на служащего-мусульманина.

В наши дни можно видеть три примера оттоманского плюрализма в Стамбуле. Это комплекс Даруладжезе и кварталы Кузгунджук и Ортакой. В этих местах религиозные здания последователей разных религий были построены рядом друг с другом. Это было нормально для людей строить свои священные здания вблизи других священных зданий, принадлежащих последователям другой религии.

Можно сказать, что на протяжении всей истории раннеисламских государств и Османской империи немусульмане всегда были под защитой государства и им давались почти такие же права, как мусульманам. В итоге люди разных религий жили в мире и гармонии на протяжении долгого времени [10].

Анализируя сегодня отношения между религиями, мы должны признать, что в наше время не все так гармонично и гладко в этой сфере, как хотелось бы. Было бы полезно, если бы современное общество могло воспользоваться опытом и практикой исламского плюрализма, который использовался на протяжении веков, для мирного сосуществования различных религий.

В работе по формированию этнической и религиозной толерантности важное значение, с нашей точки зрения, имеет вопрос о необходимости организации постоянного диалога между различными религиями (конфессиями), как на общегосударственном, региональном, так и на международном уровнях. Мы рассматриваем такой диалог не только как способ обмена информацией, но и как средство формирования цивилизованных межконфессиональных взаимоотношений, которые открывают путь для успешного сотрудничества по проблемам, волнующим общество.

Разносторонняя польза от постоянного диалога между религиями может быть огромной.

Во-первых, такой диалог может способствовать нахождению общей точки соприкосновения и объединить усилия людей различных вероисповеданий и национальностей для служения родине и построения гражданского общества, что весьма положительно скажется на этнонациональных отношениях и социально-политической стабильности.

Во-вторых, межрелигиозный диалог станет препятствием на пути радикалов из среды политиков и религиозных деятелей, нацеленных на использование мобилизационного потенциала религий для реализации своих политических амбиций.

В-третьих, межрелигиозный диалог поможет объединению усилий людей различных вероисповеданий и национальностей в борьбе против глобальных угроз, несущих беды человечеству.

В-четвертых, межрелигиозный диалог поможет обществу осознать тот факт, что реальные причины, лежащие в основе религиозно-политического экстремизма и международного терроризма, бесперспективно искать в том или ином религиозном учении. Тем самым будет облегчен поиск подлинных причин таких явлений, а следовательно, средств и методов эффективной борьбы с ними.

Наконец, в-пятых, межрелигиозный диалог дает мощные стимулы не только для решительного осуждения проявлений международного терроризма, а также религиозно-политического и этнонационалистического экстремизма, но и для налаживания необходимой воспитательной работы, направленной на предупреждение подобных преступных деяний в будущем.

Несколько слов о принципах межрелигиозного диалога. Принципы межрелигиозного диалога – это минимум исходных положений, принимаемых его участниками, не придерживаясь которых невозможно приступать к самому диалогу. Первейшим из них является принцип толерантности. В данном контексте толерантность есть терпимое отношение последователей одной рели-

гиозно-конфессиональной общности к последователям других религиозно-конфессиональных общностей. Каждый придерживается своих религиозных убеждений и признает такое же право за другими.

За долгие годы противостояния религий и конфессий сформировалась конфронтационная психология, в плену которой продолжают находиться многие люди. Сила стереотипов конфликтного мышления столь велика, что для ее преодоления нужна большая и упорная работа. Терпимость во взаимоотношениях между представителями различных религиозных общностей является необходимым условием организации плодотворного диалога между религиями.

Исключительное значение для организации межрелигиозного диалога имеет принцип равноправия его участников. Добровольно договариваются лишь равные. Любая попытка поставить одного из участников диалога в привилегированное положение является препятствием для нормального течения диалога. Более того, попытка определить ту или иную конфессиональную общность богоизбранной (даже ссылаясь на священные тексты) может привести к срыву диалога.

Еще одним важным принципом межрелигиозного диалога является открытость его участников. Открытость – это нескрываемое от других искреннее выражение своей позиций, сочетающееся со стремлением слушать и слышать других, непредвзято воспринимая и оценивая их точку зрения. Открытость вовсе не тождественна требованию отказа участников диалога от своих убеждений или уступки чужим убеждениям. Ее ценность в том, что она помогает субъектам диалога лучше уяснить взгляды друг друга, благоприятствует сопоставлению различных мнений, выявлению общих интересов и выработке согласованных мер по их реализации.

Конструктивный подход, нацеленность на позитивные результаты является еще одним необходимым принципом межрелигиозного диалога. Религиозный плюрализм, идейная конкуренция конфессий предполагает несовпадение позиций участников диалога. Настроенные на конструктивность субъекты диалога приходят при обсуждении общих проблем к принятию взаимно приемлемых решений на компромиссной основе. Разногласия устраняются путем согласований. Компромисс возможен и необходим в вопросах, касающихся земного бытия, социально-политических установок и культурного разнообразия. Что касается различного подхода к вероучительным проблемам, разного понимания проблем спасения, то в этих вопросах рассчитывать на компромисс в обозримом будущем не приходится.

И здесь мы переходим к очередному принципу межрелигиозного диалога. Его можно сформулировать так: отказ от критического рассмотрения вероучительных вопросов. Начало полемики о преимуществах или недостатках того или иного религиозного учения означает конец диалога.

Любой диалог должен быть организован. Дело это непростое. Оно особенно сложно, когда речь идет о межрелигиозном диалоге. Наличие специальных координирующих органов и выработанных процедур усиливает надежду на регулярность диалога и его результативность.

Важную роль в организации межконфессионального сотрудничества может играть Международная ассоциация религиозной свободы (МАРС) и ее Евразийское отделение. Серьезным фактором расширения межконфессионального диалога могли бы стать секции или комитеты межрелигиозного сотрудничества при Верховной Раде Автономной Республики Крым или активизация деятельности Межрелигиозного совета Украины и др.

Выводы. В результате проведенного исследования на примере общественной организации «Альраид» нами сделан вывод об эффективности сложившейся системы взаимодействия общественных организаций и государственных структур в Автономной Республике Крым.

Обоснован взгляд на общественные объединения как на субъекты местного самоуправления, что, на наш взгляд, наиболее полно отражает социальную сущность местного самоуправления как системы субъектов, объектов, отношений и взаимосвязей между ними, функционирующей в целях удовлетворения потребностей населения; раскрыта сущность деятельности массовых общественных организаций, призванных содействовать консолидации молодежи, защищать ее права и законные интересы, всемерно поддерживать и пропагандировать традиционную национальную культуру; определены содержание, формы и методы взаимодействия участников модели общественного самоуправления и значение их действий в развитии нравственной личности.

Условиями, необходимыми для объединения усилий государственных и общественных организаций в осуществлении духовно-нравственного воспитания молодежи, являются: понимание светскими и конфессиональными руководителями того, что проблему можно решить только совместными усилиями; наличие наработанных связей между государственными, общественными и конфессиональными структурами; решение вопроса подготовки и повышения квалификации кадров для реализации программы

Общественные организации являются социальным институтом, определяемым как сложившаяся форма организации и регулирования общественной жизни, обеспечивающая выполнение жизненно важных для общества функций и включающая совокупность связей, норм и ролей, которые на практике проявляются в деятельности отдельных добровольных объединений граждан.

Приоритетными направлениями деятельности общественных и религиозных организаций являются: координация деятельности государственных и общественных организаций, национальных и общественных движений на территории Автономной Республики Крым в целях формирования установок толерантного сознания в обществе; разработка на региональном уровне программ и проектов в области поликультурного образования, которые должны способствовать улучшению взаимопонимания, укреплению солидарности и терпимости в отношениях как между отдельными людьми, так и между этническими, социальными, культурными, религиозными группами, а также этническими общностями; формирование и поддержка программ научных исследований в области социальных наук

и воспитания в духе толерантности, прав человека и ненасилия; ведение просветительской деятельности в обществе, направленной на разъяснение принципов толерантности, основных прав и свобод человека с использованием для этого программы в области образования, науки, культуры и коммуникации; работа с молодежью, включая комплексное исследование проблем молодежи (безработица, наркомания и алкоголизм, вовлечение в экстремистскую деятельность, распространение нетрадиционных учений и т. п.), определение механизмов включения молодежи в процесс реконструкции и укрепления согласия в обществе.

Гражданское общество в Украине и, в частности, в Крыму только начинает формироваться. Наша страна еще во многом не определилась, какую модель выбрать для формирования общественных отношений. На наш взгляд, для Украины подошла бы европейская модель, построенная на принципе согласования интересов различных общественных групп. В этом случае в Украине может сформироваться модель гражданского общества, основанная на принципах широкого общественного договора, учитывающая специфику нашего общества – его многонациональность и поликонфессиональность.

Общественный договор вполне можно вести и на уровне общественных организаций и религиозных общин, которые могут заключать соглашения. Стоит заметить, что подобные соглашения предусмотрены исламской религиозной доктриной и имели позитивный исторический опыт в Крыму.

Сегодня совместными усилиями общества, государства и религиозных организаций важно осуществить конкретные меры, направленные на воспитание у детей и молодежи уважительного отношения к высоким духовно-нравственным ценностям, к родине, ее истории, к институту семьи.

Необходимо по-новому рассматривать межнациональные и межконфессиональные отношения в Европе и Украине. Новая политика толерантности может быть успешной, только если получит законодательное закрепление, будет отражена в образовательных программах и займет достойное место в информационном потоке. Важен системный подход к проблеме. И вот тут гражданскому обществу без работы с властью не справиться. Но и государство не способно в одиночку обеспечить решение всех проблем. Власть это понимает, и нужно, чтобы такое же понимание было и у людей. Успех – в сотрудничестве государственных и общественных институтов, во взаимодействии каждого человека, каждой личности и общества.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Бромлей В. Ю. Очерки теории этноса. – М., 2008.
2. Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. – М. : ООО «Издательство АСТ», 2002.
3. Гараджа В. И. Толерантность и религиозная нетерпимость // Философские науки. 2004. № 3;
4. Хомяков М. Б. Идентичность, толерантность и идея гражданства // Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России / отв. ред. В. С. Магун. – М. : Изд-во Ин-та социологии РАН, 2006.

5. Асмолов А. Г. Практическая психология и проектирование вариативного образования в России: от парадигмы конфликта – к парадигме толерантности // Вопросы психологии. 2003.

6. Берри Дж. Аккультурация и психологическая адаптация: обзор проблемы / пер. с англ. И. Шолохова // Развитие личности. – 2001. – № 3–4; 2002. – № 1.

7. Проблемы гармонизации межнациональных и межконфессиональных отношений в Северном регионе / С. Н. Варламова, Г. А. Выдрина, Р. А. Лопаткин, С. П. Малахов / отв. ред. Р. А. Лопаткин. – Ханты-Мансийск : Изд-во ГУП «Информационно-издательский центр», 2004.

8. Якса Н. В. Межкультурное взаимодействие субъектов образовательного процесса : учебное пособие. – Житомир : Изд-во ЖГУ им. И. Франко, 2007. – 350 с.

9. Муратова Э. С. Ислам в современном Крыму : индикаторы и проблемы процесса возрождения. – Симферополь : ЧП «Эльиньо», 2008. – 240 с.

10. H. H. Nagiev Ph. D. in history, Docent Moscow State Academy of vterinarnoy Medicine and Biotechnology Russia, Moscow Islamic teachings of tolerance UDK. 2.29.297: 316.647.5

ИНФОРМАЦИОННЫЙ ИМИДЖ КРЫМА В СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ КОНТАКТАХ УКРАИНЫ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Александра Борисовна Швец,
кандидат географических наук, доцент кафедры экономической и социальной географии Таврического национального университета имени В. И. Вернадского

Денис Антонович Вольхин,
студент географического факультета Таврического национального университета имени В. И. Вернадского

Аннотация: В статье освещается специфика географического изучения информационного имиджа территории. На примере рекреационного имиджа Крыма анализируется стратегия телевизионных средств массовой информации Украины и Российской Федерации в организации информирования граждан этих государств. Уточняются моменты манипулятивных технологий в создании рекреационного имиджа Крыма. Выясняются территории информационной невостребованности в Крыму.
Ключевые слова: информация, религия, этнос, государство.

Анотація: У статті висвітлюється специфіка географічного вивчення інформаційного іміджу території. На прикладі рекреаційного іміджу Криму аналізується стратегія телевізійних засобів масової інформації України та Російської Федерації в організації інформування громадян цих держав. Уточнюються моменти маніпулятивних технологій у створенні рекреаційного іміджу Криму. З'ясовуються території інформаційної незатребуваності в Криму.
Ключові слова: інформація, релігія, етнос, держава.

Abstract. The article highlights the specific geographic study area of image information. On the example of the recreational image of the Crimea examines strategy of television media in Ukraine and the Russian Federation in the organization to inform citizens of these states. Specified times manipulative technologies to create the image of recreational Crimea. Investigates the territories of information unclaimed in the Crimea.
Keywords: information, religion, etnos, state.

Взаимовлияние культур – процесс многогранный. Для Крыма он имеет внутреннее (региональное) и внешнее (межгосударственное) содержание.

Смысл *регионального* содержания взаимовлияния культур в Крыму обнаруживается в созидании различными этносами таких ценностей, которые имели бы универсальный характер для каждого из них. Эта универсальность вырастает из осознания представителями крымских этносов своей принадлежности к общему региону – Крыму. Осознание региональной общности, формирование региональной идентичности, регионального патриотизма у представителей раз-

личных этносов позволяет формировать платформу для деполитизации межэтнических взаимодействий в Крыму.

Межгосударственное содержание процесса взаимовлияния культур актуально не для каждого региона Украины. Чаще всего этот вариант социокультурного взаимодействия проявляется на территориях, имеющих приграничное положение (самые протяженные сухопутные границы Украина исторически сохраняет с Российской Федерацией), сложную этнолингвистическую структуру населения, а также проблемы адаптации различных этносов, изменивших свою географию месторазвития.

Для Крыма актуальны все из вышеперечисленных факторов возникновения социокультурных контактов с межгосударственным содержанием. Вместе с тем возвращение и адаптация ранее депортированных народов Крыма в современный социокультурный субстрат Крымской автономии породили множество общественных феноменов не только в украинском, но и в российском государстве. Среди них малоизученным представляется феномен смены имиджа Крыма в межгосударственных взаимоотношениях Российской Федерации и Украины.

Целью нашей работы стало выявление особенностей формирования современного информационного имиджа Крыма для уточнения последствий этого процесса для социокультурных контактов Российской Федерации и Украины в полиэтничном регионе – Автономной Республике Крым.

Проблема изучения имиджа региона обозначилась в общественной ветви географической науки на стыке XX и XXI столетий в работах В. А. Евсеева [1], Д. Н. Замятина [2; 3], В. А. Колосова, В. С. Тикунова, Д. В. Зайца [4], В. Л. Мартынова [5].

Все перечисленные выше авторы подчеркивали в своих работах значение информации как особого вида территориальных ресурсов. В информационном многообразии они выделяли особый вид информации, которую мы предлагаем именовать СМИ-информация [6]. Этот вид информационного ресурса способен создавать искусственную коммуникационную среду, в которой функционируют потоки, решающие задачи, нередко связанные с манипуляцией сознанием. СМИ-информация распространяется в печатном или аудиовизуальном виде, взаимодействует со специфической социокультурной средой страны или региона, политизирует ее, наполняет эмоциями, скрытыми и явными смыслами, мифами, создает предпосылки для проявления социокультурной конфликтности.

Выяснением географического содержания информационного воздействия на территорию и последствиями этого процесса отечественные социогеографы практически не занимались. Эта тема частично освоена политологами и социологами, в частности Г. Г. Почепцовым [7] и А. Г. Здравомысловым [8].

Одним из последствий воздействия СМИ-информации на территорию, о котором пишут и географы и обществоведы, является преобразование *образа* страны или региона в *имидж*. Понятие «имидж» внедрено в научное сознание из политологии. В имидже, в отличие от образа, «главное не то, что есть в реаль-

ности, а то, что мы хотим видеть, что нам нужно, т. е. имидж должен соответствовать активным ожиданиям людей – активным стереотипам массового сознания» [9, с. 130–131]. Субъективная СМИ-информация, в отличие от объективной научной, создает именно имиджевую, а не образную реальность. Подчеркнем, что объективность образной реальности заключается не в абсолютной верности общепринятой картине мира, а в отсутствии преднамеренных искажений, связанных с манипуляцией общественным сознанием.

В настоящее время ни одно государство не существует вне контактов с другими государствами. Такие контакты составляют содержание национальной идентичности народов, проживающих в них. Это связано с тем, что собственное «мы» любого народа обнаруживается только в отношении к «ним», к «другим». И то, как «нас» воспринимают «другие», оказывается одним из самых важных моментов для нашего собственного мироощущения [8].

Сказанное выше представляет суть релятивистской теории наций. С позиций этой теории взаимоотношения между Российской Федерацией и Украиной можно выявить в потоках СМИ-информации, которая в значительной степени влияет на национальную и региональную идентичности государств и является наиболее доступным вариантом получения исходных данных для исследователей. Географическое положение Крыма на стыке геополитических интересов Российской Федерации и Украины, сохранение в автономии российского цивилизационного присутствия, высокий уровень политизированности его общественной системы, неоднородный этнический и религиозный состав населения Крыма делают автономию уязвимой для процессов СМИ-информационного воздействия. Для того чтобы убедиться в этом, нами была проанализирована видеоинформация четырех новостных каналов российского и украинского телевидения во временном интервале 2007–2011 гг.

Для изучения проблемы создания информационного имиджа Крыма анализировались информационные программы телеканалов «Интер» (программа «Подробности»), «1+1» (Телевізійна служба новин – ТСН), «Россия 1» («Вести») и НТВ («Сегодня»). Выбор телеканалов основывался на принципе рейтингового отбора в сети информационного вещания Украины и Российской Федерации. Рейтинговый отбор осуществлялся по трем критериям: территориальный охват (все вышеперечисленные телеканалы являются общегосударственными), трансграничность вещания телеканалов и доля зрителей телеканала в активном возрасте (см. таблицу).

Анализируя проблематику вещания означенных выше каналов, мы заинтересовались их осведомленностью и оценочным характером событий в Крыму по отдельным периодам (кварталам) года. Нас интересовала тематика сообщений о Крыме в целом и его рекреационных регионах в частности. Такая постановка проблемы формирования имиджа автономии позволяет выяснить степень информационной востребованности не только Крыма как географического региона, но и его многочисленных территорий потенциального отдыха и туризма.

Характеристика основных показателей присутствия в информационном поле Украины и Российской Федерации телеканалов «Интер», «1+1», «Россия», НТВ[37*]

Характеристика	**«Интер»** (программа «Подробности»)	**«1+1»** (программа «ТСН»)	**«Россия»** (программа «Вести»)	**НТВ** (программа «Сегодня»)
Вид собственности	Частный	Частный	Государственный	Частный
Покрытие территории своей страны (%)	99,7	95,0	98,5	89,5
Доля новостной программы в своей стране (%), 2007–2011 гг. (номер в рейтинге)	15,0 (2)	21,0 (1)	15,5 (2)	14 (3)
Характеристика аудитории телеканалов				
Средняя доля аудитории в своей стране (%), 2007–2011 гг. (номер в рейтинге)	20,7 (1)	13,0 (2)	16,5 (2)	13,8 (3)
Доля зрителей активного возраста (%)	61,4	60,7	50,0	60,0

Сознавая, что информационный имидж Крыма многогранен, мы выделили в потоке новостных сюжетов украинских и российских телеканалов информацию, способную повлиять на отношение потенциальных отдыхающих и туристов к возможности проведения отдыха в Крыму. Таким образом, мы выделили в структуре информационного имиджа Крыма отдельный блок, названный «рекреационный имидж». Его изучение представляется крайне актуальным для Крымской автономии, поскольку в общем потоке рекреантов, приезжающих ежегодно в Крым, число граждан Российской Федерации, по данным Министерства курортов и туризма АРК, составляет не менее 25%. Не скрывают своей заинтересованности в крымском отдыхе для жителей Российской Федерации и российские эксперты. Так, известный публицист и политолог А. Паршев считает, что Крым – «очень нужная для России территория», так как «с точки зрения рекреационных ресурсов он выглядит предпочтительнее, по сравнению с российским Черноморским побережьем Кавказа, поскольку для Российской Федерации с ее населением мало узкой черноморской полоски земли, которую мы там имеем» [10].

При выборе районов отдыха потенциальный отдыхающий учитывает разные его составляющие. Помимо собственно сферы туризма и рекреации региона, сюда входят состояние его экономики, политическая стабильность, уровень преступности, состояние природной среды и др. Эту особенность рекреационных предпочтений мы учитывали, анализируя временнỳю динамику сюжетов

[37] Таблица 1 составлена авторами по данным официальных сайтов телеканалов (http://inter.ua/ru/about/, http://www.1plus1.ua/pro-kanal/informaciya/, http://russia.tv/section.html/, http://www.ntv.ru/kompania/)

о Крыме, а также контекстов этих сюжетов в информационных программах украинских и российских телеканалов.

За весь период с 2007 по 2011 г. в новостных выпусках выбранных телеканалов общее число видеосюжетов о Крыме составило: программа «Подробности» («Интер») – 355 сюжетов, программа «ТСН» («1+1») – 297, программа «Вести» («Россия») – 352, программа «Сегодня» (НТВ) – 209. Учитывая то, что в архиве телеканала «Интер» хранятся видеосюжеты только с 2008 г., а канал «1+1» располагает архивом видеосюжетов начиная с июля 2007 г., мы уравняли временну̀ю шкалу видеоархивов обоих телеканалов в диапазоне 2008–2011 гг. В этом случае общее число видеосюжетов о Крыме в информационных передачах украинских и российских телеканалов выглядит следующим образом: «Подробности» – 355 сюжетов, «ТСН» – 270, «Вести» – 281 и «Сегодня» – 165. Таким образом, наибольшее внимание Крыму в новостных выпусках среди общеукраинских каналов уделяет телеканал «Интер», а среди всероссийских – «Россия».

Заметим, что в целом для украинских и российских телеканалов характерна сезонная асимметрия в освещении событий, происходящих в сфере отдыха и туризма автономии (рис. 1). Центральные телеканалы обоих государств начинают активно интересоваться рекреационным Крымом к началу курортного сезона (второй-третий кварталы текущего года). При этом украинские телеканалы делают это плавно, без резких скачков в количестве информационных поводов, а российские – резче, скачкообразно, что наводит на мысль о заказном характере подачи информации о Крыме в период подготовки и проведения курортного сезона. Очевидно, именно в это время происходит активное формирование и внедрение в общественное сознание граждан Украины и Российской Федерации рекреационного имиджа Крыма. Обращает на себя внимание тот факт, что украинские телеканалы делают это преимущественно с положительным контекстом, а российские – чаще заполняют свой эфир событиями из Крыма с отрицательным содержанием.

Исключение для российских телеканалов составили лишь второй и третий кварталы 2010 г., когда позитивная информация о Крыме количественно превысила информационный негатив. Очевидно, информационный позитив о Крыме был сформирован в этот период результатами президентских выборов в Украине, на которых победил В. Ф. Янукович, а также ратификацией Верховной Радой Украины и Государственной Думой РФ соглашения о продлении пребывания в Украине Черноморского флота Российской Федерации.

Преобладание негативных сюжетов в отношении событий в рекреационной сфере Крыма отмечено в отдельные периоды и для украинских телеканалов. Так, в 2008–2010 гг. негативная информация об автономии в телевизионных сюжетах «Интер» и «1+1» формировалась на фоне эмоционального обсуждения телеканалами последствий трагедии взрыва газового баллона в жилом доме в Евпатории. А в 2011 г. телеканалам Украины пришлось втянуться в процесс борьбы против пиар-кампании канала НТВ, выдавшего в мартовский телеэфир сюжет, в котором создавался ажиотажный интерес вокруг предполагаемого наличия в ак-

ваториях Черного и Азовского морей емкостей с боевыми отравляющими веществами, затопленными в ходе Великой Отечественной войны на малых глубинах в территориальных водах Украины. Создав подобный информационный повод, российский телеканал не сообщил своим зрителям о том, что с 1996 г., по сведениям пресс-службы Главного управления МЧС Украины в Крыму, Украинское государство остается единственным субъектом в Причерноморье, который занимается поиском и обезвреживанием подобных веществ. За 15 прошедших лет обследовано более 30 квадратных метров акватории Черного и Азовского морей. На глубинах, доступных для водолазов, были обнаружены и обезврежены все объекты с остатками химического оружия. Акватории Севастополя, Керченского пролива, воды вблизи побережий Ялты, Алушты, Алупки и других курортных городов были признаны МЧС Украины в Крыму пригодными для купания и другой рекреационной деятельности. А наличие емкостей с опасными веществами в Азовском море не было подтверждено. При этом в МЧС отмечают, что программа исследований черноморского дна будет продлена до 2014 г.

Отметим, что в целом поведение анализируемых украинских телеканалов в отношении использования рекреационного имиджа Крыма не имеет четкой стратегии. Интерес к событиям, связанным с отдыхом в этом регионе, в течение года у них вялотекущий (в среднем 3–4 сюжета в квартал, что составляет примерно 15% поквартальной информации общего характера о Крыме). Рекреационный имидж автономии формируется украинскими телеканалами ситуативно и зависит от степени резонансности события для украинского социума. Создается впечатление, что рекреационный имидж Крыма создается украинским телевидением только в том случае, если он требует защиты национальных интересов в ходе пиар-компаний СМИ иных государств.

Информационная стратегия телеканалов Российской Федерации, в отличие от украинских, внешне напоминает поведение американского телевидения, активно сориентированного на сенсационную подачу освещаемых материалов. Это подтверждает анализ тематического разнообразия информационных сюжетов российских телеканалов «Россия 1» и НТВ (см. рис. 2–3).

В течение 2007–2011 гг. российский телеканал «Россия 1» от 10% своих новостных сюжетов о Юго-Западном рекреационном районе Крыма (территория Севастопольского горсовета) до 60–70% о Западном, Юго-Восточном и Северном рекреационных районах полуострова отводил проблематике «Происшествия». В то же время теме «Туризм и отдых» в упомянутых районах Крыма канал «Россия 1» предоставлял от 10 до 25% эфирного вещания. Возможно, описанный перекос в информационной политике телеканала «Россия 1» объясняется государственным характером его собственника. В этом случае приоритет в информационной политике канала может формироваться не только в связи с сенсационностью события, но и с попыткой государства обозначить готовность к защите интересов своих граждан за границей в случаях дорожно-транспортных происшествий, массовых отравлений, катастроф на море и др.

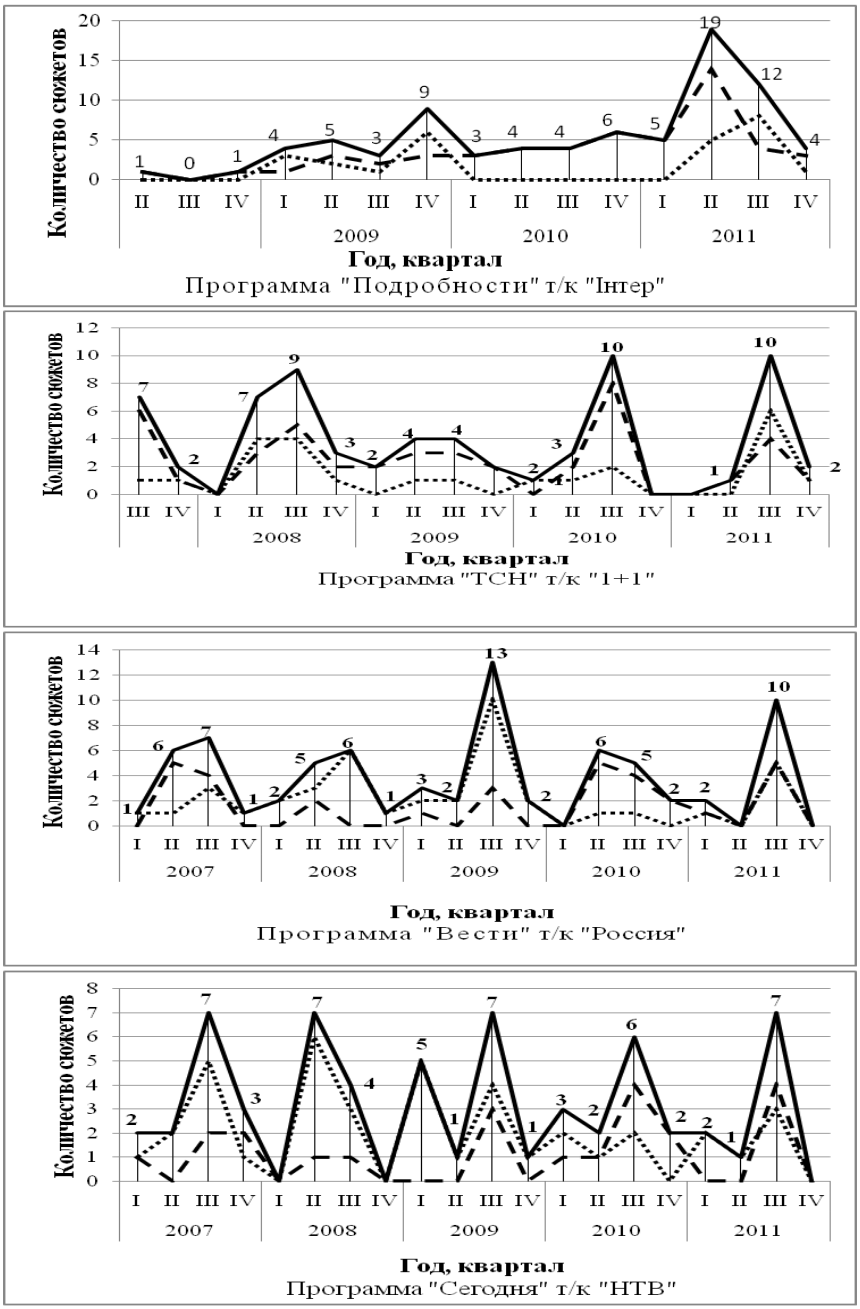

Рис. 1. Динамика сюжетов о Крыме на тему «Туризм и рекреация» в информационных программах телевидения Украины и России. Рассчитано: А. Б. Швец, Д. А. Вольхин, 2012 г.

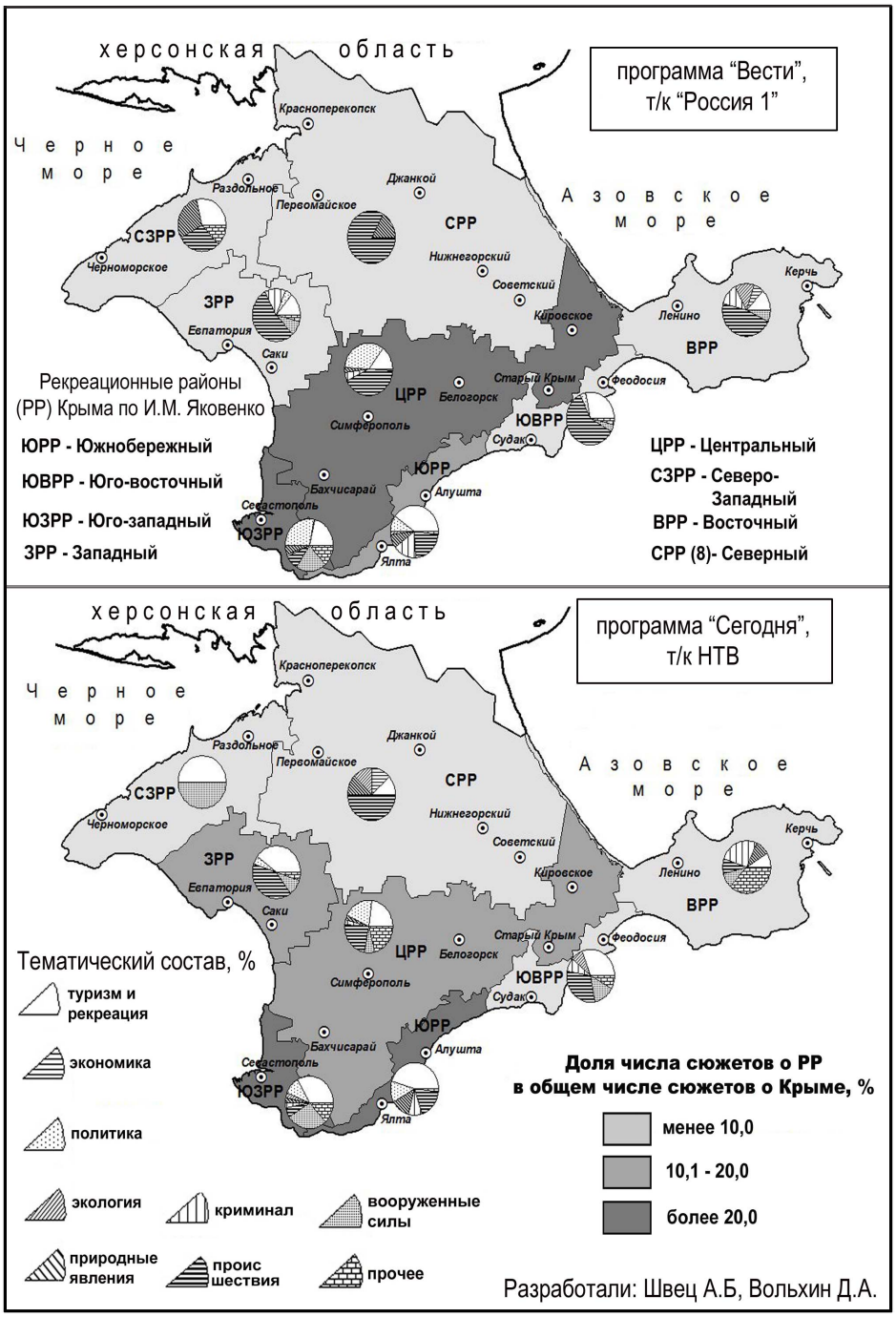

Рис. 2. Тематический состав сюжетов о Крыме в новостных выпусках телеканалов РФ в период 2007–2011 гг.

Важной особенностью имиджевой информации о Крыме в информационных программах украинских и российских телеканалов является ее географическая локализация. Наибольшим вниманием телевизионных СМИ Украины и Российской Федерации в Крыму пользуются Южный (в составе Ялтинского и Алуштинского горсоветов), Центральный (в составе Симферопольского, Белогорского, Бахчисарайского, Кировского административных районов) и Юго-Западный (Севастопольский горсовет) рекреационный районы. Доля телесюжетов о событиях в пределах перечисленных рекреационных территорий составляет от 10 до 20% в общем числе сюжетов о Крыме. При этом в сюжетах российских телеканалов первенство делят Южнобережный и Юго-Западный районы, а украинские телеканалы предпочитают вещать о событиях в Центральном рекреационном районе, поскольку большая часть этих событий связана со столичным Симферополем и «раскрученным» еще советской туристско-краеведческой литературой Южнобережьем.

В имиджевой информационной тени в Крыму остаются активно развивающие в настоящее время сферу туризма и рекреации Западный и Северо-Западный рекреационные районы.

Нами рассчитан *коэффициент информационной востребованности рекреационных районов ($К_{ив}$),* который представляет соотношение доли рекреационного района в новостном потоке к доле этой же территории в населении Крыма. Если полученное значение коэффициента больше единицы, то информационное освещение событий в той или иной территории можно условно считать достаточным или повышенным, а если меньше единицы, значит, внимание к региону не соответствует его доле в населении [4].

Распределение значений коэффициента информационной востребованности рекреационных районов в Крыму показало, что бóльшая часть территории полуострова испытывает недостаточное внимание телевизионных СМИ Украины и Российской Федерации. В пределах означенных территорий $К_{ив} < 0,5$. Со стороны украинских телеканалов к рекреационным территориям, невостребованным телевидением, относятся Северный, Восточный, Западный, Юго-Западный и Центральный районы; со стороны российских телеканалов – это Северный, Северо-Западный и Восточный районы. И только Южнобережный и Юго-Восточный районы формируют территории с повышенным вниманием украинских и российских телеканалов. Здесь $К_{ив} >> 1$. Остальные рекреационные местности Крыма занимают промежуточное положение.

Выводы. Географическое изучение информационного имиджа Крыма обнаруживает различие стратегических задач у телевизионных каналов Украины и Российской Федерации. На примере создания рекреационного имиджа Крыма можно судить о том, что украинские телеканалы в основном нацелены на создание положительного имиджа Крыма в те периоды, когда возникает необходимость защиты национальных интересов Украины в пиар-кампаниях, развернутых против нее иными государствами. Российские телеканалы решают иную информационную задачу. Прошедшее двадцатилетие раздельного суще-

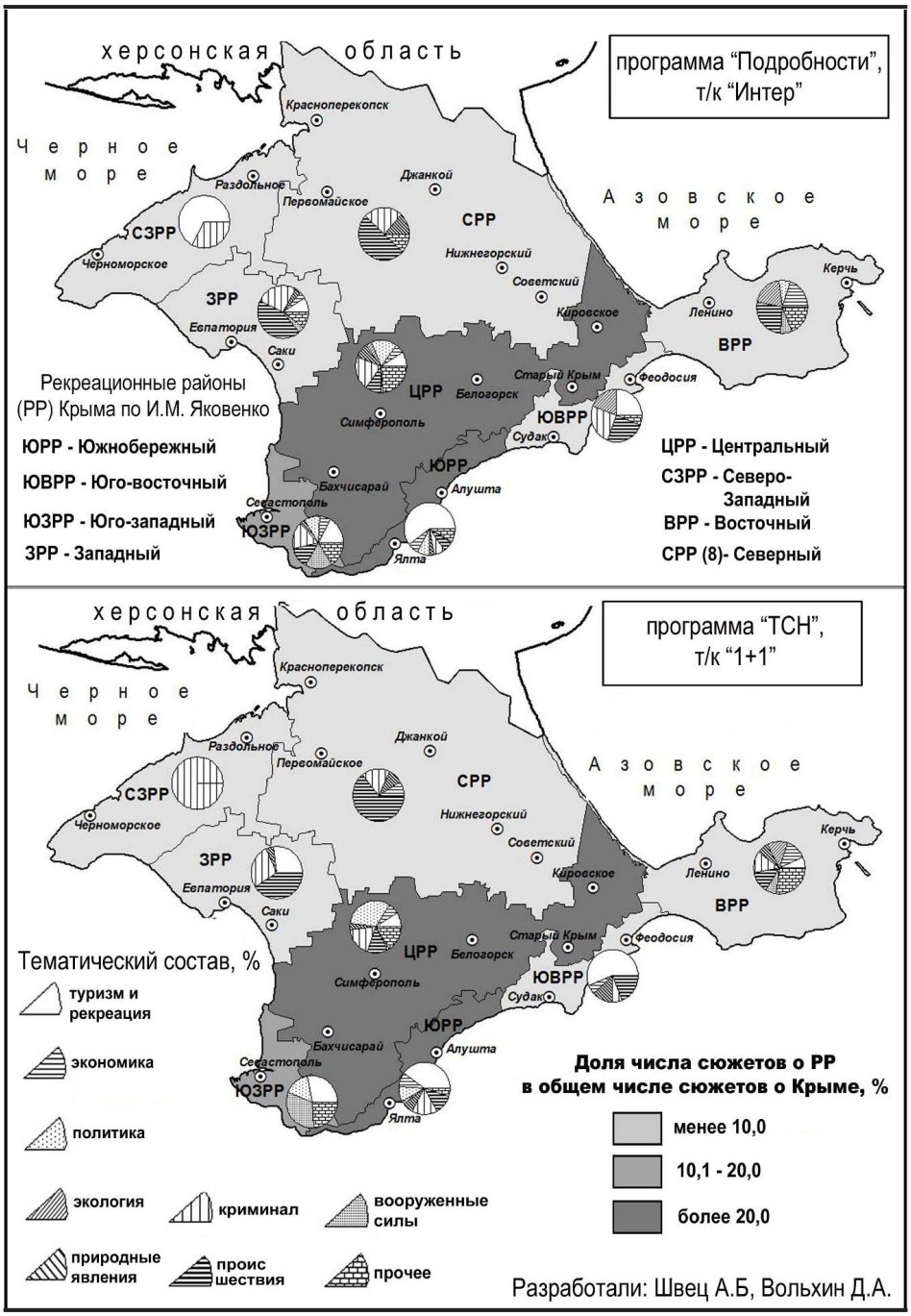

Рис. 3. Тематический состав сюжетов о Крыме в новостных выпусках телеканалов РФ в период 2007–2011 гг.

ствования Украины и Российской Федерации изменило ностальгическое восприятие россиянами крымской проблематики. Россия прагматично формирует собственные стандарты отдыха в пределах черноморских курортов Большого Сочи и других регионов мира. В отношении Крыма она жестко использует любые информационные поводы для переориентации рекреационных предпочтений своих сограждан на собственные территориальные ресурсы отдыха.

Бóльшая часть территории Крыма находится в информационной тени и украинского, и российского телевидения. Ее раскрытие носит в информационном поле обоих государств сезонный характер. Эта «привычка» сформирована советскими традициями специализации Крыма на сезонном отдыхе. Для летнего отдыха на Крымском полуострове были наиболее приемлемы горно-прибрежные районы. Российские телевизионные СМИ четко обслуживают этот сезонный пик интереса к Крыму. Украинские телеканалы не составляют российским конкуренцию в этом отношении. Телевизионный эфир Украины также сориентирован на горно-прибрежную территорию Крыма. В информационном поле телевизионных средств массовой информации Украины и Российской Федерации ежегодно в течение 2007–2011 гг. формировался неблагоприятный для развития рекреационной, а также инвестиционной деятельности имидж Крыма как сезонного моноцентрического курорта местного (общеукраинского) значения с центром в Южнобережном рекреационном районе. Перспектива превращения Крыма в полицентричный курорт международного значения имеет, кроме политико-экономических аспектов, также политико-географическое содержание.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Евсеев В. А. Географические особенности информационных полей периодической печати, освещающей туристический бизнес / В. В. Евсеев // Вестник МГУ. – Серия 5. «География». – 2000. – № 2. – С. 54–59.

2. Замятин Д. Н. Национальные интересы как система «упакованных» политико-географических образов / Д. Н. Замятин // Политические исследования. – 2000. – № 1. – С. 78–81.

3. Замятин Д. Н. Культура и пространство: моделирование географических образов / Д. Н. Замятин. – М. : Знак, 2006. – 488 с.

4. Колосов В. А. Мир в зеркале средств массовой информации: использование аноморфоз в политико-географическом анализе / В. А. Колосов, В. С. Тикунов, Д. В. Заяц // Вестник МГУ. – Серия 5. «География». – 2000. – № 2. – С. 3–8.

5. Мартынов В. Л. Коммуникационная среда как объект географических исследований / В. Л. Мартынов // География и природные ресурсы. – 2000. – № 2. – С. 3–8.

6. Багров Н. В. Географическая имиджелогия: свидетельство о рождении / Н. В. Багров, А. Б. Швец, А. А. Самулев // Культура народов Причерноморья. – 2001. – № 25. – С. 187–194.

7. Почепцов Г. Г. Имиджелогия / Г. Г. Почепцов. – М. : Ваклер. – 2000. – 768 с.

8. Здравомыслов А. Г. Релятивистская теория наций и рефлексивная политика / А. Г. Здравомыслов // Политические исследования. – 1997. – № 4. – С. 115–121.

9. Кара-Мурза С. Манипуляция сознанием / С. Кара-Мурза. – М. : Алгоритм, 2000. – 713 с.

10. Говоров К. Россия возвращается в Крым [Электронный ресурс] / Кирилл Говоров. – Режим доступа: http: // www.km.ru / v-rossii / 2011 /07 / 07 / otnosheniya-rossii-i-ukrainy/rossiya-vozvrashchaetsya-v-krym

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО И ПРОБЛЕМЫ ИДЕНТИФИКАЦИИ КОРЕННЫХ НАРОДОВ КРЫМА

Виктор Григорьевич Тур,
кандидат исторических наук, доцент Крымского юридического института Национального университета «Юридическая академия Украины им. Ярослава Мудрого», старший научный сотрудник Крымского отделения Института востоковедения НАН Украины

Аннотация. Статья посвящена анализу международных актов, касающихся статуса «коренных народов» и возможности их применения по отношению к ряду национальных меньшинств в Крыму.
Ключевые слова: международные нормы права, коренные народы, национальные меньшинства, Крым.

Анотація: Стаття присвячена аналізу міжнародних актів, що стосуються статусу «корінних народів» і можливості їх вживання по відношенню до ряду національних меншин в Криму.
Ключові слова: міжнародні норми права, корінні народи, національні меншини, Крим.

Abstract. This article analyzes the international instruments relating to the status of «indigenous peoples» and the possibility of their use in relation to a number of ethnic minorities in the Crim.
Keywords: The Crimea, international human rights, indigenous peoples, ethnic minorities.

Начиная с конца 80-х гг. прошлого столетия в политической жизни крымского электората отдельными группами политиков насаждается искаженное представление о принципах определения и правах коренных народов, принятых международным сообществом. Как следствие, формируется мнение общественности о несоответствии права Украины международным нормам и выдвигается требование законодательного закрепления их особых прав на территории страны. К числу коренных народов Крыма обычно относят крымских татар, караимов, крымчаков и, в отдельных публикациях, урумов. В данной работе мы предлагаем остановиться на основных положениях проблемы и, опираясь на историко-юридический анализ, определить, могут ли перечисленные этнические меньшинства претендовать на статус «коренных».

В мае 2010 г. в Верховную Раду Украины поступил законопроект «О крымских татарах как коренном народе Крыма» [6]. Следующая попытка провести идею выделения особых прав коренных народов была сделана в феврале 2012 г. в предложенном проекте Закона Украины «О Концепции государственной этнонациональной политики Украины» [9]. Причем в п. 2 последнего проекта

предложены три юридических определения, составляющих опору данного документа и лишь частично соответствующих общепринятым научным понятиям и определениям, которые лежат в основе международного права. Стремление разграничить данные понятия связано с тем, что в Конституции Украины (1996), в ст. 11, 92 и 119, упоминается термин «коренные народы» в контексте, связанном с национальными меньшинствами и защитой их прав на культурное развитие, но разграничения между ними не сделано.

В последние десятилетия XX века термин «коренные народы» приобретает популярность в конституционной практике многих государств. Это связано с возросшей общественной активностью политических элит коренных народов, осведомленностью самих коренных народов через СМИ о положении аналогичных этнических групп в странах мира и изменением отношения к коренным народам со стороны государствообразующих обществ, внутри которых они существуют. Конвенция о коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах, которая была принята Международной организацией труда в 1989 г. (№ 169) и вступила в силу 5 сентября 1991 г. [5], в первую очередь ориентирована на предоставление коренным народам равных прав с государствообразующими нациями и защиту их от этнической ассимиляции. В статье 1 Конвенции подчеркивается, что она распространяется: a) на народы, ведущие племенной образ жизни в независимых странах, социальные, культурные и экономические условия которых отличают их от других групп национального сообщества и положение которых регулируется полностью или частично их собственными обычаями или традициями, или специальным законодательством; b) на народы в независимых странах, которые рассматриваются как коренные ввиду того, что они являются потомками тех, кто населял страну или географическую область, частью которой является данная страна, в период ее завоевания или колонизации или в период установления существующих государственных границ, и которые, независимо от их правового положения, сохраняют некоторые или все свои социальные, экономические, культурные и политические институты.

В данном документе, как и иных международных правовых актах, понятие «коренные народы» включает ряд аспектов. Во-первых, это аборигенность, т. е. речь идет об исконном населении данной территории, народах, которые заселили ее ранее других народов, проживающих на ней в настоящее время. Следует отметить, что это важнейшая составляющая для придания статуса коренного народа, но не единственная, и она трактуется в контексте всей совокупности признаков. Во-вторых, самобытность этих народов, которая в наибольшей степени проявляется в языке и культуре, чаще всего исчезающих в условиях современной цивилизации. В-третьих, сохранение самобытности этих народов требует сохранения традиционного образа жизни и традиционного способа хозяйствования, существенно отличающегося от современного. Причем для коренных народов, как правило, характерно сохранение традиционного способа хозяйствования как обязательного условия сохранения этноса

как такового. Таким образом, этнический и экономический аспект понятия «коренные народы» тесно связаны.

Можем ли мы применить указанные положения для этнических групп Крыма, которые авторы идеи именуют «коренными народами»? Прежде всего – аборигенность. Изначально следует отбросить «племенной образ жизни», который ныне не характерен для населения Крыма вообще.

Если говорить, например, о крымских татарах как отдельном народе, то завершение процесса его формирования можно отнести только к советскому периоду. Во всех архивных источниках и большинстве публикаций такого самоназвания части населения Крыма не встречается. Это понимают и исследователи из числа самих крымских татар, считая, что таковым может быть термин «къырымлар» («крымцы»), который исторически более приемлем и иногда употреблялся в средневековых источниках в отношении населения Крымского Юрта [11] или государственного образования Крымское ханство. Надо учесть, что данный термин обозначал некую этнически неопределенную общность, проживающую на упомянутой территории. В российских документах и публикациях XVIII–XIX вв. используется термин «крымские мусульмане», «татары». Если изредка и упоминаются термины «таврические татары» или «крымские татары», то только с целью подчеркнуть отличие их культуры и образа жизни от ногайцев и других кочевников, которые тоже попадали под определение «татары». Особенно это было актуально в связи с тем, что крымские мусульмане имели существенные льготы в области налогообложения и возможностей выезда за границу для осуществления хаджа [10]. Причем в XIX в. можно говорить только о начальном процессе формирования данного народа, так как большинство исследователей Крыма того времени четко выделяют три субэтнические группы, объединенные религией и близким языком: степные татары (ногайские татары), татары предгорья (таты, или татлар), южнобережные татары (ялы бойлю). Особо выделяется группа ногаев (ногай, ногайлар), смешавшихся со степными татарами, и иногда еще выделяют центрально-крымских татар (орта-юлак). Отличие этих групп было и в этногенезе, и в диалекте, и в традиционной культуре, включая методы ведение хозяйства [7, с. 147–155]. Процесс самосознания как единого народа начался на рубеже XIX–XX вв., во многом был связан с деятельностью И. Гаспринского, активизировался в период революционных событий 1917–1928 гг., когда крымскотатарская элита начала борьбу за национальное самоопределение [4, с. 202–213]. Однако в дальнейшем, только уже за пределами полуострова, в местах депортации крымских татар – Узбекистане, Таджикистане и других регионах – это деление под влиянием политического фактора практически исчезло. При этом надо подчеркнуть, что вторым консолидирующим народ элементом стал ислам суннитского толка. На современном этапе на полуострове проживает более 250 тыс. человек.

Вторая немногочисленная группа населения, которая претендует на статус коренных народов, – это караимы. В настоящее время в Украине проживает

около 800 караимов. Диаспоры существуют в России, Литве, Польше и других государствах. Основным цементирующим фактором этноса стал также религиозный. Появление собственно караимской общины на Крымском полуострове, вероятно, следует отнести к середине XIII в. О том, что караимы по своим занятиям относятся к категории мещан и купцов, отмечается в указе Екатерины II 1895 г. [8, ст. 17.340]. Таким образом, этническая группа караимов сформировалась в Крыму в эпоху Средневековья и во многом сохранила свою культуру.

Третья группа – крымчаки. Формирование этноконфессиональной общности крымчаков связано с появлением еврейской диаспоры на территории полуострова и распространением иудаизма среди других, проживающих в Крыму, этносов. Верующие крымчаки – иудеи, однако их литургия отличалась и от сефардского, и от ашкеназского ритуала, так как в начале XVI в. была создана собственно крымская литургия «Ритуал Кафы», что позволило объединить представителей разноэтничных иудейских общин полуострова на основе старожильческой тюркоязычной иудейской общины. Итогом стало их объединение в немногочисленную народность (этноконфессиональную общность). Еще в конце XVIII – XIX в. их официально называли «крымскими евреями», а термин «крымчаки» использовался в литературных источниках. Основным занятием крымчаков являлись торговля, ремесло, включая кожевенное и ювелирное производство, садоводство [1; 2]. На современном этапе община насчитывает в Крыму чуть более 200 человек, а в мире – около 1,5 тысячи.

Говоря о применении термина «аборигенность» к этим трем народам, можно однозначно определить, что этнические группы караимов и крымчаков сформировались на территории Крыма в период Средневековья из различных этнических групп на основе цементирующего религиозного фактора. Процесс же формирования единого этноса крымских татар, бесспорно, связан с полуостровом, но завершился не ранее XX в. При этом нет оснований говорить о том, что данные народы являются исконным населением данной территории и заселили ее ранее других народов, например греков, армян, болгар и др. Более правильным было бы применение к ним термина «старожильческое население», который толерантен и все чаще используется в научной литературе.

Если же касаться самобытности данных этносов и тем более сохранения традиционного образа жизни и традиционного способа хозяйствования, то здесь можно выделить только сохранение религии, языка и отдельных элементов культуры на уровне народного творчества и некоторых бытовых традиций. Говоря о языке, следует отметить, что крымскотатарский язык еще находится в стадии формирования. О массовом сохранении образа жизни и традиционного способа хозяйствования вообще речь идти не может, так как население перечисленных народов уже давно влилось в европейское сообщество, восприняло его культуру. Современные крымские татары, караимы и крымчаки – это этнические группы с полной социальной структурой. Среди них есть представители интеллигенции, работники различных отраслей промышленности, сельского

хозяйства. Они активно участвуют в торговле, предпринимательстве и наравне с другими народами Крыма занимают достойное место в современном экономическом производстве и общественно-политической жизни.

Второй вариант подхода к определению термина «коренные народы», процитированный из Конвенции, тоже не имеет никакого отношения к народам Крымского полуострова. Речь идет о народах, которые населяли страну в период ее завоевания или колонизации либо в период установления существующих государственных границ. Во-первых, начнем с того, что Крым не имеет статуса самостоятельного государства, а является только автономией в составе Украины. Во-вторых, отсутствует сам факт завоевания или колонизации. По Кючук-Кайнарджийскому мирному договору 1774 года между Россией и Турцией Крымское ханство объявлялось независимым от Турции. В 1783 г. легитимный глава государства крымский хан Шагин-Гирей обратился к России с ходатайством о принятии Крыма в состав Российской империи, на основании чего по Манифесту Екатерины II ханство упразднялось, а Крым присоединялся к России. Таким образом, с юридической точки зрения никакого завоевания Крыма Россией не было. Причем его население получило равные и даже льготные условия по сравнению даже с русскими [10].

Включение Крыма в состав Советского государства тоже нельзя отнести ни к завоеванию, ни к колонизации, так как оно создавалось вследствие революционной борьбы за социальные права. Кроме того, активное участие в исторических событиях, как и в последующем в органах власти, принимали представители народов, которые претендуют на «коренные». Тем более не возникает оснований ставить под сомнение территориальное и политическое единство Крыма с Украиной. 9 февраля 1954 г. в соответствии с указом Президиума Верховного Совета СССР Крым был передан из состава РСФСР в УССР. На основании Акта о независимости Украины, провозглашенного 24 августа 1991 г. и закрепленного Конституцией, вошел в состав нового Украинского государства. Как мы видим, ни завоевания, ни колонизации, повлекшей за собой ущемление интересов аборигенных народов, не произошло.

Таким образом, крымские татары, караимы и крымчаки составляют по определению этнические группы старожильческого населения или национальных меньшинств и с точки зрения международного права не попадают под определение «коренной народ».

Правовое регулирование национальных отношений с экономической точки зрения в местах компактного проживания национальных меньшинств сводится к обеспечению сохранения национального, этнического и культурного своеобразия в условиях современных рыночных отношений, с учетом модернизации экономики этих районов и преследует целью повысить их жизненный уровень. Противоречия между интересами государства и этническими группами может возникнуть только при явно дискриминационном, избирательном подходе к развитию экономики в отдельных частях страны.

Совершенно иначе обстоит дело, когда речь идет о коренных народах. Если их образ жизни базируется на традиционным типе хозяйствования, причем зависящем от сохранения традиционной среды обитания, может возникнуть конфликт с общегосударственными интересами, ориентированными на модернизацию современной промышленности. Следствием этого часто является разрушение естественной среды обитания. К конфликту может привести использование ресурсов, ранее используемых коренными народами, в интересах иных государствообразующих наций с ущемлением экономических интересов и культурных особенностей малых народов, издревле проживающих на данной территории. Обе ситуации ведут к ликвидации среды обитания малых народов и, как следствие, разрушению многовекового уклада их существования, ассимиляции. В таких случаях цивилизованное государство должно взять на себя функции охраны и защиты выделенных для проживания коренных народов территорий, обеспечения экологической безопасности, здравоохранения и образования, содействия развитию данных территорий в рамках традиционного хозяйства. В данном контексте статус коренных народов имеют: в США и странах Латинской Америки – индейцы, в Канаде – индейцы, инуиты и метисы, в Новой Зеландии и Австралии – маори, в Норвегии, Швеции и Финляндии – саамы. Но что общего между кочующими в резервациях индейцами или живущими в чумах саамами, число которых ежегодно сокращается и нашими кандидатами в «коренные народы»?

Что же все-таки привлекательного в том, чтобы получить статус коренного народа? Исходя из перечня прав, которыми они обладают, можно выделить три важных элемента: признание традиционного права этих народов на землю, которая не может отчуждаться, самоопределение в экономических и культурных областях и равное взаимодействие в общегосударственном коллективе через свои собственные институты. Учитывая существующие гражданские свободы в современном демократическом обществе, отсутствие каких-либо притеснений по национальному или религиозному признаку, эффективность выполнения многочисленных государственных программ по сохранению национальной культуры и помощи подвергшимся депортации народам, какой-то угрозы существованию или ассимиляции национальных меньшинств в Украине не существует. Более того, представители малых народов уже давно интегрировались в общеукраинское экономическое и политическое пространство. Можно ли предположить, что репатрианты и новое поколение молодежи, рожденное и живущее в Крыму, интегрированное в полной мере в европейское сообщество, выберут путь возврата к средневековому укладу жизни и хозяйствования.

Таким образом, стремление добиться ничем не обоснованного статуса «коренных народов», позволяющего в определенной степени установить контроль над экономическими ресурсами региона, является инициативой только заинтересованных национальных элит, стремящихся навязать данную идею обществу, спекулируя на национальных чувствах.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Ачкинази И. В. Крымчаки. Краткий очерк этнической истории // Сквозь века. Симферополь, 1996. – 192 с.

2. Ачкинази И. В. История Крыма. Крымчаки. – Крымский аналитик. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.agatov.com/content/view/89/49/.

3. Декларация о национальном суверенитете крымскотатарского народа. Провозглашена на 1 сессии II Курултая 28 июня 1991 года // Сессии курултая крымскотатарского народа. Электронный ресурс. – Режим доступа: http://www.qtmm.org/сессии-курултая.

4. Зарубин А. Г., Зарубин В. Г. Крымскотатарское национальное движение в 1917 – начале 1918 гг // История и археология Юго-Западного Крыма : сб. науч. тр. – Симферополь : Таврия, 1993. – С. 202–213.

5. Конвенция о коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах (169). Принята 27 июня 1989 года Генеральной конференцией Международной организации труда на ее семьдесят шестой сессии.

6. О крымских татарах как коренном народе Крыма / Русский проект. 19. 05. 2011. Электронный ресурс. – Режим доступа: http://rusproekt.org/2011/05/18/o-kryimskih-tatarah-kak-korennom-narode-kryima/

7. Паллас П. С. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793–1794 годах / пер. с нем. – М. : Наука, 1999. – (Науч. наследство; Т. 27). – 246 с. – С. 147–155, 33.

8. Полное собрание законов Российской империи. – Т. XXIII. С 1789 по 6 ноября 1796. – СПб., 1830. – 969 с.

9. Проект Закон Украины «О Концепции государственной этнонациональной политики Украины». [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://reskomnac.ark.gov.ua/mejnacotnosh/inform-anal-mat/432-proekt-zakon-ukrainy-lo-koncepcii-gosudarstvennoj-etnonacionalnoj-politiki-ukrainyr

10. Тур В. Г. Привилегии мусульман Таврической губернии (по архивным материалам XIX в.) // МАИЭТ. – Симферополь: КО ИВ НАНУ, 2007. – XIII. – С. 502–522.

11. Халилов Ш. Проблема самоназвания нашего народа, прежде всего политическая // Alem-i Medeniye. 21.06.2007. – Электронный ресурс. – Режим доступа: http://medeniye.org/ru/node/95

К ВОПРОСУ О ХАРАКТЕРЕ НЕКОТОРЫХ ПРИЧИН, ПРИВЕДШИХ К ИСЧЕЗНОВЕНИЮ ЧАСТИ НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ КРЫМА В ПЕРИОД 1941–1989 ГОДОВ

Александр Гаевич Шевчук,
кандидат географических наук, доцент кафедры экономики
и управления образования Крымского республиканского института
последипломного педагогического образования

Аннотация. В статье рассматриваются причины и статистические данные о числе потерь населения и ликвидации населенных пунктов Крыма в годы проведения политики «коренизации», во время оккупации Крыма немецко-фашистскими захватчиками в годы Второй мировой войны, в процессе депортации части жителей в 1944 г. В завершение дается информация о восстановлении ряда населенных пунктов за счет переселенцев в послевоенный период и современному возрождению репатриантами исторических населенных пунктов.
Ключевые слова: Крым, населенные пункты, депортация, возрождение.

Анотація. В статті розглядаються причини і статистичні дані про число втрат населення і ліквідації населених пунктів Криму в роки проведення політики «корінізації», під час окупації Криму німецько-фашистськими загарбниками в роки Другої світової війни, в процесі депортації частини мешканців в 1944 р. В завершенні дається інформація про відновлення населених пунктів за рахунок переселенців в післявоєнний період і сучасному відродженню репатріантами історичних населених пунктів.
Ключові слова: Крим, населені пункти, депортація, відродження.

Abstract. The article deals with the reasons and statistics on the number of population loss and the elimination of settlements of the Crimea within the policy of «indigenization» taken during the occupation of the Crimea by German invaders in the World War II, in the course of the deportation of a part of the inhabitants in 1944.At the end, the information about restoring a number of settlements at the expense of the in-migrant people in the postwar period and the modern revival of the historical settlements by the repatriate people is provided.
Keywords: The Crimea, settelements, deportation, revival.

Весной 2009 г. в Симферополе вышла справочно-информационная топонимическая карта «...Призраки прошлого на карте Крыма...» созданная как совместный проект Симферопольского филиала Национального института стратегических исследований и Научно-производственного центра «Союзкарта» (г. Симферополь) и посвященная вопросу утраты Крымом части старых населенных пунктов. Издание вызвало не только большой интерес среди широких кругов крымской общественности, но и ряд вопросов, особенно от представителей различных национальных общин и политических объединений, суть которых сводилась к уточнению характера причин, приведших к исчезновению 934 населенных пунктов АРК в период 1941–2010 гг. Автор надеется, что данная публикация отчасти снимет некоторые вопросы и послужит отправной точкой

для будущих более углубленных и расширенных исследований этой безусловно интереснейшей для крымчан культурно-исторической тематики.

Процессы генезиса советской административно-расселенческой структуры, в условиях которой модернизировалась и окончательно сложилась сеть сельских и городских поселений Крымской АССР предвоенного периода

Наступление «советского периода» в истории Крыма начала 20-х гг. XX в. в его административно-территориальном устройстве формулировалось как «органически связанное с наиболее рациональным размещением производительных сил в условиях созданной социалистической экономики и ее развитием на основе общегосударственного плана в условиях единства политического и хозяйственного руководства...», в основу которого положен принцип экономического районирования [1, С. 24–25]. Последовавший за этим период культурно-национальных и социально-политических реформ и политических экспериментов, наиболее значимыми из которых были политика «татаризации» (коренизации) и так называемый проект «Крымская Калифорния» (создание в Северо-Западном и Центральном Крыму еврейских национальных районов), реализуемый большевиками, в том числе и через различные административно-территориальные преобразования и переустройства, к началу 40-х годов сформировал предвоенное социокультурное, административное и хозяйственное пространство Крымской АССР, ее Конституцию, герб и национальные управленческие кадры.

Определение формы государственного устройства Крыма и вхождение его в состав РСФСР было установлено общим Постановлением ВЦИК и СНК «Об Автономии Крымской Советской Социалистической республики», принятым 18 октября 1921 г. Первая Конституция автономии была утверждена 7 ноября 1921 г. на Первом Всекрымском установочном съезде Советов.

Важнейшей составной частью национально-культурного строительства в Крыму в 20–30-е гг. явилась политика коренизации (татаризации). Официальное начало ей положили решения состоявшегося в 1923 г. XII съезда РКП(б), признавшего необходимость обеспечения в национальных республиках приоритета национальных языков, широкого их использования в делопроизводстве всех советских учреждений, средствах массовой информации, культурно-просветительских учреждениях, первоочередного выдвижения на руководящие посты лиц коренной национальности, свободно владевших своим родным языком. Эта мера рассматривалась как одно из главных политических средств привлечения масс национальных окраин на сторону советской власти.

Представители крымскотатарской интеллигенции, работавшие в советских органах (А. Озенбашли, Б. Чобан-Заде, Хаттатов и другие), предлагали создать Крымскую автономную республику, но придать ей права «полной автономии»: самостоятельные дипломатические отношения, ведение внешнеэкономической торговли и пр.

III Всекрымский съезд советов, работавший с 10 по 14 декабря 1923 г., рассмотрел в качестве основного вопрос о татаризации, с докладом по которому выступил председатель КрымЦИКа Ю. Гавен [14, с. 331–332]. Съезд потребовал от правительства активизировать процесс татаризации, продолжить политику введения татарского языка в районах компактного проживания татарского населения, осуществить другие мероприятия. В ноябре 1929 г. КрымЦИК разработал пятилетний план коренизации аппарата автономии. Главным инструментом в проведении этой политики была Нацменкомиссия при Президиуме КрымЦИКа.

Нацменкомиссия при президиуме КрымЦИКа в этот период обладала широчайшими административными полномочиями и занималась вопросами подготовки национальных кадров из татар, вырабатывала и осуществляла планы выдвижения их в руководящие органы, устанавливала нормы представительства татар в советских хозяйственных и профсоюзных органах. Большевики всегда предоставляли значительные преференции крымским татарам по сравнению с другими национальностями, проживающими в Крыму, и это при том, что ассигнования на культурное развитие и осуществление национально-просветительных программ для татарского населения всегда были непропорционально велики. В этот период, как правило, на пост председателя КрымЦИКа и председателя СНК выдвигались крымские татары. На местном административном уровне политика коренизации управленческого аппарата понималась как простая замена русских или украинских служащих работниками из числа крымских татар.

Это обстоятельство, а также введение в 1929 г. в управленческом аппарате делопроизводства на татарском языке осложнило межнациональные отношения и вызвало протесты служащих и работников других национальностей. Кроме того, большевистское руководство было напугано Усть-Кутским восстанием крымских татар (31 декабря 1929 г. – 10 января 1930 г.). Все это привело к потере интереса советского руководства к дальнейшему продолжению политики преференций в интересах только одного из многочисленных старожильческих народов Крымской АССР.

С конца 20-х – середины 30-х гг. политика татаризации (коренизации) перестала быть приоритетной для советского руководства и удельный вес крымских татар в руководящих органах Крымской АССР начал заметно сокращаться. К концу 30-х гг. политика татаризации была окончательно свернута и советской администрацией был взят курс на устранение «перекосов в национальной политике», допущенных Нацменкомиссией при Президиуме КрымЦИКа.

В этом контексте в начале 30-х гг. было проведено очередное разукрупнение сельских советов, что позволило увеличить по сравнению с 1925 г. число татарских национальных советов на 10,6%, немецких – 12,7%, болгарских – 12,8%, греческих – 16%, еврейских – 140%, армянских – 100%.

Начало осуществления так называемого проекта «Крымская Калифорния» можно отнести к ноябрю 1923 г., когда на заседании еврейской секции РКП(б)

был подготовлен проект документа [25], в соответствии с которым к 10-летию Октябрьской революции предполагалось создать автономную область евреев на территории Северного Крыма, южной части степной Украины и Черноморского побережья вплоть до границ Абхазии, общей площадью 10 млн десятин, в целях переселения в эту область 500 тыс. евреев.

В случае реализации плана американские авторы проекта гарантировали политическое признание и приток в Советский Союз десятков миллионов долларов «при посредничестве еврейских, американских и международных организаций». Лидеры Международной сионистской организации включили вопрос о реализации проекта «Крымская Калифорния» в повестку Американского еврейского конгресса, который состоялся в 1926 г. в Филадельфии. С обращением к участникам о сборе средств на «крымский проект» выступили 200 богатейших людей Америки. Обсуждение вопроса приветствовали будущие президенты Г. Гувер и Ф. Рузвельт, а жена последнего, Элеонора, приняла личное участие в работе конгресса. Накануне проведения конгресса от имени советского правительства было сделано заявление, что в обмен на финансовую поддержку американцев будет осуществлена еврейская колонизация Крыма. Конгресс решил поддержать «крымский проект» и выделить 15 млн долларов – по тем времена очень существенную сумму [13].

Подобное соотношение выражалось и в расселенческом плане, ввиду того что русские, украинцы и евреи составляли в основном городское население, а крымские татары, немцы и другие народы Крыма населяли больше сельские районы (рис. 1–3).

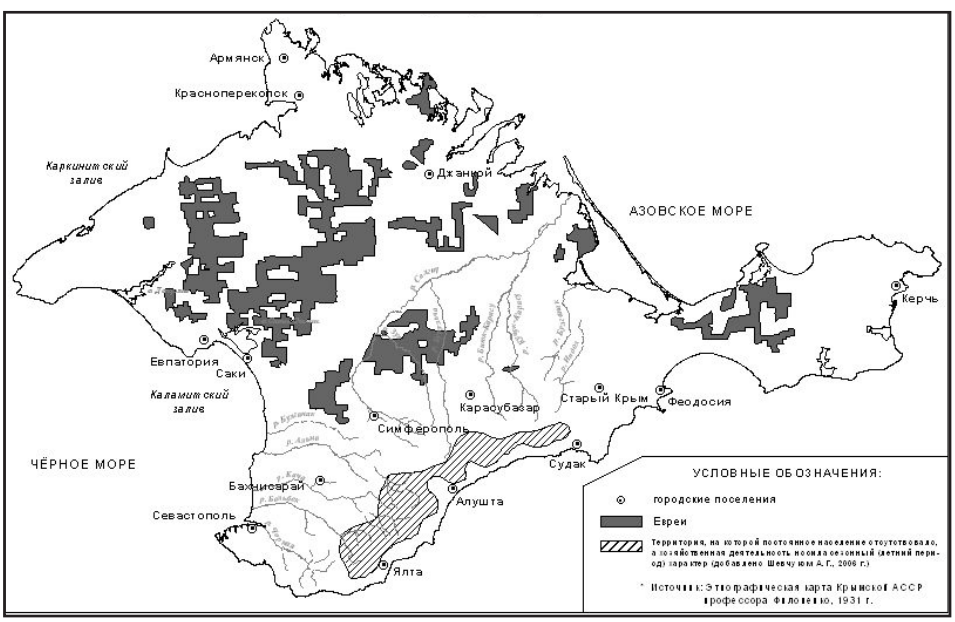

Рис. 1. Расселение евреев в Крыму в первой половине XX в.

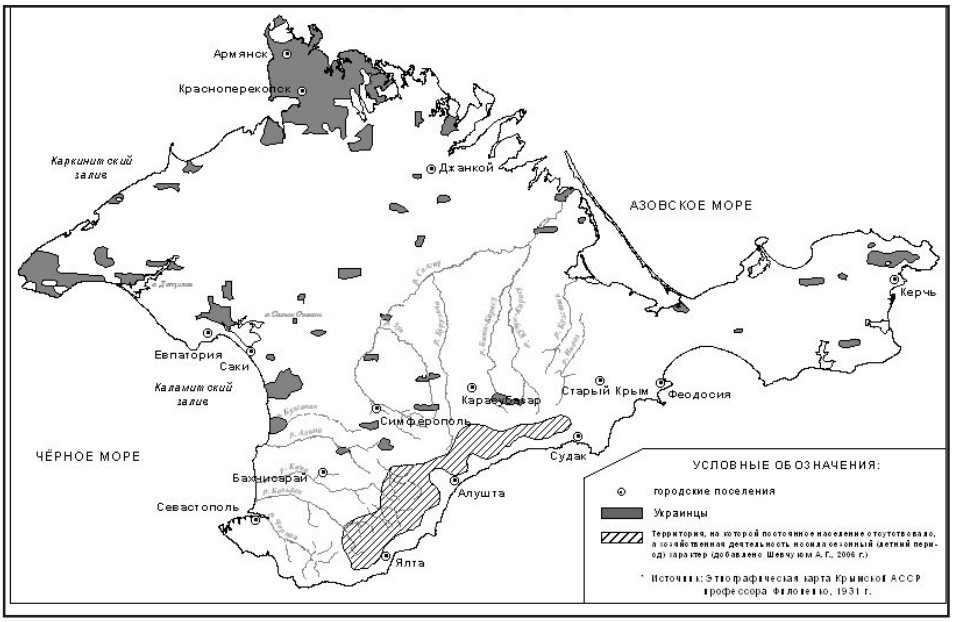

Рис. 2. Расселение этнических украинцев в Крыму в конце XIX – начале XX в.

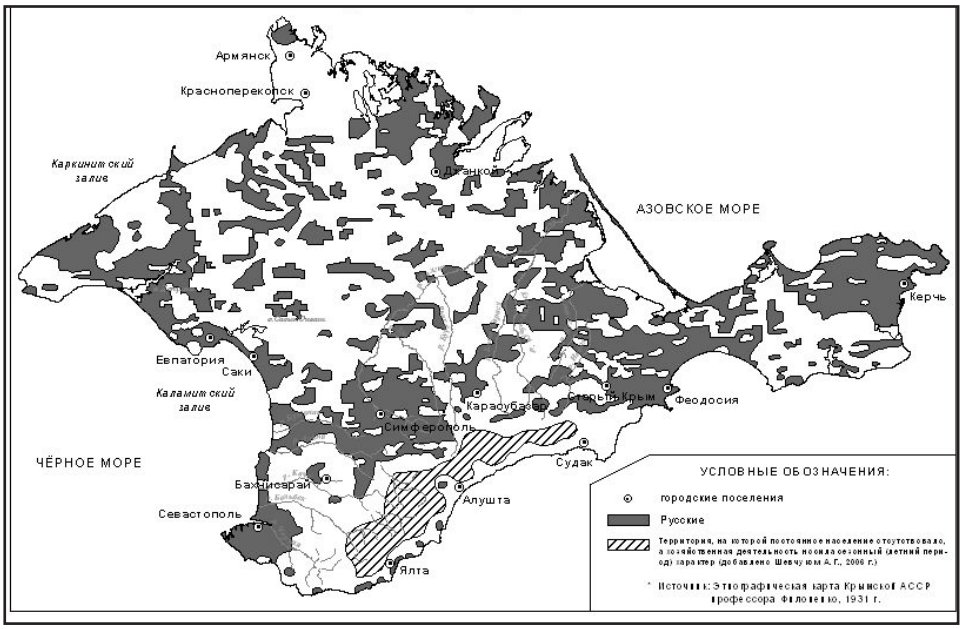

Рис. 3. Расселение русских в Крыму в конце XIX – начале XX в.

Еврейское население постепенно заселяло степной Крым, прибывая сюда из разоренных погромами Первой мировой и Гражданской войн местечек западной России, Центральной Украины и Белоруссии, поверив в возможность национально-территориального самоопределения в Крыму. В степном неосвоенном Крыму появились первые еврейские сельскохозяйственные поселения, ломавшие стереотип восприятия этого народа как сугубо городских жителей, занимающихся ростовщичеством, мелкотоварным производством и торговлей.

В 1930-х гг. в степных районах Крыма появились первые национальные сельсоветы и Фрайдорфский (Новоселовский) национальный район [5], где по результатам Всесоюзной переписи населения 1939 г. часть еврейского населения уже составила 15,3%.

Информация о том, что в Крыму создаются еврейские сельскохозяйственные поселения, достигла всего мира. Новость встречали с интересом и надеждой на обретение евреями «земли обетованной». В Евпаторийский район прибыли даже поселенцы из Палестины. Ими была основана коммуна «Новый путь», но в 1939 г. все «палестинцы» были осуждены и расстреляны по обвинению в сионизме. В это же время начались преследования сотрудников американской еврейской организации «Агро-Джойнт», которая занималась финансированием еврейских сельхозпоселений в Крыму. Им стандартно предъявляли обвинения в шпионаже в пользу США.

После создания Автономной еврейской области в Приамурье идея «Крымской Калифорнии» окончательно была отринута советским руководством.

В контексте происходивших в Крымской АССР социально-демографических и культурно-политических процессов происходили соответствующие изменения в городской и сельской сети поселений.

Всего в период с декабря 1920 по март 1935 г. в Крыму было проведено восемь новых территориально-административных переустройств, отражавших постоянно меняющиеся внутриполитические подходы советской администрации в вопросах национально-культурных и социально-политических решений обустройства полуострова.

Однако при этом сложившаяся в XVIII–XIX вв. сеть городских и сельских поселений Крыма в начале XX в. в основном все еще продолжала сохранять архаические черты, заложенные в ней прежними хозяевами – Византийской и Оттоманской империями.

Накануне Великой Отечественной войны, несмотря на бурные события Гражданской войны и интервенции, внутренние и внешние миграции, большевистские социальные эксперименты и репрессии, население Крымской АССР демонстрировало позитивную динамику роста и, по данным переписи 1939 г., его большинство продолжали составлять: русские – 558 481 человек (49,6%), крымские татары – 218 879 (19,4%), украинцы – 154 129 (13,7%), евреи – 65 452 (5,8%), немцы – 51 299 (4,6%).

Новая внутренняя и административная политика большевиков конца 30-х – начала 40-х гг., направленная на удовлетворение запросов всех национальностей Крыма нашла свое отражение и в изменениях административно-хозяйственного, структурно-территориального и топонимического характера, окончательно сформировала сеть городских и сельских населенных пунктов предвоенного периода (рис. 4, 5).

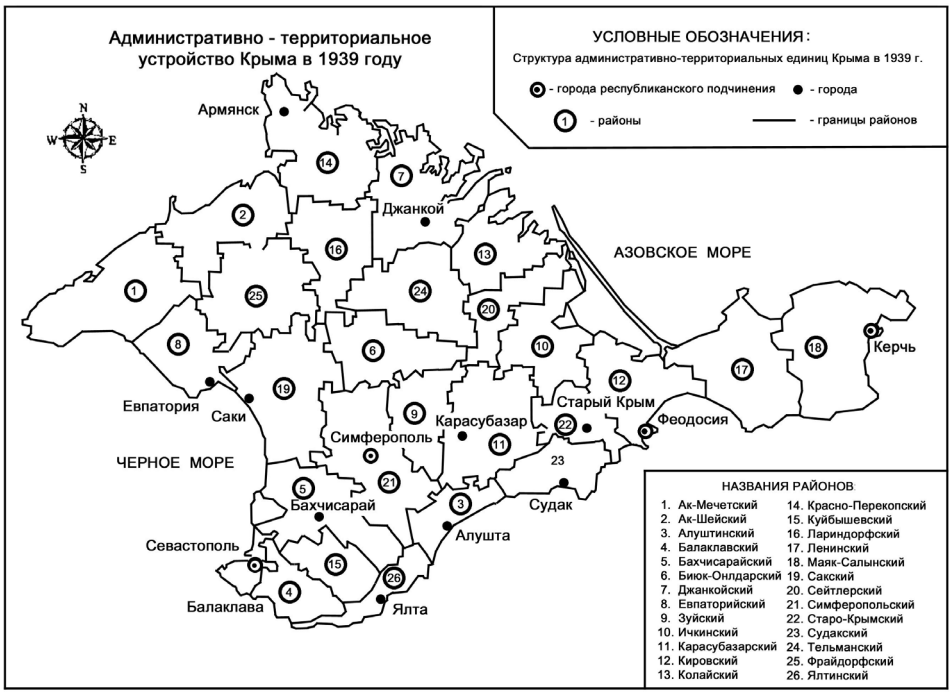

Рис. 4. Административно-территориальное устройство Крыма в 1939 г.

Проведенная в 1939 г. перепись населения и вытекающие из нее выводы о необходимости новых внутриполитических и административно-территориальных реформ так и не были реализованы до начала войны, и Крым вступил в этот период как административно-территориальная структура, образованная и сформировавшаяся еще по принципам и подходам 1935 г.

Административно-территориальное устройство и политика германской оккупационной администрации Крыма в период 1942–1944 гг.

Особым периодом в административно-территориальном устройстве Крыма стал период его оккупации в 1942–1944 гг.

17 июля 1941 г. А. Гитлер подписал приказ о введении гражданского управления на оккупированных советских территориях [1, с. 33–34]. В соответствии

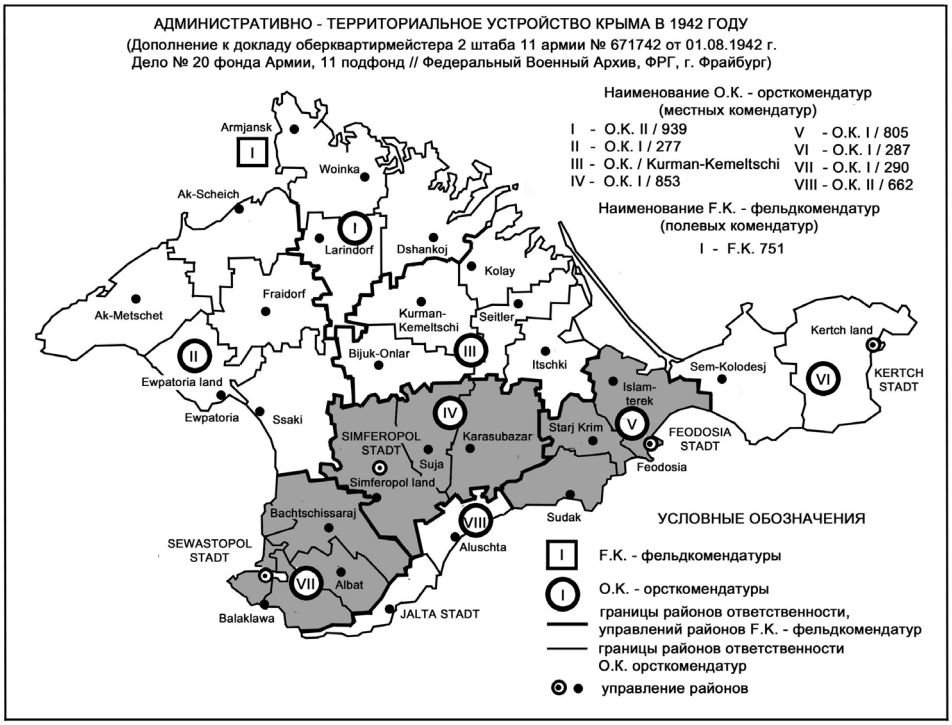

Рис. 5. Административно-территориальное устройство Крыма в 1942 г.

с этим приказом было создано Министерство оккупированных восточных областей (Reichministerium fur die besetzen Ostgebiete) – главный руководящий орган для указанных территориальных образований. Возглавил министерство видный нацистский теоретик и специалист по «восточному вопросу» Альфред Розенберг.

Согласно планам министерства Розенберга, Крым вместе с территорией Херсонской и Запорожской областей должен был войти (вошел) в генеральный округ Таврия (Generalbezirk Taurien) общей площадью 22 900 квадратных километров и населением 661 981 человек (по состоянию на 1 сентября 1941 г.).

Центром округа был выбран город Мелитополь. Генеральный округ Таврия являлся составной частью рейхскомиссариата «Украина» (Reichskomissariat Ukraine).

Высшим органом гражданской оккупационной администрации в генеральном округе Таврия должен был стать генеральный комиссариат, возглавить который было поручено Альфреду Фрауэнфельду. К своим обязанностям он смог приступить только 1 сентября 1942 г. К этой дате относится окончательное оформление территории генерального округа Таврия (рис. 6), каким его планировалось учредить в министерстве Розенберга. Округ считался находящимся под двойным управлением: гражданским (номинально) и военным (фактически).

Рис. 6. Карта-схема административно-оккупационного устройства генерального округа Таврия 1942 г. (Мальгин А. В. Партизанское движение Крыма и «татарский вопрос», 1941–1944 гг. – Симферополь : Сонат, 2008, – С. 183)

Использовав принцип «укрупнения», они объединили от двух районов на юге и востоке Крыма до пяти-шести на севере под военно-административной властью местных и полевых комендатур. Всего за период 1941–1945 гг. на территории Крыма действовали четыре полевые и двадцать три местные комендатуры.

В свою очередь военными властями в целях осуществления всех необходимых полномочий при должности командующего войсками вермахта в Крыму был создан штаб, основой которого послужили соответствующие структуры 42-го армейского корпуса 11-й армии. Организационно этот штаб состоял из нескольких отделов, главными из которых в данном случае были оперативный (I) и административный (VII) отделы.

Через первый отдел шло управление охранными войсками. Начальник седьмого отдела руководил военно-административными органами, которые состояли из полевых (Feldkommandantur; FK) и местных комендатур (Ortkommandantur; Ok) и наделялись всей полнотой власти в зоне своего действия.

Внутренняя политика, проводимая германской оккупационной администрацией на полуострове, представляла собой смесь традиционного западноевропейского колониализма и расизма XIX в., исходящего из принципа «раз-

деляй и властвуй» в сочетании с радикальным нацизмом и юдофобией. Умело используя фактор «отягощенной исторической памяти» XVIII–XIX вв., а также «свежие воспоминания» о большевистских эксцессах периода революции и Гражданской войны в сочетании с политикой преференций для крымских татар, возрождением ислама и созданием мусульманских комитетов, германская оккупационная администрация смогла привлечь к активному сотрудничеству значительную часть населения Крыма которая, по мнению историков [2, с. 146; 18, с. 599], составляла более 10% численности крымскотатарского населения (около 20 тыс. человек).

Вот как описывает сложившуюся в Крыму ситуацию историк О. В. Романько: «С конца 1941 г. важным фактором, оказывавшим влияние на немецкую оккупационную политику, стало партизанское движение. В Крыму же эта проблема приобрела для немецкого командования особенную остроту, так как районы действий советских партизан находились в непосредственной близости от важных для оккупантов с оперативной точки зрения населенных пунктов...» [19, с. 151–153].

Поэтому процесс организации и подготовки добровольческих формирований на территории Крыма, в том числе и крымскотатарских, приобрел форму создания «местных полицейских вспомогательных сил» и в меньшей степени привлечения добровольцев для включения их небольшими группами в качестве «хиви» (добровольных союзников) в части действовавшей в Крыму немецкой армии.

Главным органом по обеспечению протиодействия партизанам и подпольщикам на территории Крыма была печально известная айнзатцгруппа «Д». Созданная по инициативе Главного управления имперской безопасности (РСХА), она являлась «инструментом проведения расовой политики» на восточных территориях и занималась уничтожением «евреев, коммунистов и прочих нежелательных элементов». Однако, кроме вышеуказанных функций, на руководство этой группы в лице СС-оберфюрера О. Олендорфа было возложено создание отделений полиции порядка на оккупированной территории в зоне ее ответственности.

Городская и сельская полиция формировалась сразу же по занятии немцами городов и крупных населенных пунктов Крыма параллельно с органами местного самоуправления. Обычно ею руководил начальник отдела вспомогательной полиции порядка при городском или районном управлении, который подчинялся местному фюреру СС и полиции. Основными обязанностями сотрудников вспомогательной полиции были поддержание порядка в населенном пункте и наблюдение за выполнением паспортного режима.

Однако ни городская, ни сельская полиция не могла самостоятельно бороться с партизанским движением, а тем более уничтожить его. Поэтому оккупационные власти делали все, чтобы создать крупные, мобильные и лучше подготовленные формирования из числа коллаборационистов, которые могли

бы обеспечить функционирование оккупационного режима хотя бы в пределах своих районов.

В связи с этим 2 декабря 1941 г. ОКХ издало директиву «Особые указания для борьбы с партизанами». В ней, в частности, говорилось: «...использование местных отрядов в борьбе с партизанами вполне себя оправдывает. Знание местности, климата и языка страны делает возможным в боях с партизанами применить их же методы действий» [6].

Уже в октябре 1941 г., как пишут английские исследователи Ч. Диксон и О. Гейлбрунн, для борьбы с партизанами немцы стали привлекать также татар, которые всегда враждебно относились к большевистскому режиму. Были сформированы так называемые татарские отряды самообороны, которые оказали немцам большую помощь» [14, с. 72–74].

Этими отрядами, насчитывавшими по 70–100 человек в каждом, командовали инструкторы – немецкие унтер-офицеры. По словам Э. фон Манштейна, главная задача этих отрядов «заключалась в охране своих селений от нападения... партизан» [17, с. 262], то есть фактически в проведении блокады партизанских районов.

Создание германским командованием сети военно-полицейских подразделений батальонов СС «Шума» и рот самообороны в горной и предгорной частях Крыма превратили расположенные здесь поселки в опорные пункты и военные базы, а их население – в гарнизоны и непосредственных участников военного противостояния.

Демографические утраты и геноцид в Крыму в конце 1941 – начале 1942 года

Наиболее существенными факторами, оказавшими влияние на состояние сети городских и сельских поселений в период Великой Отечественной войны, были их разрушение, утрата населения, уничтожение инфраструктуры, прекращение экономической деятельности.

Уже в конце 1941 – начале 1942 г. Крым понес тяжелые демографические потери в результате мобилизации (93 тыс. чел.). Следом, в августе 1941 г., были депортированы крымские немцы (52 тыс. чел.) и в феврале 1942 г. – итальянцы (1500 чел.).

Во время оккупации фашистской Германией в результате «холокоста» уничтожено 40 тыс. евреев. Кроме того, 85 тыс. человек отправлено на принудительную работу в Германию. Все это привело к существенному сокращению городского и сельского население.

Нацистская идея превращения Крыма в «Готенланд» являлась одной из идеологических сверхзадач «Генерального плана «Ост», разработанного ведомством Гиммлера в мае 1941 г. для различных ведомств, которые начнут осваивать «восточные просторы», завоеванные солдатами Рейха.

В плане «Ост» предусматривалось, что немцы-эмигранты колонизируют земли Крыма по праву своей этнической принадлежности к историческим готам, населявших отдельные районы Крыма с эпохи Великого переселения народов (246 г.). В Крыму предусматривалось создание чисто немецких поселений, насчитывающих по 15–20 тыс. жителей, а Южный берег Крыма планировалось заселить немцами из Южного Тироля.

На совещании в ставке с руководителями Германии 16 июля 1941 г. Гитлер заявил, что Крым «необходимо очистить от всех чужаков и заселить германцами» [20, с. 115–121]. Месяцем ранее, 9 июня 1941 г., на совете фюреров СС и полиции Гиммлер отметил, что война не имеет смысла, если после нее завоеванные территории и, в частности, Крым в течение двадцати лет не будут полностью колонизированы немцами.

Подобные высказывания высших чинов Рейха и предложенный ими проект освоения полуострова не оставляли на его земле места «расовым врагам» и «асоциальным элементам», к которым нацисты отнесли евреев, крымчаков, крымских цыган.

Существовали также идеи выселения из Крыма украинцев, отнесенных (Розенберг) немцами к «северодинарскому», но не к арийскому расовому типу. Против реализации этих планов выступил шеф Управления военного хозяйства генерал Томас, который мотивировал свою позицию тем, что данная акция приведет к потере необходимых для Рейха трудовых ресурсов (52 тыс. чел.).

Берлин не планировал создание в Крыму крымскотатарской государственности. Это не вписывалось в концепцию превращения Крыма в курорт «Ривьеру» только для арийцев.

Задачи уничтожения «нежелательных элементов» в Крыму были возложены на подразделения полиции безопасности (СД) и так называемые айнзатцгруппы «Д» под командованием оберфюрера СС Отто Олендорфа.

Кроме немецких подразделений СС и СД, в выявлении и уничтожении евреев, цыган и крымчаков принимали участие подразделения полевой жандармерии при полевых и городских комендатурах, службы вспомогательной полиции и подразделения из числа местных коллаборационистов.

Только в «активный период антисемитских репрессий» в Крыму – с 16 ноября по 15 декабря 1941 г., – по данным начальника полиции безопасности (СД), было убито 17 646 евреев, то есть 44,1% еврейского гражданского населения оккупированного полуострова [26]. Особенно пострадало еврейское население городов и еврейских национальных районов, в которых нацисты и коллаборационисты уничтожили: Ларидорфский район – 1746 человек, Джанкойский район – 1672, Фрайдорфский район – 1100, Колайский район – 1000, Тельманский район – 955. [11]. Всего же в ходе всех антисемитских акций оккупационного режима в Крыму в 1941–1943 гг. погибли, по разным оценкам, более 40 тыс. евреев и 6 тыс. крымчаков.

Учитывая, что до войны в Крыму проживало 65,4 тыс. евреев, а также то, что в первые месяцы войны примерно половина из них сумели эвакуироваться, ряд исследователей считают, что нацисты в Крыму осуществили геноцид (практически полное уничтожение еврейского населения) [21].

Поскольку население еврейских национальных районов составляло лишь относительное большинство, крымский «холокост» не привел к полному исчезновению в них сети населенных пунктов в 1941–1942 гг., но сказался впоследствии во время послевоенных административно-территориальных реформ.

Утрата Крымом части сельских населенных пунктов в период 1943–1944 годов в результате нацистских репрессий

С лета 1943 г. настроения и политические симпатии в среде крымских татар, жителей горных и предгорных районов, претерпели существенные изменения. Они были вызваны прежде всего ухудшением положения немецких войск на советско-германском фронте и увеличением тягот для населения, которые несло продолжение войны. Надежды на скорую победу Германии улетучились, общая экономическая ситуация на оккупированных территориях продолжала ухудшаться.

В поисках дополнительных средств для снабжения армии германское командование в конце концов вынуждено было использовать и личные ресурсы «сочувствующих» элементов. С 1 июля 1943 г. на крымских татар были распространены все те налоги и платежи (в частности, за патенты), которые платили представители остальных групп населения и от которых крымские татары были освобождены оккупантами [16, с. 103]. Оккупационные власти также усилили налоговое бремя на сельхозпроизводителей, что коснулось и крымских татар.

Война, таким образом, уравняла всех в статусе и правах, и это не могло не порождать глубокого разочарования у тех, кто ждал от немцев «освобождения» и преференций. Как явствует из партизанских разведдонесений, к осени 1943 г., многие крымские татары изменили своим симпатиям к оккупантам и не без ностальгии стали вспоминать советские времена.

У немцев были свои планы относительно Крыма, вообще не учитывавшие планы крымских татар, а также интересы военнослужащих крымскотатарских рот и батальонов.

Над коллаборационистами из батальонов СС «Шума» и рот самообороны постоянно висела угроза отправки на фронт для борьбы с Красной армией [19, с. 157], кроме того, на них с ненавистью смотрело большинство местного населения Крыма.

Все это заставило многих из них искать выход из создавшегося положения. Сначала эпизодически (август 1943 г.), а затем массово (ноябрь 1943 г.) начался переход коллаборационистов к партизанам. Так, если 1 августа 1943 г.

в партизанских отрядах Крыма было по данным историка А. В. Мальгина, – 10 крымских татар [16, с. 155], то к концу марта 1944 года их численность уже составила 450 чел. [16, с. 135] Изменились и отношения партизан с населением крымско-татарских деревень: оно стало поддерживать партизан, предоставляя помощь, продовольствие и полезную информацию.

Быстрый рост партизанских отрядов, расширение влияния партизан на местное население, ненадежность «вчерашних союзников», а также недостаток собственных боевых подразделений, необходимых для эффективной борьбы с партизанами, привели германскую военную и гражданскую оккупационную администрацию в конце 1943 г. к решению об изменении своей внутренней политики и тактики антипартизанских действий.

В конце ноября 1943 года немецкое командование объявило приказ «О добровольной эвакуации населения из прилесной зоны», а в декабре приступило к принудительной эвакуации. Она началась 13-го и практически закончилась к 31 декабря 1943 г., получив наименование «Огонь и меч» [16, с. 129] (рис. 7). Акция включала в себя комплекс мер по уничтожению не только жилого фонда, но и всей инфраструктуры населенных пунктов горно-лесной зоны с целью не допустить ее использования партизанами в условиях суровой горной зимы и отсутствия эффективного военно-административного контроля над партизанскими районами, связанного с изменившейся стратегической ситуацией.

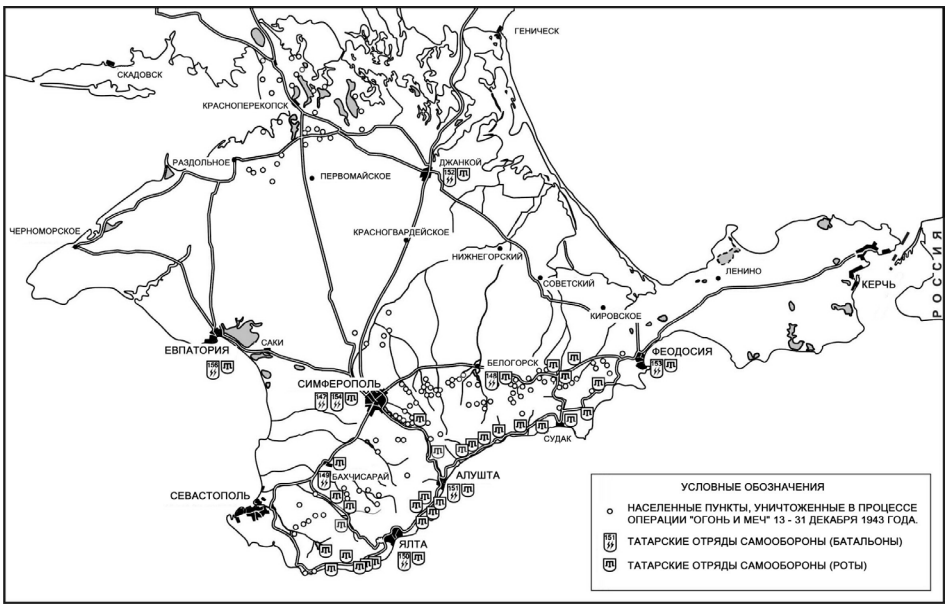

Рис. 7. Картосхема расположения населенных пунктов уничтоженных во время проведения акции «Огонь и меч», в декабре 1943 г. (ГААРК, ф. 1289, оп. 1, д. 18, л. 2; Мальгин А. В. Партизанское движение Крыма и «татарский вопрос». 1941–1944 гг. – Симферополь : Сонат, 2008, Карта. 164–165 с.)

В соответствии с замыслом операции «Огонь и меч» партизанский лес должна была окружать «мертвая зона», которая препятствовала бы получению партизанами продовольствия, возможности обогреться, информации и подкреплений.

В процессе акции оккупанты вывезли в большинстве крымскотатарское население из целого ряда населенных пунктов горно-лесной зоны – небольших деревень, находившихся в непосредственной близости к лесу, где было невозможно держать гарнизоны, после чего они были разрушены и сожжены. Все эти населенные пункты к нашему времени, как правило, перестали существовать.

При этом немецкое командование сохранило и сконцентрировало подразделения «добровольцев» из рот самообороны и батальонов СС «Шума», в южнобережных деревнях и крупных селах на северных склонах крымских гор, продолжавших оставаться важными опорными базами в борьбе с партизанами. В основном все эти населенные пункты сохранились до наших дней.

В это же время партизанское руководство развернуло агитацию за уход населения, с угоном скота и увозом продовольствия, в лес к партизанам и достигло в этом существенных результатов.

В Зуйские леса «под защиту партизан» перешло свыше 3 тыс. человек, а в леса Заповедника ушло почти 5 тыс. человек в основном русского населения.

Всего под акцию «Огонь и меч» попало 127 – «полностью или частично уничтоженных селений» [16, с. 129], из них наибольшее количество приходится на Карасубазарский район – 26 сел, на втором месте – Зуйский – 19, в Симферопольском районе было уничтожено 13 населенных пунктов, остальные данные по «партизанской зоне» выглядят так: Бахчисарайский район – 12 сел, Балаклавский – 8, Судакский – 6, Кировский – 4, Старокрымский – 3, Куйбышевский – 2.

Остальные населенные пункты, исчезнувшие в этот период, располагались вне зоны проведения операции «Огонь и меч», и их исчезновение было связано с иными причинами военного характера.

В целом в результате боевых действий и нацистских репрессий в период 1941–1944 гг. Крым понес тяжелейшие людские жертвы, составившие более 135 тыс. человек гражданского населения.

Исчезновение населенных пунктов и изменение топонимики Крыма в результате депортации крымских татар 18 мая 1944 года

11 мая 1944 г. Государственный комитет обороны принял постановление № 5859сс «О крымских татарах» [10, л. 1], в соответствии с которым 18 мая 1944 г. НКВД СССР осуществило депортацию 183 155 крымских татар. В первые четыре года в депортации, по данным НКВД (на 1 октября1948 г.), от голода, холода и болезней погибло 44 887 (20%) человек из числа крымских татар, выселенных из Крыма.

Несколько позднее, 2 июня 1944 г., было принято постановление ГКО № 5984сс о выселении с территории Крымской АССР болгар, греков, армян

[24, с. 510–511]. Всего 27–28 июня 1944 г. из Крыма было выслано: болгар – 12 422 чел., греков – 15 040 чел., армян – 9621 чел., немцев – 1119 чел. иностранных граждан – 3652 чел.

Акции по выселению сопутствовало запустение 184 крымскотатарских сел в центральных, северо-западных, северных, северо-восточных районах и на Керченском полуострове, что в совокупности с утратой поселений в результате операции «Огонь и меч» в 1943 г. (127 сел) [9, л. 1] привело к исчезновению значительной части древней исторически сложившейся сети поселений Крыма с их уникальной топонимикой (рис. 8).

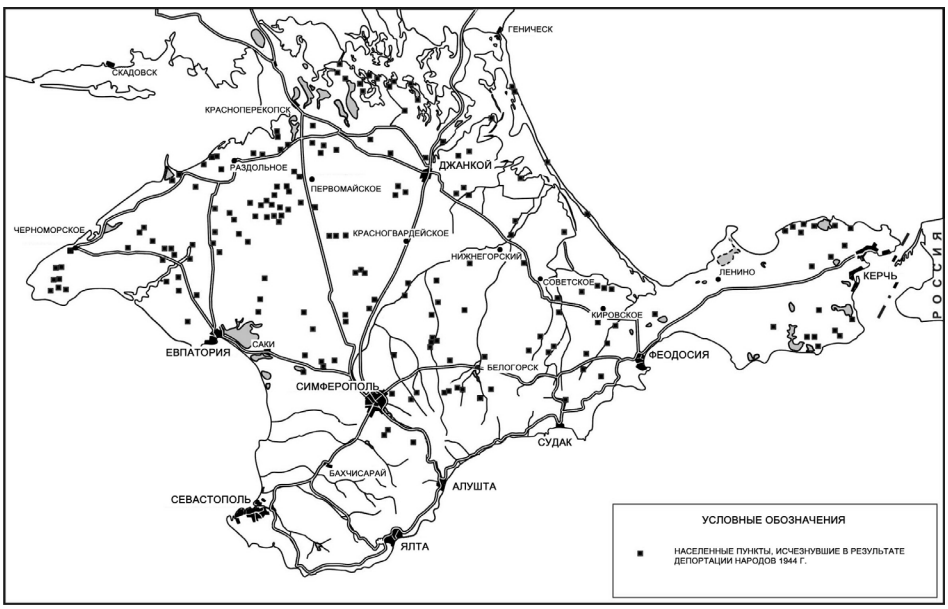

Рис. 8. Картосхема населенных пунктов, прекративших свое существование после депортации 1944 г. (Административно-территориальные преобразования в Крыму. 1783–1998 гг. : справочник. – Симферополь : Таврия-Плюс, 1999. – 464 с.; ГААРК, ф. 3287, оп. 1, д. 120, л. 1)

Кроме того, в соответствии с указом Президиума ВС РСФСР от 14 декабря 1944 г. «О переименовании районов и районных центров Крымской АССР», были изменены названия одиннадцати районов и районных центров [7, л. 134]. Затем в соответствии с указом Президиума ВС СССР от 30 июня 1945 г. Крымская АССР была преобразована в Крымскую область в составе РСФСР [22, с. 54].

Процесс переименований завершили указ Президиума ВС РСФСР от 21 августа 1945 г. [8], когда было переименовано 333 сельских совета и населенных пункта Крымской области и указ Президиума ВС РСФСР от 18 мая 1948 г. [8], по которому было переименовано дополнительно еще 1062 населенных пункта.

В 1945 г. Крым практически обезлюдел, исчезли многие поселения, существовавшие с глубокой древности, был нарушен процесс исторического присутствия старожильческих народов Крыма, во многом формировавшего своеобразный исторический культурно ландшафтный дизайн полуострова.

Исчезновение населенных пунктов в Крыму в послевоенный период 1945–1991 гг.

Окончание Великой Отечественной войны Крым встретил с тяжелыми разрушениями и огромными материальными потерями. Только финансовый ущерб составил более 20 млрд рублей, а население уменьшилось с 1 126 429 человек (в 1939 г.) до 351 тыс. человек, то есть сократилось в 3,4 раза [14, с. 357].

Были полностью или частично разрушены практически все города полуострова в результате немецкой операции «Огонь и меч» и последующей после освобождения Крыма депортации, полностью исчезли 311 сел, а остальные утратили большую часть своего населения и хозяйственную базу. В значительной мере была уничтожена транспортная инфраструктура и коммуникационные сети. В таких условиях процесс восстановления в Крыму приобрел поэтапный характер.

С осени 1944 г. началось переселение в Крым жителей Краснодарского и Ставропольского краев, Воронежской, Курской, Орловской, Тамбовской, Ростовской, Киевской, Винницкой, Житомирской и Подольской областей [1, с. 36].

К концу 1945 г. в Крым прибыло 17 040 семей, которые расселились в восьми районах: Алуштинском, Балаклавском, Бахчисарайском, Белогорском, Куйбышевском, Старо-Крымском, Судакском, Ялтинском, где в силу тех или иных объективных причин были подходящие условия для расселения.

В 1946 г. были изменены способы и методы заселения Крыма. В дальнейшем переселенцы ежегодно прибывали по графику небольшими партиями и расселялись в тех колхозах и совхозах, где ощущался недостаток рабочей силы и существовали хотя бы минимальные условия для обустройства. Всего в 1944–1960-х гг. в Крым было переселено более 100 тыс. трудоспособных поселенцев [14, с. 361].

В 1952 г. при помощи переселенцев область восстановила довоенный уровень посевных площадей, поголовье скота и свиней, а в 1955 г. – площади под садами и виноградниками – Крым ожил. Начался быстрый рост населения Крыма. К 1970 г. в городах и селах уже жило 1 млн 297 тыс. человек, что превышало на 170 тыс. человек население 1939 г.

26 апреля 1954 г. ВС СССР был принят инициированный личным распоряжением советского лидера Н. С. Хрущева Закон «О передаче Крымской области из состава РСФСР в состав Украинской ССР» [3, с. 343], которым утверждался указ Президиума ВС СССР и вносились соответствующие изменения в Конституцию СССР. Крым обрел статус «составной части Украины».

Послевоенные реалии поставили советское руководство перед дилеммой, восстанавливать Крым по довоенным принципам или действовать в соответствии с вновь сложившимися социально-экономическими условиями.

Зажатое в тиски идеологической и военной доктрин, советское руководство приняло стратегию развития Крыма как военно-стратегического района с высоким уровнем милитаризации и развитой военно-промышленной инфраструктурой.

Одновременно с бурным демографическим ростом населения и процессом хозяйственного и социального возрождения Крыма 1960–1980 гг. шел процесс стремительного роста городов – главных промышленных центров – с вытекающим из этого изменением структуры расселения, реорганизации застройки жилищной сети, промышленных объектов и дорожных сетей.

Изменение структуры производства, создание крупных промышленных центров на севере, востоке и западе Крыма в 70–80-е гг. привело к оттоку части сельского населения в городские промышленные агломерации.

Экстенсивные методы ведения сельского хозяйства, политика доктринального управления привели к крайне низкой эффективности ведения сельского хозяйства и, как следствие, к появлению депрессивных районов, что послужило еще одним фактором внутренней миграции населения в города, поселки городского типа и на прибрежные территории со сложившейся курортной структурой.

Нецелесообразность сохранения большого числа мелких населенных пунктов с небольшим населением, связанная с устойчивой депопуляцией, сложностью обеспечения их инфраструктуры, содержанием дорожной сети, электрических сетей и сетей связи, привела к постепенному поступательному исчезновению мелких малорентабельных поселений сельских районов Крыма (рис. 9).

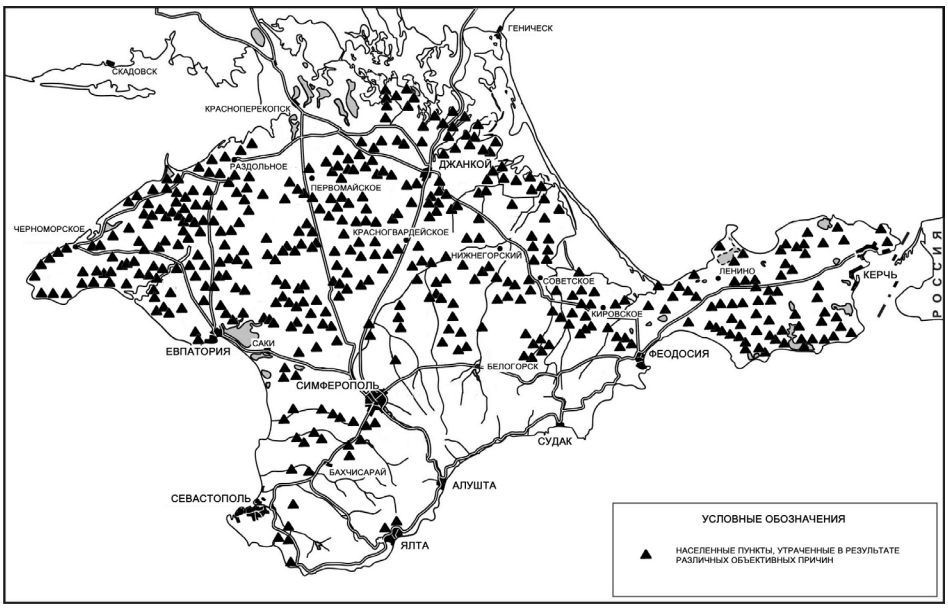

Рис. 9. Картосхема населенных пунктов, прекративших свое существование в результате административно-хозяйственных преобразований послевоенного периода развития Крыма (ГААРК, ф. 3287, оп. 1, д. 120, л. 1)

Еще одним существенным фактором исчезновения в основном исторических населенных пунктов стало их поглощение крупными городскими и сельскими агломерациями, динамика роста которых сильно возросла на рубеже 80–90-х гг. Этот процесс продолжает сегодня сохранять позитивную динамику (рис. 10).

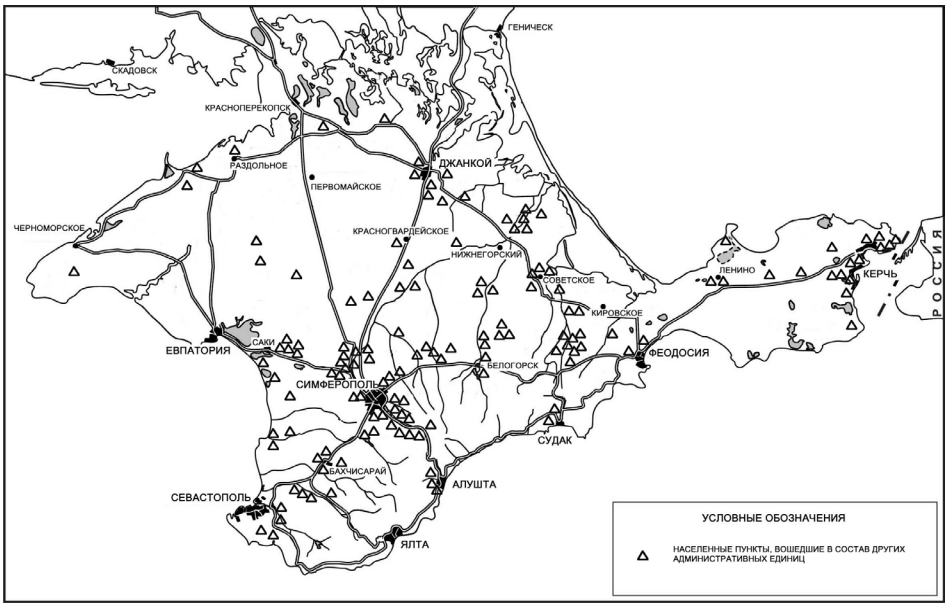

Рис. 10. Картосхема населенных пунктов, прекративших свое существование в процессе их поглощения более крупными городскими и сельскими агломерациями (ГААРК, ф. 3287, оп. 1, д. 120, л. 1)

Возрождение и расширение сети населенных пунктов с их исторической топонимикой в Крыму в период 1990–2010 годов

Процесс количественного уменьшения населенных пунктов в Крыму в основном закончился с началом репатриации и обустройства крымских татар в конце 80-х – начале 90-х гг. (рис. 11). Этот период истории крымскотатарского народа можно охарактеризовать как этап репатриации (возвращения на родину) и реинтеграции (или нового укоренения) в Крыму.

На этом этапе крымские татары (а также армяне, немцы, греки и другие народы Крыма) проявляют активное стремление к различным формам политической, экономической, религиозной и культурной самоорганизации, выраженным через различные формы самоуправления, к воссозданию религиозной идентичности, системы национального образования и культуры. По многим направлениям этот процесс уже начался и выявил ряд проблем, в том числе не имеющих аналогов в мировой практике [4, с. 44].

Реинтеграция крымских татар, как и представителей других этнических групп, депортированных в годы войны из Крыма, представляет собой редкий

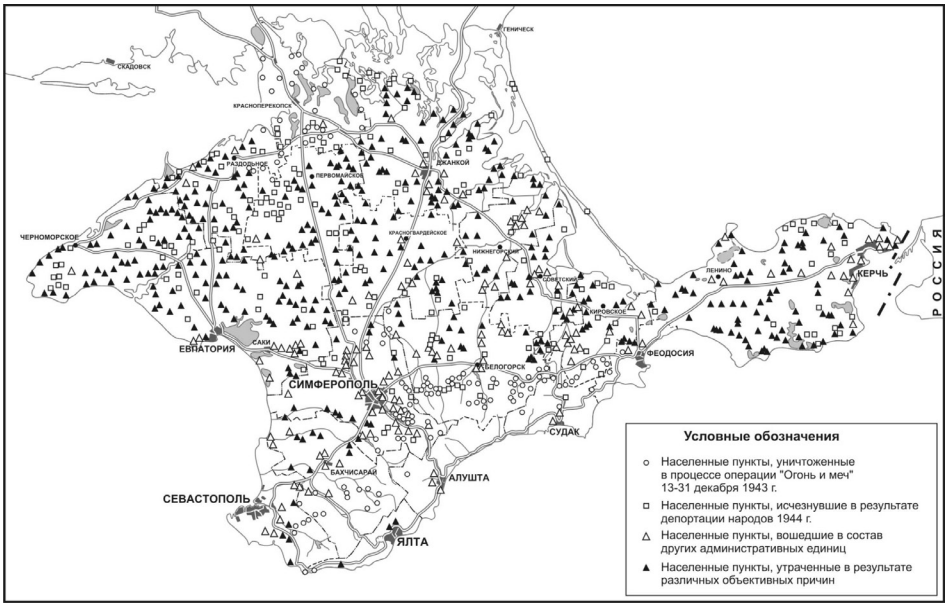

Рис. 11. Картосхема населенных пунктов Крыма, прекративших свое существование по различным объективным причинам в период 1941–2010 гг. (ГААРК, ф. 3287, оп. 1, д. 120, л. 1)

в мировой практике случай. Как правило, проблема этнической интеграции возникает там, где появляются этнические общины, оторванные от основной части государства или нации и помещенные в абсолютно новую этническую, языковую, социокультурную и ценностную среду.

В данном случае мы имеем дело с уникальной ситуацией не утраты, а обретения Родины, что создает совершенно иной психологический фон, проблемы репатриации, поскольку крымские татары, в длительной депортации оставаясь патриотами по отношению к Крыму, сформулировали для себя собственную парадигму будущего, во многом отличную от представлений остальных жителей полуострова, представляющих абсолютное большинство.

Крымских татар не устраивает роль минотариев (младших партнеров) в демографическом и социокультурном сообществе полуострова. Поэтому, претендуя на особые права и преференции, они создают прецедент добровольной сегрегации, выражаемый через создание альтернативных структур самоуправления и противопоставления своей особой позиции точке зрения многих своих сограждан.

Из данного феномена вытекают наблюдаемые нами сложности и несоответствия в процессе реинтеграции, особо проявившаяся в период 1991–2001 гг. и нашедшей свое выражение в том числе и в формировании сети большинства современных поселков компактного расселения крымских татар, принявших форму анклавов (рис. 12, 13).

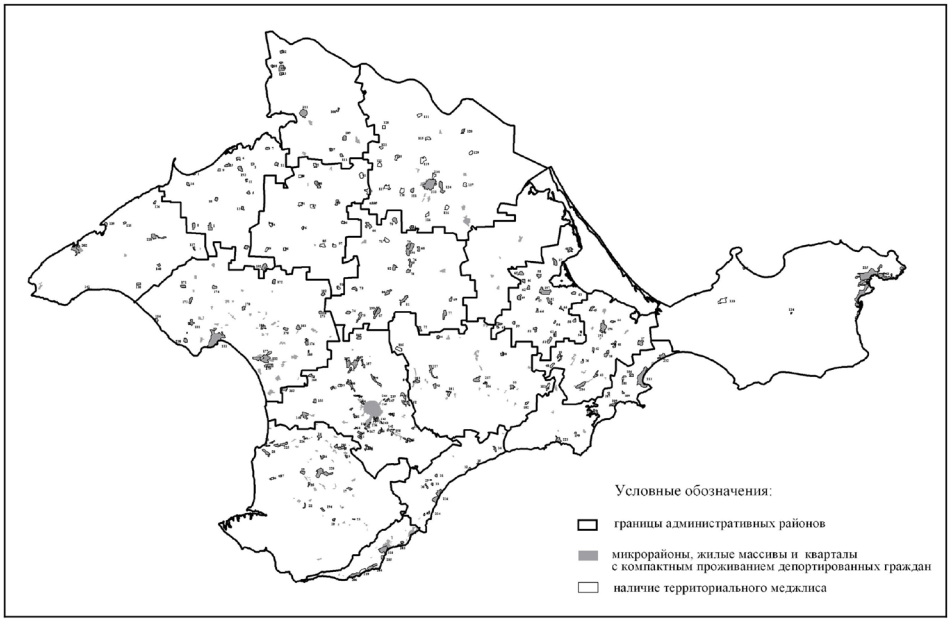

Рис. 13. Картосхема населенных пунктов, микрорайонов, жилых массивов и кварталов с компактным проживанием депортированных по данным Рескомнаца, 1999 г.

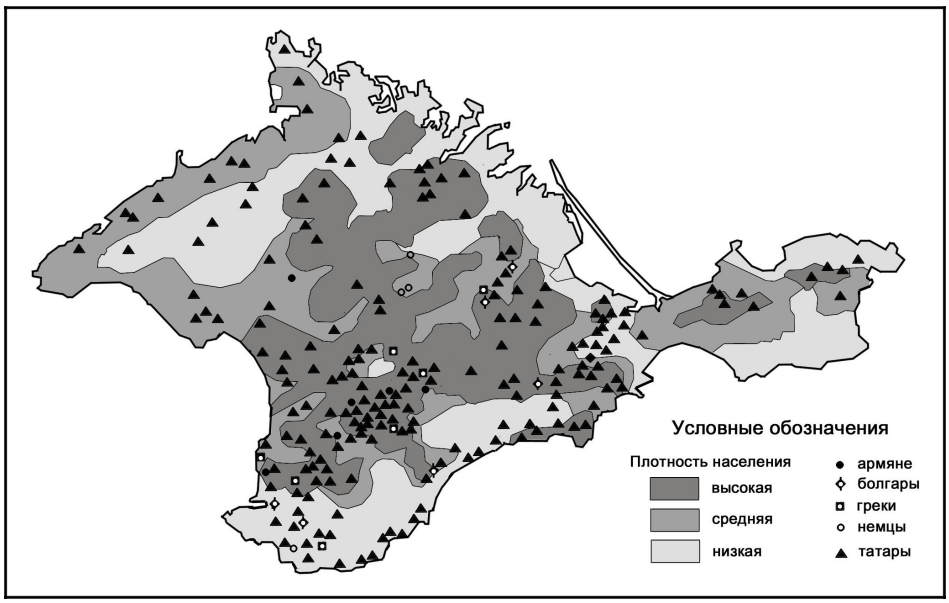

Рис. 12. Картосхема компактного расселения репатриантов в Крыму по данным Симферопольского филиала Национального института стратегических исследований, 2003 г.

По данным ГУ МВД Украины в Крыму, количество крымских татар, возвратившихся в АРК по состоянию на 1 января 1999 г. составило 253 076 человек с учетом незарегистрированных репатриантов, их численность фактически составила 263 755 человек, или приблизительно 70 тыс. семей [15, с. 67], около 12% от общей численности населения Крыма (1 967 000 чел. на 1 марта 2009 г.) без города Севастополя (379 885 чел. на 1 марта 2009 г.).

В целом, по данным отделов межнациональных отношений горисполкомов и райгосадминистраций, по состоянию на 1 января 1999 г. в АРК в семи административных районах значительная часть крымских татар составляет свыше 20%, в частности: Симферопольский район – 20,77%, Бахчисарайский район – 22,2%, Белогорский район – 33,5%, Джанкойский район – 20,1%, Кировский район – 24,7% и Советский район – 29,3% [15, с. 69].

Соотношение крымских татар, проживающих в городской и сельской местности, составляет: 27% – городские жители, 73% – сельские жители.

По этим же данным, в АРК насчитывается 291 пункт компактного проживания крымских татар, а для индивидуального строительства выделено 45 876 земельных участков (на 1 января 1999 г.).

По другим данным, для строительства индивидуального жилья крымским татарам выделено 48 231 земельный участков, что с учетом коэффициента семьи 3,24 обеспечивает примерно 150 тыс. человек.

Численность же крымских татар, проживающих в автономии, составляет около 280 тыс. человек. Да и то большинство этих участков – 300 сел-самостроев, занятых самовольно, хотя позднее и узаконенных органами власти. С начала возвращения в Крым в Алуште, Судаке, Феодосии и Ялте крымским татарам выделено 6182 земельных участка, на которых проживает приблизительно 15 тыс. человек, тогда как до депортации здесь проживало 65 тыс. человек. В Ялте живет не более 2 тыс. крымских татар.

В 2000 г. процесс динамичного расширения сети крымскотатарских поселков компактного проживания, отражая новую реалию внутренней миграции, в основном переместился в Бахчисарайский, Симферопольский, Белогорский и Судакский районы, что в целом соответствует традиционным районам расселения крымских татар.

Быстрый рост поселков компактного проживания крымских татар с сопровождающим его процессом возрождения исторической топонимики (291 населенный пункт) с учетом продолжения строительства новых поселений, к 2009 г. практически компенсировал потерю Крымом исторических населенных пунктов, утраченных в результате преступных акций 1941–1944 гг. (311 сел).

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Административно-территориальное устройство Крыма в документах и картографических образах XVIII – XXI вв. / А. Г. Шевчук, И. Г. Беднарский, А. Б. Швец, С. А. Ефимов, Л. П. Кравцова. – Симферополь; СФ НИСИ; ВГМИ «Таврия», 2006.

2. Бугай Н. Ф. Л. Берия – И. Сталину : Согласно Вашему указанию... – М., 1995. – С. 146.

3. Ведомости Верховного Совета СССР, 12 мая 1954, № 10, с. 343.

4. Габриэлян О. А., Петров В. П. Крым. Депортированные граждане: возвращение, обустройство, социальная адаптация. – Симферополь : Издательский дом «Амена». 1997.

5. ГААРК, Ф. Р-663, оп. 2, д. 608, л. 2.

6. ГААРК, Ф. П-156, оп. 1, д. 56, л. 19–20.

7. ГААРК, Ф. Р-137, оп. 8, д .32, л. 34.

8. ГААРК, НСБ, СИФ. Типограф. экз.

9. ГААРК, Ф. Р-1289, оп. 1, д. 18 (Дело с реестрами актов по злодеяниям немецко-фашистских захватчиков), л. 1

10. ГАРФ, ф. Р-9401, оп. 2, д. 65, л. 41–43.

11. Губенко Г. Н. Книга печали. – Симферополь, 1991.

12. Диксон Ч., Гейлбрунн О. Коммунистические партизанские действия. – М. : Изд-во иностр. лит., 1957.

13. Ефимов А. Еврейская Советская Социалистическая Республика в Крыму. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.moscow-crimea.ru

14. История Крыма с древнейших времен до наших дней (в очерках). – Симферополь: Атлас-компакт, 2006.

15. Кримськотатарське питання / Бюлетень Кримського Центру політичних дослідників і журналістів про проблеми кримськотатарського народу в Україні. – № 4(8)99. – Симферополь, 1999.

16. Мальгин А. В. Партизанское движение Крыма и «татарский вопрос», 1941–1944 гг. – Симферополь : Сонат, 2008.

17. Манштейн Э. фон. Утраченные победы. – М., 1999.

18. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. – Т. 3, Кн. 1 : Крушение блицкрига. – М. : Русь, 2003.

19. Романько О. В. Мусульманские легионы во Второй мировой войне. – М. : ООО «Издательство АСТ»; ООО «Транзиткнига», 2004.

20. Романько О. В. От «немецкого Гибралтара» до арийского «Готенланда». Крымский полуостров в малоизвестных планах военно-политического руководства Третьего рейха (1941–1944) // Историческое наследие Крыма. – Симферополь, 2006. – № 14.

21. Сборник документов и материалов об уничтожении нацистами евреев Украины в 1941–1942 годах / Сост. А. Круглов. – К. : Ин-т иудаистики, 2002.

22. Сборник законов СССР и Указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938–1958 гг. – М., 1959.

23. Семена Микола. Кримські татари: інтеграція, асиміляція... чи животіння? // Кримські студії. Інформаційний бюллетень. – № 5–6 (33–34), жовтень 2005 – січень 2006.

24. Сталинские депортации. 1928–1953. – М., 2005.

25. Чеботарева В. Г. Социальные противоречия национальной политики в Крымской АССР в 1920-е годы // Вопросы истории, 2006. – № 12.

26. Уничтожение евреев СССР в годы немецкой оккупации (1941–1944) / Сборник документов и материалов. Ред. Ицхак Арад. – Яд Ва-Шем / Национальный Институт Памяти жертв нацизма и героев Сопротивления, 1992.

27. Чубаров Рефат, Юлія Тищенко. Кримська автономія. Витоки і перші роки становлення на новому етапі (1991–1992) // «...Вибрати не можна тільки Батьківщину» : зб. ст і дослідж. з історії криськотат. народу та його боротьби за повернення на іст. Батьківщину. – Центр інформації та документації крим. татар / укл. Р. Чубаров. – К., 2003.

28. Шевчук А. Г., Беднарский И. Г., Швец А. Б. Уникальная карта для уникального региона // Культура народов Причерноморья. – № 74. – Симферополь, 2006.

29. Шевчук А. Г., Швец А. Б., Беднарский И. Г. Некоторые аспекты миграционной динамика крымскотатарского населения в XVIII–XXI вв. // Культурно-цивилизационный диалог и пути гармонизации межэтничных и межконфессиональных отношений в Крыму : сб. науч. ст.. – Симферополь, 2008. – С. 75–100.

30. Шевчук А. Г. Административно-территориальное обустройство Крыма Российской Империей в конце XVIII – начале XIX в // Межэтнические и межконфессиональные отношения в Крыму: проблемы и их решения : сб. науч. ст. – Симферополь, 2009.

31. Справочная карта топонимов, существующих и утраченных населенных пунктов Крыма «Призраки прошлого на карте Крыма». – Союзкарта, 2009.

Приложение

Сведения о сожженных селениях немецко-фашистскими захватчиками в Крымской АССР (1943 г.)

№ п/п	Наименование района	Количество полностью и частично сожженных селений	Число полностью сожженных дворов в них	Количество частично сожженных дворов	Количнство жителей, оставшихся без крова
1	Балаклавский	8	671	96	520
2	Старо-Крымский	3	74	8	281
3	Маяк-Салынский	–	352	1200	7551
4	Ленинский	–	478	–	2390
5	Куйбышевский	2	356	–	1780
6	Кировский	4	556	–	2780
7	Карасубазарский	26	903	–	3973
8	Ичкинский	–	16	–	80
9	Зуйский	19	938	70	5040
10	Джанкойский	–	-	120	600
11	Бахчисарайский	12	726	586	6169
12	Фрайдорфский	4	53	–	265
13	Судакский	6	147	66	1065
14	Ак-Мечетский	–	95	–	475
15	Биюк-Онларский	6	31	–	142
16	Симферопольский	13	993	–	3472
17	Красноперекопский	24	1456	–	2506
	Всего	127	7845	2126	39089

Ответственный секретарь
Крымской республиканской комиссии (Зыбин)
(ГААРК, Ф. Р-1289, оп. 1, д. 18 (Дело с реестрами актов по злодеяниям немецко-фашистских захватчиков), л. 1)

ТРАНСФОРМАЦИИ АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО УСТРОЙСТВА КРЫМА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX – НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

Александр Гаевич Шевчук,
кандидат географических наук, доцент кафедры экономики
и управления образования Крымского республиканского института
последипломного педагогического образования

Аннотация. В статье рассматриваются трансформации административно-территориального деления Крыма, причины обусловившие реформы и этапы становления Автономной Республики Крым во второй половине XX – начале XXI в.

Ключевые слова: административно-территориальная реформа, социокультурные и политико-экономические процессы, реформы органов местного самоуправления.

Анотація. В статті розглядаються трансформації адміністративно-територіального розподілу Криму, причини, які зумовили реформи та етапи становлення Автономної Республіки Крим в другій половині XX – початку XXI ст.

Ключові слова: адміністративно-територіальна реформа, соціокультурні і політико-економічні процеси, реформи органів місцевого самоврядування.

Abstract. The article deals with transformation of the administrative-territorial division of the Crimea, the reasons having caused the reform, and the stages of the Autonomous Republic of Crimea establising in the second half of XX – the beginning of XXI century.

Keywords: Administrative-territorial reform, socio-cultural, political and economic processes, the reform of local government.

Исследование проблем природно-исторических и культурно-экологических условий, а также их влияния на эволюцию административно-территориальной организации территорий Крыма, вошедших в состав независимого Украинского государства, чрезвычайно актуально в условиях назревшей сегодня административно-территориальной реформы и реформы органов местного самоуправления.

Цель работы: на основе изучения культурно-исторической и природно-экологической ретроспективы, архивных документов и иконического исследования исторических карт Крыма определить основные принципы формирования административных границ существующих городов и районов, образование которых, хотя и сохранило в себе некоторые архаические элементы, в основном сформировалось в XIX в. Проследив изменения административно-территориального устройства в ретроспективе за определенный исторический период времени, мы можем делать выводы о развитии современного общества, его экономике, изменениях национального состава населения, политического и культурного устройства.

Исследования административно-территориального устройства Крыма, его детерминированность с природно-ландшафтными компонентами в разные исторические периоды позволяют проследить трансформации демографических, этноконфессиональных, социально-экономических параметров развития региона. Кроме того, точные сведения об административно-территориальном делении помогают осуществлять разносторонний статистический анализ, необходимый при формировании продуктивных логистических управленческих потоков. Библиография изучения эволюции административно-территориального устройства Крыма достаточно обширна, ее анализ приведен в нашей работе «Административно-территориальное устройство Крыма в документах и картографических образах XVIII–XXI вв.».

Исходя из того, что статистические сведения по различным отраслям экономики локализуются в пределах определенных территорий и приводятся в основном по областям, районам, городам, составляющим основу административно-территориального деления, то они с очевидностью отражают реальные векторы: природно-климатических, социокультурных и политико-экономических процессов, протекающих в исследуемом регионе. Данная публикация как ретроспективный обзор данной проблематики предназначена для определения стратегии преобразования внутренних административных границ Крымского полуострова, что необходимо для стимуляции процесса устойчивого развития его территории.

Предвоенные административно-территориальные реформы проводились в 1935 и 1937 гг. В результате этих реформ Крымская АССР была разделена на 26 районов: Ак-Мечетский, Ак-Шеихский, Алуштинский, Балаклавский, Бахчисарайский, Биюк-Онларский, Джанкойский, Евпаторийский, Зуйский, Ичкинский, Ишуньский, Карасубазарский, Кировский, Колайский, Куйбышевский, Лариндорфский, Ленинский, Маяк-Салынский, Сакский, Сейтлерский, Симферопольский, Старо-Крымский, Судакский, Тельманский, Фрайдорфский, Ялтинский; города республиканского подчинения: Севастополь, Симферополь, Керчь, Феодосия.

В 1937 г. на основе Конституции СССР 1936 г. и Конституции РСФСР 1937 г. была принята Конституция Крымской АССР. Глава II «Государственное устройство» утверждала вхождение Крымской АССР в состав РСФСР с правом осуществления государственной власти на автономных началах, деление региона на 26 районов и шесть городов особого подчинения: Симферополь, Севастополь, Керчь, Евпатория, Феодосия, Ялта.

Проведенная в 1939 г. перепись населения и вытекающие из нее выводы о необходимости новых внутриполитических и административно-территориальных реформах так и не были реализованы до начала войны, и Крым вступил в этот период как административно-территориальная структура, образованная и сформировавшаяся по принципам и подходам 1935 г.

Оккупация Крыма Германией в 1941–1944 гг. стала особым периодом в административно-территориальном устройстве Крыма.

После освобождения Крыма от немецко-фашистских захватчиков, 11 мая 1944 г., Государственный комитет обороны принял постановление № 5859сс «О крымских татарах», в соответствии с которым 18 мая 1944 г. НКВД СССР осуществило депортацию 183 155 крымских татар. В июне 1944 г. из Крыма выселяли болгар, греков, армян.

Депортации крымских татар, греков армян, болгар сопутствовало исчезновение 184 сел в центральных, северо-западных, северных, северо-восточных районах и на Керченском полуострове. В совокупности с населенными пунктами горно-лесной зоны, уничтоженными немцами в ходе операции «Огонь и меч» в 1943 г., Крым потерял 311 населенных пунктов исторически сложившейся сети поселений с их уникальными бытом и архитектурой. Кроме того, после депортаций в Крыму тремя указами Президиума Верховного Совета РСФСР от 1944, 1945 и 1948 гг. были переименованы населенные пункты и сельские советы, названия которых имели крымскотатарское, немецкое, греческое, армянское происхождения.

Нарушение топонимической основы системы расселения изменило объективный характер исторического присутствия старожильческих народов полуострова, создало возможность внедрения в социокультурную среду Крыма элементов политизированной истории, выразившихся в появлении топонимов «советский», «октябрьский», «красногвардейский», «первомайский», «пионерский» и др.

Послевоенный период административно-территориальных изменений в Крыму отличался чрезвычайно высокой интенсивностью: всего в период с 14 декабря 1944 г. по 28 июня 1996 г. было осуществлено 14 существенных реформ и коррекций.

Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 14 декабря 1944 г. из 26 районов Крымской АССР было переименовано 11 районов: Ак-Мечетский – в Черноморский, Ак-Шеихский – в Раздольненский, Биюк-Онларский – в Октябрьский, Ичкинский – в Советский, Карасубазарский – в Белогорский, Колайский – в Азовский, Ларидорфский – в Первомайский, Маяк-Салынский – в Приморский, Сейтлерский – в Нижнегорский, Тельманский – в Красногвардейский, Фрайдорфский – в Новоселовский.

Постоянно и быстро меняющаяся, демографическая, социально- культурная и экономическая ситуации в Крыму в послевоенные годы, а также депортация из Крыма 228 390 крымских татар, немцев, армян, греков, болгар, русских, украинцев, цыган, турок, австрийцев, венгров, румын, курдов, караимов в сочетании с гибелью огромного количества крымчан на фронтах, в партизанских отрядах, с геноцидом еврейского и крымчакского населения превратили Крым в полупустынную территорию. Самые страшные потери в этническом плане понесли евреи Крыма и крымчаки, составившие, по нашим оценкам, соответственно 78,5 и 96% от общего числа лиц попавших под немецкую оккупацию.

С осени 1944 г. началось переселение жителей Краснодарского, Ставропольского краев, Воронежской, Курской, Орловской, Тамбовской, Ростовской,

Киевской, Винницкой, Житомирской областей в достаточно обезлюдевший после окончания Великой Отечественной войны Крым. Переселенцев расселяли в восьми районах: Алуштинском, Балаклавском, Бахчисарайском, Белогорском, Куйбышевском, Старо-Крымском, Судакском и Ялтинском, где до депортации сосредотачивалось наибольшее количество уничтоженных войной крымскотатарских поселений.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 30 июня 1945 г. Крымская АССР была преобразована в Крымскую область в составе РСФСР и состояла из: шести городов областного подчинения (Симферополь, Севастополь, Евпатория, Керчь, Феодосия, Ялта), семи городов районного подчинения (Алупка, Алушта, Балаклава, Бахчисарай, Белогорск, Джанкой, Старый Крым), 26 сельских районов (Азовский, Алуштинский, Балаклавский, Бахчисарайский, Белогорский, Джанкойский, Евпаторийский, Зуйский, Кировский, Красногвардейский, Красноперекопский, Куйбышевский, Ленинский, Нижнегорский, Новоселовский, Октябрьский, Первомайский, Приморский, Раздольненский, Сакский, Симферопольский, Советский, Старо-Крымский, Судакский, Черноморский, Ялтинский). Верховный Совет РСФСР 25 июня 1946 г. принял Закон «Об упразднении Чечено-Ингушской АССР и о преобразовании Крымской АССР в Крымскую область».

Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 21 августа 1945 г. были переименованы сельские советы и населенные пункты Крымской области. Всего было переименовано 333 сельских совета. Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 18 мая 1948 г. в дополнение к ранее переименованным в 1944 и 1945 гг. районам и сельсоветам было переименовано 1062 населенных пункта Крыма, общее количество переименований достигло 1406, или более 90% расселенческой сети полуострова: топонимика полуострова изменилась коренным образом.

В 1946 г. способы заселения Крыма были изменены. Переселенцев стали принимать по графику и расселять по всей территории Крыма, особенно в тех совхозах и колхозах, где ощущался острый недостаток трудовых ресурсов. Всего в 1944–1960 гг. в Крым было переселено более 100 тыс. трудоспособных поселенцев. В 1952 г. при помощи переселенцев в Крыму был восстановлен довоенный уровень посевных площадей и поголовье скота, а в 1955 г. – возродились виноградники.

29 октября 1948 г. указом Президиума Верховного Совета РСФСР город Севастополь был отнесен к категории городов республиканского подчинения. Таким образом, на Крымском полуострове образовалось две административно-территориальных структуры республиканского подчинения.

В период с 1948 по 1953 г. в административно-территориальном делении Крыма произошли некоторые изменения: были упразднены Ялтинский и Новоселовский районы, объединен ряд сельсоветов.

Крупнейшим событием в политической и административной истории Крыма явилась его передача в состав Украины. Указом Президиума Верховного Совета

СССР от 19 февраля 1954 г. Крымская область передана из состава РСФСР в состав УССР. Передача законодательно подтверждена 26 апреля 1954 г. Официальным поводом для передачи послужило празднование 300-летия воссоединения Украины с Россией.

Под влиянием послевоенной стратегии освоения Крыма возникли промышленные центры на Перекопе, возродилась химическая промышленность в курортных Саках, машиностроение в Севастополе, Симферополе и Феодосии, металлургия на Керченском полуострове. Возрождение промышленных центров привело в 1970–1980-е гг. к оттоку части сельского населения Крыма в города, причем не только промышленные, но и курортные. Усилилась топливно-энергетическая база прежде всего за счет использования природного газа. Активно развиваются строительная индустрия, химическое производство (в основном в Присивашье). Создаются новые подотрасли промышленности – цементная и приборостроительная. В сельском хозяйстве осуществляется специализация в производстве молока, мяса, яиц, курятины. Развивается санаторно-курортная система: в Крыму восстанавливается и вновь создается 200 санаториев и 150 гостиниц. Новые экономические, демографические и культурные реалии вновь потребовали административно-территориальных преобразований.

Указами Президиума Верховного Совета УССР от 24 апреля 1957 г. и 24 сентября 1959 г. были упразднены Балаклавский, Зуйский, Старокрымский районы, город Джанкой отнесен к категории городов областного подчинения. Количество районов сократилось до двадцати одного.

Следующей крупной реорганизацией явилась административно-территориальная реформа от 30 декабря 1962 г., которая вновь, как и в 20-х гг., исходила из парадигмы «укрупнения» районов Крыма. Согласно указу Президиума Верховного Совета УССР от 30 декабря 1962 г. «Об укрупнении сельских районов УССР» были ликвидированы 11 районов Крымской области: Азовский, Кировский, Куйбышевский, Октябрьский, Первомайский, Приморский, Раздольненский, Сакский, Симферопольский, Советский, Судакский.

На 1 января 1963 г. согласно административно-территориальному делению в Крымской области существовало: шесть городов областного подчинения (Симферополь, Евпатория, Джанкой, Керчь, Феодосия, Ялта); шесть городов районного подчинения (Алупка, Алушта, Бахчисарай, Белогорск, Саки, Старый Крым); десять сельских районов (Алуштинский, Бахчисарайский, Белогорский, Джанкойский, Евпаторийский, Красногвардейский, Красноперекопский, Ленинский, Нижнегорский, Черноморский).

Указом Президиума Верховного Совета УССР от 11 февраля 1963 г. Евпаторийский район был ликвидирован и восстановлен Сакский район. Указом Президиума Верховного Совета УССР от 10 июня 1964 г. Алуштинский район был ликвидирован и город районного подчинения Алушта отнесен категории городов областного подчинения.

Затем указом Президиума Верховного Совета УССР от 4 января 1965 г. «О внесении изменений в административное районирование УССР» и в связи с объединением областных промышленных и областных сельских советов депутатов трудящихся УССР были внесены изменения в административное районирование и утверждены 12 районов Крымской области: Бахчисарайский, Белогорский, Джанкойский, Кировский, Красногвардейский, Красноперекопский, Ленинский, Нижнегорский, Раздольненский, Сакский, Симферопольский, Черноморский.

С 1965 по 1966 г. произошли следующие административно-территориальные изменения: пгт Красноперекопск отнесен к категории городов районного подчинения; указом Президиума Верховного Совета УССР от 8 декабря 1966 г. восстановлены Советский и Первомайский районы.

Указом Президиума Верховного Совета УССР от 26 ноября 1979 г. город Саки отнесен к категории городов областного подчинения.

Указом Президиума Верховного Совета УССР от 7 декабря 1979 г. в Крымской области образован Судакский район.

В период между крупными административно-территориальными коррекциями 4 января 1964 года и 1 января 1980 г. происходили незначительные изменения внутриобластных территориальных границ и территорий, что нашло свое отражение в справочнике «Административно-территориального деления Крымской области 1 января 1977 года», составленного с учетом происшедших изменений.

На 1 января 1980 г., согласно административно-территориальному делению, в Крымской области существовало: девять городов областного подчинения (Алушта, Джанкой, Евпатория, Керчь, Красноперекопск, Симферополь, Саки, Феодосия, Ялта), пять городов районного подчинения (Алупка, Бахчисарай, Белогорск, Старый Крым, Белокаменск), пятнадцать сельских районов (Бахчисарайский, Белогорский, Джанкойский, Кировский, Красногвардейский, Красноперекопский, Ленинский, Нижнегорский, Первомайский, Раздольненский, Сакский, Советский, Симферопольский, Черноморский, Судакский).

Указом Президиума Верховного Совета УССР от 2 марта 1982 г. пгт Судак отнесен к категории городов районного подчинения.

Количественное сокращение сети сельских населенных пунктов Крыма завершилось с началом репатриации и обустройства крымских татар и других депортированных народов в конце 1980-х – начале 1990-х гг. Репатриация крымских татар как одного из наиболее многочисленных народов Крыма, подвергшихся депортации, приняла характер реинтеграции. Речь идет о редком в мировой практике случае. Как правило, проблема этнической интеграции возникает там, где появляются этнические общины, оторванные от основной части государства и помещенные в абсолютно новую социокультурную среду. В случае с крымскими татарами мы имеем дело с ситуацией не утраты, а обретения Родины, что создает совершенно иной психологический фон в процессе репатриации. Однако, претендуя на особые права и преференции, они создают

прецедент добровольной сегрегации, выраженный посредством формирования альтернативных структур самоуправления, противопоставляя свою социокультурную позицию точке зрения большинству крымчан.

Социокультурная сегрегация крымских татар нашла выражение и в процессе реконструкции современной сети расселения этого этноса в форме «поселков компактного проживания», активно возводившихся в течение 1991–2001 гг. и являющихся, по существу, этническими анклавами.

Поселки компактного проживания крымских татар имеются в настоящее время во всех административных единицах Крыма. Менее всего они представлены на территории Севастопольского горсовета, где, по данным Всеукраинской переписи населения 2001 г., доля крымских татар в общей численности населения составляла 0,5%. Наибольшая численность мест компактного проживания крымских татар – в предгорных районах Крыма. Здесь, по данным переписи 2001 г., на территории Бахчисарайского, Симферопольского, Белогорского, Кировского районов доля крымских татар превышает 20% (а в Белогорском районе – 30%) в общей численности населения. Свыше 20% отметки удельный вес крымских татар достиг также в степных Ленинском, Советском, Нижнегорском, Джанкойском и Первомайском районах.

По оперативным данным горисполкомов и районных администраций, в 1999 г. на территории Автономной Республики Крым насчитывался 291 пункт компактного проживания крымских татар. В 2004 г. бывший в то время заместителем председателя Совета министров АРК Эдип Гафаров приводит данные о 300 поселках компактного проживания, указывая, что в шести из них живут армяне, болгары, греки и немцы, а в 294 – крымские татары. Сравнивая эту цифру с показателем уничтоженных фашистскими оккупантами в ходе операции «Огонь и меч» (127 населенных пунктов) и советским режимом в ходе депортации (184 населенных пунктов) – 311 населенными пунктами Крыма, отмечаем, что усилиями Украинского государства в автономии фактически восстановлена численность довоенных поселений крымских татар.

Этапы становления Автономной Республики Крым

8 сентября 1990 г. Крымский областной совет народных депутатов обратился в Верховные Советы СССР и УССР с заявлением о необходимости воссоздания Крымской АССР. 20 января 1991 г. в Крымской области состоялся референдум по вопросу определения государственного статуса Крыма. Результаты референдума определили воссоздание автономной республики.

Законом УССР от 12 февраля 1991 г. «О восстановлении Крымской Автономной Советской Социалистической Республики» Крымская АССР была восстановлена в пределах территории Крымской области в составе Украинской ССР.

Постановлением Верховного Совета Крымской АССР от 24 октября 1991 г. был упразднен Судакский район и город Судак отнесен к категории городов республиканского подчинения; на основании постановления Верховного Совета

Крымской АССР от 22 ноября 1991 г. пгт Армянск отнесен к категории городов районного подчинения.

На основании закона Крымской АССР от 26 февраля 1992 г. «О Республике Крым как официальном названии демократического государства Крым» Крымская АССР стала называться Республикой Крым.

Территориальное устройство Республики Крым было определено Конституцией, принятой Верховным Советом Крыма 6 мая 1992 г., с изменениями и дополнениями от 25 сентября 1992 г.

На основании постановления Верховного Совета Республики Крым от 14 октября 1993 г. город Армянск отнесен к категории городов республиканского подчинения.

На основании Закона Украины от 21 сентября 1994 г. «О внесении изменений и дополнений в Конституцию (Основной Закон) Украины» и Закона Украины от 17 марта 1995 г. «Об Автономной Республике Крым» Республика Крым стала называться Автономной Республикой Крым.

Территориальное устройство Автономной Республики Крым в составе Украины было подтверждено Конституцией Украины, принятой 28 июня 1996 г. Конституция Автономной Республики Крым в новой редакции утверждена 21 октября 1998 г. Статья 7 Конституции Крыма, посвященная административному устройству республики, гласит:

«1. Территория Автономной Республики Крым определяется границами, существовавшими на 20 января 1991 года – день проведения референдума – и на день вступления в силу Закона Украины о воссоздании автономной республики.

При Верховной Раде Автономной Республики Крым может быть создано и функционировать Представительство города Севастополя.

2. Территория Автономной Республики Крым может быть изменена с учетом решения республиканского (местного) референдума Верховной Рады Автономной Республики Крым в соответствии с Конституцией Украины.

3. Административно-территориальными единицами в Автономной Республике Крым являются район, город, район в городе, поселок, село и другие единицы в соответствии с Конституцией Украины и законами Украины.

Вопросы образования, изменения границ указанных административно-территориальных единиц в Автономной Республике Крым определяются законами Украины и нормативно-правовыми актами Верховной Рады Автономной Республики Крым в пределах ее компетенции».

Конституция Автономной Республики Крым в новой редакции была утверждена Законом Украины от 23 декабря 1998 г.

21 апреля 1999 г. было принято постановление Верховной Рады Автономной Республики Крым № 456–2/99, утвердившее Положение о Гербе Автономной Республики Крым, в соответствии с которым «Герб Автономной Республики Крым представляет собой в червленом варяжском щите обращенного вправо серебряного грифона, держащего в правой лапе раскрытую серебряную ракови-

ну с голубой жемчужиной. Щит увенчан восходящим солнцем и окружен двумя белыми колоннами, соединенными сине-бело-красной лентой с девизом «Процветание в единстве».

В целом можно констатировать, что автономия создавалась на основе общности интересов населения, в непростых условиях внутренней и внешней нестабильности. Ее создание стало важным фактором консолидации крымского социума, существенно снизило негативное психологическое воздействие на людей трудностей переходного периода и помогло им быстрее адаптироваться к «новой исторической реальности».

На территории Крымского полуострова находится еще одно административно-территориальное образование центрального подчинения – город Севастополь, имеющий специальный статус (ст.133 Конституции Украины). Административное наименование «город Севастополь» используется для обозначения всей территории, подчиненной Севастопольскому горсовету, и включает городские кварталы, город Инкерман, поселок городского типа Кача, 28 сел и более 30 поселений без статуса населенного пункта (аграрного типа или спецпоселений). Город Севастополь является одной из первичных административных единиц Украины (наряду с 24 областями, Автономной Республикой Крым и городом Киевом, имеющим специальный статус). Город Севастополь разделен на четыре административных района: Гагаринский, Ленинский, Нахимовский, Балаклавский и Инкерманский городской совет в составе Балаклавского района.

22 декабря 2010 г. постановлением Верховной Рады Автономной Республики Крым утверждена «Стратегия экономического и социального развития Автономной Республики Крым на 2011–2020 годы». Стратегической целью развития АР Крым является достижение устойчивого роста уровня и качества жизни крымчан на основе сбалансированной социально-экономической системы инновационного типа, гарантирующей экологическую безопасность, динамичное развитие экономики и реализацию стратегических интересов Украины в Черноморском регионе.

Непосредственными исполнителями основных задач, связанных с внедрением на практике положений Стратегии, являются местные структуры власти, органы местного самоуправления, государственные учреждения и организации. Их деятельность по направлениям, предусмотренным Стратегией, заключается в создании условий для стимулирования и направления действий коммерческих предприятий, частных лиц, общественных и негосударственных организаций согласно определенным в Стратегии целям, приоритетам и задачам.

Реализация стратегических целей по реформированию санаторно-курортного и туристического сектора, формированию агросектора XXI в., модернизации отраслевой структуры промышленности, развитию транспортного потенциала, созданию среды, благоприятной для жизни, потребует новых управленческих решений и, следовательно, административно-территориальных преобразований и реформ.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Административно-территориальные преобразования в Крыму, 1783–1998 гг // Справочник. – Симферополь, 1999.

2. Административно-территориальное устройство Крыма в документах и картографических образах XVIII–XXI вв. / [Шевчук А. Г., Беднарский И. Г., Швец А. Б. и др.] ; под ред. Ишина А. В. ; 3. Региональный филиал национального института стратегических исследований в г. Симферополе. – Симферополь: СФ НИСИ; ВГМИ «Таврия», 2006. – 72 с.: 55 карт, ил.

4. Ефимов С. А. Административно-территориальное деление Крыма второй половины XX века: опыт реконструкции / Ефимов С. А., Шевчук А. Г., Селезнева О. А. // Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского, Серия «География». – Т. 20(59). – 2007. – № 1. – С. 39–50.

5. Призраки прошлого на карте Крыма. Топонимическая карта. Научно-производственный центр «Союзкарта». – Симферополь, 2009.

6. Стратегия экономического и социального развития Автономной Республики Крым на 2011–2020 годы. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ark.gov.ua

7. Шевчук А. Г. Некоторые аспекты миграционной динамика крымскотатарского населения в XVIII–XXI вв. / Шевчук А. Г., Швец А. Б., Беднарский И. Г. // Культурно-цивилизационный диалог и пути гармонизации межэтничных и межконфессиональных отношений в Крыму : сб. науч. ст. – Симферополь, 2008. – 280 с. – С. 75–100.

8. Шевчук А. Г. Политико-географический фактор эволюции крымской системы расселения населения в XX – начале XXI в./ Шевчук А. Г., Швец А. Б. // Геополитика и экогеодинамика регионов : науч. журнал. – Симферополь : Издательский отдел ТНУ, 2010. – Т. 6. Вып. 1–2. – 2010. – С. 64–74.

ЗДОРОВЫЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ КАК ОСНОВА ВОСПИТАНИЯ ТОЛЕРАНТНОЙ ЛИЧНОСТИ ЭТНОПЕДАГОГИЧЕСКИМИ СРЕДСТВАМИ

Мухиддин Айиддинович Хайруддинов,
доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой психологии и педагогики Крымского республиканского института последипломного педагогического образования

Аннотация. В статье рассматриваются педагогические основы формирования здорового образа жизни для достижения гармонии природно-биологического, социального и духовного развития человека этнопедагогическими средствами (традиции, обычаи, история народа и т. п.), определены этнодидактические принципы и условия воспитания толерантности.
Ключевые слова: педагогика, воспитание, национальность, обычаи.

Анотація. У статті розглядаються педагогічні основи формування здорового способу життя для досягнення гармонії природно-біологічного, соціального і духовного розвитку людини етнопедагогічними засобами (традиції, звичаї, історія народу і т. п.), визначені етнодідактичні принципи та умови виховання толерантності.
Ключові слова: педагогіка, виховання, національність, звичаї.

Abstract: The article review pedagogical basis of a healthy lifestyle to achieve the harmony of natural and biological, social and spiritual development of human with ethnopedagogical resources (traditions, customs, national history etc.) and defined ethnodidactic principles conditions for tolerance training.
Keywords: pedagogics, education, nationality, consuetudes.

В мире все начинается со здоровья. Здоровый образ жизни является предпосылкой для развития разных сторон жизнедеятельности человека, достижения им активного долголетия и полноценного выполнения социальных функций.

Актуальность здорового образа жизни вызвана возрастанием и изменением характера нагрузок на организм человека в связи с усложнением общественной жизни, увеличением рисков техногенного, экологического, психологического, политического и военного характера, провоцирующих негативные сдвиги в состоянии здоровья [3].

В психолого-педагогической науке (Г. П. Аксенов, В. К. Бальсевич, М. Я. Виленский, Р. Дитлс, И. О. Мартынюк, Л. С. Кобелянская и др.) здоровый образ жизни рассматривается с точки зрения сознания, психологии человека, мотивации. Имеются и другие точки зрения (например, медико-биологическая), однако резкой грани между ними нет, так как они нацелены на решение одной проблемы – укрепление здоровья индивидуума [1].

Существуют и иные точки зрения на здоровый образ жизни: «здоровый образ жизни – это система разумного поведения человека (умеренность во всем, опти-

мальный двигательный режим, закаливание, правильное питание, рациональный режим жизни и отказ от вредных привычек) на фундаменте нравственно-религиозных и национальных традиций, которая обеспечивает человеку физическое, душевное, духовное и социальное благополучие в реальной окружающей среде и активное долголетие в рамках попущенной Господом земной жизни» [4].

Здоровый образ жизни – это активное участие в трудовой, общественной, семейно-бытовой, досуговой формах жизнедеятельности человека [5]. В узкобиологическом смысле речь идет о физиологических адаптационных возможностях человека к воздействиям внешней среды и изменениям состояний внутренней среды [6]. На физиологическое состояние человека большое влияние оказывает его психоэмоциональное состояние, которое зависит в свою очередь от его ментальных установок [6]. Некоторые исследователи выделяют также «социальное самочувствие» – способность взаимодействовать с другими людьми [7].

Педагогика занимает особое место в системе наук о человеке. Функции науки: выработка и теоретическая систематизация объективных знаний о действительности. Цель науки: описание, объяснение, предсказание процессов, явлений действительности составляющей предмет ее изучения. Предметом изучения науки является открытие законов. Познание законов – задача науки. Законы – правила, по которым проходят события в окружающем мире. Закон – это общие, необходимые, существенные, относительно устойчивые повторяющееся отношения между явлениями реального мира, которые при наличии соответствующих условиях определяют характер и направление, и результат развития. Закон с религиозной точки зрения – это предписание божества.

Любая наука достигает зрелости и совершенства лишь тогда, когда она раскрывает сущности исследуемых ею явлений и может предвидеть их будущие изменения в сфере не только явлений, но и сущности. Сущность не раскрывается непосредственно, она обнаруживается путем изучения явления. Задача любого педагогического исследования в том, чтобы проникнуть более глубоко в сущность изучаемого явления, вскрыть присущие ему законы и закономерности.

Исследование закономерностей, принципов и правил педагогики – это то общее, без теоретического анализа которого невозможно эффективно заниматься педагогической практикой. Проблема педагогических закономерностей, принципов и правил в последние годы исследовалась в работах Ю. К. Бабанского, В. И. Загвязинского, И. Я. Лернера, В. В. Краевского и др. До настоящего времени нет четких критериев для однозначного ответа на вопрос, является ли, например, предлагаемый педагогический принцип именно принципом или же не является таковым.

Прежде чем акцентировать внимание на особенностях педагогических принципов или закономерностей, уточним их как общественные, философские категории.

Закон отражает педагогическое явление на максимально конкретном уровне, а закономерность – на более абстрактном и часто вскрывает лишь общую тенденцию функционирования.

Закономерность – это не до конца познанный закон или закон, пределы и форма которого еще не установлены. В закономерности выражены многие связи и отношения, тогда как закон однозначно выражает определенную связь, определенное отношение. Закономерность есть результат совокупного действия множества законов, поэтому понятие закономерности по объему шире понятия закона.

У закона всегда есть две функции: объяснительная и прогностическая. Его задача – способствовать научному управлению учебно-воспитательной деятельностью, предвидеть ее результаты, оптимизировать содержание, формы, методы и средства.

По критерию общности выделяют следующие типы законов: а) конкретные, специфические (сфера действия узка); б) общие (сфера действия широка), всеобщие.

Педагогический закон – это педагогическая категория для обозначения объективных, существенных, необходимых, общих, устойчиво повторяющихся явлений при определенных педагогических условиях, взаимосвязь между компонентами педагогической системы, отражающая механизмы самоорганизации, функционирования и саморазвития целостной педагогической системы.

Под закономерностью в общественных явлениях (в данном случае в учебном процессе) понимается объективно существующая, необходимая, повторяющаяся, существенная связь между явлениями и свойствами объективного мира, при которых изменения одних явлений вызывают определенные изменения других явлений, характеризующие их поступательное развитие.

В педагогике действуют динамические и статистические законы. На основе динамических законов, зная исходное состояние педагогической системы и внешних условий, в которых протекает педагогический процесс, можно предсказать ее последующие изменения. Статистические законы отражают определенные тенденции изменения педагогической системы, которые выявляются на основе применения статистических методов научно-педагогического исследования.

Всякий закон облекается в форму взаимоотношения категорий. В. И. Андреев считает, что, для того чтобы сформулировать педагогический закон или закономерность, необходимо: 1) вскрыть существенные, объективные, устойчивые, повторяющиеся взаимосвязи между компонентами педагогической системы; 2) установить педагогические условия, при которых эти взаимосвязи проявляются; 3) установить границы распространения закона; 4) выразить, сформулировать педагогический закон через взаимоотношения педагогических категорий в словесной или аналитической форме.

Открытию педагогических законов предшествовали длительные поиски на протяжении веков. По крупицам собирался и обобщался драгоценный опыт обучения. Видимо, уже в первобытном обществе существовали практические правила обучения (например, через практику жизни). Античные ученые Платон, Аристотель, Квинтилиан также формулировали свои рекомендации и правила,

но специально вопросами обучения не занимались, поскольку понимали обучение не как науку, а как ремесло, искусство обучать другим наукам. Искусство же законам не подчиняется. Многие из этих правил действуют и поныне, например: «Назначение учителя – помочь родиться мысли в голове его ученика» (Сократ); «Дать образование может не всякий, а только тот, кто знаком с необходимыми для этого приемами, а также с психическими условиями жизни обучающегося» (Квинтилиан).

В XVIII в. педагогика достигла уровня системы правил и практических руководств. Так, Я. А. Коменский представляет дидактику в виде системы правил: «Основные правила естественного учения и обучения: обучай наглядно, природосообразно и т. д.». А Дистервег довел количество правил до 33. У Коменского и Дистервега было много последователей, пытавшихся изложить дидактику в виде памяток, которые состояли из ряда правил, сгруппированных вокруг очень узких тем: как готовиться к урокам, как ставить вопросы, как закреплять материал и т. д.

Одним из первых, кто объявил об открытии закона, был И. Г. Песталлоци. Он сформулировал закон умственного развития ребенка «от смутного созерцания к ясным представлениям и от них к ясным понятиям». К. Д. Ушинский почти не употреблял слов «закон» и «закономерность», но делал гениальные обобщения, например: «Чем больше фактических знаний приобрел рассудок и чем лучше их переработал, тем он развитее и сильнее».

В настоящее время в педагогике признаны следующие законы:

- целостности и единства педагогического процесса (раскрывает соотношение части и целого в педагогическом процессе, необходимость гармонического единства рационального, эмоционального, сообщающего, поискового, содержательного, операционного и мотивационного компонентов);
- единства и взаимосвязи теории и практики обучения;
- воспитывающего и развивающего обучения (раскрывает соотношения овладения знаниями, способами деятельности и всестороннего развития личности);
- социальной обусловленности целей, содержания и методов обучения (раскрывает объективный процесс определяющего влияния общественных отношений, социального строя на формирование всех элементов воспитания и обучения);
- закон золотой середины;
- закон золотого совпадения.

С основными законами тесно связаны законы специфические, проявляющиеся как педагогические закономерности.

Закономерности бывают общими и частными. Общие закономерности охватывают своим действием всю систему, частные – ее отдельный компонент. Педагогический принцип выражает суть закона в его нормативной форме, т. е. указывает, как нужно действовать наилучшим образом в соответствующих педагогических условиях.

Из всех существующих в мире педагогических систем только педагогика вплотную подходит к признанию религиозной постановки и народной педагогических проблем. Религиозное направление указывает на факт связи педагогической мысли с системой религиозных идей. Отличие христианской педагогики от любой другой педагогической системы заключается в том, что она готовит человека не только для полноценного земного существования, но в первую очередь для жизни будущего века. Содержание христианской педагогики – это прежде всего введение детей в жизнь Церкви, приобретение навыков общественной и личной духовной жизни. Кроме того, это воспитание христианского мировоззрения, осмысление мира, жизни, человека и его деятельности в свете Божественного Откровения. И, наконец, это подготовка детей к общественному христианскому служению, развитие их дарований, воспитание христианских чувств и воли.

Основу православной педагогики составляют 10 законов Божьих, заповедей.

1. Я Господь, Бог твой, Который вывел тебя из земли Египетской, из дома рабства; да не будет у тебя других богов пред лицом Моим. 2. Не делай себе кумира и никакого изображения того, что на небе вверху, и что на земле внизу, и что в воде ниже земли; не поклоняйся им и не служи им, ибо Я Господь, Бог твой, Бог ревнитель, наказывающий детей за вину отцов до третьего и четвертого рода, ненавидящих Меня, и творящий милость до тысячи родов любящим Меня и соблюдающим заповеди Мои. 3. Не произноси имени Господа, Бога твоего, напрасно, ибо Господь не оставит без наказания того, кто произносит имя Его напрасно. 4. Помни день субботний, чтобы святить его; шесть дней работай и делай в них всякие дела твои, а день седьмой – суббота Господу, Богу твоему: не делай в оный никакого дела ни ты, ни сын твой, ни дочь твоя, ни раб твой, ни рабыня твоя, ни вол твой, ни осел твой, ни всякий скот твой, ни пришелец, который в жилищах твоих; ибо в шесть дней создал Господь небо и землю, море и все, что в них, а в день седьмой почил; посему благословил Господь день субботний и освятил его. 5. Почитай отца твоего и мать твою, чтобы тебе было хорошо и чтобы продлились дни твои на земле, которую Господь, Бог твой, дает тебе. 6. Не убивай. 7. Не прелюбодействуй. 8. Не кради. 9. Не произноси ложного свидетельства на ближнего твоего. 10. Не желай дома ближнего твоего; не желай жены ближнего твоего, ни поля его, ни раба его, ни рабыни его, ни вола его, ни осла его, ни всякого скота его, ничего, что у ближнего твоего (текст десяти заповедей по Синодальному переводу Библии).

Законы ислама определяют правила, с помощью которых человек устанавливает должное отношение с Аллахом, помогают строить дружеские отношения с людьми, способствуют укреплению и благополучию семьи. Они помогают человеку осознать свое место и роль в обществе, способствуют изучению своей природы, личных качеств и их изменению, самовоспитанию в угоду Богу и людям.

В исламском вероучении существует несколько категорий приемлемости того или иного поступка человека. Грехом является поступок, который относится

к категории Харам (запрещенное деяние). Противоположным Хараму является Халяль (разрешенное деяние). Деяний, попадающих под категорию Харам (как и попадающих под категорию Халяль), много. Поэтому греховность того или иного поступка точнее определяется в конкретной ситуации, в которой находится человек. Критерием определения запрещенности (харам) или разрешенности (халяль) поступка является Священный Шариат, который выводит свои положения из Корана и Сунны. Поэтому в Исламе отсутствует понятие «10 библейских заповедей». Подобных заповедей в Шариате гораздо больше и они не ограничиваются никакими цифровыми выражениями. Поэтому приведенный ниже список грехов в исламе далеко не полный: 1) придание Богу равного (ширк); 2) умышленное убийство человека (в том числе и аборты); 3) самоубийство; 4) колдовство: его изучение и применение; 5) верить гадателям (а также предсказателям) и колдунам; 6) неуважительное отношение к родителям; 7) прелюбодеяние; 8) гомосексуализм (а также лесбиянство); 9) обвешивание; 10) ростовщичество (отдача денег в долг под проценты); 11) потребление свинины, мертвечины, крови, а также мяса животных, которые заколоты не во имя Аллаха; 12) потребление спиртных напитков и всего, что может вывести разум из нормального состояния (наркотоки, психоделические, психотропные препараты и т. д.), и азартные игры; 13) воровство и взяточничество; 14) ложь и обман; 15) несовершение намаза; 16) отказ от выплаты закята; 17) несоблюдение поста в месяц рамадан и др.

У каждого этноса существует своя народная педагогика. В научной литературе правомерно пишут о народной педагогике русской, украинской, татарской, кабардино-балкарской и др.

Основа этнопедагогики – народный язык, обычаи, церемонии народных и религиозных праздников, нормы шариата и повседневная жизнь людей (то есть язык, религия и быт народа). Предмет этнопедагогики – изучение народных и национальных особенностей воспитания.

В науке для обозначения педагогической культуры этнических общностей принят термин «народная педагогика». Под народной педагогикой мы понимаем исторически сложившийся опыт воспитания и обучения детей, первоначально передаваемый от поколения к поколению в устной форме, а затем зафиксированный в письменных памятниках в виде фольклора, героического эпоса, легенд и преданий, свода правил воспитания, правил поведения и т. д. Народная педагогика имеет в своей основе идеал и средства формирования человека. Она представляет собой своеобразную, общую для всего народа мудрость воспитания, систему национальных ценностей, проверенных веками и реализуемых в народной педагогической практике.

Однако это не означает, что надо использовать весь арсенал народных средств и факторов воспитания без изменений и критической оценки. Следует брать те из них, которые работают сегодня и соотносятся с современными представлениями народа о морали и национальных ценностях. Именно в этом прояв-

ляется острая необходимость в научно-педагогическом изучении педагогических процессов в народной среде и разработке средств воздействия на эти процессы.

Педагогика – это наука об объективных закономерностях воспитания, эти закономерности всеобщи, поэтому правомерно проследить на примере одного или нескольких народов действия всеобщих педагогических закономерностей. Этнопедагогика как отрасль педагогической науки предполагает изучение педагогики этнической общности. Общее, представляющее стержневую идею мудрости воспитания крымскотатарского народа, и составляет основу для создания этнопедагогики народа как науки о сущности народного воспитания и способах его применения (8, с. 7–14).

Предметом этнопедагогики является сохранение и развитие народных законов и закономерностей в области воспитания. Содержание народной педагогики образуют произведения устного народного творчества (эпосы, легенды, басни, пословицы, поговорки, песни и др.). В честности, пословицы и поговорки: «За битого двух небитых дают, да и то не берут», «За что боролись, на то и напоролись», «Закон – что дышло: как повернул, так и вышло», «Занимаешь на время, отдаешь навсегда», «Здоровье не закаляют, а берегут», «Землю пашут – руками не машут», «Злоба что лед – до тепла живет», «Послушай женщину – сделай так, как она этого хочет», «Не копай яму под другого, попроси молодого военнослужащего» и др. Скажите, чем пословицы не закон?

Здоровый образ жизни формируется всеми сторонами и проявлениями общества, связан с личностно-мотивационным воплощением индивидом своих социальных, психологических и физиологических возможностей и способностей. От того, насколько успешно удается сформировать и закрепить в сознании принципы и навыки здорового образа жизни в молодом возрасте, зависит в последующем вся деятельность, препятствующая раскрытию потенциала личности.

Неотъемлемой составной частью системы воспитания у крымских татар являлось воспитание толерантности, носившее целенаправленный характер. Крымские татары приобщали детей к миру человеческих отношений, формировали у них такие качества, как терпимость, интернационализм, умение находить общий язык с людьми. В крымскотатарском этикете норма поведения называется «эдепнаме».

Народная педагогика крымских татар располагает различными средствами воспитания толерантности подрастающего поколения. Среди них первостепенное значение имеет устное народное творчество: «Воспитывать ребенка надо каждый день, каждый час и этот процесс беспрерывный и постоянный», – говорят крымские татары. Справедливо считалось необходимым воспитание с самых ранних лет, что отражается в крымскотатарской народной поговорке «Прут сгибай, пока сырой, детей воспитывай, пока молодой». Только в результате кропотливой и систематической работы можно выработать совокупность норм поведения человека – эдеп, что вполне можно принять как «моральные требования». А знание и соблюдение их, поддерживаемое личным убеждени-

ем, традицией, воспитанием, общественным мнением, называется «намус», что означает «нравственность».

В памятниках крымскотатарской народной педагогики говорится о том, что молодому поколению надо прививать такое положительное качество, как терпение (сабыр). Пословица «О сердце мое, не горячись, о язык мой, воздержись!» предостерегает молодого человека от того, чтобы в состоянии ярости не наговорить лишнего, не оскорбить человека, внушает, что невоздержанность на язык разрывает человеческие взаимоотношения, что словом человека можно ранить сильнее, чем оружием, о чем конкретнее говорят другие изречения – «Что ранено мечом, заживает, а что языком – не заживает», «Сказанное слово – что пущенная пуля» (8, с. 29, 40).

Воспитание терпимости (толерантности) в крымскотатарской народной педагогике неразрывно связано с воспитанием интернационализма. В устном народном творчестве крымских татар отразились дружеские симпатии к соседним народам: украинцам, русским, азербайджанцам и другим. Крымские татары внушали детям и молодежи, что нужно уважать культуру и обычаи других народов: «Если собираешься в чужую страну, то одевайся в одежду того народа, в чью страну думаешь ехать»). Народ понимал, что любовь к родному народу не может строиться на неуважении к другим народам.

Бесспорно, опыт крымскотатарской народной педагогики был бы весьма ценен для будущего в аспекте поисков гармонизации межнациональных отношений между поколениями в перманентном процессе воспитания и обучения, однако пока трудно определить, насколько готова к восприятию такого опыта украинская официальная педагогика.

Проблема толерантности – одна из самых острых в школе да и в обществе в целом. Прекрасно понимая, что мы все разные и что надо воспринимать другого человека таким, какой он есть, мы не всегда ведем себя корректно и адекватно. Важно быть терпимым по отношению друг к другу, что очень непросто. «Педагогика сотрудничества» и «толерантность» – те понятия, без которых невозможны какие-либо преобразования в современной школе. Школа способна стать для детей школой ненасилия, свободы, толерантности. Школа, осваивая социальную, природную, культурную среду, используя ее воспитательные возможности и «приспосабливая» ее к нуждам детства, призвана и может стать центром широкого воспитательного пространства.

Важное место в системе национального воспитания отводится этнопедагогическим средствам воспитания. Проведенное научно-педагогическое исследование позволило определить, что этнопедагогическими средствами воспитания крымскотатарских детей младшего школьного возраста являются объекты, предметы и явления материальной и духовной культуры крымскотатарского народа, используемые педагогами в учебно-воспитательном процессе начальной школы в качестве инструментария и призванные содействовать личностному росту учащихся.

В процессе научного исследования нами была определена система средств этнопедагогики крымскотатарского народа, в которую вошли знаковые символы (крымскотатарская символика), материальные средства (материализованные объекты духовной культуры и объекты природы родного края), коммуникативные средства (лингвистические и паралингвистические приемы), культурные ценности (фольклор, народные игры, религия, народное декоративно-прикладное искусство и национальные ремесла, традиции и обычаи, история крымскотатарского народа).

Формирование и развитие крымскотатарских детей должно происходить с учетом этнодидактических принципов, лежащих в основе всех национальных систем образования:

1) принципа соответствия содержания образования этнофилософским взглядам и временному менталитету;

2) принципа соответствия содержания образования, форм и методов обучения этнопсихологическим особенностям людей;

3) принципа соответствия форм и методов обучения этнопедагогическим традициям.

Поэтому в содержание образования необходимо изначально закладывать взаимосвязь различных культур.

Толерантность можно рассматривать как частный случай ценностного отношения человека к другому человеку наряду с такими феноменами, как гуманность, альтруизм. Данное качество проявляется во взаимосвязи с преодолением человеком собственных эгоцентристских установок и переживанием чувства собственной свободы. Наиболее благоприятным для воспитания толерантности является подростковый возраст.

Условием формирования толерантности у подростков является организация специально подготовленных встреч (встреча предполагает знакомство, беседу с кем-либо) школьников с представителями иных культур в привлекательной и ценной для ребенка среде. Это могут быть непосредственные встречи ребенка с представителями иных культур, организуемые во время туристско-краеведческих экспедиций. Это могут быть встречи, моделируемые в ролевых играх и организуемые уже в пределах школы – на классных часах или уроках гуманитарного цикла.

Условиями формирования толерантности являются также: проблематизация отношений школьников к представителям иных культур; организация специальных дискуссий, позволяющих им соотнести собственное отношение к иным культурам с взглядами и мнениями сверстников; организация рефлексии подростками этих отношений; оказание помощи ребенку в овладении им коммуникативными умениями.

Формирование толерантности у подростков обусловлено и особенностями позиции педагога, разделяющего идеи гуманистического воспитания, поддерживающего свободу ребенка в его ценностном самоопределении, проявляющего толерантность к подростковой субкультуре.

Воспитание толерантности невозможно в условиях авторитарного стиля общения «учитель – ученик». Поэтому учителю нужна помощь при освоении определенных демократических механизмов в организации учебного процесса и общения учеников друг с другом и с учителем. Именно в начальной школе важно научить ребенка, с одной стороны, принимать другого как значимого и ценного, а с другой стороны – критически относиться к своим собственным взглядам. Воспитание в национальной (крымскотатарской) школе должно быть направлено на «обучение и воспитание личности, не разделяющей мир на противоположные вещи и предметы, а объединяющей в себе в единое целое одновременно становясь целостной личностью, способной принять мир как единство в разнообразии, привнося в него культуру своего этноса как принадлежащую человечеству, социуму.

В период нравственного плюрализма ответственность за формирующуюся личность вынуждена брать на себя школа. Для выполнения этой миссии у школы сегодня не так уж и много путей. Один из них – возрождение традиций. Адет (обычай) как культурная и духовная ценность народа играет важную роль в образовании, воспитании и воспитательном влиянии на формирование сознания крымскотатарских детей, способствует пониманию процесса становления личности в обществе.

Особая роль в крымскотатарской школе на современном этапе отводится формированию демократического стиля отношений через гуманистический характер учебно-воспитательного процесса, сотрудничество учителя и учеников, через воспитание толерантности.

Таким образом, мы пришли к выводу, что здоровый образ жизни является предпосылкой для достижения гармонии природно-биологического, социального и духовного в развитии человека, развития разных сторон жизнедеятельности, в том числе в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений. Достижение гармонии – многоступенчатый и многогранный процесс, происходящий в условиях измеряемых и неизмеряемых явлений. Смысл воспитания – укрепление преемственности поколений для вековых гуманистических традиций народа, в конечном итоге – осознание принадлежности к своим корням.

Переход народа к здоровому образу жизни приведет и к другим положительным последствиям в жизни нашего и других народов: к снижению социальной напряженности в обществе, к ускорению процесса перехода Украины на устойчивый курс развития, к укреплению ее экономической и оборонной мощи, к расцвету науки, культуры, к снижению расходов на здравоохранение, уменьшению людских и материальных потерь вследствие снижения уровня катастроф социального и техногенного характера. Если большая часть людей на Земле будет вести здоровый и праведный образ жизни, то автоматически будут решены не только демографические, но и большая часть социально-педагогических проблем, в том числе и в формировании толерантной личности.

Толерантность находит свое выражение в двух основных сферах: на психологическом уровне – как внутренняя установка и отношение личности и коллек-

тива и на политическом уровне – как действие или осуществляемая через закон и традицию общественная норма. Толерантность приобретается через воспитание, информацию и личный жизненный опыт. Как действие толерантность – это активная позиция самоограничения и намеренного невмешательства, это добровольное согласие на взаимную терпимость разных и противостоящих в несогласии культу.

Фундаментом толерантности в самом широком понимании является индивидуальный уровень, так как эта индивидуальная добродетель содержит в себе все прочие аспекты бытия толерантности (цивилизационная, этническая, социальная формы). Для средней школы проблема воспитания толерантности чрезвычайно актуальна. На этом жизненном этапе начинает складываться взаимодействие между детьми, пришедшими из разных микросоциумов, с разным жизненным опытом и с несформированностью коммуникативной деятельности. Для достижения эффективности воспитательной работы необходимо свести эти противоречия в процессе взаимодействия к некой общей основе: ненасильственное, уважительное отношение, гармонизация отношений, воспитание толерантности способствует развитию сотрудничества.

Народная педагогика заключает в себе большой потенциал терпимости и тем самым является естественным союзником толерантности. Народная педагогика может способствовать развитию чувств и установок на терпимость и ненасилие.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Изуткин Д. А. Формирование здорового образа жизни. – Советское здравоохранение. – 1984. – № 11. – С. 8–11.
2. Шухатович В. Р. Здоровый образ жизни // Энциклопедия социологии. – Мн. : Книжный Дом, 2003.
3. Угнивенко В. И. Здоровый образ жизни : здоровье души и тела.
4. Мартыненко А. В., Валентик Ю. В., Полесский В. А. и др. Формирование здорового образа жизни молодежи. – М. : Медицина, 1988.
5. Corbin C. B., Lindsey R. Concepts of physical fitness with Laboratories. – WCB Brown&Benchmark publishers, 8th edition, 1994. ISBN 0–697–12611–0
6. Хайруддинов М. А. Этнопедагогика крымскотатарского народа. – К. : Наук. світ, 2002. – 335 с.

ОБЩЕСТВЕННО-РЕЛИГИОЗНАЯ АКТИВИЗАЦИЯ ИСЛАМСКИХ ГРУПП В ФРГ НА ПРИМЕРЕ ЛОКАЛЬНОГО КОНФЛИКТА ВОКРУГ СТРОИТЕЛЬСТВА ЦЕНТРАЛЬНОЙ МЕЧЕТИ МУСУЛЬМАН В КЕЛЬНЕ-ЭРЕНФЕЛЬД (2004–2009 гг.)

Якуб Королевски,
доктор философии в области истории (Ph. D.),
Высшая школа гуманитарных наук и журналистики,
факультет международных отношений (Познань, Польша)

Аннотация. Статья посвящена исследованию проблем связанных с построением в Кельне соборной мечети и перспективам интеграции мусульманского населения Германии в европейскую культурную среду.
Ключевые слова: Кельн, мечеть, мусульмане, интеграция.

Анотація. Стаття присвячена дослідженню проблем пов'язаних з побудовою в Кельне соборної мечеті і перспективам інтеграції мусульманського населення Німеччини у європейське культурне середовище.
Ключові слова: Кельн, мечеть, мусульмани, інтеграція.

Abstract. The article deals with the problems associated with the construction of the mosque in Cologne, and the prospects for integration of the Muslim population of Germany into the European cultural environment.
Keywords: Cologne, mosque, Muslims, integration.

В своей послевоенной истории страны Евросоюза по разным причинам принимали мусульманские группы мигрантов, которые энергично строили свое место в структуре обществ европейской цивилизации, проходя долгий и стремительный путь на общественной лестнице. Мусульмане разных национальностей и по происхождению из разных стран только в послевоенный период стали заметной группой на национальной карте Германии.

Быстрый экономический рост послевоенной экономики ФРГ и резкая нехватка рабочих рук направили федеральное правительство на решение этой проблемы путем привлечения иностранцев. Уже в 1955 г. было подписано первое соглашение из ряда двусторонних (в то время это был договор с Италией). Рубеж 50-х и 60-х гг. XX в. стал периодом подписания аналогичных соглашений со странами Европы, Азии и Африки.

По мнению немецких федеральных властей, срок пребывания так называемых гостевых рабочих (Gastarbeiter) должен быть временным, а все прибывшие теоретически в перспективе должны были вернуться на свою родину. Кста-

ти, в середине 60-х гг. XX в. никто даже не думал, что гастарбайтеры и их семьи вскоре станут неотъемлемой частью населения Германии, которая до сих пор пытается определить их место в немецком обществе.

Конфликт вокруг строительства соборной мечети в Кельне, в районе Эренфельд, практически с самого начала вышел за рамки локального кризиса между немецко-христианскими жителями региона и его иностранно-мусульманской частью [1]. Ситуацию вокруг строительства мечети можно назвать развивающимся конфликтом на религиозно-общественной почве, который вышел далеко за пределы локального кризиса. Позже этот вопрос уверенно станет осью дискуссии между мусульманами в Германии и остальными представителями немецкого общества.

За весь период существования мусульманского меньшинства в Германии оно не имело своего религиозно-культурного центра на европейском уровне. До этого времени все мечети имели характер молитвенных домов для довольно небольших общин. Тогда мусульмане города Кельна и всего региона проводили религиозные службы в небольшом помещении здания бывшего завода. Летом там было очень жарко, а зимой холодно. Многие прихожане были вынуждены молиться прямо на улице.

В сложившейся ситуации местное представительство «Дитиба» (Ditib) стало добиваться выделения площади для нового культового помещения. Это вполне могло бы обеспечить нужды местной региональной мусульманской общины.

В начале XXI в. лидеры исламских общин ФРГ активизировались. В результате было принято решение о построении соборной мечети в городе Кельне. Анализируя эту ситуацию можно четко выделить субъекты, которые участвовали в организации бурной дискуссии. Она была связана с проблемой мега-религиозного культового места: власти Кельна, депутаты местного совета и архитекторы запланированной к строительству мечети; «Дитиб» и немецкие мусульмане; «ПроКельн», «Про НРВ» (ProKöln Bewegung/Pro NRW): гражданское движение города Кельна; представитель еврейской общины в Германии Ральф Джиордано; немецкие и зарубежные ученые-исламоведы.

Во время развернувшейся дискуссии остро высказывались совершенно противоположные мнения, связанные с самим фактом постройки мегахрама. Важнее всего то, что на повестку дня были поставлены очень серьезные вопросы. Прежде всего они касались факторов государственной политики, которые помогают решать вопросы интеграции многонационального общества. У каждой из сторон конфликта сформировалось собственное мнение на то, что понимать под термином «гражданская интеграция» и на каком этапе она находится в настоящее время.

Ко времени дискуссии мусульмане в Германии являлись частью общества уже более сорока лет. Как уже отмечалось, они появились в ФРГ на основе двусторонних договоров о найме рабочей силы, первоначально предусматривавших только временное пребывание. Но уже к середине 70-х гг. XX в. оказалось,

что временная миграция для иностранных рабочих стала фактором их постоянного жительства в новом государстве. Первые годы пребывания на чужбине мусульмане в основном занимались заботой о социальном обеспечении и заработком средств к существованию. Если в 1975 г. на территории Германии действовали три мечети, то в 2008 г. их было около 2600.

Надо особо отметить, что, кроме вопросов связанных с религиозными, общественными, культурными и интеграционными реалиями при реализации такого крупного проекта, появляются проблемы выделения репрезентативной земельной площади, ее влияния на планирование ландшафта вокруг мечети [3]. В этом случае практически всегда нужно получить согласие местного населения и окружающих учреждений. При реализации такого проекта необходимо все решения принимать строго по федеральным законам. Поэтому в таких проектах нет места для незаконных и спонтанных действий.

По разным данным, почти вся мусульманская диаспора в Германии постоянно заботится о местах религиозного культа. И уже с конца 70-х гг. XX в. мечети являлись центрами общественной жизни мусульман ФРГ и местами традиционных встреч. Кроме того, они выполняли воспитательную функцию, что помогало им сохранять национальные традиции и идентичность [4]. В последнее время в связи с модернизацией общества молодое поколение гораздо лучше интегрируется, но их воспитательная роль сохраняется. В то же время ряд немецких политических движений выдвинуло лозунг «Сначала интеграция, мечети потом» [2].

С самого начала решение о строительстве мечети и попытки реализации проекта последователей ислама вызвали много комментариев, дискуссий и бурных споров как в ФРГ, так и за рубежом. Несмотря на разные точки зрения участников конфликта, можно подчеркнуть позитивную сторону диалога. Это показывает реальное положение мусульманской части немецкого общества и ее будущее в рамках ФРГ и единой Европы [5].

Открытое противодействие одного из представителей иудейской общины в Германии Ральфа Джиордано, как ни парадоксально, стало одним из голосов не только евреев, но и всех противников проекта «Дитиба» [6]. Однако можно сказать, что противники строительства мечети не проводили организованных акций. Такая ситуация свидетельствует о том, что у разных групп, которые противодействовали декларированной исламизации, аргументы были связаны с защитой их партикулярных интересов. Они были и среди жителей города Кельна, и среди других групп противников постройки мечети в центре города [7].

Противники постройки мегасооружения открыто говорят, что новое культовое здание станет демонстрацией силы для всей мусульманской общины перед остальной частью населения немецкого государства. Но для бургомистра города Кельна Фритза Шрамма (ЦДУ) согласие на постройку мечети в будущем дало бы голоса местных избирателей исламского вероисповедования. Он открыто сказал, что наступающая исламизация Европы, по мнению противников

таких проектов, – это только «ветер в парусах». Более того, именно он постоянно поддерживает позицию мусульман как влиятельной общественно-политической силы региона.

В августе 2008 г. местной совет города Кельна принял позитивное для всей мусульманской общины решение, в котором дал официальное разрешение на постройку соборной мечети в Эренфельде, районе Кельна. И хотя еще в 2006 г. половина жителей Кельна выступали против постройки грандиозного исламского религиозного символа, уже в конце 2008 г. эти настроения изменились в пользу мусульманской общины [8].

Благодаря сложившейся ситуации Гражданское правое движение «ПроКельн» на последних выборах вошло в местной совет. Оно планирует свои дальнейшие действия в избирательной борьбе вплоть до уровня ландтага.

Официальным поводом, который тормозил принятие окончательного решения местных властей, были проблемы о равенстве гендерных приоритетов. Представители муниципалитета в основном сомневались, достаточное ли количество мест предусмотрено для женщин и будет ли служба переведена на немецкий язык. Известно, что большинство искренне верующих мусульман в Германии слабо владеет немецким языком [9].

В одном из интервью председатель «Дитиба» Сади Арслан сказал, что в результате строительства мечети не произойдет тюркизации местного населения, а новая мечеть не превратится в чисто исламский центр. Дело в том, что это был один из важнейших аргументов противников мегахрама.

Интересно, что ФРГ считается страной, которая руководствуется самыми высокими стандартами в области обеспечении прав человека. Тем не менее во время дискуссии вокруг мечети в Кельне появилась угроза их попрания.

После принятия решения о согласии стройки исламского храма министр интеграции Северной Вестфалии Армин Лашет заявил: «Представительский дом Божий для мусульман Кельна является знаком разнообразия нашей страны и подтверждением свободы вероисповедования, записанной в конституции ФРГ».

Самое важное, что представители «Дитиба» официально заявили, что новая мечеть построена не только для мусульман, но и для всех жителей Кельна. Показательно, что в такой же стране, как Германия, где уже 40 лет живет 3,5 миллиона мусульман, кроме небольших помещений, у них нет ни одного репрезентационного центра. Благодаря этому довольно большая группа немецких мусульман получит реальную возможность для встреч и более достойного исповедования своей веры [10].

Решительность и упорство деятелей «Дитиба», а также многих других исламских организаций повлияла на мнение политических деятелей при реализации всего проекта. И это несмотря на разные затруднения со стороны городской администрации и противодействие антимусульманских организаций.

Представитель еврейской общины в Германии Ральф Джиордано выступал с самого начала с очень резкой критикой проекта «Дитиба». Как ни странно, это

не совпадало с его биографией. Он был известен как лауреат многочисленных премий, некогда переживший холокост. Оказалось, что он как очень влиятельный общественный деятель и писатель по-другому относится к согражданам иного вероисповедования. Для Р. Джиордано постройка мусульманской мегамечети в центре Европы стало символом негативной исламизации и попранием главных принципов жизни европейцев. В своих выступлениях он пытался доказать, что исламская цивилизация в Европе совершенно противоположна иудеохристианскому образу жизни и что такие проекты в своей основе направлены против всего цивилизованного общества. Мо его мнению, именно такие постройки, как запланированная в Кельне-Эренфельде, являются открытым вызовом для иудеохристианской цивилизации [11]. По поводу высказываний приверженцев проекта о том, что создание такого центра будет позитивно влиять на процесс интеграции, он сказал, что за этим последует дальнейшее развитие исламского экстремизма. Для него были неприемлемыми аргументы о том, что подобные позитивные решения властей в пользу граждан-мусульман станут фактором, который ускорит интеграцию и улучшит межнациональные отношения в самой Германии. Он упорно придерживался своего мнения, несмотря на многочисленные телефонные угрозы экстремистов, причем не только мусульманского происхождения. По его словам, он уже привык к такой реакции разных группировок, и заявил, что в последнее время шокирован сложившейся ситуацией. Угрозы, переданные еврейскому писателю, особенно по телефону, официально вышли изнутри кругов исламских экстремистов. За последние несколько лет Ральф Джиордано получил более 1300 угроз по телефону, факсу и в письмах [6].

Дальнейшее продолжение строительства мечети в Кельне-Эренфельде является одним из самых крупных успехов мусульманских общин и особенно «Дитиба». В этой конкретной ситуации можно сказать, что начинается новый этап в истории мусульман в Германии, их более активного существования в рамках немецкого общества. Остается только вопрос: как новая большая мечеть, которая без сомнения станет религиозно-культурным центром, в долгосрочной перспективе будет влиять на процессы интеграции? Станет ли это культовое сооружение очередным этапом в деятельности мусульманских организаций, своеобразным началом завершения гражданской адаптации немецких мусульман? Откроет ли им путь к более интенсивному участию в политической жизни страны? Или, наоборот, разбудит и укрепит позиции исламских экстремистов и даст им сигнал к более агрессивным действиям [12]?

Точного ответа на заданный вопрос нет, но нужно помнить, что для молодого поколения турок и мусульман других национальностей ФРГ является родиной, в которой они хотят жить и работать. Содействие местных властей в Германии таким проектам только окажет содействие и активную помощь в повышении уровня доверия между разными группами населения, позволит лучше понять друг друга. Самое важное, что после реализации проекта в Кельне-Эренфельде и других подобных проектов во всей Германии четко и навсегда из-

менится не только строительный ландшафт страны, а прежде всего религиозно-общественный [13]. Если ряду исламских организаций удастся завершить свои строительные планы, то в десяти-двадцатилетней перспективе можно будет говорить о первых крупных изменениях в сфере европейской культуры Западной Европы за последние несколько сот лет.

Во время дискуссии появлялись обвинения немецких мусульман в том, что за все время пребывания в ФРГ они не интегрировались и являются чуждым элементом. Но практически все, как со стороны мусульманских общин, так и других участников конфликта, забыли истинные истоки сложившейся ситуации и напряженной обстановки. Решение основополагающих вопросов, которые тормозят процессы интеграции в современной ситуации, облегчит процесс многостороннего диалога и даст импульс к дальнейшей плодотворной дискуссии.

Нужно еще указать, что мусульмане в Германии это прежде всего верующие тюркского течения мусульманской религии. Часто звучат обвинения в адрес турецкой диаспоры в Германии в том, что она тесно связана с властями в Анкаре, а значит, их деятельность может противоречить немецким интересам. На самом деле нет ничего странного в том, что многие организации мусульман в ФРГ имеют тесные контакты с правительством Турции. В то же время многие из представителей мусульманского меньшинства даже не имеют немецкого гражданства [14].

Социально-религиозные проблемы при реализации проекта «Дитиба» в Кельне-Эренфельде – это вершина айсберга требований. Их необходимо разрешать в целях достижения более важных стратегических целей европейской политики. Необходимо также упомянуть, что сам факт постройки большой мусульманской мечети в центре Европы не беспокоит его противников, а вызывают недовольство только ее форма и репрезентативный характер [15].

Решение о возможности построения главной мечети в Кельне-Эренфельде было официально принято в августе 2008 г. Время покажет, какие реальные результаты принесет мусульманам ФРГ реализация этого общественно-религиозного проекта. При этом обязательно нужно учесть, что почти во всех крупных городах Германии уже есть проекты строительства мечетей. И наконец-то надо задать вопрос: станет ли новая мечеть центром интеграции мусульман и других жителей Кельна? Или это может привести к дальнейшему расколу теперь уже многонационального немецкого общества?

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Umstrittene Moschee wird gebaut. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.focus.de/panorama/welt/koeln-umstrittene-moschee-wird-gebaut-_aid_328573.html.

2. Die Burger wollen keine grosse Moschee in Koeln. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.pro-koeln-online.de/artikel/trouw.htm.

3. Stoldt T.-R., Religion. Köln und die grosse Moschee im Schatten des Doms. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.welt.de/politik/article2373238/Koeln-und-die-grosse-Moschee-im-Schatten-des-Doms.html, 30. August 2008.

4. Nowak P., Streit um die Moschee in Koeln. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.heise.de/tp/r4/artikel/25/25519/1.html.

5. DITIB Bauherr der Moschee in Koeln Ehrenfeld: Kein Verzicht auf Muezzin – verbindliche Zusage gebrochen. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://europe-news.dk/de/node/1609.

6. Mega-Moschee in Koeln wird gebaut – Ralf Giordano entsetzt. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.duesseldorf-blog.de/2008/08/30/mega-moschee-in-koeln-wird-gebaut-ralph-giordano-entsetzt/.

7. Reimann, A. Moscheekritik. Morddrohungen gegen Ralph Giordano. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.spiegel.de/politik/deutschland/0,1518,484937,00.html.

8. Akburtina Z. Moschee zu Koeln. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.migrapolis.de/migration/radioo/moscheezukoeln/.

9. Eine Moschee fuer Koeln – Der Wettbewerb fuer den Neubau der DITIB-Zentralmoschee in Koeln-Ehrenfeld. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.arcintern.de/arcguide/live/arcintern/verbandsnews/show.php3?id=273&nocontainer=1&ps_alayout=l_2.inc.

10. Nitschmann J. Moschee wird gebaut. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.sueddeutsche.de/politik/230/308178/text/.

11. Simon A.-C., Grossmoschee in Koeln: «Integrationsfeindliche Kriegserklärung». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://diepresse.com/home/panorama/oesterreich/325467/print.do

12. Mehr Moslems-Mehr Moschee. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.cafebabel.com/pol/article/22343/mehr-moslems-mehr-moscheen.html.

13. Поздравнюк К. Проблема мусульманского лоббирования в странах западной Европы, Россия и мусульманский мир. – М., 2009. – № 3(201). – С. 151–166.

14. Schoppengerd J. Moscheebauten in Deutschland – eine neue Herausforderung für Kommunen? Dortmunder Beiträge für Raumplannung 128, Raum und Migration. Differenz anerkennen – Vielfalt plannen – Potenziale nutzen, (Hg.), Fischer-Krapohl I., Waltz V. – Dortmund, 2006.

15. Akbulut D. Türkische Moslems in Deutschland. Ein religiossoziologischer Beitrag zur Integrationsdebatte. – Albeck bei Ulm, 2003. – S. 20–25.

МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В СИНГАПУРЕ НА ФОНЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ

Сергей Стефанович Шевелев,
доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой новой и новейшей истории
Таврического национального университета им. В. И. Вернадського.

Кристина Александрова Недашковская,
магистр исторического факультета
Таврического национального университета им. В. И. Вернадського

Аннотация. В статье анализируется эффективность государственной политики Сингапура в области интеграции многочисленных этносов, населяющих город, направленной на урегулирование межконфессиональных и межэтнических конфликтов, сохранение национальной культуры народов и достижение толерантности.
Ключевые слова: этнос, религия, межэтнические отношения, интеграция, Сингапур.

Анотація: В статті аналізується ефективність державної політики Сінгапура в галузы інтеграції численних етносів, що населяють місто, направленої на врегулювання міжконфесійних і міжетнічних конфліктів, збереження національної культури народів і досягнення толерантності.
Ключові слова: етнос, релігія, міжетнічні відносини, інтеграція, Сінгапур.

Abstract. The article analyzes the effectiveness of public policy of Singapore in the field of integration of the numerous ethnic groups living in the city, aimed at resolving the interconfessional and inter-ethnic conflict, the preservation of national culture of the people and achieving tolerance.
Keywords: Inter-ethnic relations, integration, Singapore.

Сингапур – самое успешное и молодое государство Юго-Восточной Азии, расположенное на нескольких островах, примыкающих к южной оконечности Малаккского полуострова. Республика с весьма небольшими размерами (площадь 647,5 квадратных километра) отличается пестротой этнического населения. В многонациональном государстве проживают представители более 20 этнических групп. Наиболее многочисленными из них являются китайцы – 77% (2,4 млн), малайцы – 14% (444,9 тыс.) и индийцы – 7,6% (239,7 тыс.) [3, с. 36].

Город-государство поражает необыкновенным воплощением различных культур и религий, прекрасным их сочетаниям, абсолютно не мешающих друг другу. В небо Сингапура устремлены шпили готических кафедральных соборов, минареты мечетей, купола индийских храмов с необыкновенными статуями богов и многоярусные крыши китайских пагод. Основными конфессиями здесь являются ислам (14,9% населения), даосизм (8,5%), буддизм (42,5%), христиан-

ство (14,6%), индуизм (4%) [24]. Ни одна из религий не представлена как государственная, ее степень влияния зависит от размера этнической группы.

Однако всегда ли Сингапур являлся мечтой, расположенной в двух шагах от экватора, где царит межэтническая гармония и взаимопонимание? Конечно же, нет. Как показывает история, изначально все было по-другому. Государство прошло долгий тернистый путь, прежде чем достигло таких результатов. В данной работе мы ставим своей задачей проанализировать межэтническую ситуацию в Сингапуре от времени прихода к власти партии Народного действия (ПНД) в 1959 г. до сегодняшних дней.

Партия народного действия впервые победила на выборах в мае 1959 г., получив 281 891 голос, т. е. 53,4%. 3 июня 1959 г. Сингапур был официально провозглашен «самоуправляющимся государством под опекой Англии». Главой государства стал малаец Инче Юсоф бин Исхак, премьер-министром – этнический китаец Ли Куан Ю.

Придя к власти, правительство столкнулось с рядом проблем. Сингапур не представлял собой сильного государства, общество состояло из ряда этнических групп, постоянно противоречащих друг другу, не было единого языка, армии. Этнические конфликты часто сопровождались кровопролитием [16, с. 217]. Численность населения немного превышала 1 млн человек, 75,4% которого составляли китайцы, 13,6% – малайцы и 8,6% – индийцы. На юге государство граничило с Индонезией, население которой насчитывало более 100 млн человек (сегодня – вдвое больше), а на севере – с Малаей (позднее – Малайзией) с населением 6,28 млн человек [10, с. 6]. Будучи самой маленькой страной в Юго-Восточной Азии, казалось, Сингапур просто должен стать государством, зависевшим от более мощных соседей. Никто не предполагал, что, войдя в состав Федерации Малайзии, вскоре Сингапур обретет полную независимость и выйдет на передовые рубежи своего экономического и социального развития. О создании сингапурской нации, уровень жизни которой станет одним из самых лучших в мире, не могло быть и речи.

4 августа 1961 г. состоялась встреча между Ли Куан Ю и Абдул Рахманом, в результате чего было достигнуто соглашение, которое предусматривало получение Сингапуром независимости через объединение с Малайской Федерацией в составе Малайзии [5, с. 776]. Было решено, что внешняя политика, оборона и безопасность будут в ведении правительства Малайзии, а Сингапур сохранит автономию в вопросах образования и труда.

Однако перспектива включения государства в состав Малайзии удовлетворяла не всех и решалась в условиях ожесточенной внутриполитической борьбы как в самом Сингапуре, так и на других территориях, которые должны были войти в состав федерации.

Обострилась внутрипартийная борьба в ПНД между умеренным и левым крылом. Если лидер партии Ли Куан Ю поддерживал план создания Малайзии и надеялся через объединение с федерацией получить полную независимость

и ускорить решение внутренних экономических проблем, то левое крыло во главе с Лим Цин Сяном придерживалось другой точки зрения, выражая недовольство политикой Ли Куан Ю и склонялось к левоэкстремистскому курсу [4, с. 18]. Борьба между умеренным и левым крылом привела к расколу Партии народного действия. В августе на базе левой фракции была образована новая партия – «Социалистический фронт» (СФ).

В сентябре 1961 г. Сингапур вновь участвовал в переговорах, на которых Ли Куан Ю и Абдул Рахман договорились об объединении Сингапура с Малайской Федерацией к июню 1963 г. [13, с. 38]. 16 ноября 1961 г. был опубликован доклад рабочей группы об условиях объединения Сингапура с Малайей. В нем уточнялись вопросы гражданства и представительства Сингапура в парламенте Малайзии. Предусматривалось сохранение сингапурского гражданства с получением федерального подданства. Сингапур должен был получить 15 мест в нижней палате парламента Малайзии и два места в сенате. Решения по экономическим вопросам не были достигнуты [13, с. 39].

В результате раскола ПНД Ли Куан Ю, располагая парламентским большинством всего в один голос, предложил провести референдум по условиям вступления в Федерацию Малайзия. Референдум состоялся 1 сентября 1962 г. и принес победу Партии народного действия. Этому способствовало то, что в вариантах выбора не предусматривалось отрицательного мнения. Но тем не менее 144 тыс. (25%) избирателей под воздействием «Социалистического фронта» продемонстрировали свое отрицательное отношение к референдуму, опустив незаполненные бюллетени [6, с. 24–25].

5 июля 1963 г. Малайской Федерации и Сингапуру удалось заключить соглашение об экономических и финансовых условиях вхождения Сингапура в состав федерации. Сингапурское правительство было обязано отчислять в федеральный бюджет 40% своих доходов и предоставить заем 150 млн мал. долл. Сараваку и Сабаху. Положение об общем рынке предусматривало беспрепятственное введение особых налогов на производителей территорий с низкими торговыми пошлинами в целях недопущения неравенства в издержках производства [12, с. 25].

В результате длительных переговоров 8 июля 1963 г. в Лондоне было подписано соглашение о провозглашении 31 августа 1963 г. федерации [7, с. 132]. 16 сентября 1963 г. Абдул Рахман объявил о создании Федерации Малайзия [11, с. 51].

Правительство возлагало большие надежды на это воссоединение. Однако с каждым днем становилось все более очевидно, что никакое государство, кроме самого Сингапура, не способно обеспечить его определенными гарантиями и защитой. В 1965 г. наблюдался интенсивный процесс обострения малайско-сингапурских противоречий. Причины непонимания и недовольства сторон колебались начиная с экономических и политических противоречий и заканчивая национальными особенностями.

Основными нерешенными вопросами экономики являлись географическое размещение промышленности, проблема общего рынка, распределение доходов Сингапура. Сингапурское правительство обвиняло центральное руководство в дискриминационных мерах по отношению к строительству в Сингапуре новых предприятий, так как зачастую предприятия строились на территории Малайи, а не в Сингапуре. Это вызвало безработицу, острую социальную напряженность. Ли Куан Ю и его правительство проявляло большое недовольство затягиванием создания общего малайзийского рынка, поскольку сингапурские предприниматели были заинтересованы в общем рынке. Буржуазия Малайи и Северного Калимантана, наоборот, боялась, что в случае отмены пошлин на ввоз товаров из одной части Малайзии в другую она не сможет соперничать с экономически более сильной сингапурской буржуазией [15, с. 229]. В результате этого к лету 1965 г. общий рынок так и не был создан.

Острой являлась проблема распределения доходов Сингапура. Несмотря на то что изначально подразумевалось о поступлении в Сингапур 60% доходов, а центральному правительству – 40%, руководство Малайзии пыталось пересмотреть условия соглашения и получить не 40%, а 60% доходов Сингапура. Впоследствии малайско-сингапурские экономические противоречия коснулись и Северного Калимантана. Сингапур отказывался внести свою часть займа на развитие Саравака и Сабаха, поскольку в Восточной Малайзии не использовались сингапурские рабочие, как это было предусмотрено соглашением о займе.

В связи с малайским национализмом обострилась внутриполитическая обстановка. Малайская верхушка видела в сингапурской элите своих потенциальных соперников и была недовольна дискриминационной политикой правящей Союзной партии Малайи. Центральное правительство путем ущемления Сингапура стремилось поднять промышленный рост в самой Малайи, вводя для Сингапура таможенные барьеры [17, с. 41–42].

Правящие круги пытались навязать друг другу свою волю, противоречия усугублялись главным образом между китайской и малайской общинами. Руководство Объединенной малайской национальной организацией (ОМНО) изначально ориентировалось на укреплении в Сингапуре своих позиций в целях превращения его в положение других федеральных штатов, в которых малайцы пользовались преимуществом. Однако в Сингапуре преимущественно с китайским населением это невозможно, несмотря на то что организация пыталась сотрудничать с Китайской ассоциацией Малайзии (КАМ) и Индийским конгрессом Малайи (ИКМ) [7, с. 135].

К политическим противоречиям присоединилась национальная проблема. Партия народного действия, опиравшаяся на мелкобуржуазные слои и профсоюзы Сингапура, выдвинувшая программу «демократического социализма» и «малайзийской Малайзии», стала естественным соперником консервативной Союзной партии, которая выражала интересы крупной буржуазии, бюрократии и

помещиков, и не была заинтересова в изменении существующей политической ситуации в стране [15, с. 230].

На выборах в Законодательный совет, которые состоялись 21 сентября 1963 г., Союзная партия Сингапура, образованная путем объединения Сингапурского народного союза и местных отделений ОМНО и КАМ, потерпела поражение. Та же участь ожидала ПНД, стремившуюся распространить свое влияние в Малайе, выставив своих представителей на выборах в парламент федерации в апреле 1964 г. ПНД удалось провести в парламент одного кандидата, в то время как Альянс ОМНО, КАМ и ИКМ получили 89 из 104 депутатских мест.

Отстаивание националистических интересов правящих партий Малайи и Сингапура привело к враждебному отношению между малайцами и китайцами. Под влиянием правонационалистической пропаганды, настаивавшей на предоставлении малайцам в Сингапуре особых прав и преимуществ по образцу существовавших в Малайе, в июле 1964 г. на острове произошли кровавые малайско-китайские столкновения, в ходе которых было убито 22 человека, около 400 ранено и 1000 арестовано [5, с. 766]. Подобные события повторились в сентябре, после чего в Сингапуре было введено осадное положение. Союзная партия обвинила в этих событиях Партию народного действия [15, с. 230].

В ноябре 1964 г. премьер-министр Сингапура выдвинул программу, предусматривающую усиление движения «демократического социализма» и объединявшую его приверженцев во всей Малайзии. Он объявил о намерении создания единой малайзийской нации, в которой все граждане пользовались бы равными правами и привилегиями. В мае 1965 г. ПНД добилась сплочения пяти оппозиционных партий федерации в объединение малайзийской солидарности – Альянс, задачей которого стало превращение федерации в «Демократическую малайзийскую Малайзию» [4, с. 28]. Реакция со стороны деятелей ОМНО была очевидной, они требовали ареста Ли Куан Ю и его соратников, рассматривая его идеи как противопоставление идее «малайской Малайзии».

В результате ухудшения сингапуро-малайских отношений 7 августа 1965 г. руководители обеих сторон подписали соглашение о выходе Сингапура из Федерации Малайзия. 9 августа 1965 г. было провозглашено о создании нового суверенного государства – Республики Сингапур [6, с. 27].

Получение независимости не решало проблемы города-государства, правительству необходимо было создать четко слаженную структуру управления, совершить переориентацию в экономике, так как изначально план хозяйственного развития 1961–1965 гг. создавался с учетом нахождения Сингапура в составе Федерации Малайзия. Премьер-министр Сингапура Ли Куан Ю, которого в будущем назовут одним из отцов «сингапурского чуда», поставил главной своей задачей приложить максимум усилий, чтобы государство как можно скорее утвердило свои позиции на мировой арене. Он считал, что только Сингапур должен стать базовым «центром» Запада в «третьем мире», быть привлекательным для высококвалифицированных специалистов из передовых стран [1, с. 69].

Актуальной оставалась проблема межэтнических отношений. Сингапур всегда был этнически богатым и контрастно разнообразным по составу населения. В 1964 г. численность населения составляла около 1,8 млн человек, к 1970 г. – 2,1 млн человек, к 1976 г. – 2,3 млн человек.

Самым многочисленным являлось китайское население, в 1964 г. оно достигло 1,4 млн человек, в 1970 г. – 1,6 млн человек, в 1973 г. – 1,7 млн человек. Китайцы в свою очередь также не являлись этнически однородной группой и распадались на землячества по месту происхождения и языку (диалекту). В большинстве случаев это касалось выходцев из южных провинций Китая: фуцзяньцы, гуандунцы, хайнаньцы, фучжоусцы, гуансийцы, хакка. Из других провинций число переселенцев было незначительным. Браки преимущественно заключали в своих земледельческих общинах. Распространение диалектов приводило к тому, что очень часто люди не могли понять друг друга. Наиболее распространенными являлись следующие говоры китайского языка: южнофуцзяньский (миньнанский), кэцзя (хакка) и гуандунский [14, с. 45–46]. Некоторые китайцы владели английским, совсем немногие знали малайский.

Вторую по величине этническую группу составляют малайцы (примерно 15% населения государства). В 1970 г. их насчитывалось свыше 311 тыс. человек, в 1973 г. – более 370 тыс. человек. К этой группе населения относятся малайцы, живущие в Сингапуре в течение нескольких поколений, прибывшие из Малаккского полуострова и выходцы из Индонезии: яванцы, буги, банджары, минангкабау, ачехцы, сунданцы, которые составляют примерно одну пятую малайского населения [18, с. 134]. Малайское население говорит на диалектах малайского языка, принадлежащего к малайско-полинезийской семье языков, использует романизированный алфавит «руми» или форму арабского шрифта «джафи», образованные малайцы используют две системы. Английским языком малайцы владеют слабо.

Индийцы образуют третью по численности этническую группу Сингапура. В 1973 г. их численность составляла 155 тыс. человек, т. е. 6,8% от общей численности населения. Индийцы переселились из Северной и Южной Индии. Наиболее многочисленными группами, переселившимися из Южной Индии, являются тамилы, составляющие три пятых индийского населения, и малаяли – 14%. Группы каннара, телугу и других дравидоязычных народов насчитывают по нескольку тысяч человек. Из Северной Индии на территорию Сингапура переселилось около 30 тыс. человек, т. е. 17% от общего количества индийского населения Сингапура: пенджабцы (7%), гуджаратцы, синдхи, маратхи, бенгальцы и другие [14, с. 45–46]. Индийцы практически не ассимилируют с другими этническими группами, поскольку образуют замкнутую общину с особой религией и культурными традициями.

В 1973 г. в Сингапуре проживало около 40 тыс. европейцев. Это были англичане, американцы и другие. В религиозном отношении преобладали протестанты.

Евразийцы, группа смешанного европейско-азиатского происхождения, составляла около 20–25 тыс. человек. В религиозном отношении они являлись христианами (протестантами и католиками). На территории острова проживали также арабы (около 3–4 тыс. человек), исповедующие ислам суннитского происхождения; афганцы (1 тыс. человек) исповедовали ислам суннитского направления ханифитского мазхаба, 1 тыс. христиан являлись приверженцами иудаизма, 100 армян – христиан монофиситского направления [18, с. 136–137].

Этническое многообразие усложняется религиозными перегородками внутри каждой общины. В Сингапуре представлено множество религий, каноны которых во многом противоположно отличаются друг от друга. Буддизм в 1973 г. исповедовало около 40% жителей республики, главным образом китайское население. Выходцы из Шри-Ланки, некоторые индейцы и малайцы исповедовали буддизм тхеравады.

Конфуцианства придерживалось около 0,5 млн китайцев, однако многие китайцы-буддисты в быту также придерживались канонов конфуцианства. Практически в каждом китайском доме имеется алтарь, вокруг которого совершаются обряды, связанные с семейными праздниками.

Приверженцами ислама являлись около 370 тыс. человек, т. е. 16% населения Сингапура. Преобладал ислам суннитского направления шафиитского мазхаба, который исповедовали часть малайцев и арабов из южных районов Аравийского полуострова. Сторонниками школы ханифитского суннизма были выходцы среди пакистанцев и индийских мусульман. Ислам шиитского направления представляла группа исмаилитов – сторонников Ага-хана. Группа оманцев придерживалась секты ибадитов хариджитского направления. Действовала также мусульманская секта ахмадийе.

Индуизм представляли выходцы из Южной Индии (по переписи 1973 г., 110 тыс. человек). В основном они были шиваитами, за редким исключением являлись приверженцами вишнуизма.

Сикхизм исповедовали выходцы из Пенджаба, около 2–3 тыс. человек.

Христианства придерживалось около 140 тыс. человек: часть китайцев, англичан, индейцев. В основном христиане-китайцы являются сторонниками римско-католической церкви, англичане – англиканской, индийцы – методистской. Восточное христианство представлено монофиситством (армяно-григориане), православием, униатством [18, с. 138–139].

При таком этническом и конфессиональном разнообразии трудно было сохранять мир и спокойствие, поэтому в новом независимом государстве необходимо было создать благоприятные условия для развития социально-экономической жизни Сингапура с учетом национальной специфика каждого представленного этноса. В будущем Ли Куан Ю в своих мемуарах напишет: «Болезненный опыт межрасовых столкновений сделал меня и моих коллег убежденными сторонниками построения многонационального общества, в котором всем гражданам, независимо от расы, языка или религии, были бы гарантированы равные права» [10, с. 9].

Началась сложная и упорная работа по созданию сплоченного полиэтнического и поликультурного сообщества. Необходимо было уменьшить экономическое неравенство различных этнических групп, тем самым заблокировать развитие межэтнических конфликтов, сформировать «особый характер сингапурцев», воспитать патриотизм. При принятии Конституции 22 декабря 1965 г. правительство попыталось учесть все эти жизненно необходимые требования и предоставило всем жителям Сингапура независимо от этнической принадлежности равные права и возможности [22, с. 61]. Однако очевидным являлось то, что с принятием одного документа проблемы не исчезали и жизнь простого гражданина Сингапура не становилась лучше, поэтому руководство страны приступило к решению сложных социально-экономических вопросов: поиску партнеров, реконструкции экономики, сбалансированию культуры. Была принята идеология «национального выживания» за счет стремления к экономическому совершенству [8, с. 7].

В 1965 г. Англия начала говорить о сворачивании военного присутствия в Юго-Восточной Азии. Для Сингапура это была шокирующая новость, так как в этот период своего развития он не был способен сам себя защитить. Английские войска, расквартированные на территории государства, давали определенные гарантии и защиту в случае нападения на Сингапур со стороны более сильных государств, подавляли межэтнические распри, которые были частым явлением в 1950–1970 гг. В связи с этим требовалось предпринять серьезнейшие меры в создании маленькой, но мобильной армии, способной защитить свое государство. Началось активное открытие спортивных школ, центров военно-патриотического воспитания, проводились разнообразные общественные мероприятия, многие члены ПНД участвовали в военных сборах, отдавали сыновей в армию. Идеалом для Ли Куан Ю была армия Израиля, он хотел привлечь к службе даже женщин, однако его коллеги отказались. Правительство стремилось способствовать не просто созданию армии, а воспитанию патриотизма, изменению отношений людей к вооруженным силам. Ли Куан Ю говорил: «Мы хотели, чтобы люди ценили наших солдат как своих защитников, а не смотрели, как в былые времена, на армейские и полицейские мундиры с опаской и негодованием как на символы колониального угнетения» [10, с. 24].

Армейская реформа преследовала не только функции защитника и воспитанника патриотизма, но и являлась одним из основных компонентов процесса создания единого народа. Ощущалась острая необходимость в формировании из этнического колорита жителей Сингапура сингапурской нации. Сингапурцам полагалось быть способными ассоциировать себя с государством, считая его не просто местом проживания, а своим домом, который необходимо защищать. Ли Куан Ю понимал, что мало воспитать солдат, готовых защищать государство, им нужно было иметь, что защищать.

С этой целью правительство принимает ряд мер, направленных на обеспечение населения собственным жильем. Было основано Управление жилищного

и городского развития, которое взаимодействовало с Центральным фондом социального обеспечения (ЦФСО). ЦФСО был ответственен за проведение различных программ и мероприятий, направленных на наделение каждой семьи собственным домом или квартирой, выкупленным в собственность. В ЦФСО ежегодно возрастали отчисления заработной платы, с 1965 по 1984 г. они увеличились с 5% до 25%. Ли Куан Ю заботился о том, чтобы социальное обеспечение ныне живущих людей не перешло на плечи будущих поколений [16, с. 218].

Одной из преград создания единой государственной системы образования единого народа являлся языковой барьер. Ли Куан Ю понимал, что стране будет выгодно, если государственным будет английский язык. Это могло бы облегчить ведение международной торговли, способствовать активизации внешнеполитических связей. Однако такое действие могло повлечь за собой недовольство многих жителей Сингапура и еще более усугубить межрасовые противоречия. Было принято решение сохранить четыре государственных языка: малайский, китайский, английский, тамильский [2, с. 225].

Обучение в школах велось на национальных языках с обязательным изучением английского. Детям от смешанных браков разрешалось выбирать второй язык. Вузы были переведены на преподавание на английском языке, поскольку он являлся инструментом модернизации государства. Родные языки способствовали сохранению традиционной культуры [19, с. 17].

Родители – малайцы и индусы приветствовали этот шаг, но с каждым годом все чаще отдавали детей в английские школы. Наиболее закоренелая часть тех, кто получил образование на китайском языке, была недовольна, многие китайские родители были приверженцами своего языка и культуры. Они не могли понять, почему в период британского правления их дети могли получить образование исключительно на китайском языке, а под властью избранного ими правительства они должны были учить еще и английский язык. Несмотря на это, чтобы улучшить перспективы получения их детьми хорошей работы, многие родители посылали своих детей в английские школы.

Общество столкнулось с рядом трудностей, связанных с наличием диалектов в китайском языке. Ученикам было тяжело усваивать английский и китайский языки в школах, когда дома они разговаривали на диалектах. Необходимо было убедить китайское население разговаривать на литературном китайском языке. В связи с этим премьер-министр начал проводить активную агитационную политику, ежегодно организовывая месячник под девизом «Говори на китайском литературном языке» (Speak Mandarin). В результате число разговаривающих на литературном китайском языке выросло с 26% в 1980 г. до более чем 60% в 1990 г. и продолжает расти. При этом число семей, в которых говорят на английском языке, выросло с 20% в 1988 г. до 40% в 1998-м [10, с. 116]. Использование английского языка в качестве рабочего языка предотвратило конфликты, возникавшие между людьми различных национальностей. Это также повысило конкурентоспособность Сингапура, по-

скольку английский язык является международным языком бизнеса, дипломатии, науки и технологии.

Важным шагом являлось решение экономических вопросов, поскольку именно от наличия рабочих мест, возможности технологической индустриализации зависит благосостояние обычного гражданина Сингапура. Правительство приступило к новому поиску решения государственных проблем. В условиях отсутствия собственной сырьевой базы было решено сделать акцент на то, что государство обладает трудовыми ресурсами и выгодным географическим положением. Частный капитал, а особенно иностранный, продолжал играть основную роль. Началась реконструкция экономики, главным образом развивались наукоемкие производственные отрасли, ориентировавшиеся на экспорт [9, с. 31].

Через некоторое время руководители страны осознали необходимость привлечения транснациональных корпораций (ТНК), в частности американских, так как они способствовали внедрению новых технологий и созданию рабочих мест. Премьер-министр не колебался в принятии решений, хотя многие экономисты считали ТНК эксплуататорами дешевой рабочей силы, земли и сырья, т. е. фактически продолжением колониальной политики. Ли Куан Ю говорил: «Природных ресурсов, которые ТНК могли эксплуатировать, в Сингапуре не было. Все, что у нас было, – трудолюбивые люди, хорошая базовая инфраструктура и правительство, которое решило быть честным и компетентным. Нашим долгом было обеспечить два миллиона жителей средствами к существованию, и если ТНК могли обеспечить нашим рабочим занятость и научить их техническим, инженерным и управленческим навыкам, значит, нам следовало иметь дело с ТНК» [10, с. 59]. В результате предпринятых мер к 1968 г. среднегодовые темпы экономического роста увеличились с 6,5 до 14% и с каждым годом продолжали расти.

В ведении внешнеполитического курса Сингапур придерживался «позитивного нейтралитета» и устанавливал отношения с различными странами мира. В 1965 г. государство вступило в ООН, в августе 1967 г. явилось одним из основателей Ассоциации Юго-Восточной Азии (АСЕАН), стало членом многих других международных организаций.

Для привлечения инвестиций еще в 1961 г. было образовано Управление экономического развития (УЭР). За короткий период Ли Куан Ю вместе со своим советником Альбертом Винсемиусом сумел создать четко слаженную структуру, значительно облегчающую деятельность инвесторов. Однако они не сразу обратили внимание на Сингапур, чиновники УЭР были вынуждены работать изо всех сил, чтобы мир узнал о существовании такого государства. Часто разговор начинался с объяснения и показа на глобусе месторасположения острова. Служащим иногда приходилось посетить более 40 компаний, пока им удавалось заключить контракт, они чувствовали ответственность за судьбу Сингапура [12, с. 25]. В конце 1980-х гг. в стране действовало более 200 американских компаний, инвестировавших свыше 19 млрд сингапурских долларов.

После выборов 1968 г. установилась система «доминантной партии». Оппозиция (СФ, Рабочая партия, Демократическая партия и др.) не смогла противостоять ПНД. Ли Куан Ю не предпочитал громкие лозунги и призывы, его политика основывалась на реальных действиях и долгосрочных проектах. ПНД фактически превратилась в синоним государства. Была установлена строгая централизация, авторитарная система власти, опиравшаяся на сильную и жестокую исполнительную власть.

Ли Куан Ю стремительно продвигался к своей цели. За Сингапуром закрепилась репутация «нового индустриального государства», страна стала крупнейшим производителем электронной техники, экспортером промышленной продукции, центром по переработке и торговле нефтепродуктами.

Сингапур превратился в третий финансовый центр мира после Нью-Йорка и Лондона. Ли Куан Ю со своей командой строил финансовую систему на условиях жесткого контроля. Когда западные финансисты говорили о либеральном подходе, он их слушал, но придерживался иного подхода, поэтому финансовая система была стабильной и надежной. Первоначально в Сингапур привлекались кредиторы зарубежных банков для кредитования региона, затем происходила торговля иностранными валютами и ценными бумагами. В результате была успешно организована работа рынка стандартных контрактов и инвестиционно-банковская деятельность.

Большое значение премьер-министр при строительстве государства уделял подготовке молодых кадров. Он верил в их талант, честность и интеллект, пусть даже при полном отсутствии опыта. Лучших выпускников отправляли в университеты Великобритании, Канады, Австралии, Японии, США. Ли Куан Ю считал, что именно благодаря их упорству, таланту и трудолюбию появились такие компании, как «Нептун ориент лайнз», «Сингапур Эйрлайнз», «Порт оф Сингапур» и другие. При продвижении по карьерной лестнице было не важно, кто ты по национальности и какой имеешь статус [5, с. 774].

Огромное значение в сингапурском обществе играл религиозный вопрос. При управлении государством было необходимо принять во внимания религиозные различия и умело их использовать для усиления единства нации, поэтому не удивительно, что ни одна из религий не представлена в качестве государственной, поскольку это могло бы повлечь за собой межконфессиональные разногласия с тяжелейшими последствиями. Согласно Конституции Сингапура, гарантируется свобода вероисповедания. Каждая религиозная группа имеет право управлять собственными религиозными делами; образовывать и содержать учреждения в религиозных или благотворительных целях, приобретать и иметь собственность в соответствии с законом. В 1979 г. было решено ввести курс религиозного знания в школах. Студенты могли выбрать для изучения различные религиозные курсы («Знание Библии», «Буддистские исследования», «Индусские исследования», «Исламское знание», «Мировые религии», «Конфуцианская этика и сикхские исследования»). Однако новая система оказалась

неуспешной и усиливала религиозные различия, поэтому в 1989 г. религиозные курсы знания были изъяты из учебных планов [24].

Политика, направленная на сохранение единства нации с уважительным отношением к каждому народу, прослеживалась ежедневно. Например, в национальной армейской ценности приоритет отдавался обеспечению равных условий для новичков. Исключалась дискриминация на основе этнической принадлежности, соблюдались религиозные правила буддистов, индусов, мусульман, сикхов, христиан. При приготовлении пищи учитывались религиозные ограничения каждой конфессиональной группы.

Другой инициативой правительства в осуществлении интеграции между этническими группами являлась программа общественного жилищного строительства, по которой каждая этническая группа получала долю в районе жилой застройки и в блоке общественного жилищного строительства. Доли распределялись пропорционально проценту от этнической группы от общей численности населения Сингапура. Преднамеренное смешивание различных этносов было направлено на снижение социальной стратификации в обществе и достижения этнической и социальной гармонии [21, с. 298–300]. Этому процессу способствовало участие жителей в различных организациях (комитеты жителей, комитеты управления, организации по защите и др.). Благодаря многонациональному составу их деятельность способствовала не только решению социальных вопросов, но и гармоничным межэтническим отношениям.

В целях укрепления государственной системы, сохранения национального единства были созданы политические символы, введена государственная атрибутика (герб, флаг, гимн и др.), которые учитывали историческое развитие города-государства на фоне современных социально-экономических изменений. Малайцам был предоставлен статус коренного населения, в дань уважения истории именно на малайском языке написан гимн Сингапура «Majulah Singapura». Герб и флаг отражают тенденции развития государственной идеологии государства: красный цвет символизирует всеобщее братство и равенство людей, белый – чистоту и добродетель; полумесяц моделирует молодую растущую нацию, а пять звезд – идеалы Сингапура: демократию, мир, прогресс, справедливость, равенство. Девиз государства «Вперед, Сингапур» показывает огромный потенциал и постоянный труд маленькой страны. Важным шагом в образовании единого поликультурного общества является ежегодное празднование Дня независимости (9 августа) и Дня национальной гармонии (21 июля, в память о межэтнических волнениях 1964 и 1969 гг.), проведение кампаний вежливости и чистоты, создание Национального театра и Национального музея [3, с. 38].

В конце 1980-х гг. Сингапур осуществил огромный рывок вперед. Улучшился уровень жизни, стабилизировалась экономическая ситуация, прекратились межконфессиональные столкновения, наступило время для смены идеологии «национального выживания», которая была основана на привлечении иностранных

инвестиций за счет низких налогов, развитии эффективной инфраструктуры, строгом политическом контроле. Население стало более эмансипированным и толерантным, политика и экономика перестали играть ключевую роль.

В 1990 г. 25-летие своей независимости город-государство праздновало под лозунгом «Один народ, одна нация, один Сингапур». На основе равенства всех этнических групп, представленных в Сингапуре, в государстве фактически утвердилась концепция «меритократического общества», где на руководящие посты продвигаются талантливые люди независимо от их социального статуса и этноконфессиональной принадлежности [5, с. 774]. В составе кабинета министров, в парламенте, в судебной системе имеются представители всех этнических групп. Укрепило свои гражданские позиции многоэтническое поколение фабрично-заводских рабочих и средний класс. Огромной заслугой в этом достижении является вклад расчетливого, прагматичного и талантливого премьер-министра Ли Куан Ю, политика которого базировалась на сохранении этнокультурной гетерогенности в отношении сингапурского общества путем утверждения альтернативного проекта сближения различных этнических групп на базе английского языка и надэтнической городской культуры.

Совершив свою миссию, 28 ноября 1990 г. Ли Куан Ю в возрасте 67 лет добровольно ушел в отставку, но до мая 2011 г. продолжал активно участвовать в политической жизни государства, занимая совещательную должность старшего министра канцелярии, а затем министра-наставника.

После отставки Ли Куан Ю премьер-министром стал его заместитель Го Чок Тон. Он придерживался взглядов своих предшественников, направил политическую деятельность на дальнейший экономический рост, сохранение политической стабильности и укрепление политической идентичности. Большое внимание правительство уделяло сохранению духовных ценностей азиатского общества, повышению социально-экономического уровня развития индийской и малайской групп населения, так как они были еще недостаточно включены в экономическую жизнь государства в силу религиозного и морально-психологического характера [3, с. 38].

4 января 1991 г. парламент Сингапура принял государственную идеологию «Коллективные ценности», которая базировалась на азиатской системе ценностей и была направлена на усиление иерархических основ общества. Сингапурская нация занимала высшую ступень общества, семья являлась главной ячейкой. Поддерживалось уважительное отношение к каждому человеку независимо от этнической принадлежности и положения в обществе, приоритет интересов общества ставился над интересами личности [20, с. 30–31]. Политика была направлена на поддержание расовой и религиозной гармонии.

3 декабря 1992 г. Го Чок Тон был избран генеральным секретарем ПНД, постепенно начали изменяться методы управления, авторитаризм уступил место либеральному подходу. Ослабла цензура, разрешилась легкая сатира на политиков, начали обсуждаться проблемы гражданского общества, деятель-

ность правительства, печатались колонки о свободе слова. За открытость и внимание к окружающим сингапурцы прозвали Го Чок Тона «народным премьером».

В начале XXI в. была разработана новая модель сингапурской идентичности «Сингапур 21», программа которой направлена на воспитание активных граждан, утверждение в их сознании чувства принадлежности к государству, эмоциональной лояльности и привязанности к Сингапуру. «Сингапурцами меня и вас делает коллективная память о нашем прошлом и принадлежность нашему общему будущему, – отметил премьер-министр Го Чок Тон. – Эта эмоциональная связь и есть сингапурское самосознание. Такая связь необходима, чтобы сингапурское общество мигрантов превратилось в сообщество, которое не отменяет реально существующие этнические общности и консолидируется общей судьбой» [3, с. 41]. Для этого, как отмечают сингапурские лидеры, потребуются усилия многих поколений, сохранение социальной и политической стабильности.

С 2004 г. и до настоящего времени премьер-министром Сингапура является сын Ли Куан Ю – Ли Сянь Лун, политика которого направлена на сохранение достигнутых социально-экономических преобразований, установление внешних связей, привлечение из Запада и Востока самых лучших и талантливых кадров. В одном из интервью для региональных СМИ он сказал: «Мы должны приветствовать желание остаться в нашей стране у тех, кто в настоящее время работает на территории Сингапура. Именно те, кто помогает нам достичь поставленных задач в области экономики, достойны стать нашими новыми гражданами. Только так мы сможем воплотить в жизнь наш лозунг «Сингапур для сингапурцев». Глава правительства также призвал граждан Сингапура, работающих за рубежом, к скорейшему возвращению на родину, а семейным парам посоветовал заводить как можно больше детей, чтобы предотвратить угрозу демографического кризиса в государстве [23].

Таким образом, мы можем сделать вывод, что целенаправленная государственная политика создала благоприятные условия для образования «сингапурского Сингапура». При равенстве всех этнических групп и суверенности их языков происходит объединение отдельных общин, которые способны сохранить свой язык, культуру, самосознание и самоназвание. Культурный плюрализм способствует формированию общесингапурской самоидентификации за счет сохранения этнокультурного колорита в рамках всего общества. Однако нельзя не отметить, что процесс самоидентификации у этнических групп неодинаков. Наиболее низок он у малайцев, так как они стремятся сохранить духовную и культурную связь с малайским миром, во многом процесс интеграции с другими общинами предотвращают каноны ислама. Огромное значение на формирование сингапурской идентичности оказывает глобализация, которая может как способствовать политическому и культурному развитию при сохранении гражданской идентичности государства, так и вести к разрушению устоев национального государства.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Антонов В. И. Ли Куан Ю – отец «сингапурского чуда»/ В. И. Антонов// Вестник Московского университета. Сер. 12, Политические науки. – 2009. – № 2. – С. 62–76.

2. Вся Азия: Географический справочник/ [Авт.-сост.: Б. А. Алексеев, Н. Н. Алексеева, А. И. Даньшин, И. с. Зонн и др.]. – М. : ООО «Издательство АСТ», 2003.

3. Гуревич Э. М. Интеграция по-сингапурски/ Э. М. Гуревич // Азия и Африка сегодня. – 2002. – № 9. – С. 36–41.

4. Гуревич Э. М., Чуфрин Г. И., Внешняя политика Сингапура/ Г. И., Чуфрин, Э. М. Гуревич: АНСССР, Ин-т. Востоковедения. – М. : Наука, 1989.

5. История Востока: В 6 т./ гл. редкол.: Рыбаков (пред.) и др.; Ин-т востоковедения РАН. – Вост. лит., 1995. – Т. 6: Восток в новейший период (1945–2000 гг.)/ отв. ред. В. Я. Белокреницкий, В. В. Наумкин. – 2008.

6. Калашников Н. И. Сингапур: проблемы города-государства/ Н. И. Калашников. – М. : Знание, 1981.

7. Колосков Б. Т. Малайзия вчера и сегодня: Опыт проблемного исследования истории развивающихся стран/ Б. Т. Колосков. – М. : Мысль, 1984.

8. Косырев Д. Человека создавшего Сингапур теперь называют королем азиатских философов: [политический портрет бывшего премьер-министра Сингапура Ли Куан Ю] // Российская газета. – 1993. – 18 мая. – С. 7.

9. Курзанов В. Н. Сингапур в экономике Юго-Восточной Азии/ В. Н. Курзанов. – М. : Наука, 1985.

10. Ли Куан Ю. Сингапурская история: 1965–2000 гг. Из третьего мира в первый/ Ли Куан Ю; пер. с англ. – Изд.2, стереотип. – М. : МГИМО (У), 2010.

11. Лю Юн-ань. Современный Сингапур: справ. изд. / Ю. Лю: АНСССР, Ин-т востоковедения. – М. : Наука, 1976.

12. Пахомова Л. Ф. Модели процветания (Сингапур, Малайзия, Таиланд, Индонезия) / Л. Ф. Пахомова – М. : Ин-т востоковедения РАН, 2007.

13. Руднев В. С. Малайзия и Сингапур после Второй мировой войны и политики США и Англии/ В. С. Руднев. – М. : Наука, 1981.

14. Труфанов И. П. Сингапур/ И. П. Труфанов. – М. : Наука, 1967.

15. Тюрин В. А. История Малайзии: Краткий очерк/ В. А. Тюрин. – М. : Наука, 1980.

16. Чистяков А. В. Теория и практика конфуцианского государства/ А. В. Чистяков // Свободная мысль. – 2010. – № 8. – С. 216–219.

17. Чуфрин Г. И. Сингапур/ Г. И. Чуфрин. – М. : Наука, 1970.

18. Шпажников Г. А. Религии стран Юго-Восточной Азии: справ. изд. / Г. А. Шпажников. – М. : Наука, 1980.

19. Eng L. A. Ethnic Relations in Singapore/ L. A. Eng// Report on IPS Research Forum. – 2002. – 24 October. – P. 1–28.

20. Ortmann S. Singapore: The Politics of Inventing National Identity/ S. Ortmann // Journal of Current Southeast Asian Affair. – 2003. – № 4. – P. 23–46.

21. Sin L. L., Yu S.M., Hun S.S. Public housing and ethnic integration in Singapore/ L. L. Sin, S. M. Yu, S. S. Hun // Habitat International. – 2003. – № 27. – P. 293–307.

22. Tan K. Y. International law, history and policy: Singapore in the early years / K. Y. Tan. – Singapore : Center for International law Nation University, 2011.

23. Сингапуру угрожает демографический кризис // РИА Новости. Рубрика «Общество: жизнь» 23 августа 2006 г. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: news.mail.ru/society/1143224/

24. Nechaeva E. Interethnic harmony and governmental policy in the city-state of Singapore// Urban Governance: Innovation, Insecurity and the Power of Religion. – 18–23 March 2009. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.irmgard-coninx-stiftung.de/index.php?id=129.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ И ТРАНСФОРМАЦИЯ НАЦИОНАЛИЗМА В ЭПОХУ МЕЙДЗИ

Сергей Стефанович Шевелев,
доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой новой и новейшей истории
Таврического национального университета им. В. И. Вернадського

Татьяна Викторовна Брель,
магистр исторического факультета
Таврического национального университета им. В. И. Вернадського

Аннотация: Статья посвящена анализу деятельности правительства Японии в эпоху Мейдзи по консолидации японской нации и формированию традиционной японской культуры, основанной на религиозных и националистических идеях.
Ключевые слова: национализм, традиционная культура, революция Мейдзи, государство.

Анотація: Стаття присвячена аналізу діяльності уряду Японії в епоху Мейдзі по консолідації японської нації і формуванню традиційної японської культури, заснованої на релігійних і націоналістичних ідеях.
Ключові слова: націоналізм, традиційна культура, революція Мейдзі, держава.

Abstract. This article analyzes the activities of the government of Japan in the Meiji era aimed at consolidation of the Japanese nation and forming the traditional Japanese culture based on religious and nationalist ideas.
Keywords: Nationalism, traditional culture, the Meiji Revolution, Japan.

Японский национализм – явление сложное и не может рассматриваться и оцениваться вне зависимости от конкретных исторических обстоятельств. Формы его проявления и политическая направленность меняются в соответствии со спецификой времени, идеологическая же направленность остается неизменной. Это провозглашение японской «национальной исключительности», утверждение об особой миссии японской нации в мире. Основанием для подобных утверждений объявляются то «священность» Японии, связанная с «божественностью» происхождения ее монархии и народа, то уникальные качества характера и традиционной морали, то несравненная духовность и утонченность японской национальной культуры.

Японский национализм зародился в пору становления буржуазной нации и по мере ее развития претерпевал некоторые изменения. Дважды в истории он выступал как национализм нации угнетенной, обладающий некоторыми общедемократическими чертами: в 60-х – начале 70-х гг. XIX в., когда Япония стояла перед реальной угрозой потери национальной независимости,

и сразу после Второй мировой войны, в условиях американской оккупации [8, с. 118]. Целью данной статьи является рассмотрение условий возникновения и дальнейшей трансформации национализма эпохи Мэйдзи, а также попытка кратко осветить влияние этой тенденции на развитии культуры данного периода.

Мэйдзи (япон. «просвещенное правление») – официальное название периода правления в Японии императора Муцухито (с 23 октября 1868 по 30 июля 1912 г.), пришедшего к власти в результате незавершенной буржуазной революции 1867–1868 гг. [2, с. 481].

Произошедший в Японии политический переворот, в результате которого была ликвидирована власть сегунов из дома Токугава и восстановлена власть императора, в японской литературе называется «Мэйдзи исин», что связано прежде всего с реставрацией императорской власти. Но в японоведении для названия этого события и последовавших за ним перемен в японском обществе используются также термины «революция Мэйдзи», или «незавершенная буржуазно-демократическая революция Мэйдзи» (в советской науке), или «политический переворот Мэйдзи» [1, с. 136].

Мэйдзи исин (япон. «реставрация Мэйдзи») в широком смысле – политические события и социально-экономические преобразования в Японии во второй половине XIX в., в результате которых была ликвидирована феодальная система и образовалось централизованное капиталистическое государство; в узком значении – незавершенная буржуазная революция в Японии 1867–1868 гг. [2, с. 481].

С падением сегуната была разрушена вся традиционная военно-государственная система, началась модернизация государственного строя Японии. Ее основные направления изложены в императорской «Клятвенной хартии пяти общественных принципов» от 14 марта 1868 г. (обнародована 6 апреля), определявшей главные направления внутренней и внешней политики Японии:

- создание широкого собрания и решение государственных дел соответственно общему мнению;
- единство заботы об общенациональных интересах со стороны как правителей, так и управляемых;
- свобода развивать свою деятельность всем военным и гражданским лицам;
- упразднение отживших обычаев и упрочение правосудия;
- обращение лицом ко всему цивилизованному миру «для заимствования знаний» [14, с. 162].

Эпоха Мэйдзи – время бурных социально-политических преобразований, время перехода феодальной Японии в капиталистическое государство. Это было время первого основательного знакомства японцев, пребывавших в течение предшествующих двух веков практически в полной изоляции от внешнего мира, с достижениями западной культуры [23, с. 24].

Понятие «Запад» для Японии этой эпохи требует уточнения. Запад предстал прежде всего в образе Англии, Америки, Франции и отчасти России. Эти

государства были теми силами, с которыми столкнулась Япония, и именно они могли представлять для нее наибольшую угрозу.

Англия после «опиумной» войны 1839–1842 гг. в Китае стремилась распространить свое влияние и на Японию. С Францией Япония столкнулась, когда Наполеон III пытался укрепиться здесь путем соглашения с Эдоским лагерем. За Америкой закрепилась репутация «открывшей Японию», имеется в виду военная экспедиция Терри 1853 г. Попытки России проникнуть в Японию были связаны с деятельностью Русско-американской компании. Европеизация для Японии означала приближение к тому положению, которое существовало именно в этих странах [11, с. 386–387].

Русский исследователь Г. Востоков, посетивший Японию в XIX в., отмечает быструю восприимчивость японцев ко всему новому, передовому, их трудолюбие и настойчивость. «При появлении в 1850-х гг. американо-европейских эскадр, – пишет исследователь, – они (японцы) должны были признать свое бессилие; чувство национальной гордости, глубоко уязвленное сознанием превосходства европейцев, однако не смерилось, и со свойственными им настойчивостью и стремительностью японцы задались целью овладеть этим превосходством, которое в их представлениях сводится к техническому прогрессу и военным усовершенствованиям, и не только овладеть, но и превзойти» [26, с. 360].

Таким образом, «европеизация» проводилась правительством в целях предотвращения опасности для Японии превратиться в полуколонию западных стран, как это ранее случилось с Китаем и некоторыми другими азиатскими странами [11, с. 387].

Вопросы европеизации стали очень злободневными в общественной жизни Японии сразу же после революции 1868 г. [7, с. 203]. Лозунг «европеизация» утвердился в конце 70-х – начале 80-х гг. Тогда же, в 80-х гг., возникла и его противоположность – лозунг «Возвращение к национализму» [11, с. 384–386].

Отношение к этой сложной проблеме с самого начала не было однозначно среди деятелей различной политической ориентации [7, с. 203]. Годы смуты ознаменовались ожесточенной борьбой сторонников европеизации и ее противниками [11, с. 386].

Крайние реакционеры, приверженцы феодального режима, были решительными и последовательными противниками вестернизации. Либеральная буржуазно-помещичья оппозиция, находившаяся под сильным влиянием идей французских просветителей XVIII в., буржуазного английского парламентаризма и в какой-то мере русских народников, на первых порах выступала активным сторонником перестройки жизни японского общества по западному образцу, но затем пересмотрела свои позиции. Правительственные бюрократические круги считали, что европеизация должна была иметь лишь утилитарное значение: ускорить промышленное развитие страны, модернизировать ее армию и флот, чтобы усилить обороноспособность Японии и обеспечить ее колониальные захваты [7, с. 203].

Добиваясь отмены неравноправных договоров, японское правительство пыталось создать у иностранцев впечатление активного принятия всего западного, вводя сверху в стране европейские обычаи и порядки, т. е. придерживалось курса поверхностной вестернизации [3, с. 87].

В категориях политической идеологии того времени провозглашенный курс нашел выражение в формуле «вакон-есай», первый компонент которой означает «японский дух», или «дух Ямато», а второй – «западная наука и техника». Эта формула утверждала приоритет «японского духа» над «машинной» западной цивилизацией. «Японский дух» – понятие очень широкое. Правящие круги вкладывали в него значение мировоззренческих аспектов, чаще всего религиозного характера, основанных на мифологии, а также социальные представления.

Общественные законы исторического развития, однако, внесли серьезные коррективы в начатый правительством процесс преобразований. Наука и техника, созданные на Западе в эпоху его капиталистического развития, не могли быть эффективно освоены местными кадрами с феодальными представлениями. Требовалось усвоение культуры, породившей машинную цивилизацию, которая стала проникать в Японию. Так началось утверждение здесь западных духовных ценностей, ставших теснить традиционные формы [20, с. 8].

Развитие процесса европеизации Японии – это развитие в первую очередь так называемого просветительного движения [11, с. 386]. Основными задачами этого движения были борьба со старым порядком и пропаганда нового строя. Наиболее легким способом для этого было ознакомление японцев с Западом, с существующими там порядками [10, с. 258].

Важную роль в распространении просвещения в Японии конца XIX в. сыграли общественные деятели, популяризаторы западной буржуазной культуры. В первые послереволюционные годы выдвинулась плеяда выдающихся просветителей-публицистов: Фукудзава Юкити (1835–1901), Мори Аринори (1847–1889), Ниси Аманэ (1826–1894), Нисимура Сигэки (1828–1902), Като Хироюки (1835–1916) и др. [16, с. 131].

Основным орудием, которым пользовалось просветительное движение, была популяционная литература, в доступной форме рассказывающая о Западе. Развитие именно такой литературы, с одной стороны, общеобразовательной, так как она рассказывала о достижениях европейской науки, с другой стороны – политической, поскольку она агитировала за определенный режим, и составляет содержание эпохи, особенно в первые десятилетия нового режима [11, с. 388].

Важнейшая роль в распространении западных идей отводилась также системе образования, поскольку именно она могла обеспечить практически полный охват всего населения Японии, гарантируемый всеобщим обязательным образованием и массовой подготовкой учителей.

Развитие капитализма потребовало повышения образовательного уровня населения, так как перед реставрацией образование могли получить только

люди из высшего сословия. Предметы образования ограничивались китайской и японской литературой, большое внимание уделялось нравственности. После реставрации новое правительство упразднило старую систему образования и ввело новую, по образцу западноевропейской системы [22, с. 210].

В школьные программы было внесено все, что было известно японцам о Западе в тот период. Традиционные моральные принципы же временно отошли на второй план. Проведение реформы образования стало предметом острых дискуссий различных политических сил. Результатом этой борьбы стало доминирование точки зрения, согласно которой необходимо сочетать сильные стороны современной системы образования ведущих мировых государств с традиционными духовными ценностями Японии.

В июне 1871 г. в Японии было создано Министерство образования. Первой его реформой было принятие в августе 1872 г. Основного закона об образовании, главные цели которого четко представлены в Осейдасачешо (сопровождающей этот закон прокламации):

- образование должно обеспечивать успешное продвижение человека по социальной лестнице;
- функция школ состоит в том, чтобы прививать патриотические чувства у каждого человека;
- все японцы должны обучиться практическим наукам, что принесет пользу обществу и поможет построить современное государство [24, с. 54].

Однако быстрое распространение западной культуры в Японии привело к большому влиянию западных либеральных идей в школе. Чтобы устранить нежелательные влияния, правительство приняло ряд мер: в 1881 г. были изданы специальные правила поведения для преподавателей начальных школ, им было запрещено заниматься политикой, а в 1882 г. в программы начальных школ сверх других дисциплин ввели «сюсин» – курс морального воспитания и этики [19, с. 511–512].

Главной задачей «морального воспитания» было противостояние «разрушительному» идеологическому влиянию Запада посредством формирования у подрастающего поколения чувства верноподданности и «национальной исключительности». Основы системы «морального воспитания» сформировались в рамках буддийской и конфуцианской традиции, рассматривающей внутренний мир и характер человека как объект его собственной преобразующей деятельности [17, с. 92]. Опорой «морального воспитания» нации служили также все основные концепции бусидо. Образ самурая при этом, утратив свое конкретно-историческое содержание, превратился в стереотип национального героя [9, с. 163].

Система «морального воспитания» была мерой защиты национальной самобытности. Эта система использовалась прежде всего как инструмент идеологического воздействия и сыграла решающую роль в формировании психологии национализма и обосновании политического милитаризма [18, с. 69].

Из вышесказанного можно сделать вывод, что школа была подчинена целям воспитания молодежи в духе национализма и монархизма. Как правильно заметила В. Т. Нанивская, «система «морального воспитания» представляет собой хорошо налаженное «поточное производство» стандартного японца с полным набором черт «национального характера», главными из которых являются социальная комфортность, чувство национальной исключительности и чувство «общественного долга» [18, с. 69].

Следующей мерой, которой правительство противопоставило европейским либеральным течениям, стало издание «Императорского рескрипта о народном воспитании» («Кеику текуго») в октябре 1890 г. [19, с. 512].

В манифесте были выражены идеи «уникальности» отношений императора и подданных и таким образом усиливалась пропаганда культа императора. В противоположность демократическим принципам и либеральным идеям в качестве основы формирования личности японца было выдвинуто сочетание конфуцианских и синтоистских идеалов, провозглашающих долг подданных императору в «верноподданности» и «сыновнем послушании и почтительности», стремление к добродетели и гармонии отношений на всех социальных уровнях [12, с. 207].

В рескрипте император определяет основные обязанности своих подчиненных: «...будьте прилежны в своих знаниях и следуйте своему призванию; развивайте ваши умственные способности и воспитывайте в себе нравственные качества; содействуйте общественному благу и служите интересам общества; всегда оказывайте строгое повиновение Конституции и всем законам Нашей Империи; развивайте свой патриотизм и свое мужество...» [26, с. 7].

Император также настаивал на возвращение к традициям: «Такое поведение с вашей стороны... дает возможность проявиться обычаям и нравам, завещанных всем вашим предкам» [26, с. 7].

Идеологическую основу системы образования и воспитания молодого поколения японцев представляла доктрина «кокутай», концентрировавшая «уникальную национальную сущность» Японии [19, с. 512]. В своей попытке убедить граждан в том, что император представлял собой уникальное благословение, властители Мэйдзи опирались на богатую традицию.

Если в школьных учебниках 70-х гг. не было еще и намека на националистические настроения, то в 80-е гг. они приобрели ярко выраженный характер. Так, в книге для чтения в начальной школе, изданной Министерством просвещения в 1873 г., ничего не говорилось об императоре как потомке богов. Из богов синтоистского пантеона на первый план выдвигались небесные боги, в частности Амацуками, а не Аматэрасу, относившаяся к разряду земных богов и по традиции считающаяся прародительницей императорского дома.

Осознав, что создать духовную основу для сильной Японии на основе только западных образцов крайне тяжело. Бывший яростный сторонник вестернизации Мори Аринори, находясь на посту министра просвещения, начинает проводить

курс на возрождение националистических идей, выраженных в концепции «духа Ямато», провозглашавшей уникальность государственного устройства Японии во главе с императором – потомком богов. С 80-х гг. эти идеи широко пропагандировались в школьных учениках [15, с. 70].

После издания императорского эдикта были подняты идеи превосходства японской нации и экспансионистские устремления, проводилась идеологическая подготовка к агрессивным войнам [21, с. 392]. Рескрипт был объявлен основой системы народного образования и социального порядка в стране. На основе этого манифеста осуществлялось воспитание народа в духе милитаризма и национализма [12, с. 207].

Таким образом формируется комплекс, называемый «националистическое сознание» и состоящий из неизменной идеи исключительности и осознания каждым индивидом личной причастности к целям нации и государства [12, с. 90].

Усиление националистических тенденций во второй половине рассматриваемого исторического периода происходит и в других сферах жизни. В том числе на рубеже XIX и XX вв. влияние Запада стало тревожить и ревнителей чистоты японской культуры [4].

Восприятие культуры более передовых по сравнению с Японией капиталистических стран Запада, несомненно, способствовало прогрессу японской культуры. Но в то же время стремление к усвоению новых знаний и обычаев приводило подчас к полному отрицанию ценности культурного наследия прошлого. Были отдельные случаи разрушения исторических памятников, сожжения древних храмов, уничтожения произведений искусства. В 1868 г. был разрушен ценный памятник национальной архитектуры – пятиярусная пагода храма Кофукудзи в городе Нара. С середины 70-х гг. отношение японской общественности к европеизации начало меняться. Национальным традиция стали уделять больше внимания, а исторические памятники были взяты под охрану [19, с. 505].

Если в первое десятилетие после революции Мэйдзи население Японии с неразборчивым энтузиазмом стремилось к перестройке своей страны по западному образцу, то уже в 80-е гг. прежнее наивное восхищение Западом исчезло. Проводимая правительством европеизация стала встречать противодействие со стороны населения. Западные идеи и институты грозили предать забвению японские национальные ценности и традиции. Эта первая волна мэйдзийского национализма по характеру близка к национализму угнетенной нации и обладает определенным общедемократическим содержанием.

Первая волна национализма 80-х гг. была связана с межгосударственными отношениями и не была всеохватывающей и безусловно реакционной. Национализм этого периода имел широкий диапазон: от неосознанной ксенофобии до требования наращивания военной силы и внешней экспансии. Всех националистов объединяли идея государственности Японии и чувство национальной гордости. Но путь достижения этих устремлений не был избран однозначно.

Одни призывали покончить с безудержной вестернизацией и обратиться к поиску собственных национальных ценностей и традиций. Другие были сторонниками осмысленной европеизации. Они считали, что Япония должна отбирать лучшее и из восточной, и из западной культуры [7, с. 204]. Умеренные националисты пытались примирить национализм с конституционализмом и интернационализмом.

Стремление сохранить самобытность, было связано с борьбой за национальную независимость, оно вызывало повышенный интерес к прошлому народа и его культуре, способствовало усилению чувства национальной гордости и патриотизма. Но, доведенное до крайности, это стремление превращалось в тормоз прогресса и смыкалось с правым национализмом и шовинизмом. Широкое заимствование культуры капиталистических стран Запада явилось одной из причин быстрого развития всех областей культуры Японии, но чрезмерное заимствование в условиях зависимости от крупных держав означало отказ от национальных традиций и полное подчинение иностранному влиянию [19, с. 507].

Полемическое взаимодействие рассмотренных двух тенденций отразилось на многих областях культуры, в том числе литературе, изобразительном искусстве, театре.

С традиционалистскими настроениями было связано новое возрождение интереса к японской классической литературе, хотя в это время японские писатели под западным влиянием уже начали создавать новую литературу [7, с. 205–206]. Русский исследователь XIX в. Ф. П. Купчинский в своей книге «Новая Япония» пишет: «Современные японские писатели сильно стали подражать европейским... Если вы спросите теперь японца, какие лучшие из писателей его страны, он назовет вам имена: Фукудзава, Като, Хираюки, Писибу, Шимида и других, но это не настоящие японские писатели, а европеизированные: какой-нибудь Шимида в действительности иностранец Шмидт, пишущий для японцев в японско-европейском новом духе. Против всего этого сильно протестуют уже давно бесчисленные, но слабые партии японских националистов» [13, с. 141].

Так, заметное место в мэйдзийской литературе 80-х гг. занимало творчество писателей группы «Кэнъюся», опиравшейся на традиционализм. В «Кэнъюся» входили такие известные писатели, как Одзаки Кое, Ямада Биме и Кода Рохан [19, с. 515].

Ф. П. Купчинский также отмечает покровительство традиционной литературы со стороны государства: «Император Японии является большим ревнителем национализма и ревностно борется против подражаний и за поощрение родной поэзии и родного искусства» [13, с. 147].

Размежевание приверженцев различных тенденций организационно оформлялось созданием обществ и выпуском журналов, отвечающих их идеологической ориентации. Умеренные националисты группировались вокруг Общества

друзей народа («Минъюся»), основанного Токутоми Сохо в 1887 г. и его печатного органа – журнала «Кокумин-но томо». Их основными оппонентами выступали правые националисты Общества политического просвещения («Сэйкеся»), созданного в 1888 г. группой молодых писателей и критиков, начавших выпускать журнал «Нихондзин».

Члены Общества политического просвещения выступали против каких бы то ни было заимствований из Европы и призывали к «сохранению национальной сущности» («кокусуй ходзон»). Их позиция была изложена в книге «Истинность, добро и красота японцев», которую написал активный деятель движения Миякэ Сэцурэй (1860–1945). Он считал, что основой конкурентоспособности соперничающих наций должны быть особые качества, отличающие их от других.

С середины 90-х гг. Японию охватила вторая волна мэйдзийского национализма, который в это время носил совершенно другой, ярко выраженный агрессивный характер. Вопросы европеизации культуры отошли на задний план. Пропаганда расизма и паназиатизма стала главной темой японской буржуазной прессы на рубеже XIX и XX вв. Большинство ее органов полностью поддерживали основной курс агрессивной политики правительства.

Новый, агрессивный политический курс правящих кругов требовал духовной консолидации нации, мощным средством достижения которой были мобилизация традиционной национальной культуры и активное распространение идеологии национализма. В связи с этим стали изучаться и браться под охрану материальные и нематериальные культурные ценности. Так, в 1898 г. была создана Академия японского изобразительного искусства («Нихон бидзюцу ин»), где развивались преимущественно национальные искусства. В 1893 г. было введено в практику исполнение по торжественным случаям монархического гимна «Кими га е», созданного на основе старинной церемониальной музыки гагаку. Стали обретать былую популярность традиционные виды бытовой культуры (чайная церемония, икебана) [7, с. 206–208].

С изменением идеологического климата в стране стало весьма актуальным и внимание к японскому национальному театру с его многовековыми традициями.

По инициативе политического деятеля Ивакуры Томоми, поддержанной небольшим числом крупных сановников, в 1881 г. было создано Общество театра Ноо («Ноогакуся»), которое выступило в качестве группового мецената. Его деятельность стала началом возрождения театра ноо. В 1896 г. с усилением националистических и милитаристских настроений, связанных с победой в японо-китайской войне, положение театра Ноо еще более укрепилось.

Оживление деятельности театра Ноо в столице сопровождалось его распространением по всей стране. Но искусство этого театра не стало массовым и самоокупающемся. Оно неизменно нуждалось в покровительстве. Театр воинского сословия приобрел статус официального общенационального театрального искусства [5, с. 229].

Со сменой политического курса мэйдзинское правительство в поисках национальных культурных ценностей включило жанры кабуки и бунраку в общенациональный комплекс традиционной культуры, однако этот процесс сопровождался стремлением приблизить их к унифицированным этическим и эстетическим нормам, привычным для самурайства. В пьесах обязательного требовалась демонстрация почитания императорского дома, необходимо было также поощрение добродетели и наказания порока [7, с. 78].

После начала Японо-китайской войны, в обстановке нагнетания шовинистического угара, власти пытались использовать новые исторические пьесы кабуки для распространения националистических и милитаристских идей, у них ничего не вышло, так как умеренный успех этих постановок у зрителей делал их пропагандистский эффект ничтожным. Нужны были новые, более динамичные театральные средства, и они появились, правда в лагере антиправительственной оппозиции [5, с. 334].

Новыми жанрами в японском театроведении принято называть театральные жанры, возникшие в Японии после революции Мэйдзи. К ним относятся: симпа и сингэки – современная драма европейского типа, развившаяся под непосредственным влиянием европейского театра.

Каваками Отодзиро (1864–1911) организовал труппу, которая стала специализироваться на представлениях, отражавших политические события. Каваками Отодзиро писал множество «политических пьес» («соси-гэки»), в которых сам играл главные роли. Кроме того, он ставил мелодрамы из жизни мелкобуржуазных слоев, которые дали жизнь новому жанру в японском театре, получившему название «новая школа» («симпа») [6, с. 160].

Каваками стал широко известен как политический бунтарь. Выступления против властей неоднократно завершались его арестом и тюремным заключением. Однако он не остался в стороне от распространившихся националистических настроений. Вторая волна мэйдзинского национализма захлестнула и его. После возвращения с фронта Японо-китайской войны он написал патриотическую пьесу «Величественная победоносная Японо-китайская война». Спектакль шел в реалистических декорациях, изображавших фронтовую обстановку, со световыми и шумовыми эффектами. Он был воспринят как документальное произведение и пользовался необычайным успехом [7, с. 235].

Далее Каваками продолжил обращение к военной тематике, поставив пьесу-репортаж «Военный дневник Каваками Отодзиро». Л. Д. Гришелева пишет, что «в художественном отношении это был явно шаг назад по сравнению с предыдущими спектаклями. Но оперативность, документальная достоверность постановки, а также атмосфера, царившая в стране, способствовали их горячему приему» [6, с. 161].

Независимо от того, в какой области культуры по преимуществу развивались этноцентристские и националистические идеи – в религии, литературе, политологии, – во всех случаях на передний план выдвигалась идея целостности

японского общества, которому присуща одна схема поведения, единое мировоззрение [4, с. 5].

После революции Мэйдзи разнообразные искусства и виды культуры слились в единый общенациональный комплекс, который стал средством консолидации японской нации и размежевания ее с другими. Именно через нее стала проявляться социально-психологическая оппозиция «мы» и «они».

Комплекс традиционной японской культуры, формирование которого практически завершилось во второй половине XIX в. – своеобразный духовный арсенал нации, и он мог быть использован как для обороны, так и для наступления. Оборонительная роль японской традиционной культуры была исчерпана, как только миновала угроза колониального закабаления страны [7, с. 211]. Когда же Япония встала на путь империалистической агрессии, традиционная культура выступила в своей второй роли и наряду с синтоизмом и бусидо стала ее идеологической основой.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Бенедикт Р. Хризантема и меч : Модели японской культуры / пер. с англ. – М. : РОССПЭН, 2004.
2. БСЭ / гл. ред. А. М. Прохоров. – Т. 17 : Моршин – Никиш. – М. : Сов. энциклопедия, 1974.
3. Гаджиева Е. А. Страна Восходящего Солнца : История и культура Японии. – Ростов-на-Дону : Феникс, 2006.
4. Горегляд В. Н. Некоторые тенденции развития японской культуры // Япония : идеология, культура, литература. – М. : Наука, 1989. – С. 4–9.
5. Григорьева Т. П. Японская художественная традиция / Гришелева Т. П. – М. : Наука, 1979.
6. Гришелева Л. Д. Театр современной Японии / Л. Д. Гришелева. – М. : Искусство, 1977.
7. Гришелева Л. Д. Формирование японской национальной культуры : конец XVI – начало XX века / Л. Д. Гришелева. – М: Наука, 1986.
8. Гришелева Л. Д. Эволюция концепции японского национализма и традиционная культура // Дух Ямато» в прошлом и настоящем. -– М. : Наука, 1989. – С. 118–136.
9. Долин А. А. Культ самурайских воинских искусств в современной Японии // Дух Ямато» в прошлом и настоящем. – М. : Наука, 1989. – С. 158–167.
10. Конрад Н. И. Избранные труды : Литература и театр / Конрад Н. И. ; сост. А. И. Владимирская, отв. ред. М. Б. Храпченко. – М. : Наука, 1978. – С. 258.
11. Конрад Н. И. Японская литература : от «Кодзики» до Токутоми. – М. : Наука, 1974. – С. 386–387.
12. Кузнецов Ю. Д. История Японии / Ю. Д. Кузнецов, Г. Б. Навлицкая, И. М. Сырицын. – М. : Высшая школа, 1988.
13. Купчинский Ф. П. Новая Япония / Ф. П. Купчинский. – СПб. : Посев, 1911.
14. Милехина Е. История государства и права зарубежных стран. – М. : Наука, 1886.
15. Михайлова Ю. Д. Общественно-политическая мысль Японии (60–80-е годы XIX в.). – М. : Наука; гл. ред. вост. лит., 1991.
16. Нагата Хироси. История японского материализма / Х. Нагата; пер. с япон. Л. Ш. Шахназаровой. – М. : Мысль, 1990. – С. 131.

17. Нанивская В. Т. Психологические механизмы формирования националистического самосознания // Дух Ямато» в прошлом и настоящем. – М. : Наука, 1989. – С. 90–93.

18. Нанивская В. Т. Система «Морального воспитания» в японской школе// Япония : идеология, культура, литература. – М. : Наука, 1989. – С. 69–75.

19. Очерки новой истории Японии (1640–1917) / отв. ред. А. Л. Гальперин – М. : Изд-во вост. лит, 1958.

20. Поспелов Б. В. Современный этап эволюции буржуазного национализма в Японии // «Дух Ямато» в прошлом и настоящем. – М. : Наука, 1989. – С. 7–26.

21. Просвещение и подготовка национальных кадров в странах Востока. – М. : Наука, 1971.

22. Саваянаги М. Современная система образования // Японцы о Японии : сб. ст. первоклассных японских авторитетов. – СПб., 1887. – С. 210–247.

23. Скворцова Е. Л. Изучение эстетики в Японии (история и современное состояние научно-эстетических исследований) // Япония : идеология, культура, литература. – М. : Наука, 1989. – С. 24–31.

24. Хаяма У. Япония. – М. : Гос. соц.-эконом. изд., 1938. – С. 54.

25. Япония и ее обитатели / ред. П. Ю. Шмидт. – СПб. : Вестник и библиотека самообразования, 1904.

26. Японцы о Японии : сб. ст. первоклассных японских авторитетов. – СПб., 1887.

СОДЕРЖАНИЕ

Дружинина Г. А., Выбрик И. Г.
Диалогические универсалии гармонизации межэтнических отношений 3

Ганкевич В. Ю., Морозов В. Н.
Политика ценообразования в Бахчисарае городского головы Исмаила Гаспринского 10

Конкин Д. В.
Законодательная инициатива чиновников как фактор в решении межконфессиональных противоречий: на примере законотворчества М. С. Воронцова в отношении вакуфов в Крыму 18

Храпунов Н. И.
Крым в 1792 году в описании Иоганна-Кристиана фон Струве 34

Араджиони М. А.
Вопросы переселения и обустройства армян, болгар и греков в Старом Крыму и Карасубазаре в конце XVIII – первой трети XIX века. 51

Хутько Т. В.
Местное самоуправление армяно-католической общины Карасубазара в конце XVIII – середине XIX века. 62

Терещук Н. М.
Православные священники епархиального ведомства в период обороны Севастополя (1854–1855 гг.) 73

Макаров Р. В.
Этнорелигиозный фактор в мусульманском дипломатическом конфликте (1918–1926 гг.). 79

Прохоров Д. А.
Сохранение, изучение и популяризация историко-культурного наследия крымских караимов на современном этапе 100

Прохорова А. В.
Фонд «Евпаторийская караимская синагога (кенаса)» в Государственном архиве в Автономной Республике Крым – малоизвестный источник по истории благотворительности крымских караимов 117

Али Мохамад Таха
Формирование этнической и религиозной толерантности в условиях поликультурного Крыма 122

Швец А. Б., Вольхин Д. А.
Информационный имидж Крыма в социокультурных контактах Украины и Российской Федерации 135

Тур В. Г.
Международное право и проблемы идентификации коренных народов Крыма 146

Шевчук А. Г.
К вопросу о характере некоторых причин, приведших к исчезновению части населенных пунктов Крыма в период 1941–1989 годов. 153

Шевчук А. Г.
Трансформации административно-территориального устройства Крыма во второй половине XX – начале XXI века 178

Хайруддинов М. А.
Здоровый образ жизни как основа воспитания толерантной личности этнопедагогическими средствами 188

Королевски Я.
Общественно-религиозная активизация исламских групп ФРГ на примере локального конфликта вокруг строительства Центральной мечети мусульман в Кельне-Эренфельд (2004–2009 гг.) 199

Шевелев С. С., Недашковская К. А.
Межэтнические отношения в Сингапуре на фоне социально-экономического благополучия 206

Шевелев С. С., Брель Т. В.
Возникновение и трансформация национализма в эпоху Мейдзи 221

ЗМІСТ

Дружініна Г. О., Вибрік І. Г.
Діалогічні універсалії гармонізації міжетнічних відносин 3

Ганкевіч В. Ю., Морозов В. М.
Політика ціноутворення в Бахчисараї міського голови
Ісмаїла Гаспринського 10

Конкін Д. В.
Законодавча ініціатива урядовців як чинник в рішенні міжконфесійних
суперечностей: на прикладі законотворчості М. С. Воронцова
відносно вакуфов у Криму 18

Храпунов Н. І.
Крим в 1792 році в описах Иогана-Крістіана фон Струве 34

Араджионі М. А.
Питання переселення і облаштування вірмен, болгар і греків в Старому Криму та
Карасубазарі в кінці XVIII – першої третині XIX століття 51

Хутько Т. В.
Місцеве самоврядування вірмено-католицької громади Карасубазара
в кінці XVIII – середині XIX століття 62

Терещук Н. М.
Православні священики єпархіального відомства в період
оборони Севастополя (1854–1855 рр.) 73

Макаров Р. В.
Етнорелігиозний чинник в мусульманському дипломатичному конфлікті
(1918–1926 рр.) 79

Прохоров Д. А.
Збереження, вивчення і популяризація історико-культурної спадщини
кримських караїмів на сучасному етапі 100

Прохорова А. В.
Фонд «Евпаторійская караїмська синагога (кенаса)» в Державному архіві
в Автономної Республіці Крим – маловідоме джерело з історії добродійності
кримських караїмів 117

Алі Мохамад Таха
Формування етнічної і релігійної толерантності
в умовах полікультурного Криму 122

Швець О. Б., Вольхін Д. А.
Інформаційний імідж Криму в соціокультурних контактах України
і Російської Федерації. 135

Тур В. Г.
Міжнародне право і проблеми ідентифікації корінних народів Криму 146

Шевчук О. Г.
До питання про характер деяких причин, що привели до зникнення частини
населених пунктів Криму в період 1941–1989 років. 153

Шевчук О. Г.
Трансформації адміністративно-територіального пристрою Криму
в другій половині XX – початку XXI століття. 178

Хайруддінов М. А.
Здоровий спосіб життя як основа виховання толерантної особи
етнопедагогічними засобами 188

Королєвські Я.
Суспільно-релігійна активізація ісламських груп ФРН на прикладі
локального конфлікту навкруги будівництва Центральної мечеті мусульман
в Кельні-Еренфельд (2004–2009 рр.) 199

Шевелев С. С., Недашковская К. О.
Міжетнічні відносини в Сінгапурі на фоні
соціально-економічного благополуччя 206

Шевельов С. С., Брель Т. В.
Виникнення і трансформація націоналізму в епоху Мейдзі. 221

CONTENT

G. A. Druzhinina, I. G. Vybrik
Dialogic Universals of Harmonization of Inter-ethnic Relations 3

V. Y. Gankevich, V. N. Morozov
The Policy of Price Formation in Bakhchisarai of the Mayor Ismail Gasprinsky. . . . 10

D. V. Konkin
The Legislative Initiative of the Officials as a Factor in the Resolution of Interconfessional Disagreement: Based on the Case of M.S.Vorontsov Making Laws Regarding Waqf in the Crimea 18

N. I. Khrapunov
The Crimea in 1792 Through the Description of Johann Christian von Struve 34

M. A. Aradzhioni
Questions of Relocation and Resettlement of the Armenians, Bulgarians and Greeks in Stary Krym and Karasubazar at the End of XVIII – the First Half of XIX century 51

T. V. Hutko
Local Government of the Armenian-Catholic Community in Karasubazar at the End of XVIII – Mid XIX century 62

N. M. Tereshchuk
Orthodox Priests of Eparchial Offices During the Defense of Sebastopol (1854–1855) 73

R. V. Makarov
Ethno-religious Factor in the Muslim Diplomatic Conflict (1918–1926) 79

D. A. Prokhorov
Preservation, Study and Promotion of the Historical and Cultural Heritage of the Crimean Karaites at the Present Stage 100

A. V. Prokhorova
«Evpatoriya Karaite Synagogue (kenasa)» Foundation in the State Archives of the Autonomous Republic of Crimea – an Unrenowned Source on the History of Charity Activities of the Crimean Karaites 117

Ali Mohamad Taha
Formation of Ethnic and Religious Tolerance in the Conditions of Multicultural Crimea 122

A. B. Shvets, D. A. Volkhin
Informational Image of the Crimea in the Socio-cultural Contacts between Ukraine and the Russian Federation 135

V. G. Tur
International Law and the Problem of Identification of Indigenous Peoples of the Crimea 146

A. G. Shevchuk
On the Nature of the Reasons that Resulted in the Elimination of a Number of Settlements of the Crimea in the Period of 1941 – 1989 153

A. G. Shevchuk
Transformation of the Administrative-territorial Structure of the Crimea in the Second Half of XX – the Beginning of XXI century. 178

Hayruddinov M. A.
Healthy Lifestyle as a Basis for the Development of a Tolerant Personality by Means of Ethnic Pedagogy 188

J. Korolevsky
Social and Religious Revitalization of Islamic Groups in the German Example of a Local Conflict over the Construction of the Central Mosque of Muslims in Cologne-Ehrenfeld (2004–2009) 199

S. S. Shevelev, K. A. Nedashkovskaya
Inter-ethnic Relations in Singapore against the Background of Social and Economic Well-being 206

S. S. Shevelev, T. V. Brel
The Emergence and Transformation of Nationalism in the Meiji Era 221

Кримське відділення Інституту сходознавства ім. А. Ю. Кримського Національної академії наук України

Наукове видання
Серія «Міжкультурний діалог: історія і сучасність». Вип. 2
Етнокультурні і міжконфесійні відносини в Криму
Збірка наукових праць
(російською мовою)

Научное издание
Серия «Межкультурный диалог: история и современность». Вип. 2
Этнокультурные и межконфессиональные отношения в Крыму
Сборник научных трудов
(на русском языке)

Research publication
Serial Publication "Intercultural dialogue: Past and Present". Issue 2
Ethnocultural and Interconfessional Relations in the Crimea
Collection of scientific works
(Russian)

Видання збірки здійснене за сприяння та фінансової допомоги ВВОО «Альраід»

Редактор-укладач *В. Г. Тур*
Коректор *Т. М. Юкало*
Верстка *Т. Ю. Шкуренко*
Технич. редактор *О. В. Мажарова*
Худ. редактор *О. В. Мажарова*

Підписано до друку 5.12.2012.
Формат 70x100 1/16. Папір офсетний. Друк офсетний. Гарнітура Arial Narrow.
Ум. друк. арк. 19,33
Наклад 300 прим.

Видавництво «Антіква»
95000, м. Сімферополь, пер. Героєв Аджимушкая, 6, оф. 3
Свідоцтво про внесення до Державного реєстру
суб'єкта видавничої справи ДК № 2485 від 05.05.2006

Видруковано у СПД ФЛ Артуганов Д. С.,
99040, м. Севастополь, вул. Маршала Геловані, 14, (050) 66-888-29